C 1042 93

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

3 ТМО Т. 250000 З. 1798—91

88.4
Р 82

Н. А. РУБАКИН

Директор Международного Института библиологической психологии (Лозанна). — Член-сотрудник Института Ж. Ж. Руссо (Женева). — Почетный член Международного библиографического института (Брюссель). Почетный член Русского библиографического общества при Московском университете. — Почетный член Русского библиологического общества (Ленинград). — Почетный член Ассоциации библиотекарей Чехо-Словакии.

ПСИХОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЯ И КНИГИ

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В БИБЛИОЛОГИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

1042993

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Гатчинская-26

БЕЛГОРОДСКАЯ
областная универ[illegible]
библиотека

С, 9. Гиз № 25697/л.
Ленинградский Областлит № 13547.
$18^1/_2$ л. Тираж 2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Новая книга Н. А. Рубакина несомненно привлечет внимание широких библиотечных кругов и работников книжного дела. Правда, этот труд — опять не библио-психология в целом, а только «краткое введение в библио-психологию», но содержание и объем книги говорят о гораздо большем, чем «введение». Здесь автор очень подробно излагает основные принципы и сущность библио-психологии, развивая мысли, уже известные по его брошюре «Что такое библиологическая психология» и по статье, помещенной в сборнике «Читатель и книга», и знакомя с материалами по изучению читателя, накопленными за последнее время в Лозаннском институте библио-психологии, директором которого состоит автор.

Этот новый накопленный материал, новые опыты, произведенные в институте, уже сделали, по словам автора, устаревшим его труд «Introduction à la psychologie bibliologique». А так как, пишет автор, «русским читателям библио-психология известна только по названным выше брошюре и статье да по нескольким десяткам критических статей разных авторов, подчас вкривь и вкось перетолковывающих и искажающих основные идеи библио-психологии на основании той же брошюры и статьи», — то необходимость в более обстоятельном, обновленном новыми фактами труде по библио-психологии становится само собой очевидной.

Однако, знакомясь подробно с новой работой Н. А. Рубакина, мы и здесь не находим ничего существенно нового ни с принципиальной, ни с методологической точек зрения. В своем мировоззрении автор остается прежним эклектиком, не изменил он своих взглядов и на взаимодействие между книгой и читателем. Нет здесь также и той четкости в формулировках и основных положениях, которая делает убедительной и приемлемой ту или иную теорию. Наконец, методы изучения читателя настолько сложны и далеки от реальных возможностей нашей рабочей библиотечной обстановки, что едва ли можно серьезно говорить о применении их в советских библиотеках, рассчитанных на массового читателя.

Об этом приходится только сожалеть. Ведь автором в течение многих лет производилась и не прекращается действительно огромная работа по изучению книги и читателя, а настоящий труд попрежнему говорит о неизменном и упорном устремлении автора к разрешению этой проблемы. Н. А. Рубакин прав, когда

говорит, что наука библио-психология зародилась в вихре русской жизни, в водовороте революционной борьбы, но, оторванный от советской действительности, он не мог полностью проникнуться духом и направлением нашей научно-исследовательской мысли в области общественных знаний и поэтому, при всем кажущемся приближении его к марксистской методологии, он остается чуждым ей.

В своем труде автор неоднократно указывает, что вся его теория зиждется на строго материалистической основе. В одном месте он называет библио-психологию одним из отделов естествознания. Только естествознание, математика и статистика — суть точные науки и таковой должна быть и будет библио-психология.

В правильности такого утверждения приходится, однако, усомниться с первых же страниц книги. Оказывается, что библио-психология как точная наука является лишь проблемой далекого будущего, так как тот основной материал, на котором она должна строиться, еще далек от совершенства; что главнейший стержень новой науки — читатель — величина, совершенно не исследованная, да и едва ли может быть изучена полностью, так как каждый индивид имеет свою мнему, одному ему присущую, такую же, ни в каком другом индивиде не повторяющуюся, имеет мнему и каждый исследователь читателя; чтобы исследовать последнего, необходимо выяснить личное уравнение первого (см. стр. 113). Каждый автор также имеет свою мнему, таким образом, между ним и миллионами читателей с другими мнемами — пропасть. Содержание книги перестает быть реальным, его создают сами читатели. Вот как формулирует Н. А. Рубакин основной вопрос своей теории — о функциональной зависимости между читателем и книгой:

«Существующие уже в течение целых тысяч лет взгляды на книгу и на якобы присущее ей «содержание» нуждаются в коренном пересмотре, потому что есть содержание и содержание... В этой книге показано, что вложенное содержание не только не доходит фактически, но и не может никогда доходить, в силу биологических и психологических препятствий, которых не способны преодолеть и факторы социальные. В книге изучается не процесс вкладывания того или иного содержания, а процесс его получения, — иначе сказать: изучается не процесс творчества авторского и ораторского, а процесс творчества читателя и слушателя, которые сами творят содержание чужой речи, печатной, рукописной и устной» (стр. 16 предисловия, курсив везде наш).

«Чужие слова, нами слышимые или читаемые, нам известны не иначе, как в качестве не чужих, а только наших собственных субъективных переживаний, ими возбужденных».

Опираясь на «закон» Потебни-Гумбольдта (см. главу III), Рубакин пишет: «Потебня смело утверждает, что содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимо известная величина; думать при слове именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этим другим» (стр. 88).

Или вот положение Н. А. Рубакина о значении «проекции» в библио-психологии:

«Подобно тому как изображение, отбрасываемое из проекционного прибора (волшебного фонаря) на белый экран, покрывает его фигурами и красками, каких на самом экране нет, так и построенная нами проекция покрывает собою реальность, мешая видеть ее. И мы реальности действительно не видим, принимая нашу проекцию за таковую. Для нас эта наша проекция есть реальность. Но эта реальность внутреннего, а не внешнего мира, мы же приурочиваем ее к этому последнему и то, что кажется, принимаем за то, что есть... (стр. 79). Всякая проекция строится каждым из нас из элементов нашей мнемы (стр. 81). Мы знаем не книги, и не чужие речи, и не их содержания, мы знаем наши собственные проекции... Сколько у книги читателей, столько у нее и содержаний» (стр. 83).

Все эти положения — и то, что «проекция прикрывает собою реальность внутреннего, а не внешнего мира» — могут внести огромную путаницу в голову читателей. А такое утверждение — как «сколько у книги читателей, столько у нее и содержаний», не есть ли подлинное отрицание у книги всякого содержания? Не ведет ли оно к субъективизму, не допускающему реального существования вещей? И боясь обвинения в субъективизме и идеализме, автор вносит поправки, допускающие, по его мнению, возможность познания реальности, в том числе и содержания книги. И эту возможность должна создать библио-психология — одна из четырех точных наук. Но ведь и библио-психология строится на том же зыбком фундаменте, — может ли поэтому она приблизить нас к познанию реальности, существующего?

В дальнейшем мы еще остановимся на аналогичных мыслях автора, полагая, что приведенных вполне достаточно для характеристики субъективизма автора библио-психологии. Даже в последней, VIII, главе «От объективного обследования читателя в данный момент к объективному исследованию книги» — основная мысль автора сводится к тому, что им ярко формулировано на 91 стр.: примат содержания в нашей теории книги должен уступить место примату читателя, примат вещи — примату той психики, которую так или иначе возбуждают данные письмена» — и что целиком взято из брошюры «Что такое библиологическая психология».

Таким образом содержание книги — непознаваемо, оно кантовская «вещь в себе».

Исчерпывающую критику этой кантовской «вещи в себе» дал, как известно, Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм». Блестящая критика Беркли, Маха, Авенариуса, Канта, Юма (на них, за исключением Беркли, нет-нет и опирается Н. А. Рубакин) в значительной степени может быть направлена против идеалистических взглядов автора библио-психологии. Но если Беркли, утверждавший, что для него «совершенно не понятно, как можно говорить об абсолютном существовании вещей

без их отношения к тому, что их кто-либо воспринимает? Существовать — значит быть воспринимаемым», — был последователен до конца в своем идеализме, то нельзя сказать этого про Н. А. Рубакина, впадающего в эклектизм там, где он хочет быть материалистом.

Рубакин не отрицает опыта, ощущений, восприятий, о них он много говорит на страницах своего труда. Но когда он говорит, что книга не сосуд с определенным содержанием, а что содержание, вложенное в устную или письменную речь ее авторами, получается извне, словно из какого-то чудесного сосуда, каждый раз более или менее различное (курсив автора — А. Плот. то это совсем не то, что говорит Ленин, критикуя сторонников Канта и Юма: «Все здания из опыта, из ощущений, из восприятий. Это так. Но спрашивается, «принадлежит ли к восприятию», т. е. является ли источником восприятия объективная реальность. Если да, то вы — материалист. Если нет, то вы непоследовательны и неминуемо пойдете к субъективизму, к агностицизму, — все равно, будете ли вы отрицать признаваемость вещи в себе, объективность времени, пространства, причинности (по Канту) или не допускать и мысли о вещи в себе (по Юму)».

Н. А. Рубакин — не марксист. Его мировоззрению чуждо учение Маркса о производительных силах, о производственных отношениях, о классовой борьбе, о надстройках. Если бы он хотя отчасти проникся значением роли экономических факторов, классовых отношений и классовой борьбы в человеческом обществе, он совершенно по-иному построил бы свою методику изучения читателя. О роли социальных факторов, правда, он упоминает очень часто, но практически при применении его методов, исходящих от индивидуума — читателя, — коллективный читатель, класс, та или иная социальная группа уходят на задний план. Внимательный читатель легко убедится в этом на протяжении всей книги.

На стр. 98 Н. А. Рубакин перечисляет 12 разновидностей социальной мнемы, отмечая, что все личности и социальные коллективы могут быть классифицируемы по преобладанию энграмм одного или нескольких из этих типов (курсив наш). Здесь мы находим разновидности; семейную, местную, национальную (этнографическую), государственную, международную, профессиональную классовую, образовательную (энграммы школьного и книжного происхождения), конфессиональную (церковно-религиозную), злободневную, историческую, космическую. Бросается в глаза неравноценность, неодинаковость по объему и содержанию перечисленных разновидностей. Решающая — классовая — стоит на 7-м месте, рядом с конфессиональной, образовательной, злободневной.

Вместо того чтобы проанализировать сущность современной культуры на основе анализа развития производительных сил и характеристики производственных, классовых отношений и сде-

лать отсюда соответствующие выводы о том же читателе, Н. А. Рубакин пишет следующие, чрезвычайно характерные для его мировоззрения слова: «Так как процесс создания, циркуляции и утилизации библио-психологических ценностей является одним из основных трудовых процессов, на каких держится современная, в сущности, вербальная цивилизация и культура человечества, то от рациональной постановки изучения и использования этого процесса зависит и усовершенствование культуры и цивилизации: общение людей в виде взаимного непонимания должно быть в нем заменено общением с максимальным обоюдным пониманием»... (стр. 41).

Таков ли марксистский, ленинский подход к разрешению вопроса об «общении с максимальным обоюдным пониманием» — пусть судит сам читатель.

Социально-философское обоснование своей теории Н. А. Рубакин строит, между прочим, на законе И. Тэна, формулируя его так:

«Энграммы, непрерывно притекающие в мнему и обусловливающие собою качественную и количественную сторону экфорий, всегда находятся в функциональной зависимости, во 1-х, с расой, во 2-х, с окружающей средой и, в 3-х, с моментом» (стр. 92).

Мы не являемся сторонниками И. Тэна. В своей теории Тэн ничего не говорит о влиянии на развитие литературы классового фактора. Для нас «раса» совсем не имеет того значения, какое ей придает Тэн. И все же мы должны сказать, что, включая в число влияющих факторов «среду», Тэн тем самым придавал ей громадное значение. Если бы Н. А. Рубакин строго следовал «закону» Тэна, он должен был бы начать с изучения определенных общественных условий и на основе их строить изучение читателя. Он этого не делает даже в IV главе, посвященной закону Тэна.

Какие же объем и содержание включает Н. А. Рубакин в понятие библио-психологии?

К определению этого понятия он возвращается не раз. Но особенное внимание этому вопросу уделено в I главе — «Что такое библиологическая психология». На стр. 25 мы читаем следующее:

«Определение этого термина зависит от того, что мы будем понимать под книгой. Мы будем подразумевать под этим термином всякое произведение слова, — будь это слово печатное, рукописное или устное». Поэтому объектом библио-психологии является речь печатная рукописная и устная».

«Задачей библио-психологии является изучение всех процессов жизни и мысли постольку, поскольку от них зависит действие слова как одного из видов поведения».

«В практическом смысле библио-психология есть интеллектуальный тэйлоризм. Она представляет собою научную организацию всех отраслей труда в области книжного дела... Ее цель — развитие самостоятельного мышления, чувство-

вания и воления (курсив наш). Идеалам стада и человека из стада она противопоставляет идеал борца, не за страх, а за совесть преданного творческой социальной работе... К практическим же делам библио-психологии относятся и борьба с вербализмом, клеветою и ложью всех видов и разновидностей» (стр. 45).

Этот исключительный универсализм библио-психологии, на который не раз уже указывали наши критики, является одной из слабых сторон ее. Тщетно Н. А. Рубакин пытается связать в единое, логическое цельное ряд самостоятельных дисциплин, гуманитарных, естественно-научных и прикладных, сводя все к всеохватывающей науке, имя которой библио-психология. Читатель буквально может растеряться в том громадном количестве самого разнообразного материала из психологии, рефлексологии, физиологии, истории и пр. и пр., который, по мнению автора, является необходимой составной частью библио-психологии, пока, наконец, он, растерянный, подавленный многообразием этого материала, не подойдет к последним главам, где автор старается разрешить действительно нужную для практика-работника задачу по изучению читателя.

Трудность понимания основных принципов библио-психологии усугубляется еще тем, что Н. А. Рубакин, широко используя примеры и факты из истории книжного дела, не дает им необходимых объяснений. В отдельных случаях он сводит все к «библиологическим парадоксам». Вот некоторые из этих парадоксов (см. стр. 44): 1 — гуманист и моралист Марк Аврелий делается гонителем христиан; 2 — книга «мира и любви» — евангелие — ведет к инквизиции; 3 — партийная литература, создаваемая и распространяемая в целях пропаганды партийного миросозерцания, начинает действовать как раз против него; 4 — книги, по нашему мнению, «хорошие» гниют на полках, а сыщицкие и др. дрянные книжки читаются нарасхват, и т. д. «Но самым крупным, самым печальным парадоксом является тот, что слово и книга, вместо того, чтобы быть орудием борьбы за истину и справедливость, действуют во всех странах и во все времена как орудия лжи, мракобесия, насилия, тупоумия, подлости и корысти, помогают не свободе, а деспотизму, эксплоатации, унижению, обеднению и затемнению трудящихся масс». Последний парадокс, сваливая своей категоричностью в одну кучу все книги, тем самым теряет всякую ценность, и на нем не стоит останавливаться. А все остальные примеры разве парадоксальны и не легко объяснимы с точки зрения исторического материализма? Рубакин объяснения им не дает.

Библио-психологию автор строит на законах Р. Семона (учение о мнеме), Гумбольдта-Потебни (кратко формулирован Рубакиным так: «Слова, фраза, книга — суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме») — и законе И. Тэна. О последнем мы уже говорили, первых двух коснемся дальше.

Излагая эти законы, Н. А. Рубакин остается верен себе, своему субъективизму в объяснении фактов и явлений жизни в целом и книжного дела в частности. Он расширяет содержание формулировок названных ученых, вводя в него тот чисто психологический элемент, который ему необходим для подкрепления своей теории о читателе и его психических переживаниях.

Наконец, Н. А. Рубакин использует учение академиков Павлова и Бехтерева о рефлексах, приводя к одному знаменателю теории этих двух ученых, имеющих каждый свою школу и разные объекты своих исследований.

Методы библио-психологического исследования книжного дела изложены автором в главах V, VII, VIII.

Практика-библиотекаря эти главы должны заинтересовать в первую очередь. Но в начале же V главы (стр. 112) он будет поставлен в затруднение первым принципом объективного исследования, гласящим: «прежде чем исследовать какой-либо объект книжного дела, необходимо исследовать самого исследователя. Да каков же он сам? Какого он социального типа и какого типа психического? Аналитик или синтетик? Теоретик или практик? Словом, надо прежде всего выяснить личное уравнение исследователя, а если исследователей несколько, то выяснить личное уравнение всех этих исследователей с поправкой на каждого из них по принципу, предложенному астрономом Бесселем.

Этому уравнению Н. А. Рубакин придает настолько большое значение, что считает необходимым познакомить читателя и со своим личным уравнением, которое выражается так:

Рубакин, Н. А. =

$$= П_{39,8} > Э_{30,0} > Д_{9,6} > О_{8,4} > С_{6,3} > И_{2,5} > Ор_{2,3} > Ощ_{1,1}.$$

(П — понятие, Э — эмоции, Д — действие и т. д.; расшифровку буквенных обозначений читатель найдет в самой книге.)

Насколько, однако, устойчивы подобного рода уравнения, чтобы они могли служить постоянной характеристикой владельца уравнения, а следовательно и достаточным мерилом объективной оценки исследуемого? Сам Н. А. Рубакин неоднократно отмечает, что входящие в уравнение категории величины далеко не постоянные, изменяющиеся не только в течение длительных периодов жизни человека (детство, юность, зрелый возраст, старость), но и в более короткие промежутки времени. Если в уравнении, полученном в данный, подготовительный к исследованию, момент, преобладают одни категории (понятие, эмоции, действие), то вполне вероятны, — под влиянием новых жизненных, социальных факторов, — перестановки категорий, которые будут характеризовать исследователя уже по иному, а следовательно и ставить его в иное положение к исследуемому. Но предположим, что отдельные категории имеют более устойчивый характер (напр. тип активный, эмоциональный), легко ли будет нашему исследователю

справиться с этой задачей — «познать самого себя», и познавши произвести действительно правильное, объективное обследование не одного, а десятков и сотен своих читателей? Мы очень серьезно сомневаемся в этом.

Нас особенно интересует пятый принцип библио-психологической методологии, выдвинутой Рубакиным: совмещение объективного и индивидуального подхода к человеку, его коллективизации с индивидуализацией. Если прочитать только эту часть главы вне связи со всем содержанием книги, то обвинения Рубакина в субъективизме и индивидуализме могут показаться с первого взгляда действительно преувеличенными, а может быть и неправильными. Здесь автор говорит о важной роли энграмм социального происхождения, о том, что социальный подход к индивидуальной мнеме представляет большие практические преимущества (он увеличивает вероятность не ошибиться), о том, наконец, что еще 35 лет тому назад исследование читательских типов было поставлено автором не на индивидуальную, а социологическую почву, причем на первое место был выдвинут классовый коэффициент. «Только малая осведомленность некоторых наших критиков и их незнакомство с литературой вопроса вообще и с нашими литературными работами в частности может объяснить те детские обвинения, какие они возводят на библио-психологическую точку зрения, не будучи знакомы с ней как следует» (стр. 117).

Однако внимательное ознакомление даже с этой частью V главы убеждает читателя, что, выставляя столь важный принцип, как изучение коллективного читателя, автор не решается прямо и безоговорочно поставить за основу изучения — именно коллектив, класс, определенную социальную группу, сделать их примером исследования, исходить от них в методах и методологии изучения индивида — читателя. «Коллективизация предполагает индивидуализацию и обратно. Без этой последней коллективизация выродилась бы в культуру стадную»... «Целью коллективизации, разумеется, отнюдь не должна быть культура стадности»... «Творчество индивидуально. Кадры сознательных работников это то же, что кадры инициаторов. Отсюда вывод: коллективный подход должен быть вместе с тем и индивидуальным, т. е. коллектив в своих целях должен использовать не только «социальную, но индивидуальную мнему»... (стр. 118—119). Что в этих положениях, в этих словах о «стадности» Н. А. Рубакин отдает предпочтение индивидуальной мнеме, ее именно ставит в основу и от нее исходит к коллективу, станет очевидным из анализа прочих принципов библио-психологической методологии. Уже на следующих страницах (стр. 119 и сл.), излагая шестой принцип ее — закон консонанса и диссонанса эмоции, он снова возвращается к формулировке о функциональной зависимости между печатным, рукописным и устным словом, которое понимается положительно, или отрицательно в зависимости от того, какие эмоции преобладают в читателе или слушателе. Именно в читателе или слушателе, а не в коллективе,

не в социальной группе. Что это так, об этом свидетельствуют уже приведенные выше слова Рубакина (по тому же вопросу о функциональной зависимости между читателем и книгой) о «неспособности социальных факторов преодолеть биологические и психологические препятствия к познанию подлинного содержания книги». Но ведь биологические и психологические факторы несомненно являются продуктом социальных факторов. Как же последние их не могут преодолеть? Такого вопроса мы и не ставили бы, — настолько вся история человечества дает на него положительный ответ, — если бы сам Н. А. Рубакин содержание своей книги не превращал в заколдованный круг, полный внутренних противоречий, вытекающих из взглядов автора на книгу и на читателя.

Разумеется, мы спорим не о том, существует или не существует функциональная зависимость между книгой и читателем, а о том, как понимать эту зависимость. Рубакин ее понимает так: сколько голов, столько содержаний у книги; самое понимание ее (положительное или отрицательное) зависит от эмоций читателя. Мы говорим: книга имеет свое собственное содержание, и это содержание есть реальность; понимание книги может быть одно и то же даже у различных социальных групп, но отношение к содержанию будет иное. Вот в чем суть наших разногласий в вопросе об отношении между книгой и читателем. Революционная речь Ленина о социализации земли очень может быть понята европейским помещиком-капиталистом и содержание ее он постарается намотать себе на ус, но, конечно, отношение к этому содержанию у него будет диаметрально противоположно отношению миллионов трудящихся.

Исходя от индивидуума — читателя, его психики, Н. А. Рубакин в сущности ставит перед исследователем массового читателя практически неосуществимую задачу. Что нужно сделать, чтобы познать читателя, а через него и коллектив? Нужно подробно изучить индивидуальную мнему читателя, «обнимающую собой процессы получения, сохранения и оживания раздражений». Мнема есть совокупность энграмм, — тех отпечатков или записей, которые получаются в мозгу от внешних раздражений. Познать личность, ее психику и тип — значит изучить эти записи, в отдельности каждую и в совокупности. Каждое слово, фраза, ряд фраз, целое произведение или речь вызывают у читателя или слушателя ту или иную реакцию, так или иначе воспринимаются. Они «не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме... Между писателем и оратором, с одной стороны, и читателем и слушателем — с другой — пропасть... Чтобы слово дошло по адресу, читатель и слушатель должны сами создать его из элементов собственных мнем» (см. гл. IV).

В каком же порядке должны изучаться эти возбудители, эти реактивы на читателя? Так как «книга-реактив есть не что, иное, как коллектив целой массы более мелких реактивов, то иссле-

дование действия книги должно быть сведено к исследованию фраз и слов». В библио-психологическом изучении текста Н. А. Рубакин намечает три ступени: первая — когда все его слова берутся изолированно друг от друга, вне контекста, вне всякой связи с другими словами — это вербальный способ библио-психологического анализа; вторая — когда изучаются те разнообразные связи, какие существуют между отдельными словами данного текста — это интервербальная библио-психология; третья ступень, когда отдельные слова уже не различаются, а главное внимание сосредоточивается на результате восприятия сразу нескольких слов и на их превращении в бессловесную мысль, чувство, умственную картину или какое иное переживание, — это суправербальная библио-психология (глава VI). Через все эти ступени должен пройти читатель, выявив в конечном счете свое отношение к отдельным словам, фразам, ко всей книге. Изучение читателя, а следовательно и изучение текстов, вызывающее соответствующее раздражение в психике читателя, — должно производиться по особым таблицам, которые приведены автором в конце книги. Их четыре: 1-я основная элементарная классификация психических переживаний читателя (для руководителя); 2 — 4 для читателя — элементарная, сокращенная и подробная. В VII — VIII главах Н. А. Рубакин подробно останавливается на технике проведения такого изучения по указанным таблицам. Исследуемые берут текст какого-либо произведения (здесь берется текст стихотворения Лермонтова «Тучки») и начинают анализировать слово за словом, т. е. путем психоанализа выяснять то переживание, какое они испытывают от каждого слова, пользуясь предлагаемыми таблицами. Каждое слово может вызвать ряд переживаний, достигающих иногда свыше 100; эти переживания отмечаются тем числовым индексом, под которым они значатся в таблице. И таблицы (сокращенная заключает в себе 60 рубрик, подробная 213), и изложенные в VII — VIII главах опыты над несколькими читателями вызывают весьма серьезные опасения в возможности и целесообразности применения библио-психологических методов с точки зрения технической осуществимости. Сам автор отмечает, что выполнение задания по его таблицам при опытах занимало у исследуемого несколько сеансов. Создается таким образом чрезвычайно искусственная, ненормальная обстановка, едва ли могущая дать действительно правильную оценку и характеристику переживаний. Впрочем Н. А. Рубакин утверждает, что опыты все же давали правильную «среднюю».

Но с методологической, принципиальной точки зрения подобного рода эксперименты едва ли найдут место в наших общественных, профессиональных, политпросветских и прочих библиотеках, обслуживающих массового читателя. За годы революции проделана не малая работа по изучению читателя, и на основании ее мы уже имеем возможность сделать ряд ценных выводов о том или ином читающем коллективе, о преобладающих запро-

сах и интересах разных читательских групп. Ошибки были и есть как в выборе книги для массового читателя (по изложению, содержанию, внешнему оформлению), так и в подходе к нему. Но ошибки эти постепенно изживаются в процессе обследовательской и исследовательской работы, которая охватывает даже самые глухие уголки СССР.

Несмотря на неприемлемость основных принципов библио-психологии, мы все же считаем очень желательным ознакомление советского читателя, особенно библиотекаря и книжника, с этим обширным трудом Н. А. Рубакина. О библио-психологии у нас говорят давно и много. Н. А. Рубакин думает, что его превратно понимают, вкривь и вкось истолковывают его теорию. Появление этого труда поможет теперь и всем библиотечным работникам оценить его не теоретически, а на основании опыта советской библиотеки-читальни, и воочию убедиться, были ли правы наши критики библио-психологии. Но не поэтому только желательно появление труда Рубакина. Он будит мысль, он несомненно повысит интерес к глубокой проблеме наших дней, к проблеме книжного влияния и изучения читателя, хотя у нас и разные пути в разрешении этой проблемы.

А. Плотников.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

В 1916 г. основатель и директор Международного библиографического института Поль Отлэ и профессор Института Ж. Ж. Руссо Адольф Феррьер, обстоятельно изучив многолетние работы автора этой книги по исследованию русского читательства, впервые познакомили с ними западно-европейский ученый и педагогический мир. В том же году, 22 октября, в Институте Ж. Ж. Руссо было организовано его директором, проф. Пьером Бовэ, проф. Э. Клапаредом и проф. А. Феррьером и проф. П. Отлэ публичное заседание, посвященное библиологической психологии, и тогда же было решено, в виду большого теоретического и практического значения этой новой науки, основать особую секцию, специально посвященную ее разработке. Так возникла Секция библиологической психологии, основанная Институтом Ж. Ж. Руссо и Международным библиографическим институтом (Брюссель), поныне находящаяся в теснейшей связи с ними. Во главе этой Секции пришлось еще в 1916 г. встать автору этой книги. С тех пор деятельность Секции продолжает неуклонно развиваться, что и сделало необходимым преобразование ее в Институт библиологической психологии.

В 1922 г. автором этой книги было издано на французском языке в Париже двухтомное «Введение в библиологическую психологию» («Introduction à la psychologie bibliologique», 2 тт., 604 стр.), ныне уже вышедшее из продажи и успевшее устареть, так как работы Секции за последние пять лет значительно двинули вперед разработку этой науки, все более и более привлекающей к себе внимание работников книжного дела, как в Западной Европе, так и в Америке. В виду того, что французское устаревшее издание во многих отношениях не соответствует русским условиям книжного дела, автор этой книги в 1923—24 гг. изложил свои идеи в особом обширном труде «Основы и задачи библиологической психологии», к сожалению, не по его вине не увидевшем света до сего времени. Русским читателям библиологическая психология известна только по популярной брошюре «Что такое библиологическая психология» (изд. «Колос», 1924 г.) и по статье в сборнике «Читатель и книга» (изд. «Труд», Харьков, 1925), да по нескольким десяткам критических статей разных авторов, подчас вкривь и вкось перетолковывающих и искажающих основные идеи библио-психологии на основании той же брошюры и статьи, даже и не ознакомившись с выше-

упомянутым французским изданием. В виду полного незнакомства русских критиков с библио-психологией и их непонимания даже основных принципов ее, автор этой книги не счел для себя возможным возражать им. Лучшим возражением, по его мнению, да послужит эта книга.

Не по вине автора, а к его искреннему сожалению, утилизация библиологической психологии началась прежде всего за пределами СССР. Библио-психология — наука, зародившаяся в вихре русской жизни, в водовороте революционной борьбы, уже целые десятки лет все более и более оправдываемая практикой книжного дела во всех главнейших областях его, и по мысли и по стремлениям автора этой книги должна бы была прежде всего служить не иначе, как русскому просвещению.

Книга, ныне выходящая в свет, к сожалению, тоже не дает полного понятия о библио-психологии, так как автору, несмотря на все его желание, никак не удалось изложить в малом объеме то, что не поместилось в 1923—24 гг. и на тысяче страниц его большого труда «Основы и задачи библиологической психологии», до сих пор находящегося в рукописи. Не мог войти в эту книгу и целый ряд очень важных глав, каковы, напр., глава о типах читателей, авторов и книг, о библиологической психопатологии, о законах Э. Маха и Т. Фехнера-Вебера, глава о предельной полезности печатного, рукописного и устного слова, об ораторстве, о библио-психологии живописи и музыки, о применении библио-психологического метода к записыванию драматического таланта, о необходимейших реформах в библиотечном деле и вообще о практических применениях библио-психологических принципов в области книжного дела, о формулах книг; не вошла также и история библиологической психологии, восходящая к глубокой восточной древности и к Платону и Аристотелю. Не вошла и библиография этой науки, кстати сказать, очень обширная. Автор этой книги предпочел умолчать обо всех этих вопросах, чем касаться их слегка и поверхностно. Пришлось сильно сократить и багаж фактов, поневоле заменяя его изложением основных идей. Это придало книге несколько теоретический характер, и на самого читателя ее возложило обязанность делать практические и технические выводы из тех теоретических предпосылок, какие в этой книге выяснены. Особенное внимание автор должен был обратить на теорию и практику специального метода библиологической психологии, как такого, который дает возможность реформировать науку о литературе и вообще о книжном деле в одну из отраслей точного знания. На примере специального библиологического метода лучше всего видно, в какой тесной связи стоит библио-психология с теориями ак. И. Павлова и ак. В. Бехтерева, — с теориями условных или сочетанных рефлексов, и сколь второстепенную роль играет в ней интроспекция, да и то подконтрольная.

Книга эта представляет собою как бы краткий отчет о работах Секции Библиологической Психологии при Институте Ж. Ж

Руссо за время ее существования. Работы эти относятся к трем главнейшим областям книжного дела: к созданию, к циркуляции и к утилизации книги. Основные принципы и тезисы библиологической психологии проверены сотрудниками Секции экспериментально. Применение специального библио-психологического метода открывает самые широкие перспективы.

Основная идея этой книги такова:

Книжное дело нуждается в научной теории книги и вообще печатного, рукописного, да и устного слова. Не имея такой теории, нет никакой возможности реализовать в максимально доступной степени экономизацию времени, сил и труда работников книжного дела, которое есть не иное что, как трудовой процесс. Существующие уже в течение целых тысяч лет взгляды на книгу и на якобы присущее ей «содержание» нуждаются в коренном пересмотре, потому что есть содержание и содержание. Всякий автор и оратор действительно вкладывают его в свою речь, но доходит ли оно по адресу читающих и слушающих, которым и предназначается? В этой книге показано, что вложенное содержание не только не доходит фактически, но и не может никогда доходить, в силу биологических и психологических препятствий, которых не способны преодолеть и факторы социальные. В этой книге изучается не процесс вкладывания того или иного содержания в книгу и вообще речь, а процесс его получения: иначе сказать, изучается не процесс творчества авторского и ораторского, а процесс творчества читателя и слушателя, которое сами творят содержание чужой речи, печатной, рукописной и устной. Показан в этой книге и тот естественный путь, который ведет к максимально доступному совпадению вложенного содержания с содержанием, творимым читателями и слушателями. Пора перестать смотреть на книжное содержание как на какой-то фетиш. Оно есть не что иное, как психический диалектический процесс, — процесс сознания, обусловливаемого бытием. Пора перестать смешивать книгу как вещь, испещренную черными знаками по белому полю, с книгой как психическим процессом. Литература не есть совокупность книг как матерьяльных вещей, — она представляет собою совокупность психических процессов, да и сама она психический процесс. Суть дела не в nature morte, а в живом человеке, в психическом процессе, происходящем в коллективе, который и обусловливает собой психические процессы, происходящие в индивиде. Книга (и вообще слово) есть могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость, она может, и должна им стать и быть. Но, пока что, огромное большинство человечества не умеет ею пользоваться в таких целях, не понимая самого процесса книжного влияния, который состоит вовсе не в передаче содержания, а в его возбуждении в читателях и слушателях. Библиологическая психология изучает человека в процессе чтения и слушания чужой речи. Каждый из нас — и читатель, и слушатель.

БЕЛГОРОДСКАЯ областная универсальная библиотека
042993

В заключение автор считает своею приятной обязанностью выразить свою горячую и искреннюю благодарность всем своим товарищам по работе, собратьям и сотрудникам, членам Секции, отдавшим не мало своего времени и сил библио-психологическим исследованиям, и прежде всего секретарю и библиотекарю Секции, Марии Артуровне Бетман, при самом вдумчивом и неутомимом участии которой писалась эта книга и уже много лет шли и идут все работы Секции и все ее сношения с многочисленными читателями разных стран.

Приносим также нашу искреннюю благодарность доктору Д. М. Городинскому, много поспособствовавшему тому, что книга эта появляется в печати, и всем тем, кто принимал в ней участие.

Н. Рубакин.

Лозанна. Секция библиологической психологии.

В V главе этой книги высказано пожелание, чтобы автор всякой книги, появляющейся в свет, печатал на ней, по примеру знаменитого немецкого астронома Ф. Бесселя, свое личное библио-психологическое уравнение.

Вот библио-психологическое уравнение автора этой книги:

$$\text{Н. А. Рубакин} = П_{39,8} > Э_{30,0} > Д_{9,6} > О_{8,4} > С_{6,3} > И_{2,5} > Ор_{2,3} > О Щ_{1,1}$$

Глава I.

ЧТО ТАКОЕ БИБЛИОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ?
ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ОБЪЕМ ЭТОГО ПОНЯТИЯ.

Определение. Библиологической психологией, или, короче, библио-психологией мы называем психологию книжного дела в процессе его эволюции и диссолюции, то есть развития и упадка, в связи с условиями окружающей социальной среды, — места и времени.

Это определение нуждается в пояснении. Из него, во-первых, видно, что приравнивать библио-психологию только к психологии читательства и авторства, — это значит суживать ее значение, приравнивая всю эту науку к одной из глав ее и принимая часть за целое. Авторство и читательство неотделимы от книжного дела вообще и находятся в функциональной зависимости как от него в целом, так и меж собою. Вне гигантского социального механизма, называемого книжным делом, ни авторство ни читательство существовать не могут. От количественной и качественной стороны авторства зависит количественная и качественная сторона читательства. С другой стороны, стоит лишь, в ходе истории, измениться читательским вкусам и запросам, интересам и потребностям, нравам, обычаям и привычкам,—неизбежно приспособляется к этим переменам и авторство, и весь механизм книжного дела. Поэтому изучать психологию того и другого можно лишь в связи с психологией книжного дела, — будь это издательство, или книготорговля, или библиотечное дело, или все другие его отрасли. Еще ошибочнее приравнивать библио-психологию к изучению читательских интересов — это значило бы еще более суживать ее понимание. Не менее ошибочно видеть в ней один из отделов библиографии: ниже мы увидим, что между этими двумя отраслями книговедения очень мало общего. Приурочивать библио-психологию к библиологии и видеть в ней один из отделов этой последней тоже неправильно: библио-психология охватывает библиологию целиком, рассматривая книгу как явление психологическое. Для библио-психолога, техника набора и печатания книг есть психология набора и наборщика, печатника и типографщика, издателя и издательства, покупателя и продавца, книжного спроса и предложения, циркуляции книг и в пространстве, и во времени. Все без исключения отрасли книжного дела библио-психолог изучает как и библиолог,

но не иначе, как с психологической стороны, видя и отмечая во всех них психологический, точнее сказать, социально-психологический коррелят. Для библио-психолога экономический и всякий другой интерес к книге и книжному делу — это значит психология этих интересов. Изучая роль экономического фактора в книжном деле, библио-психолог старается выяснить влияние его на психику его работников как социальную, так и индивидуальную, и обратно. Таким образом, и наука о книжном деле является для библио-психолога психологией книжного дела и всех его отраслей в их взаимном влиянии, в их функциональной зависимости.

Родовым признаком библио-психологии является тот, что она представляет собой одну из отраслей именно психологии, один из определенных отделов ее, который существует и имеет право на самостоятельное существование, рядом с другими такими же отделами, каковы, напр., психология педагогическая, объектом которой является психология ребенка и его воспитания, или психология криминальная, изучающая психологию преступника и преступления, и т. д. Видовым признаком библио-психологии является ее особый объект, а именно книжное дело. Если мы определим теперь оба эти признака библио-психологии — родовой и видовой, то определим и содержание этого еще нового и непривычного термина.

Содержание понятия библио-психологии. А. Родовой признак его: психология.

В каком смысле понимаем мы этот термин? Как известно, в настоящее время научная психология переживает глубокий и решительный кризис: на место психологии старой, интроспективной выдвигается новая, — экстроспективная, или объективная, иногда называемая рефлексологией; на место психологии как науки о душе выдвигается психология без души; на место изучения «способностей души» — изучение внешних проявлений психических процессов. При этом исследователь психических переживаний, как их качественной, так и количественной стороны, обосновывает свои выводы прежде всего данными объективных наблюдений, не решаясь опираться на данные, непосредственно переживаемые и интроспективно замечаемые изучаемым субъектом. Эти последние берутся под строгий контроль объективных наблюдений. Такая точка зрения новой психологии должна быть использована и в области библио-психологии.

Слово, фраза, книга, совокупность книг, целая литература рассматриваются при этом как возбудители реакций, как реактивы на исследуемого индивида и коллектива, причем качественная и количественная стороны возбужденных реакций являются характеристикой реагирующего. Библио-психология есть психология книжного дела, изучаемого по реакциям, т. е. внешним проявлениям.

Этот термин «книга, слово как реактив на читателя», введен был нами впервые в 1903 году, а затем научно обоснован в тру-

дах Лозаннской Секции библио-психологии,[1] что, впрочем, не помешало некоторым несведущим критикам приравнять эту науку и к интроспективной, и даже к спекулятивной.

Стремясь к максимальной объективности и не доверяя никаким интроспективным данным, библио-психолог ставит своей задачей борьбу с субъективностью и пристрастностью. С библио-психологической точки зрения еще вовсе не достаточно не доверять субъективности *исследуемых*; вместе с тем необходимо не доверять субъективности и *самого исследователя*: необходимо изучать и его самого, тоже по объективным проявлениям, а не по интроспективным его мнениям и вообще переживаниям. Между тем исследователи часто не замечают всей субъективности своих мнений, чем и сводят на нет все их, якобы объективное значение. Поэтому еще в 1889 г.[2] нами был уже формулирован вопрос о поправке на исследовательскую субъективность, который постепенно развернулся в библио-психологическую теорию поправки на исследователя (наблюдателя), поправки на читателя и поправки на автора. Этому вопросу посвящено несколько страниц в нашем дальнейшем изложении.

Переходим теперь, в связи с этим, к вопросу об интроспекции вообще. Оставляя в стороне долгий и затяжной спор о ее недостатках и неприменимости, отметим прежде всего тот разумный способ ее использования в психологических целях, какой рекомендуется представителями новой психологии, напр. В. Бехтеревым, К. Корниловым, И. Павловым, Э. Клапаредом, Дж. Уотсоном и др. Ни один из противников старой психологии никогда и не думал отрицать самого факта наличности интроспективных переживаний в каждом из нас. Все нормальные люди знают непосредственно, по своему собственному опыту, что значит ощущение приятное и неприятное, ощущение зеленого, белого и др. цветов, переживание радости или горя, уныния или борьбы и т. д. и т. д. Все эти субъективные переживания — факт. Вместе с тем факт и то, что до сего времени наука еще не объяснила с достаточной бесспорностью происхождение или генезис субъективных переживаний или, как это было формулировано уже давно, факт превращения «самого движения атома в ощущение, переживание, сознание им этого движения». Но из этого нашего теперешнего незнания его причин, разумеется, вовсе не следует, что они останутся неизвестными веки-вечные. Поэтому, оставляя в стороне не только всякую теологию и метафизику, но и всякого рода, хотя бы самые ученые догадки о том, что еще не познано, мы не можем не считаться с самым фактом наличности субъективных переживаний. Но совсем другое — вопрос о их объективном значении. Инстроспективные знания всякого субъективного переживания всегда и неизбежно

---

[1] См. „Introduction à la psychologie bibliologique". Т. I. Еще см. предисловие к нашему „Опыту программы", стр. 7.

[2] «Опыт программы», 1889, стр. 7.

остаются заведомо известными только тому, кто их переживает. Никакие точные знания о их качестве и количестве не могут быть переданы, объяснены никакому другому Я. Ниже мы покажем, что это не достижимо и при помощи слов, по той простой причине, что чужие слова, нами слышимые или читаемые, нам известны не иначе, как в качестве не чужих, а только наших собственных субъективных переживаний, ими возбужденных. Если читатель говорит, что он чувствует, напр., радость, из этого вовсе не следует, что я понимаю это слово как такую же радость: быть может, она, моя радость, вовсе не похожа на его ни качественно, ни количественно. Поэтому, прежде чем верить чужим словесным показаниям, выражающим то, что почерпнуто самим говорящим из его интроспекции, сначала следует убедиться в тождественности понимания этого слова «радость» и им, и исследователем. То же самое нельзя не сказать и о тождественности понимания всякого другого слова обоими. Но это самое относится и к каждому слову самого исследователя, в том числе и к его возражениям против интроспекции. Но, с другой стороны, когда, на вопрос исследователя: «переживаете ли вы или не переживаете такое-то субъективно вам известное явление, напр. радость?» исследуемый отвечает «да» или «нет», этот ответ его правильно рассматривается тоже как реакция. Слова ответа (движения голосового аппарата) играют роль стрелки гальванометра. Как напр. узнать, хочет или не хочет человек есть, не спросив его об этом? Но не следует забывать, что иной голодный человек, по какой-либо причине, не говорит, что он голоден. Значит, правильность словесного ответа должна подлежать контролю. Но эта словесная реакция принимается исследователем не как субъективное описание инстроспективно узнаваемых переживаний, а как констатирование или отрицание факта, интересующего данного исследователя. Впрочем, даже и такие словесные свидетельства должны быть контролируемы при помощи объективных методов, о которых дальше и будет итти речь.

Не отступая от вышеизложенных принципов использования интроспективных показаний в целях объективного исследования, надо отметить еще одно очень важное обстоятельство. Читатель этой (и всякой иной) книги в курсе ее чтения непосредственно переживает целый ряд психических явлений, которые только ему одному и известны, и во всяком случае каждому лично они могут быть известны в неизмеримо большей степени, чем всем другим читателям той же книги. Можно ли определить экстроспективно, т. е. путем внешних наблюдений всех читательских реакций, как качественную, так и количественную сторону этих, тоже читательских переживаний? В настоящее время, когда объективная психология находится лишь в стадии своего начального развития, — на такой вопрос приходится, пока что, дать отрицательный ответ. А между тем, интимные переживания как читателей, так и авторов, представляют первостепенный интерес

для работника книжного дела: от качеств и количеств этих переживаний зависит и цель, и постановка всей работы. Поэтому тем более не приходится совершенно отбрасывать читательских показаний, добываемых интроспективным путем. С ними приходится и считаться, и сообразоваться. Отсюда необходимость думать о рационально организуемом широком контроле их, а не об отбрасывании только. В ожидании дальнейших успехов объективной психологии, нельзя не пользоваться в некоторых случаях и под-контрольною интроспекциею. Необходимо для этого научно организовать получение интроспективных показаний и их объективную проверку. С библио-психологической точки зрения, некоторые термины интроспективной психологии не должны быть отбрасываемы, а тем более в таких случаях, где нет никаких других способов исследовать читательские переживания, чтобы с ними снова сообразоваться.

Сказанное сейчас относится и к слову «психика». Это слово будет не раз встречаться на страницах этой книги. Разумеется, этому слову мы никоим образом не придаем средневекового смысла «души», «субстанции» и т. д. Им мы будем выражать лишь субъективную сторону объективно существующего переживания. Но почему они существуют? Откуда они взялись? Эти вопросы мы оставляем, пока что, за пределами нашего исследования, лишь признавая тот факт, что сущность психики, как и сущность материи, как и сущность энергии до сих пор не выяснены наукой.

Почти исключительно к интроспекции надо отнести и опыты читателя над самим собой: только таким путем может каждый отдельный читатель разрешать напр. такие вопросы: какая книга ему нравится или не нравится, интересна или не интересна и какие эмоции и мысли она возбуждает в нем. Только на такие свидетельства самого читателя может опираться и исследователь, и руководитель, выбирая для данного читателя подходящие для него книги. Так и поступают все исследователи «читательских интересов» и «впечатлений, производимых книгами». Каждый из нас, то и дело, проделывает опыты над самим собою, беря читать такую-то книгу. Всякое чтение есть такой опыт. С помощью читаемой книги вызываются те или иные психические переживания. Здесь перед нами «провоцированная интроспекция», которая позволяет нам самим изучать, точнее сказать, осознавать те или иные стороны самого себя. Но, разумеется, за пределы собственного изучения так полученные данные распространены быть не могут. Интроспективные самонаблюдения и опыты читателя над собой необходимы и для исследователя, так как каждый из нас постоянно пользуется теми или иными данными о себе самом, чтобы сравнивать с ними реакции, наблюдаемые, в более или менее сходных случаях, у других людей. Но и здесь интроспекция находится под строгим контролем объективных наблюдений.

Ниже мы увидим, какую громадную роль играет в процессе

чтения, процессе как будто бы сознательном, подсознание читателя. То, что читателем не сознается, находится вне сферы и его интроспекции. Оставляя даже в стороне всем известные ошибки и промахи этой последней, мы не можем не притти к выводу, что главной базой всех библио-психологических исследований являются объективные экстроспективные наблюдения, а не интроспекция.

Но она еще более ничтожна, чем это кажется, если принять в расчет, что некоторые психические переживания, которые еще очень недавно считались лишь интроспективно известными, оказались в действительности, как это ныне вполне установлено, доступными экстроспективному исследованию. Так напр., читая книгу, мы переживаем те или иные эмоции. Эти последние имеют своим объективным коррелятом целый арсенал проявлений, напр. в виде изменений пульса и дыхания, в виде дрожания некоторых мышц, выделительной работы разных желез и т. д. Наблюдается и строгое соответствие между самыми интимными переживаниями и их проявлениями. Далее, читая книгу «про себя», мы неизбежно сопровождаем этот процесс так наз. «внутреннею речью». У субъектов моторного типа она представляет собой не иное что, как работу тех же мышц голосового аппарата, как и при говорении. Подобно этому, и мимика, и пантомимика бывают не только внешними (отлично заметными со стороны), но и внутренними, т. е., хотя и мало заметными, но все же поддающимися объективному изучению при помощи напр. особых инструментов.

Резюмируем теперь то, что было сказано. Поскольку библиопсихология изучает живых людей в курсе непосредственного переживания ими тех или иных психических явлений, она изучает этот живой материал прежде всего по внешним, объективным проявлениям субъективных переживаний, по реакциям на те или иные раздражения, причем интроспекция не только отодвигается на второй план, но и подчиняется объективному контролю. Библио-психолог подходит к своему живому объекту, будь это читатель, автор и всякий работник книжного дела, как натуралист: этот живой объект является, в глазах такого исследователя, не чем иным, как психофизическим организмом, находящимся в определенных условиях социальной среды, места и времени. Изучая этот объект по его внешним реакциям, библиопсихолог причисляет к ним и его словесные показания, которые тоже подлежат контролю. Всякий вопрос — это реактив, всякий ответ на него — это реакция слушателя. С этой точки зрения всякая книга, всякая ее фраза, всякое слово этой фразы является раздражителями и причиной реакции. Реакции же эти рассматриваются как характеристики не только того, на кого эти раздражители действуют, но и как характеристики этой книги, фразы и слова как раздражителей.

Ныне интроспекция играет в разных отделах литературы огромную роль. Тысячи, если не миллионы книг, переполнены

описанием переживаний их авторов, лишь интроспективно констатированных ими. А, между тем, те же самые авторы, до объективных психологов включительно, которые особенно борются против интроспекции, ее-то и практикуют в своих трудах. Одна из задач библио-психологии — борьба с такой ненаучной практикой, чрезвычайно тормозящей прогресс науки, литературы и книжного дела.

Содержание понятия библио-психологии. В. Видовой признак его: книжное дело.

Рассмотрим теперь, в основных чертах, тот признак библио-психологии, который отличает ее от других отраслей психологических наук. Библио-психология исследует психические явления, связанные со всеми отраслями книжного дела и в них происходящие. Определение этого термина зависит от того, что мы будем понимать под книгой. Мы будем подразумевать под этим термином всякое произведение слова, — будь это слово печатное, рукописное или устное. Эти три главнейших формы словесных произведений, созданных и постоянно, хронически создаваемых человечеством в его социальной жизни, соединены одна с другой целым рядом переходных ступеней и постоянно переходят одна в другую. Всем известно, что книга нередко начинается в виде разговора, который затем систематизируется, записывается и таким образом кристаллизуется то в рукописную, то в печатную речь. С другой стороны, печатное слово, читаемое и перечитываемое, постоянно переходит в устную народную словесность, в фольклор. Таково происхождение множества пословиц, поговорок, «крылатых слов», басен, прибауток, странствующих сказаний, легенд, «всемирных сюжетов» и т. д. и т. д. Один Грибоедов своим замечательным произведением «Горе от ума» доставил устной словесности десятки пословиц и поговорок. Этот литературный фольклор, в свою очередь, вдохновляет писателей, и те снова переводят его в рукописное и печатное слово. Многие народные песни, очень распространенная форма устной народной словесности, тем не менее книжного происхождения (напр. песни А. Кольцова, Дельвига, А. Пушкина и т. д.). Переводить рукописное и печатное слово в устное, — это то же, что вводить книжные содержания в обыденную жизнь: это одна из целей книжного дела. Далее, изысканное, литературно-отчеканиваемое ораторство — это тоже одна из переходных форм между словом устным и печатным. То же и декламация, и мело-декламация, и театр. С другой стороны, произведения гектографированные, мимеографированные, литографированные, дактилографированные — все это переходные формы между словом печатным и рукописным. И все это различные формы единого книжного дела. Где же провести границы между его тремя главными формами и можно ли изучать одну из них, не изучая двух других? Но еще важнее тот факт, о котором мы будем говорить ниже, что слово печатное, напр. беллетристика, требует для своего понимания очень основательного знакомства со словом устным. Так как из печатного и рукописного

слова, именно потому, что они кристаллизовались в беззвучные зрительные значки, исчезли уже такие элементы, придающие ему смысл, каковы, напр., интонация, произношение, ударения, жесты, их сопровождающие, и т. д. Изучать процесс чтения печатных и рукописных произведений с психологической стороны можно лишь не отделяя его от изучения устной речи. Поэтому объектом библио-психологии является речь и печатная, и рукописная, и устная.

Но книжное дело не ограничивается только словом. Книжное дело, как мы сейчас покажем, представляет собою трудовой процесс, и как таковой предполагает и работника, и его труд, и социальную среду, и различные соотношения этого трудового процесса с производственным процессом вообще. Мы будем понимать под термином «книжное дело» — трудовой процесс производства, кругообращения и потребления ценностей печатного, рукописного, а также устного слова. Под это определение подходят все формы человеческого труда, неразрывно связанные и обусловленные самым фактом существования словесного общения, которым всякий социальный коллектив связуется в единое целое. Книжное дело есть трудовой процесс, на протяжении которого как индивид, так и коллектив преодолевают некоторые препятствия или сопротивления, начиная от препятствий материальных (технических) и кончая психическими, каковы, напр., непонимание или враждебное отношение со стороны читателя или слушателя. Каждый отдел книжного дела занимает в этом процессе определенное место, как и каждый работник, участвующий в этом трудовом процессе. Объектами библио-психологического изучения в процессе книжного дела являются: 1) работники его и их психические типы; 2) из труд и его психические особенности; 3) продукты их труда, от качества которого зависит степень воздействия печатного, рукописного и устного слова на индивида и коллектив; 4) социальная среда, обусловливающая и качественную и количественную сторону психологии книжного дела как трудового процесса. В отличие от наук, исследующих явления только литературные (авторство, читательство, литературу и т. п.), библио-психологические исследования обнимают всех работников книжного дела, участвующих в процессе и вносящих свой элемент в явления, которые называются «ореолом и влиянием печатного, рукописного и устного слова на индивида и коллектив», потому что слово действует не только тем, что называется его «содержанием», но и тем ореолом, каким оно окружено в момент действия. Ореол, которым окружен каждый экземпляр любой книги, доходящий до данного читателя, представляет собою очень сложное психологическое (социально-психологическое) явление, в создавании которого участвует не только сам читатель и автор, но и издатель (имя, реномэ издателя), и типографщик, а значит, и наборщик, и все те работники, трудом которых создан этот экземпляр (и от которых зависит внешность издания, — тоже один из элементов ореола), и чрез руки которых он дошел

до читателя. Поэтому к библио-психологии должны быть отнесены: а) профессиональная ориентация работников книжного дела; б) изучение психических явлений, происходящих в работнике в процессе его труда, психология его профессии. Как известно, в этой профессии наблюдаются очень разнообразные и сложные вариации, смотря по области книжного дела. Разделение труда обусловливает и психологические вариации разных профессий. Книжное дело в его целом является их совокупностью, органически связанной и спаянной самою организацией производства. Психология работника и его труда кладет определенный отпечаток на продукт и вообще результат труда. Поэтому можно говорить о психических свойствах продукта и результата. Таким образом, у каждого явления книжного дела получается свой психический коррелят. Самый процесс труда всех работников книжного дела как в их социальной совокупности, так и в индивидуальностях их, с библио-психологической точки зрения есть не иное что, как их поведение, т. е. совокупность их действий и поступков, — основных движений (реакций) каждого работника и всех их вместе, и связи между ними, причем все эти факторы, т. е. работники, их движения, действия, поступки, труд, находятся в функциональной зависимости от условий социальной среды, места и времени. Задача библио-психологии, — объективное изучение поведения работников книжного дела во всех отраслях этого последнего. Их поведение — это и есть материальная основа книжного дела. Таким образом, книжное дело, в конечном счете, сводится к реагированию работников его на среду и друг на друга и их приспособление к среде и среды к ним. Нетрудно понять, что в труде каждого такого работника имеются два элемента: 1) элемент труда физического; 2) элемент труда умственного. Количество и качество этих двух элементов варьирует в зависимости от разновидностей труда: напр., в труде писателя и ученого преобладает второй из этих двух элементов; в труде наборщика и печатника и переплетчика — первый. У обоих этих элементов книжного труда опять-таки наблюдаются вариации психических коррелятов и разная интенсивность как пассивности, так и творчества, как врожденных, так и благоприобретенных качеств (т. е. рефлексов безусловных и условных). Изучение всех этих элементов, их разновидностей и их функциональных зависимостей не может не входить в библио-психологию книжного дела как ее объект. Далее, так как работой называется преодоление сопротивления путем затраты некоторой силы, то слово устное и рукописное, как и печатное, представляют собой также одну из разновидностей работы. Все они требуют от работника тех или иных мышечных усилий и той или иной затраты нервной энергии. Особый вид работы представляет также мимика, неотъемлемая принадлежность устной речи, внутренняя речь, внутренняя пантомимика. С психо-физиологической точки зрения всякая реакция есть работа.

Из предыдущего уже видно, что под термином «книжное

дело» мы будем понимать не только совокупность книг и не только совокупность произведений печатного, рукописного и устного слова, но и совокупность всех трудовых процессов, которыми эти ценности созданы в прошлом, создаются в настоящем и будут создаваться в будущем. Книжное дело есть таким образом труд и трудовой процесс. Психология книжного дела есть психология такого труда и процесса.

С библио-психологической точки зрения к книжному делу должны быть отнесены и такие ценности, как произведения драматического искусства, музыки, живописи и вообще пластики (до «выразительного человека» включительно). Психология театра неотделима от психологии печатных и рукописных драматических произведений. Пластика человеческой речи есть один из элементов драматического искусства. На границе между ними стоит психология оперы, оперетки. Некоторые явления в области психологии книжного дела могут быть поняты не иначе, как путем психологического изучения музыки, напр., пение и мелодекламация, музыкальность речи, произношение, тембр, ударение и т. д. Изучение живописи с психологической стороны бесусловно необходимо для понимания той громадной роли, какую играют в книжном деле всякого рода иллюстрации к текстам, диаграммы, чертежи и разные другие графики как образные схемы отвлеченного мышления. Нуждается в психологическом изучении и фотография, фиксирующая момент, равно как и кинематография, фиксирующая ряд моментов и в таком виде воплощающая содержание художественных и др. произведений. Поэтому во всех этих, так называемых, изящных искусствах надо видеть особые главы библио-психологии.

Из предыдущего следует, что понятие библио-психологии отнюдь не совпадает с понятием «психологии литературы» и (по терминологии проф. П. Сакулина) «литературной жизни». Признавая все громадное значение этих двух отделов литературоведения, нельзя не видеть, что библио-психология относится к ним, как целое к части: она их в себе вмещает. В таком же отношении она находится и к лингвистике и к филологии: книжное дело есть процесс вообще трудовой, а не только трудовой словесный. Одна лингвистика никоим образом не может объяснить всех явлений книжного дела, как, напр., появление и исчезание все новых и все разных областей распространения, все новых и новых форм разновидностей книжного труда, и экономические, политические и другие явления, с этим связанные. Что касается до филологии, то предмет библио-психологии выходит далеко за пределы только филологических изысканий.

Объем понятия библио-психологии.

Выяснив содержание этого понятия, его родовой и видовой признаки, переходим теперь к выяснению его объема. На предыдущих страницах мы отчасти уже определили, к каким категориям жизненных явлений относится объект библио-психологии. Все эти явле-

ния можно классифицировать так: 1. Процессы создавания ценностей печатного, рукописного и устного слова. 2. Процессы их циркуляции, их проталкивания в социальную среду и стремления к ним, их притягивание. 3. Процессы их утилизации. Нетрудно видеть, что эти три процесса, точнее сказать — этот тройной процесс аналогичен производственному процессу, обнимающему производство, циркуляцию, распределение и потребление хозяйственных благ, человеческим трудом создаваемых хронически. Этим тройным процессом уже определяется объем понятия библио-психологии. А так как книжное дело есть процесс, отсюда неизбежно следует: библио-психология должна подходить к его изучению динамически и диалектически. Книжное дело никогда не стоит, а течет. Изменяются авторы, изменяются читатели, книги, действия книг, формы речи, грамматика и риторика; изменяются приемы производства, распределения и потребления библио-психологических ценностей. Всякое изменение имеет свой психический коррелят. Книжное дело тоже развивается путем противоречий, которые и обнаруживаются и разрешаются в его процессе, в борьбе и через борьбу противоположностей.

Книжное дело есть неустанный поток материальных и духовных ценностей, которые можно себе представить так. Берем какую-нибудь материальную и, вместе с тем, духовную ценность, напр., книгу. Каждая книга, раз она кристаллизовалась на рабочем столе ее автора, этим самым уже получает свою траекторию. Она начинает переходить из рук в руки и циркулировать в пространстве и во времени, вплоть до ее забвения человечеством и вплоть до ее разрушения. Этапы этого ее продвижения всем известны: рабочие комнаты автора, редактора, издателя, наборщика, типографщика, корректора, брошюровщика, книжный склад, книжный магазин, библиотека и т. д., и т. д. вплоть до читателя.

Затем книга начинает переходить из рук в руки. Траектория всякой книги прерывиста. Переход из рук в руки, от лица к лицу в недрах социального коллектива требует разного количества времени. После всякого перехода остается некоторый психологический след. Психология передающего более или менее отличается от психологии получающего. Психология подхода человека к человеку, коллектива к человеку и человека к коллективу представляет собой, так сказать, библио-психологический цемент всех передвижений всякой книги по ее траектории. Так продвигаются все книги, миллионы, сотни тысяч миллионов книг. Подобно этому продвигаются, хотя и в более ограниченных пределах, и рукописи (напр. частные письма). Имеют свою траекторию и устные речи, поскольку они передаются из уст в уста, и поскольку выдумываются и начинают циркулировать «новые слова», «новые обороты речи», новые афоризмы, песни и т. д. Можно сказать, что на наших глазах придуманы такие новые слова, как «клептократия» (для обозначения тех, кто нажился от войны) «размагничиваться» и т. д. Ф. Достоевский пустил в ход новое слово «сту-

шеваться», И. Тургенев — слово «нигилист», П. Боборыкин слово— «интеллигенция». С библио-психологической точки зрения, во всяком передвижении всякой ценности по ее траектории особо важный интерес представляет психология подхода человека к человеку. Все книжное дело слагается из таких подходов. Качество и количество этих последних обусловливают собой качественную и количественную сторону книжного дела как трудового потока, начиная от автора и кончая Летой. Подходом человека к человеку управляет особый закон библио-психологии, глубокой практической и теоретической важности, — закон консонанса и диссонанса эмоций. О нем будет итти речь в одной из следующих глав. Мы увидим, что в процессе продвижения всякой ценности, печатного, рукописного и устного слова, по ее траектории консонанс эмоций передающего с эмоциями получающего способствует продвижению этой ценности. Диссонанс же их эмоций мешает ему. Подобные же явления консонанса и диссонанса существуют между эмоциями коллектива (преобладающие в нем эмоции) и индивида. Этот консонанс и диссонанс играет в книжном деле не только не меньшую роль, чем так наз. «содержание печатного или устного слова, но еще более важную. Эта роль обыкновенно не изучается и даже упускается из виду теоретиками и историками литературы. С библио-психологической точки зрения, это меж-книжное и меж-индивидуальное, но вполне социальное явление продвижения словесных ценностей по их траекториям нуждается в особенно серьезном изучении, потому что самый центр тяжести всякого успеха, всякого значения, всякого влияния печатного, рукописного и устного слова находится именно здесь в соотношениях психологий тех, кто передает и кто получает.

Но что значит переход словесной ценности от передающего к получающему? Существуют разные разновидности этого перехода. Простейшая из них передача материальная. Напр., книга как материальный предмет переходит из рук в руки. Неизмеримо более сложен переход книжного «содержания». Здесь перед нами явления слушания и чтения, которые тоже представляют собой не иное что, как процессы трудовые. Слушание есть очень сложный труд. Еще более сложен процесс чтения. Здесь перед нами вопрос: страдает или не страдает в процессе таких передач и переходов самое содержание печатного, рукописного и устного слова? От того или иного решения этого вопроса зависит судьба авторства, литературы, книжного дела. От того же перехода зависит о р е о л книги, ее автора, читателя, рекомендателя и т. д. От этого ореола зависит, в свою очередь, и продвижение книги по ее траектории. Но от того же ореола книги зависит и впечатление от ее глав, фраз и даже отдельных слов. Таким образом, обстоятельства как будто совершенно внешние и посторонние книжному содержанию оказывают весьма существенное влияние на отношение к книге целого ряда лиц.

Всех тех, кто так или иначе участвует в этом процесс продвигания печатного, рукописного и устного слова по их траекто-

риям, мы будем называть работниками книжного дела. Таким образом, к их числу надо отнести как автора, так и читателя, как наборщиков, так и редакторов, как переплетчиков, так и книгопродавцев, и рассказчиков, и декламаторов, и рецензентов и т. д. При этом участие это бывает или положительное, или отрицательное. Иной работник книжного дела создает ему только помехи; тогда как другими книга то проталкивается, то притягивается. Проталкиватели несут на себе работу предложения, притягиватели — работу спроса. И та и другая форма книжного труда имеет своеобразную психологию.

Книжное дело есть процесс, объединяющий труд всех его работников самым своим ходом и своим отношением к социальному коллективу, социальной среде. Каждый отдел книжного дела занимает определенное место в этом процессе и органически связан функциональными отношениями со всеми другими отделами его. Тоже и каждый работник органически связан с другими работниками и от них функционально зависит. С психологией и работников, и этого процесса не может не считаться тот, кто в такой среде работает. Этим и определяется объем понятия библио-психологии в его целом.

Книжное дело как творческий процесс. Его изучение по реакциям.

Но пойдем дальше в глубь книжного дела. Книжное дело есть процесс творческий. В него входит: 1) творчество языка, все формы этого творчества; 2) творчество новых литературных форм, в которых творчество языка кристаллизуется, воплощается; 3) творчество материальных субстратов (книг, брошюр, листков, писем и др. рукописей), в которых формы языка фиксируются; 4) творчество идей, чувств, стремлений, в процессе чтения и слушания, потому что весь процесс читательства — процесс творческий; 5) творчество новых форм жизни, социальной и индивидуальной, под влиянием чтения и слушания; 6) процесс создавания читательства и читателей и процесс превращения некоторых из них в писателей. Ниже мы покажем (в следующей главе), что по самой природе живого вещества как основе психической и биологической жизни весь процесс книжного дела, словно какой поток, может течь только в одну сторону — в сторону творчества, а не разрушения, — это последнее является лишь незначительным и случайным исключением из общего правила. В этом смысле библио-психология, изучающая все явления творческой работы в области печатного, рукописного и устного слова, есть наука о словесном творчестве. Изучение этого последнего входит в объем понятия библио-психологии.

Но одно дело — творчество авторское, и совсем другое дело — творчество читательское; одно дело — творчество оратора, и совсем другое дело — творчество слушателя его.

Выше мы говорили об отношении работника к работнику, передающего к получающему. Одной из самых важных глав библио-психологии является глава, посвященная психологии

этой передачи. Кого мы называем «передающим»? Под этим очень общим названием мы подразумеваем, во-первых, всякого говорящего, коррелятом которого является слушающий; во-вторых, всякого пишущего, коррелятом которого является читающий. По общераспространенному мнению, уже укоренившемуся в течение веков, во всяком печатном, рукописном и устном слове имеется определенное содержание, а именно такое самое, какое в них вложено раз навсегда. Оно имеется потому, что говорящий и пишущий, в процессе речи, «вкладывают» его во всякое свое слово, фразу, текст. По этому представлению, речь как устная, так и письменная, представляет собой как бы особый сосуд, в котором это содержание и может храниться хотя бы до скончания веков: всякий желающий может взять этот сосуд и пить из него это самое содержание, — именно его. Но так ли это? С библио-психологической точки зрения это вовсе не так, потому что процесс вкладывания совсем не то, что процесс получения. И правда, уже в течение тысячелетий известен и тот факт, что чужая устная и печатная речь понимается различными читателями или слушателями по-разному, нередко диаметрально противоположно. Это можно видеть на примере разных споров и разноречивых толкований одного и того же закона юристами и одного и того же текста священного писания верующими. Таким образом оказывается, что содержание, вложенное в устную или письменную речь ее авторами, всегда испытывает некоторую перемену в процессе чтения или слушания. Почему так? Не пора ли спросить: да не кроется ли причина такого явления в самом процессе чтения и слушания, в самой природе их? Здесь перед нами важнейший вопрос библио-психологии, который, вместе с тем, и основной вопрос книжного дела. Этот-то вопрос и должен быть освещен научно и выяснен раньше всех других вопросов, входящих в объем книжного дела.

Из сейчас сказанного вытекает необходимость особого изучения как процесса вкладывания, так и процесса получения. Первый мы будем впредь называть процессом авторства, или просто авторством; второй — процессом читательства, или просто читательством. Не следует смешивать с этими терминами более общие понятия «труд автора» и «труд читателя». Мы будем называть «библио-психологическими ценностями» ценности печатного, рукописного и устного слова, как физические, так и психические.

Так как психология книжного дела сводится к процессу труда и поведению работников, а поведение их представляет собой совокупность реакций, ответов на раздражения, то авторство, на языке объективной психологии, сводится к поставке раздражителей, а читательство — к получению раздражений и реагированию на них. Нельзя не видеть в читательстве результата авторства, так как всякая реакции есть не иное что, как результат раздражения. О значении раздражений мы судим по реакциям на них. Поэтому и о значении авторства необходимо судить по

читательству. Отсюда вывод: первое и центральное место в библио-психологических исследованиях должно занять изучение тех действий, влияний, раздражений, которые оказывает печатное, рукописное и устное слово на читателя и слушателя.

По обычаю и по привычке, издавна установившимся, исследователи этим-то меньше всего и интересовались. Они сосредоточивали свое внимание не на действии слова, а на происхождении его (даже такой психо-физиолог, как В. Вундт), не на влиянии слова, фразы, текста печатного и рукописного, не на влиянии вообще произведения, а на самом слове, фразе, произведении, полагая, что это последнее поддается исследованию и само по себе, помимо его действия на читателя или слушателя. С библио-психологической точки зрения качества всех этих раздражителей могут быть выяснены только по реакциям. Поэтому библио-психология есть наука о реакциях на такие раздражители, как печатное, рукописное и устное слово. Выражаясь языком старой психологии, ее можно назвать психологией восприятия. Качество всякого текста определяется совокупностью всех реакций, какие он произвел, производит и может производить на всех своих читателей. По ним и определяется текст. От изучения этих реакций исследователь может подняться к изучению текста, от чтения и читателя, от слушания и слушателя — к изучению книги и речи. Качества автора и оратора определяются совокупностью всех реакций, которые произведены и могут быть произведены совокупностью всех произведений данного автора или оратора. Значит, с библио-психологической точки зрения в исследованиях книжного дела необходимо итти таким путем: чрез изучение чтения и читателя (resp. слушания и слушателя) к изучению произведений слова, и только после того к изучению авторов. В настоящее время обыкновенно делают так: прежде всего изучаются произведения автора, по ним исследуется сам автор, а что касается до читателя и чтения, все это оставляется за пределами литературы, ее истории и теории, тогда как с библио-психологической точки зрения помимо изучения читательства совершенно невозможно изучить объективно ни истории ни теории литературы. Старая теория литературы делает объектом своего исследования два фактора: книгу и ее автора. Библио-психологическая теория литературы сводит книжное дело к взаимодействию трех факторов: читателя, книги и писателя. Сейчас сказанное будет пояснено всеми последующими страницами этой книги.

Процесс создавания библио-психологических ценностей.

Сделаем краткий обзор тех процессов книжного дела, которые определяют объем понятия библио-психологии.

Подлежат нашему изучению: процесс создавания библио-психологических ценностей, психических и материальных.

А. ЦЕННОСТЕЙ ПСИХИЧЕСКИХ.—В их создавании участвует, потому подлежит библио-психологическому изучению целый ряд

так наз. интеллигентных профессий. Среди них главное место занимают следующие три типа, в чистом виде очень редко встречающиеся в жизни: а) мыслитель, искатель истины («человек ума»); б) художник («человек чувства», мыслящий образами или представлениями); в) администратор, организатор («человек воли»). Создавание психических ценностей предполагает их выявление, реализацию в формах жизни. К типам таких выявителей, иногда вовсе не создающих этих ценностей, а лишь повторяющих, изучающих чужие идеи, и значит, подражающих чужим чувствам и порывам, полученным от других путем психической заразы или иначе как, должны быть отнесены, напр., ораторы, популяризаторы, переводчики, редакторы. Кроме того, существует особый разряд людей, препятствующих выявлению психических ценностей и их внедрению в жизнь. Таков, напр., цензор, который по чужому приказу или по доброй воле, иногда даже по собственному фанатизму, накладывает свою властную руку на продукт чужого психического творчества. К типу цензоров должны быть отнесены многие педагоги и родители и все те, кто, путем внешних, полицейских мер, препятствует свободному создаванию психических ценностей. К отделу создавания ценностей относится психология всех видов творчества: художественного, в том числе и литературного, научного, технического, общественного, в том числе административного, и т. д. Все эти виды творчества хронически воплощаются в жизнь через посредство определенных словесных форм, в виде различных библио-психологических ценностей. Драматическое искусство как совместно с музыкальным, так и отдельно от него, а также и постановка фильм тоже один из видов творческой работы библио-психологического типа. Конечный эффект воздействия духовных ценностей на человеческую культуру и цивилизацию, в связи с действием других социальных факторов, является итогом библио-психологического творчества жизни. Ниже мы покажем, что все это разнообразие созидательной психической работы в области книжного дела может быть подведено под определенные общие принципы и координировано с их помощью. Библио-психология должна научно и объективно выяснить не только основные факты и проявления всех творческих работ в области книжного дела, но и условия, и причины удач и неудач, и целесообразность и нецелесообразность тех или иных приемов этой работы.

На границе между создаванием психических и физических ценностей стоит издатель, в лице которого соединяется администратор, с одной стороны, и печатник, с другой. Выбирая материал для своих изданий, издатель тот же редактор. Организуя печатание и продажу их, издатель принадлежит к числу создавателей библио-психологических ценностей материального характера.

В. ЦЕННОСТЕЙ МАТЕРИАЛЬНЫХ. — К числу профессий, создающих материальную сторону книжного дела, относятся, например, те, которые участвуют в процессе производства бумаги,

краски, шрифта, печатных машин и т. п. Исследования, произведенные в целях профессиональной ориентации, показывают, сколь разнообразна психология всех таких работников. К той же категории создавателей материальных ценностей должны быть отнесены профессии переплетчика и дактилографа, стенографа, корректора, все типографские профессии (труд наборщика, метранпажа, печатника), затем труд гравера, цинкографа, фотографа и т. п., брошюровщика и переплетчика. Так как на читателя действует и внешняя, и внутренняя сторона всякой книги, то с библио-психологической точки зрения все вышеизложенные профессии тоже участвуют в организации книжного влияния. Это видно из того, что стоит лишь какому-либо из этих участников общего трудового процесса исполнить свое дело плохо, и это неизбежно скажется на его результате. Так напр., в 1847 году один наборщик в типографии «Москвитянин» в статье известного славянофила Ю. Самарина [1] вместо слова «примирение» набрал слово «принижение»; корректор не заметил этой ошибки; редактор и автор тоже не заметили ее. Читатели, в том числе и критики, обратив внимание на это слово «принижение», приписали его автору и придали этому слову особенно важное значение. Оно возбудило в психике читателей настоящую бурю, результатом которой явилась затяжная полемика, продолжавшаяся десятки лет. При этом ошибочное слово комментировалось читателями с самых разнообразных точек зрения, в зависимости от того, какие эмоции были в ком возбуждены. Ошибка наборщика и корректора выяснилась лишь через десять лет, [2] но, несмотря на всю свою незначительность, она изрядно посодействовала обострению разлада между славянофилами и западниками: последние с К. Кавелиным во главе энергично ополчились против «теории принижения личности», которой отнюдь не исповедовало славянофильство. [3] Какую роль сыграли ошибки переписчиков до изобретения книгопечатания в искажении старинных текстов, всем известно. Значительную, хотя и невидимую роль играют до сих пор ошибки стенографов, дактилографов, корректоров, в особенности в тех случаях, когда их переделки, пропуски и вставки задевают эмоциональность читателя или слушателя. Эти ошибки механических работников книжного дела имеют очень близкое касательство к итогам книжного влияния, и в настоящее время, по инициативе профессора Фрейда, психология описок, как и обмолвок и ослышек является объектом научного изучения. Изучая описки старинных русских переписчиков XI века, филология пользуется ими для восстановления старинных форм языка. [4] Педагоги судят по описками учащихся детей о их умственном

---

[1] «О мнениях «Современника» исторических и литературных». Появилась в «Москвитянине». 1847, № 2.

[2] См. письмо Ю. Самарина к А. И. Герцену от 9 мая 1858 г.

[3] Иванов-Разумник, История русской общественной мысли. Изд. 1-е, т. I, стр. 263—4.

[4] Томсон, Общее языкознание, стр. 59.

*

утомлении. Нет такого писателя, который никогда бы не был повинен в описках. Вышеизложенное достаточно иллюстрирует ту нашу мысль, что и наборщик, и переписчик, и корректор, и разные другие представители, в сущности, механического труда, участвуют не только в создавании материальной стороны книги: их влияние сказывается и на психической стороне ее. Таким образом процесс создавания книги, обнимающий как создавание «содержания» ее, так и ее ореола, есть процесс единый, целостный, а его психология — одна из глав библио-психологии.

Процесс распространения библио-психологических ценностей и их циркуляция.

Под этим термином следует понимать переход их не только от индивида к индивиду и к коллективу, но и переход их от коллектива к индивиду, причем всегда второй тип распространения преобладает над первым. Всякий из нас, пользуясь теми или иными библио-психологическими ценностями из окружающей среды, всегда получает их в б о л ь ш е м количестве, чем в каком дает их ей. Следует отличать психологию получения этих ценностей из коллектива, из социальной среды, от психологии внедрения в него тех ценностей, которые являются продуктом индивидуального творчества. Существует, наконец, третий вид распространения, когда распространитель является лишь передатчиком того, что им самим не создано, а лишь получено из индивидуального же или социальных источников. Каждый из этих трех видов распространения имеет свою психологию, и судить об одной из них по двум другим и обратно — было бы большой ошибкой. Эта глава библио-психологии имеет особо важный практический интерес, так как подводит социально-психологический фундамент под всякую пропаганду знаний, идей и настроений (т. е. агитацию). Здесь перед нами теория посева библио-психологических ценностей, в процессе которого участвуют три фактора: сеятель, семена и почва, на какую их бросают. Посев этот бывает то сознательный, то малосознательный, то вовсе не сознательный и, тем не менее, ни один из них не остается без тех или иных результатов. Посев этот может то соответствовать требованиям и запросам жизни, то не соответствовать им. Но особенно интересным с библио-психологической точки зрения является изучение психологии сеятеля и его труда, а также применение теории естественного отбора и подбора к выяснению результатов посева. Работу сеятеля библио-психологических ценностей можно бы назвать р а б о т о й п р и с п о с о б л е н и я к с р е д е в ц е л я х п р и с п о с о б л е н и я с р е д ы.

Но что понимать под словом п о с е в б и б л и о - п с и х о л о г и ч е с к и х ц е н н о с т е й? Было бы ошибкой считать им только тиражи изданий и их разбрасывание. Без всякого результата можно разбросать хотя бы и миллионы экземпляров. Посевом следует называть не иначе, как совокупность тех семян, которые у к р е п и л и с ь на той почве, на какую попали, и дали ростки. Поэтому циркуляцию книг надо отличать от посева. Огромное

большинство ныне существующих книг «путешествует мимо», «всегда мимо», «только мимо». Причины или условия такого их непопадания подлежат библио-психологическому исследованию. Ниже мы покажем, что прорастают лишь некоторые элементы книги, но никогда не все целиком. Огромное большинство читателей и слушателей выносят из чтения и слушания лишь очень немногие факты и мысли, очень немногие фразы или слова. Это тоже ставится в вину не иначе, как читателям и слушателям, тогда как с библио-психологической точки зрения это явление подлежит сериозному исследованию. Если столь печальный факт наблюдается всюду и всегда, и со всеми, то не следует ли спросить: почему так? Не зависит ли он от самой природы посева, понимая под ним совместное действие сеятеля, семени и социальной среды? Здесь перед нами опять-таки несовершенство давным давно устаревших взглядов на книгу и ее старая теория: семенами, подлежащими распространению, считается содержание печатного, рукописного и устного слова, а содержанием называется при этом не то, что произрастает, а то, что вложено в эти семена их творцами, т. е. говорящим и пишущим. Нельзя не видеть аналогии такого взгляда с архаической теологической теорией — творца, вкладывающего очень определенные качества в свое творение. Но так ли это? Ответ на такой вопрос может дать только исследование, во-первых, той почвы, на какую падают семена, самого процесса посева, самих семян и сеятеля. Исследование их нам покажет, в чем и как распространение библио-психологических ценностей путем устной речи отличается по своей психологии от распространения речи рукописной и печатной. При этом между той и другой существует ряд промежуточных, переходных форм (чтение книг вслух, рассказывание своими словами и беседы по поводу «прочитанного», драматическое искусство, декламация, мелодеклама-ция, фонограф и т. д.). Все эти формы распространения словесных ценностей, входя в объем библио-психологии, подлежат особому изучению.

Далее, не следует смешивать психологию тех профессий, которые занимаются распространением библио-психологических ценностей, с психологией ее создавателей и потребителей. Здесь перед нами совершенно своеобразные знания, эмоции, идеи, действие и все поведение, — особая профессиональная ориентация и особая психология профессии. Подлежат библио-психологическому изучению три главных вида распространения и распространителей: а) путем слова устного (психология разговора, в том числе по телефону и радио, ораторства, проповеди, лекторства, пропаганды, фонографа и радио); б) слова рукописного (психология частных писем, интимных дневников, мемуаров, гекто- и мимеографов, старых рукописей и т. д.); в) слова печатного (психология издательства, книжной торговли, книжных складов, магазинов, кольпортажа, офеньства, психология библиотечного дела, во всех его разновидностях, психология таких

распространителей печатных произведений, каковы, напр., правительство, разные общества, учреждения, политические партии, школы, церковь и т. д.). Подлежит библио-психологическому изучению работа и таких распространителей, как почта, телеграф, транспорт. С первого взгляда кажется, что эти учреждения почти не имеют никакого отношения к библио-психологии. Но одно дело — писать письмо, будучи уверенным, что его никто не прочитает, кроме адресата, и совсем другое дело писать письмо по тому же поводу в атмосфере черных кабинетов, перлюстрации, перехватывания писем и т. п. Еще Полибий (во II — IV вв. до н. э.) жаловался, что с того времени, как начали писать письма, количество обманов возросло. Оно возросло еще того больше, когда правительства стали читать чужие письма. В древнем Риме тот, кто нарушал тайну чужой корреспонденции, наказывался специально не за то, что вскрыл запечатанный документ, а только за то, что предал огласке чужой документ, не подлежащий оглашению. Ныне в буржуазных странах наказывают не тех, кто вскрывает, а тех, кто доверил письму свои тайны. Психология черного кабинета не может не интересовать библио-психологию, — особенно если принять в расчет, что и как вычитывается из чужих писем перлюстраторами.[1] Напомним о перлюстрации писем во всех государствах земного шара во время войны 1914—18 гг., о перлюстрации писем Распутина и Николая II и т. д. Не следует смешивать психологию перлюстратора с психологией цензора, хотя та и другая оказывают свое действие на распространение и циркуляцию библио-психологических ценностей.

Не следует также смешивать процесса их разбрасывания с процессом их циркуляции. Циркулирует в той или иной мере всякий распроданный экземпляр печатного произведения. Каждый тираж имеет свою область распространения или рассеяния. Мы будем называть эту область диаспорой.[2] Каждая книга, каждое слово, более или менее кристаллизовавшееся, имеют свою особую диаспору. Этот термин применительно к распространению библио-психологических ценностей представляет то большое удобство, что с ним не связано понятие никакой определенной границы ни в пространстве, ни во времени. Каждая библио-психологическая ценность всегда имеет ту или иную диаспору и в пространстве, и во времени. Здесь мы дадим лишь определение этого понятия, о котором будем говорить более подробно. Размеры диаспоры в пространстве и во времени зависят от трудовых процессов распространителей, как проталкивающих, так и притягивающих книгу. Сопоставляя размеры диаспоры с тиражем (количество экземпляров) книги, мы получаем количественное представление о распространенности книги. Но ее распространенность еще не

---

[1] См. Кениг, Черные кабинеты в Зап. Европе. 1905 г.

[2] Диаспорой называются в истории области рассеяния евреев вне Палестины со времен Вавилонского пленения.

значит ее читаемость, так как распространенные экземпляры могут преспокойно лежать в виде мертвого капитала целые века, вплоть до их полного изнашивания. С библио-психологической точки зрения следует сопоставлять распространенность с циркуляцией, т. е. быстротой передвижения в пределах диаспоры. Но и это еще не дает ясного представления о значении книги. Кому не известен случай, что быстро циркулирующая книга еще не значит книга непременно читаемая теми, чрез чьи руки она проходит. Таким образом, работа распространения и распространителей тройная: 1) завоевание пространства и времени; 2) продвигание, организация продвижения в пределах завоеванного; 3) интенсификация действия в толпе с момента водворения и в интересах продвижения.

В интересах библио-психологического изучения этих явлений необходима особая организация статистики. О ней будет итти речь ниже.

Процесс утилизации библио-психологических ценностей.

Под их утилизацией или использованием мы должны понимать превращение их в жизнь. Слушать даже хотя бы самые умные-разумные наставления еще не значит следовать им. Читать наилучшие книги — еще не значит осуществлять их идеи, указания и объяснения на практике. Чтение и слушание их суть только первые шаги в процессе утилизации, а не самая утилизация. Она лишь приоткрывание дверей.

Утилизация библио-психологических ценностей — тоже процесс, один из видов трудового процесса, называемого книжным делом, а эта его разновидность предполагает существование определенных профессий и профессионального труда. Лишь с первого взгляда кажется, что не нужно иметь профессиональной подготовки, чтобы слушать чужую речь. В действительности же, на основании экспериментальных исследований, оказывается, что слушать чужих речей мы не умеем, — не умеет огромное большинство имеющих уши и вовсе не глухих людей. Из 10 — 20 слов мы обыкновенно слышим 5 — 6; из сотни слов, дошедших до наших ушей, мы понимаем 15 — 20; из этого числа понятых мы запоминаем 3 — 4. Такого слушания нельзя считать работой действительно плодотворной. Но и эти слова, которые мы слышим и понимаем, мы понимаем лишь приблизительно и, что особенно важно, даже и можем-то понимать только так. Представляя себе книжное дело как совокупность траекторий всех библио-психологических ценностей, а каждую такую траекторию как ряд этапов, где человек получает их от человека, мы определенно можем утверждать, что на всех этих этапах в сношениях людей с людьми наблюдается большее или меньшее непонимание людей людьми, — в целом или в частях, если не в одном, так в другом. Это непонимание, замечаемое между всеми работниками книжного дела, должно подлежать библио-психологическому исследованию. Непонимание между разговаривающими, как мы увидим ниже, происходит вследствие целого ряда препятствий физиологического,

психологического и социального характера. Отсюда вывод: утилизация библио-психологических ценностей путем слушания представляет собой труд, крайне несовершенно организованный и нуждающийся в большом усовершенствовании. Необходимо выяснить, возможно ли его усовершенствовать, и если да, то каким путем и в какой мере.

Еще более несовершенен другой вид утилизации библио-психологических ценностей, а именно путем чтения рукописей и печатной речи. В сущности, настоящий читатель, поглощающий читаемую книгу слово за словом, фразу за фразой, — существо мифическое. Оно встречается во всяком случае очень редко. Обыкновенно книги вовсе не читаются, а то, что называется их чтением, сводится к скаканию глаз. Читатель перескакивает через буквы, читая слова; перескакивает через слова, читая фразы, а то и через абзацы, параграфы, главы и т. д. До читателя доходит только очень небольшая часть текста, но никогда не доходит весь текст целиком. Содержанием книги считается при этом только то, что дошло. Все это склеивается при помощи цемента, черпаемого из читателя, а не из книги, и в результате получается некоторый конгломерат, который и называется «содержанием книги».

С первого взгляда кажется, что содержание это, составленное из слов, нами вполне понято, потому что нами поняты все слова, из каких оно составлено. Но это не так. Смысл этих слов кажется нам известным потому, что мы узнали его от других людей той же общественной среды, в какой мы родились, выросли, жили и живем. Мы приурочиваем к этим словам так слышанный и так узнанный нами смысл. Смысл каждого слова нашего родного языка — явление общественное, потому что оно социального происхождения. Но к какой же именно реальности какое слово относится? Этого мы не знаем для огромного большинства слов всякой читаемой нами книги. В III главе будет показано, почему это происходит. Между смыслом слов и обозначаемою им реальностью, как мы увидим, имеется пропасть, на краю которой привычные смыслы привычных нам звуков речи обыкновенно и застревают. Поэтому лишь ничтожное число читателей способны передать читаемую ими мало-мальски отвлеченную книгу словами обыденного языка: ее передача обыкновенно сводится к повторению слов той же книги, только в несколько иных комбинациях и в ином их числе. Отсюда вывод: чтение, как и слушание, очень несовершенный путь к превращению библио-психологических ценностей в жизнь. Тем более — оно плохой путь к пониманию жизни.

Переходя к тем формам труда, которые специально посвящены утилизации этих ценностей, отметим четырех главнейших представителей их. Такими являются: 1. Всякий слушатель устной речи. 2. Всякий читатель речи печатной или письменной. 3. Всякий учащийся, утилизирующий библио-психологические ценности в целях изучения. К этой категории принадлежат и педагоги,

читающие ради пополнения своих знаний и в интересах сообщения их другим. 4. Всякий практик, который впитывает прикладные знания из чужой речи в целях какой-нибудь практической работы (учится работать по книгам или по чужим словесным указаниям, а не путем подражания соответствующему поведению других, уже обученных работников). Утилизацией библио-психологических ценностей следует считать во всех этих случаях такое внедрение их в каждого из этих работников, какое сопровождается влиянием на их идеи, эмоции, хотения, действия и на все их поведение.

Здесь перед нами конечная практическая цель библио-психологии, поскольку она наука прикладная, и выяснение путей к этой цели, поскольку она наука теоретическая.

Библио-психология как наука синтетическая.

Теперь, после того, как на предыдущих страницах был дан анализ и содержания, и объема библио-психологии, мы можем дать и более точное ее определение. Мы понимаем под библио-психологией ту отрасль современной (бихевиористской) психологии, объектом которой является поведение работников во всех областях того трудового процесса, который называется книжным делом и включает в себя все процессы создавания, распространения, циркуляции и утилизации всех ценностей печатного, рукописного и устного слова.

Выше было намечено, какие именно отрасли и вопросы должны быть отнесены к числу библио-психологических. Все они имеют одну общую черту: они представляют собою ценности словесного типа, в том числе слова печатного, рукописного и устного. Это значит, что задачей библио-психологии является изучение всех процессов жизни и мысли постольку, поскольку от них зависит действие слова как один из видов поведения (словесное поведение).

Так как процесс создавания, циркуляции и утилизации библио-психологических ценностей является одним из основных трудовых процессов, на каких держится современная, в сущности, вербальная цивилизация и культура человечества, то от рациональной постановки изучения и использования этого процесса зависит и усовершенствование культуры и цивилизации: общение людей в виде взаимного непонимания должно быть в нем заменено общением с максимальным обоюдным пониманием. Это значит: слушающий должен научиться максимально понимать говорящего, а читающий пишущего, независимо от разных препятствий и перегородок и самых разнообразных причин, которые приводят к дифференциации психических и социальных особенностей всех говорящих и слушающих, всех пишущих и читающих. Это значит, что слово печатное, рукописное и устное необходимо сделать орудием общения с тождественным пониманием, тогда как ныне оно лишь орудие общения с многоразличным, искаженным и неодинаковым пониманием одних и тех же форм речи.

Уже из всего сказанного выше нельзя не видеть, что понятие библио-психологической ценности представляет собою понятие очень сложное. Уже в течение целых тысячелетий такие ценности служат объектами научной и философской мысли человечества, и за это долгое время успела накопиться обширнейшая литература, посвященная исследованию этих ценностей. Особенность всех этих материалов — их раскиданность не только по самым разнообразным, но буквально по всем отраслям знания и по всем отделам каталога. Даже в литературе о конхилиологии (наука о раковинах) нам удалось найти очень интересные материалы, касающиеся психологии ученых терминов, — вопроса чисто библио-психологического. Мы не имеем основания утверждать, что главный материал для создавания библио-психологии как особой науки поставляет лингвистика, теория и история литературы, семантика. Очень много ценнейших материалов можно почерпнуть из физиологии, из учения об условных рефлексах академика И. Павлова, из статистики, из теории вероятностей, из методологии истории, из логики и логистики. Библио-психология прежде всего есть синтез старого. В ней новое имеется лишь настолько, насколько нов этот самый синтез старого. Библио-психология прежде всего наука индуктивная и синтетическая, идущая от фактов к их рассортовке, сопоставлению, объединению и обобщению. Чтобы осветить с психологической стороны всю область книжного дела синтетически, т. е. как единое целое, библио-психология старается собрать, систематизировать, использовать, во-первых, данные естествознания и математики, во-вторых, данные гуманитарных (общественных, философских, исторических) наук, в третьих, данные филологии и лингвистики, в четвертых, данные библиографии и библиологии, в пятых, — различных прикладных наук, наконец, в шестых, — всех отраслей современной психологии. Разбросанность библио-психологических материалов, их обилие и пестрота, а также сложность и тонкость психических коррелятов всех явлений, относящихся к книжному делу, очень затрудняют знакомство с библио-психологией и понимание ее точки зрения и основных принципов даже для весьма опытных работников книжного дела, особенно если они принадлежат к типу односторонних специалистов, библиографов и библиофилов «an und für sich», философов книжных полок, не знакомых с естествознанием, социологией и психологией. С библио-психологией повторилось то же самое, что со многими другими науками: она тоже прошла через стадию такого разбросанного состояния, а затем ее объем и содержание как особой науки постепенно выяснились, кристаллизовались, оформились, отмежевались от других наук под напором общественной жизни и ее потребностей. В Зап. Европе и Америке это произошло раньше, чем в СССР.

Библио-психология — одна из социальных наук.

С непростительной узостью взгляда некоторые (впрочем, только русские) авторы видят в библио-психологии один из отделов индивидуальной психологии в ее приложении к психологии читатель-

ства. Из всего сказанного выше в достаточной степени виден социальный характер библио-психологии. Такие явления, как литература, книга, писатель, читатель и все книжное дело, суть явления социальные, равно как и человеческий язык. Создавание, циркуляция, утилизация библио-психологических ценностей — явления социальные. Нет и не может быть в области книжного дела ни одного психического явления, которое не было бы обусловлено социальным фактором. Как чтение, так и влияние книги предполагают для своего существования социальную среду, обусловливающую как их происхождение, так и их развитие, и их результаты. Индивид как таковой (это будет показано в следующей главе) является продуктом коллективной жизни, и из того, что наука изучает индивида, как она же изучает и коллектив, вовсе не следует, что она отодвигает при этом на второй план значение социального фактора в оформлении индивида. Подобно этому, индивидуализация чтения и обучения предполагает существование социальной среды, в которой происходят эти явления и которые постоянно и неизбежно влияют на самую индивидуализацию, ее ход и даже суть. В этом смысле к индивиду, живущему в коллективе, нельзя подойти иначе, как чрез социальный коллектив. Но и к коллективу нельзя подойти иначе как чрез индивида. Самый этот подход — явление тоже социальное. Говорение-слушание, писание-чтение, давание-получение — все это процессы социальные, из которых, как мы и отметили, слагается весь процесс книжного дела. В следующей главе будут выяснены физиологические источники и условия, так сказать, социализации или коллективизации индивида и показана биологическая суть социального фактора во всех областях книжного дела.

Социальный характер библио-психологии виден и из активизма этой науки, и из тех социальных целей, какие она себе ставит, и из тех методов, с помощью которых стремится к этим целям. Библио-психология есть наука о социальном психическом воздействии. Это последнее выражается в виде распространения знаний, идей, настроений, навыков, уменья, в интенсификации труда, в развертывании социально-полезного поведения, в целесообразном и планомерном приспособлении миросозерцаний к трудовому, т. е. активному процессу творчества общественно-полезной работы.

Цели и задачи библио-психологии, теоретические и практические.

Столь сложное, глубокое и бесконечно большой практической важности социальное явление, как книжное дело, уже давно нуждается в специальной дисциплине, посвященной детальному исследованию его психического коррелята. Кто не знает, что имеется множество специально-научных дисциплин, изучающих явления неизмеримо меньшей сложности. История книжного дела всех времен и стран то и дело преподносит нам самые неожиданные парадоксы, нелепости, сюрпризы всех рангов и оттенков как в области авторства и читательства, так и в области

циркуляции и социального влияния книги. Гуманист и моралист Марк Аврелий делается гонителем христиан. Книга «мира и любви» Евангелие ведет к инквизиции. Партийная литература, создаваемая и распространяемая в целях пропаганды партийного миросозерцания, начинает действовать как раз против него. Религиозная литература и церковные проповеди создают атеистов. Гонения на религию Зороастра, Будды и Христа приводят к усилению и распространению именно религиозных переживаний. Заведомо дрянные книги, напр. бульварная французская литература XIX в., вдруг начинают оказывать демократизирующее, т. е. плодотворное действие на толпу и читателей рабочих, которые, читая Монтепена и Понсон де Террайля, приходили еще в 1890—1905 гг. к такому заключению о выводимых там графинях и маркизах: - «Э, раньше-то я думал, что коли он граф, так уж граф, а коли маркиз, так уж маркиз, а оно вот что: все это сволочь». (Из рукописи рабочего В. Савихина.) Одна и та же книга на одного и того же читателя сегодня действует революционно, а завтра контр-революционно. Книга заведомо непонятная, совершенно непонимаемая вдруг заставляет полуграмотного читателя так усиленно работать головой, что он вырабатывает свое собственное миросозерцание из тех элементов, какие в нем были еще со времен детства. (Из рукописи сапожника А. Б.) [1] Просветительная работа иногда создает настоящий туман в голове читателя и усиливает его невежество, облаченное в ученейшие слова и научные термины. Книги, по нашему мнению «хорошие», гниют на полках, а сыщицкие и другие дрянные книжки читаются нарасхват. Умный читатель явно перевирает даже популярную книгу. Глупая книга очень много дает умному читателю, напр. «Рокамболь» Глебу Успенскому. (См. его «На родном пепелище».) Все это библио-психологические парадоксы, а их бесконечно много, и в практике книжного дела они растут, как грибы после дождя. Но самым крупным и самым печальным парадоксом является тот, что слово и книга, вместо того, чтобы быть орудием борьбы за истину и справедливость, действуют во всех странах и во все времена как орудия лжи, мракобесия, насилия, тупоумия, подлости и корысти, помогают не свободе, а деспотизму, эксплоатации, унижению, обеднению и затемнению трудящихся масс, причем печать превращается в настоящую организацию лжи — капиталистической и вообще социальной, церковной и вообще духовной, правительственной и вообще политической, а также национальной, семейной, школьной и т. д. К библио-психологическим парадоксам надо отнести и вопрос о малочтении и многочтении, о начитанных идиотах и о неграмотных мудрецах, а также вопрос о книжной и словесной моде, о словобоязни и словоблудстве. Мы думаем, что только научная теория книги и ее практическое использование во всех областях книжного дела

[1] Из нашей личной переписки с читателями.

могут дать всем его работникам действительно прочное и мощное орудие борьбы с разными печальными явлениями.

Практическую цель библио-психологии можно формулировать так: наука эта должна указать верный и наиболее быстрый и успешный путь к экономизации времени, сил и средств для всех работников книжного дела и вообще умственного труда. Она должна избавить их от напрасной, иногда даже бессмысленной траты их энергии во всех без исключения областях книжного дела.

Такую цель, вместе с практическими способами ее достижения, можно назвать интеллектуальным тэйлоризмом. В этом практическом смысле библио-психология есть интеллектуальный тэйлоризм. Она представляет собою научную организацию всех отраслей труда в области книжного дела.

Но между библио-психологией и настоящим тэйлоризмом, этим детищем капиталистического строя, есть и очень существенная разница: интеллектуальный (библио-психологический) тэйлоризм ставит своей задачей не интересы патрона дрессировщика, а интересы самого работника. Патрон организует труд этого последнего в целях извлекать из него наибольшую выгоду. Задача библио-психологии — научить самого работника так организовать свой умственный труд, чтобы извлечь из него максимальную выгоду для социального коллектива, а чрез него и для самого себя. Библио-психология указывает работнику пути и способы скорейшего и основательного самовооружения научными знаниями, уменьем мыслить и общественным настроением, пути самообразования, самовоспитания, самоопределения в интересах коллектива, в недрах коллектива и вместе с коллективом. Здесь перед нами чисто практический вопрос о библио-психологических способах создавания общественно-необходимых сознательных кадров образованных и просвещенных работников, строителей нового строя. Библио-психология не должна иметь ничего общего с натиранием очков и формировкою лжецов. Ее цель — развитие самостоятельного мышления, чувствования и воления. Идеалам стада и человека из стада она противопоставляет идеал борца, не за страх, а за совесть преданного творческой социальной работе. Мы дальше покажем, что во всех странах практикуемые методы интеллектуальной дрессировки и муштры, пропаганды и налезания просто напросто невыгодны ни для индивида, ни для коллектива, потому что не экономичны и не соответствуют естественным законам создавания, распространения и утилизации ценностей печатного, рукописного и устного слова. К практическим же целям библио-психологии относится и борьба с вербализмом, клеветою и ложью всех видов и разновидностей. Кроме этих общих целей библио-психологии, имеется в каждом отделе книжного дела и свой специальный отдел.

Практика книжного дела, разумеется, нуждается в теории, так как при неправильной теории печатного, рукописного и устного слова вышенамеченные практические цели совершенно недоступны.

Библио-психология ставит себе следующую теоретическую цель:

она ищет способов внести в изучение книжного дела объективность понимания. Только в таком случае знание ведет к предвидению, а предвидение к действию, как говорил Огюст Конт. На предыдущих страницах мы уже наметили эту цель и показали, в чем она заключается. Библио-психология ищет способов объективно оценивать всякое субъективное суждение, никого не лишая права дорожить субъективными своими оценками любого явления. Каждая гора в Альпах похожа только на самое себя, но это не мешает нам измерять их высоту от уровня моря. Этот эталон, т. е. уровень, представляет собою мерку для оценки всякой индивидуальности по его амплитуде, т. е. по уклонению от среднего уровня. Подобно этому библио-психология стремится оценивать всякую индивидуальность, будь то автор, читатель или иной работник книжного дела, по его амплитуде, удаленности от среднего уровня, а этот уровень, как мы увидим в последних главах этой книги, специальный метод библио-психологии дает возможность установить, не умаляя ничьих прав на какие угодно субъективные мнения и оценки.

Теперь вряд ли кто оспаривает целесообразность библио-психологии как особой научной дисциплины, посвященной книжному делу во всей его психической сложности. Если вся современная культура и цивилизация, как мы уже заметили выше, держится на книжном деле, как может не существовать особой науки о таком их базисе?

Каждая новая научная дисциплина, рассчитывающая на особое существование, должна оправдать такое свое домогательство, во-первых, указав свой особый объект, не совпадающий в его целом с объектами других автономных дисциплин; во-вторых, свой определенный, специальный метод, примененный к исследованиям этого объекта и проливающий на него свой особый свет; в-третьих, свои особые цели. На предыдущих страницах в достаточной степени был выяснен специфический объект библио-психологии. В III главе будет итти речь о ее специальном методе. Что касается до ее целей, они в достаточной степени выяснены на предыдущих страницах и более подробно выяснятся на протяжении всей книги. Эти цели можно формулировать так:

1) Превращать печатное, рукописное и устное слово из орудия взаимных непониманий в орудие взаимного понимания.

2) С этой целью найти научные способы формулировки своих собственных мыслей на языке не только своей, но и чужой психологии.

3) Научно организовать психологическую ассимиляцию знаний реальных вместо словесных, т. е. понимание слов заменить знанием и пониманием реальностей.

4) Этим способом превращать печатное, рукописное и устное слово в реальное и могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость.

5) Из этой последней цели естественно вытекает самая ожесточенная борьба с натиранием очков, дрессировкой, тренировкой

и муштрой, со всякого рода «bourrages des crânes» (фарширование мозгов).

Другими словами, задача такова: заменить умственную деятельность пассивную умственною деятельностью активной, умственным самовооружением, самовоспитанием, самодеятельностью, самоопределением в пределах своего социального коллектива и в его интересах как и в интересах индивида, неотделимых от тех.

Ниже мы покажем, что все эти цели являются логическим и естественным следствием или выводом из естественно-научной теории книги, которой посвящены все последующие главы. Одна из задач ее автора — показать и теоретически, и практически, что, только опираясь на естественные законы, лежащие в основе книжного дела и обоснованные социально-психологически и биологически, можем мы развернуть это дело и в глубь, и в ширь, и в высь. Старая его теория отжила свой век не в меньшей степени, чем спекулятивная, эмпирическая и вообще старая психология. Все поведение каждого работника книжного дела должно сообразоваться только с естественными законами, а не с традиционной трухой и не с словобоязнью и словоблудством замаринованных доктринеров.

Отделы библио-психологии.

Психология книжного дела, как и психология общая, в виду сложности и разновидности своего объекта и в виду обширности материала, должна быть подразделена на ряд отделов, которые в настоящее время более и менее уже разработаны, и о которых необходимо сказать два слова. Как и всякая другая наука, библио-психология разделяется на теоретическую, описательную и прикладную, причем первые две исследуют библио-психологическую действительность («то, что есть»). Их цель — каузальное исследование реальности. Здесь исследователь подходит к фактам книжного дела, во-первых, идеографически, т. е. констатируя и описывая их, а во-вторых, номотетически, т. е. исследуя их повторяемость и закономерность. Прикладная библио-психология представляет собою библио-психологическую цель. Как наука, родившаяся индуктивно в вихре жизни и революции, борьбы с царизмом и капитализмом и с церковностью, как их рабом, библио-психология с самого своего возникновения, еще в 1889 году поставила практику впереди теории, а то, что было выяснено практикой, было теоретически оформлено путем психологических и социологических и др. научных исследований лишь в 1910 году.[1] К прикладной библио-психологии относится библио-психология педагогическая, библиотечная, библио-психология популяризации и самообразования, пропаганды и агитации. Все эти отделы так тесно соединены с библиологически-психологическими теориями, что мы не решаемся определенно провести границу между прикладной и теоретической библио-психологией. Далее, от библио-психологии

[1] См. статью «Психология книжного влияния», в журн. «Новая жизнь», 1910, XII.

нормальной необходимо различать библиологическую психопатологию; к ее области относятся, напр., такие явления, как расстройства речи (афазия, эхолалия, парафазия, глоссолалия и т. д.), расстройство письма (аграфия, графомания и т. п.), расстройство слышания (словесная глухота), психопатология авторства, литературного творчества и вообще изучение любых патологических продуктов его (напр. книг и стихов, исповедей, «ученых» трактатов и т. д., написанных ненормальными людьми). Сюда же относится психопатология гения и таланта, затем психопатология коллективная, охватывающая целые социальные группы. Область патологических явлений библио-психологического характера очень обширна, и ее научное исследование объясняет многое в библио-психологии нормальной.

Далее библио-психология должна быть подразделена на индивидуальную и социальную. Правда, индивидуальная библио-психология не может не рассматривать личность как продукт социальной среды, но детальное и углубленное изучение тех библио-психологических явлений, какие происходят в личности работника и в процессе его хотя бы и общественной работы, является необходимым дополнением и основой изучения той же личности в связи с психологией ее социальной группы. Библио-психологические явления, происходящие в личности, представляют ту почву, на какую действуют психологические же влияния, идущие от других личностей, из социальной группы и социальной среды вообще. Социальные сходства вовсе не исключают индивидуальных особенностей и обратно. Личная инициатива, личное творчество вовсе не исключает стадности и подражательности. Ниже мы покажем, что и индивидуализация библио-психологических явлений не только не исключает, но даже предполагает их коллективизацию и обратно. В таком же соотношении находится индивидуальная библио-психология с коллективной или социальной. Оба эти термина мы будем понимать всегда в одинаковом смысле, но из отдела библио-психологии социальной мы считаем полезным выделить тот ее отдел, который Г. Тард назвал интер-психологией, или интерментальной психологией, объектом которой служат явления, происходящие между двумя или несколькими индивидами, напр. между говорящим и слушающим, между пишущим и читающим, между тем, кто дает, и тем, кто берет, между всякими двумя или несколькими индивидами, которые подходят друг к другу, притягиваются, сближаются или отталкиваются.

Далее следует различать: 1. общую библио-психологию и 2. специальную. К общей мы относим общую библио-рефлексологию, физиологическую библио-психологию (анатомо-физиологическое изучение библио-психологических процессов), напр. анатомию и физиологию речи, анатомию и физиологию желез, половых и др., поскольку они влияют на библио-психологические явления, и т. д.

К общей же библио-психологии мы относим библио-психологическую психо-физику, а также изучение тех психических

процессов, которые представляют собой элементы процессов библио-психологических.

Библио-психология специальная обнимает, напр., библио-психологию разных возрастов, разных полов, разных рас и национальностей, библио-психологию отдельных профессий, разных общественных классов и т. д. Число специальных отделов безгранично велико.

От библио-психологии специальной следует отличать библио-психологию дифференциальную или учение о психических различиях индивидов. Это различия могут относиться как к индивидам одного и того же пола, возраста, расы, одной и той же профессии или общественного класса, так и к разным; как к отделам одного и того же социального коллектива, так и к разным. Дифференциальная библио-психология то же, что сравнительная.

Одним из отделов сравнительной библио-психологии является библио-психология зоологическая. Сюда относится изучение выразительных движений разных животных, их мимики и пантомимики, их криков и того психического значения, какое придают этим крикам, во-первых, другие животные, а во-вторых— люди, напр. их дрессировщики и хозяева (интер-животная речь). К зоологической библио-психологии относятся такие явления, как мыслящие лошади Кролля в Эльберфельде, которые изучались профессором Э. Клапаредом и многими другими, дрессированные собаки и обезьяны и т. д., решавшие задачи, говорящие попугаи, сороки и др. птицы, вообще разговоры людей с животными. Сюда же относятся опыты В. Бехтерева над собаками Дурова. [1] Изучением библио-психологических явлений у разных животных и явлениий, происходящих между ними и человеком, выясняются многие существенные и глубокие явления книжного дела, напр. влияние половых инстинктов на животные крики, шумы и пение, да и на песни и вообще настроения поэтов всех времен и народов.

Отметим затем библио-психологию генетическую, объект которой — изучение всех библио-психологических перемен, последовательно происходящих в психологии индивида и коллектива с течением времени. Книжное дело есть явление, закономерно изменяющееся с ходом времени. Оно может быть изучаемо только диалектически и в процессе его эволюции. Не только писатель и читатель и всякий другой работник книжного дела, но и каждое библио-психологическое явление, — и речь, и ее формы, и содержание печатного, рукописного и устного слова, — имеет свой онтогенезис и филогенезис. Все они представляют собой не нечто застывшее, а нечто текучее, вечно изменяющееся. Подлежат библио-психологическому изучению и сходства и различия в онтогенезисе и филогенезисе, этих двух разновидностей эволюции, — эволюции вида и индивида.

---

[1] См. В. Бехтерев, Коллективная психология, 1925, 113 стр. Вопросы изучения и воспитания личности, 1920, № 2.

Особо важное значение имеет с библио-психологической точки зрения коллективная психология или рефлексология книжного дела. К этому отделу относится библио-психология языка, литературы, науки, искусства, права, религии, поскольку они являются факторами книжного дела. Сама библио-психология, как мы уже отметили, является наукой социальной и лишь искусственно выделяется из социального комплекса явлений. Следует еще отметить библио-психологическую географию, изучающую распределение библио-психологических явлений в пространстве, и библио-психологическую историю, изучающую их распределение во времени. Сюда относится, напр., история письменности и история литературы, история всех областей книжного дела. Поскольку историю как науку идеографическую нельзя смешивать с учением о социальной эволюции как науки номотетической, постольку нельзя смешивать и библио-психологическую социологию с генетической библио-психологией. Каждый из вышеперечисленных отделов библио-психологии имеет не только свой особый объект, но иногда и свой особый метод, и преимущественно утилизирует некоторые определенные методы, почти не утилизируя других.

Литература не только на иностранных языках, но и на русском по всем отделам библио-психологии очень обширна. Указатель ее, имеющийся в библиотеке Секции библиологической психологии (в Лозанне), содержит более 30 000 названий книг, брошюр и статей на разных языках. Изучая их, нетрудно восстановить общий ход истории библио-психологии, начиная с древнего востока и до наших дней. К сожалению, по недостатку места, мы не можем не исключить из этой книги как отдела истории нашей науки, так и библиографии ее.

Глава II.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БИБЛИО-ПСИХОЛОГИИ. ТЕОРИЯ РЕФЛЕКСОВ И МНЕМЫ КАК ФУНДАМЕНТ КНИЖНОГО ДЕЛА.

А. ЕСТЕСТВЕННЫЕ И УСЛОВНЫЕ (СОЧЕТАННЫЕ) РЕФЛЕКСЫ.

Реакции как основная форма проявления жизни.

В предыдущей главе шла речь о психологии книжного дела во всей его сложности, и было показано, что центральное место занимают в нем следующие факторы: читатель, книга, писатель и социальная среда. Было также отмечено, что каждое явление в области книжного дела имеет свой психологический коррелят, а исследование этого последнего и является задачей библио-психологии. Там же было показано, что всякое психическое явление как таковое имеет свою субъективную и объективную сторону, причем первая, как непосредственное переживание, познается интроспективно и потому имеет ценность только для того, кто его так переживает, тогда как вторая (объективная) дает исследователю в высшей степени важный материал для беспристрастного иссследования интимных переживаний и для их характеристики независимо от переживаний их субъекта, причем интроспективные свидетельствования не отбрасываются, но строго контролируют их. Наконец, в предыдущей главе было сказано, что субъективные интроспективные переживания должны быть исследуемы по их внешним проявлениям, совокупность которых мы условились называть поведением (индивида, как и коллектива).

Теперь мы будем говорить об этих реакциях как об основной форме проявления жизни.

Сосредоточим наше внимание на двух основных явлениях: во-первых, на живом организме; во-вторых, на той среде, в какой он находится в данное время. Среда является поставщицей раздражений. Живой организм, соприкасаясь с нею, дает свой ответ на всякое полученное раздражение. Этот его ответ называется его реакцией. Под этим термином мы будем понимать ответное действие живого существа, в нашем случае—человеческого организма, на раздражение, получаемое им из окружающей среды.

Из этого определения видно, что в такой реакции участвуют не иначе, как два фактора—организм и среда, и оба они являются

необходимыми и нераздельными элементами всякой реакции. Среда является поставщицей раздражений, организм получателем их. Здесь перед нами опять-таки акты давания и получения, о чем уже шла речь в предыдущей главе. Если раздражение идет даже изнутри человеческого организма, напр. из какого-нибудь его органа, то этот последний является внешним раздражителем для других органов того же организма. Психологическое изучение книжного дела необходимо начать с изучения реакций, так как эти последние представляют собой, во-первых, основное, во-вторых, первичное, а в третьих, простейшее проявление жизни. Понять всю сложность книжного дела как поведения его работников — это значит свести его к простейшим реакциям, т. е. явлениям биологического типа. На раздражения, идущие из среды, реагирует как простейший, так и сложнейший организм, как одноклеточный в роде амебы, так и многоклеточный,— человек. Чем сложнее организм, тем сложнее его реакции. Мы будем говорить о реакциях человека.

Реакции бывают: 1) внутренние, в виде психических переживаний, незаметных со стороны; 2) внешние, в виде тех или иных движений или секреционной деятельности желез. Интроспективно наблюдаемое пережйвание представляет собой все-таки реакцию, если оно вызвано каким-либо воздействием со стороны. Чтобы такое переживание проявилось в виде движений, оно должно достигнуть определенной силы. Между реакциями внутренними и внешними существует длинный ряд переходных форм их, но нет такой внутренней реакции, которая ничем и нисколько бы не выражалась во вне, хотя иногда она и не поддается объективному констатированию. Так, напр., читая отвлеченную книгу, иной читатель переживает ее как будто бы интроспективно только. Но это лишь кажется. При более внимательном изучении можно видеть, что спокойное чтение сопровождается, напр., игрою мышц на лбу, — сдвиганием и раздвиганием бровей и т. д. Можно доказать экспериментально, что при самом спокойном чтении наблюдаются некоторые изменения в дыхании, кровеобращении, в пульсе, в деятельности сердца. Некоторые из этих реакций становятся видимыми извне. Как известно, есть такие читатели, которые, читая книгу, меняются в лице, вскакивают, жестикулируют, плачут, смеются и т. д. Всякому интроспективному состоянию читателя соответствуют какие-либо внешние реакции, и если наука когда-либо определит, какие именно проявления внешние соответствуют каким переживаниям внутренним, интроспективным, и всегда предполагают и сопровождают их, тогда по внешним реакциям можно будет судить о внутренних, по объективным о субъективных.

Всякая реакция выражает собою определенное отношение между организмом и средою. Это отношение может быть трояким, смотря по тому, на чьей стороне перевес энергии. Всякий организм представляет собой некоторый запас энергии различного

рода (химической, электрической, тепловой, механической и т. д.), накопленной из окружающей среды как в процессе онтогенезиса, так и филогенезиса. В этом процессе энергия, во-первых, накопляется, во-вторых, трансформируется, в третьих, проявляется в виде разряда или взрыва. Если ее запас в организме недостаточно велик, среда возьмет верх над организмом, и ему придется или погибнуть, или приспособиться к среде, подчиниться ей. Но может быть и обратный случай: организм содержит в себе такой запас энергии, который берет перевес над окружающей средой, развивается и размножается, не считаясь с нею, и подчиняет ее себе. Может быть и третий случай — равновесие.

Здесь перед нами и механическая, и биологическая база книжного дела. Его работники или приспособляются к среде, поступаясь своим, или приспособляют среду, переделывают ее согласно своим целям и стремлениям и вообще своему напору на нее, или существуют в пределах равновесия, не нарушаемого до поры до времени. Антагонизм между организмом и средой—основное явление книжного дела.

Необходимо теперь изучить явления реагирования организма на среду. Это значит изучить: 1) податливость или неподатливость, восприимчивость или невосприимчивость организма к внешнему напору на него; 2) формы сопротивления и вообще реагирования, — внешние и внутренние реакции.

Раздражимость живого вещества как основа его реакций на среду.

Раздражимостью или возбудимостью называется в науке способность живого вещества отвечать изменением своего материального равновесия на изменения, происходящие во внешней среде. Раздражителем называется всякое изменение во внешних условиях жизни (Ферворн). Разумеется, не следует понимать, что среда при этом как бы налезает на организм.

Всякое изменение, происходящее в среде, уже этим самым нарушает предыдущее состояние организма, в ней находящегося. Отсюда необходимость (достаточное основание), чтобы организм реагировал на происшедшее нарушение равновесия и восстановил его каким-либо способом, приспособился бы к тому, что произошло вне его. Живое вещество сокращается, съеживается при прикосновении к нему, при раздражении его теплом, электричеством, светом и т. д. Внешней, объективной раздражимости соответствует внутренняя, субъективная возбудимость; физическому явлению соответствует психическое. Где граница между сложнейшим органическим веществом и простейшим существом, это еще не выяснено наукой. В процессе филогенезиса простейшие живые существа развились в очень сложные психофизические организмы. Работники книжного дела — одни из них. Соответственно с замечательной сложностью его анатомо-физиологической природы, наблюдается и сложность реакций психофизического организма на раздражения, получаемые им из окружающей среды. Печатное, рукописное и устное слово пред-

ставляют собой особые разновидности раздражителей, раздра-
жители библио-психологические. Чтение, слушание, письмо—суть
реакции нашего организма на таких раздражителей. Биоло-
гической основой книжного дела является раздражимость живого
вещества, его реакции на внешние раздражения. В этой главе
пойдет речь о таком биологическом фундаменте.

С биологической точки зрения, каждый работник книжного
дела представляет некоторый запас энергии, которая находится
в состоянии отчасти кинетическом (в виде энергии движения),
а отчасти и потенциальном, т. е. не проявляя себя до поры до
времени,—впредь до получения какого-либо внешнего раздражения.
Но энергия непроявляющаяся, скрытая, все-таки энергия,—запас
ее. Потенциальная энергия постоянно переходит в кинетическую и
обратно. От величины ее запаса зависит относительная неза-
висимость организма от окружающей среды. Раздражения,
получаемые живым существом из окружающей среды, являются
стимулом (внешней причиной или толчком) для проявления
запасенной энергии, для разряда ее. В этом разряде, в этом
обнаружении накопленного запаса энергии обнаруживается по-
видимому самопроизвольная активность организма: скрытая энергия
обнаруживает, экфорирует (т. е. выносит из латентного состояния).
Здесь перед нами самая характерная особенность поведения
живого существа.

О сложности всякой реакции человеческого организма на
внешние раздражения можно судить вот по чему. Когда работают
органы тела, — мышцы, железы, нервы, мозг, значит работают
живые, протоплазматические клеточки, из каких они составлены,
а значит и молекулы, атомы и электроны, из которых сложено
живое вещество. Человек представляет собою сообщество клето-
чек, и жизнь такого организма в силу этого — с о ц и а л ь н а я
жизнь. Реакции организма на раздражения идут из среды —
это не индивидуальный, а социальный ответ на них.

Во всякой реакции участвует в е с ь организм, а не какая-
либо одна из его частей. Строго говоря, мы чувствуем, мыслим,
стремимся всем нашим телом, а не только нервно-мозговой систе-
мой, потому что психо-физический механизм человека интегрален.

Элементы рациональные и иррациональные и подсознание.

Реакции человеческого организма бывают трех
видов: бессознательные, полусознательные и со-
знательные. Сознавать свою собственную реакцию
на какое-нибудь внешнее раздражение — это
значит констатировать ее. Когда в глаза попала
соринка, мы констатируем бессознательное наше движение уда-
лить ее оттуда и сознательное — стараемся удалить ее. Когда
спящему человеку щекочут нос, он бессознательно отмахивается
от этого. Полусознание, т. е. неясное сознание, постоянно пере-
живается нами в процессах чтения, говорения, слушания, дей-
ствия. Между реакциями самыми сознательными и самыми бес-
сознательными существует множество переходных ступеней, ко-
торые незаметно переходят одна в другую. Библио-психологи-

ческие процессы, которые иногда кажутся сознательными и осознаются, на самом деле полусознательны или несознательны, и мы не можем дать себе отчет, почему мы так реагируем. Почему иная книга, которую мы еще не читали, уже кажется нам хорошей и интересной, хотя наш ум и неспособен дать ответ на такой вопрос? К числу бессознательных явлений относятся такие, как интересы, привычки, автоматические действия, инстинкты, эмоции (чувства). Мы будем называть их в нашем дальнейшем изложении иррациональными элементами нашего Я, потому что объяснить их при помощи разума мы не в силах, а если и пытаемся иногда толковать их интеллектуально (рационально), то, исчерпав все доводы разума, мы упираемся, словно в стену, в какое-нибудь иррациональное стремление, объяснить которое не в силах. В таких случаях доводы разума оказываются, так сказать, лишь внешней одеждой этого иррационального стремления, и такую реакцию нельзя причислить к типу сознательных. Бессознательные и полусознательные реакции играют в области книжного дела, как и в нашей жизни вообще, неизмеримо более важную роль, чем реакции сознательные, а реакции осознанные очень малочисленны сравнительно с реакциями неосознанными. Таков факт, с которым необходимо считаться, исследуя психологию книжного дела.

Из того факта, что некоторые из наших собственных реакций не осознаются, т. е. не констатируются нами самими, следует сделать очень важный вывод: некоторые психические явления, в нас происходящие, доходят до нашего сознания, а некоторые не доходят. О таких принято говорить, что они находятся в подсознании. Этот термин, которым нам придется довольно часто пользоваться, нуждается в предварительном пояснении. Мы будем называть «сознанием» психическую деятельность подотчетную, т. е. нами констатированную в самих себе — совокупность всех наших реакций, все наше поведение, в котором мы себе можем дать отчет. «Подсознанием» мы будем называть всю совокупность таких наших реакций, какие для нас протекают незаметно и мы не можем дать себе отчета, существуют они или нет. Между первым и вторым видом нашего поведения, т. е. этих двух типов реакций, существует незаметный переход, доказывающий, что здесь перед нами не две области различные по существу, а одно и то же явление, отличающееся только по степени, по интенсивности.

В процессе чтения сознательно мы воспринимаем то слово, на каком сосредоточили внимание; подсознательно воспринимаем в то же самое время и другие слова читаемой книги. С перемещением точки сознания перемещается и круг подсознания. При этом выясняется, что и в подсознании, и в сознании существуют как явления интеллектуальные, так эмоциональные, и волевые. Так, напр., известны случаи, что знаменитейшие математики решали труднейшие задачи во сне, — их подсознание делало ту же работу во время сна, какую делал в состоянии бодрствования их

интеллект. Многие писатели свидетельствуют, что творили свои самые страстные (эмоциональные) произведения во сне. Многие субъекты во сне разговаривают, пишут, ходят и вообще действуют, руководимые подсознанием. Отметим еще один очень важный факт: многие явления не доходят до нас из окружающей среды в силу того, что, сравнительно с нашими органами чувств, слишком слабы те раздражения, какие мы от этих явлений получаем. Так, напр., образ свечи, стоящей в ночной темноте перед нами, мы ясно осознаем, даже если она стоит в 10—15 саженях от нас. Но если та же свеча стоит ночью же на пригорке за полверсты от нас, мы уже не видим и не осознаем ее образа, хотя все-таки получаем от нее световые лучи: глаз наш не настолько чувствителен, чтобы их замечать.

Лошадь, стоящая среди дня перед нами, переживается нами как образ такой-то лошади; та же лошадь, стоящая за полверсты от нас, уже не различается нами как т а к а я-т о лошадь, а лишь как лошадь вообще (образ ее утерял индивидуальность и превратился в общее представление); хотя световые лучи попрежнему приносят к нашим глазам все детали этого образа, но эти детали уже не доходят до нашего сознания, т. е. не констатируются нами, вследствие того, что являются слишком слабыми раздражителями наших глазных нервов. Наконец, та же лошадь, видимая нами с еще большего расстояния, осознается нами уже не как лошадь, а какое-то животное, которое может быть или лошадью, или каким иным четвероногим. Это значит, — еще больше деталей ее образа не дошло до нашего сознания. А на расстоянии еще большем мы сможем осознать лошадь лишь как предмет какой-то, может быть живой, а может быть и не живой: все остальные признаки лошади остаются з а п р е д е л а м и с о з н а н и я, вследствие слишком малой величины раздражения, получаемого от них живыми клеточками нашего тела. Субъективные переживания деталей находятся в подсознании. Но что они существуют, это можно доказать экспериментально, если каким-либо способом (напр., путем гипнотизации, путем наркотиков) усилить чувствительность глаза: усиленная раздражительность протоплазмы доводит очень слабые раздражения до сознания. Известны случаи, что наш организм все-таки реагирует на очень слабые раздражения, хотя они и не констатируются нами. Напр., читатель чрезвычайно быстро бегает глазами по книге, которую еще не читал. До его сознания доходят приэтом очень немногие фразы и слова ее. И вот оказывается, что подсознательно он вычитал из этой книги гораздо больше того, чем сколько самому ему кажется. А через некоторое время он сам извлекает из своей памяти то, что вычитал тогда бессознательно.

Из предыдущего видно, что термину «подсознание» мы придаем смысл, не имеющий ничего общего ни с метафизикой, ни с теологическим его толкованием.

Исследования подсознания и подсознательных реакций пред-

ставляют особенный интерес для библио-психолога, в виду той решающей роли, какую они играют в книжном деле.

Переходим теперь к анализу реакций человеческого организма.

Фазы реакций. Всякая реакция представляет собой акт интегральный, т. е. единый и нераздельный. Жизнь есть совокупность интегральных реакций. Отсюда интегральность жизни, а значит, и личности как ее носителя. Поэтому всякую классификацию психических явлений, напр., на интеллектуальные, эмоциональные и волевые, нельзя не считать искусственной; если же ею все-таки приходится пользоваться, то исключительно ради удобства исследования. Подобно этому, в сущности, искусственно и разделение всякой реакции на фазы или моменты. И тем не менее оно тоже необходимо в тех же целях. Путем абстрагирования различают во всякой реакции, по крайней мере, три фазы: 1) рецепторную или сензорную, 2) центральную и 3) аффективную или моторную. Первая из них характеризуется получением раздражений (латинское слово recipio значит «получаю»; senseo — «чувствую»); вторая фраза — переработкой этого раздражения; третья — ответом на нее, которой выражается в высших организмах двояко: или сокращением мышц, или усилением выделительной работы желез. Между тремя фазами реакций наблюдается функциональная зависимость, причем первую фазу (получения раздражения) надо рассматривать как независимую переменную. В разных случаях все три фазы реакции могут протекать с различной скоростью. Не все они бывают заметны извне и не всегда можно констатировать их интроспективно, как о том уже было сказано выше. Иногда кажется, что третья фаза наступает сразу за первой. Иногда она задерживается, тормозится. Иногда выражается чрезвычайно слабо. Обыкновенно целый ряд реакций происходит одновременно, и они влияют одна на другую, что маскирует действие каждой. Первую фазу не без основания называют познавательной и приурочивают к «познанию» или, так сказать, к ощупыванию окружающей среды, к процессу интеллектуального типа; вторую — эмоциональной, третью — волевой. Здесь перед нами служебная схема, удобная для пользования, если при этом мы не будем забывать ее условного смысла.

Три главных фазы реакции по Токарскому можно классифицировать на следующие одиннадцать моментов анатомо-физиологического типа: 1) возбуждение чувствительных элементов органа чувств, воспринимающего раздражение; 2) передача возбуждения периферическим нервным узлам и нарастание в них возбуждения, необходимого для дальнейшей передачи; 3) передача возбуждения дальше по чувствующим нервам до клеток спинного мозга; 4) нарастание возбуждения в этих клетках; 5) передача до клеток органа восприятия; 6) нарастание возбуждения в этих клетках. Таков ход реакции от периферии до центральной нервно-мозговой системы, от нервных окончаний и по чувствующим

(аффективным) нервам до центра. Затем начинаются фазы перехода возбуждения от центра к периферии. Эти фазы суть: 7) распространение возбуждения по ассоциативным волокнам и клеткам; 8) передача возбуждения на двигательные клетки; 9) возрастание возбуждения в этих клетках; 10) передача возбуждения по двигательным нервам до мускулов (или желез); 11) период скрытого возбуждения в мускулах и их сокращение (и усиленной выделительной деятельности желез).[1]

Рефлексы. Из предыдущего видно, что фазы всякой реакции представляют собой как бы дугу с двумя ветвями: приносящие, или чувствующие, и выносящие, или двигательные. Органы чувств представляют собой, по удачному выражению профессора Уотсона, как бы химическую лабораторию, где, под влиянием внешних раздражений, освобождается энергия, дающая начало нервному импульсу. Поток энергии от периферии несется к центру, а затем как бы отражается от него. Нервно-мозговой реакции этого типа дано поэтому название р е ф л е к с а: слово рефлекс (от латинского слова «reflectere» — «клонить назад») значит «отражение». Рефлекс — одна из разновидностей реакции. Некоторые авторы приравнивают к рефлексу всякую реакцию. Рефлекс представляет собою реакцию н а с л е д с т в е н н у ю, так как механизм его и функционирование этого механизма получается животным по наследству от предков, вырабатывается в течение тысяч и миллионов поколений, путем филогенезиса. Большое значение понятия «рефлекса» для библио-психологии видно из того, что целый ряд самых сложных явлений книжного дела находят для себя общее биологическое и механистическое объяснение, так как все их разнообразие подводится под один и тот же принцип, незыблемость которого подтверждается экспериментально каким угодно большим числом опытов и этим выводится из той области, где сложные социальные явления до сих пор кажутся очень пестрой массой «отдельных случаев», чего нет на самом деле.

Рефлекс — явление не только физиологическое, но и психическое. У каждого рефлекса имеется свой психический коррелят. Выражаясь словами академика И. Павлова, рефлекс означает, что «в тот или другой рецепторный (т. е. получающий, воспринимающий) нервный прибор ударяет тот или другой агент внешнего мира или внутреннего мира (из недр того же самого организма); этот удар трансформируется (переделывается) в нервный процесс, в явление н е р в н о г о в о з б у ж д е н и я». Возбуждение представляет собою явление психическое. «По нервным волокнам, как по проводам, оно бежит, напр., в центральную нервную систему, а оттуда, благодаря установленным связям, по другим проводам приносится к рабочему органу, трансформируясь в свою очередь в специфический процесс клеток этого органа. Таким образом,

[1] Цитирую по К. К о р н и л о в у, Учение о реакциях человека, 1922, стр. 11 — 12.

тот или другой агент закономерно связывается с тою или другою деятельностью организма как причина с следствием».[1] «Рефлексы суть элементы постоянного приспособления или уравновешения,—закономерные, машинообразные реакции организма, обусловленные организацией данной нервной системы». Механичность, точность, непроизвольность, приспособленность, а потому целесообразность, закономерность, неотделимость психического элемента от физиологического — таковы характернейшие особенности рефлекса. Их и необходимо признать как констатированный факт, можно сказать, космического происхождения, т. е. как результат эволюции Вселенной. Там и надо искать и корней и основ книжного дела.

Напомним, что на внешние раздражения (напр., в виде давления, толчков, прикосновений, а также и тепловых, световых, химических) реагируют и растения—«стыдливая мимоза» (Mimosa pudica), насекомоядные растения в роде росинки (Drosera rotundifolia). Реагирует на нарушение равновесия между его молекулами и так называемое мертвое вещество (упругость).

Когда человек вскрикивает, будучи не в силах удержаться; когда он смеется, плачет, размахивает руками, неудержимо и бессознательно; когда он чихает, кашляет непроизвольно; когда он, сам того не сознавая, изменяет и выражение лица, и тон голоса и позу, — все это действия рефлективные. Существуют в каждом из нас очень много весьма разнообразных видов рефлективных действий, которые ниже и будут указаны. Профессор И. Павлов отмечает, напр., особый рефлекс исследовательский и ориентировочный (рефлекс «что такое?»), особый рефлекс цели или хватания, рефлекс свободы и т. д.

По современным научным взглядам, все наши действия, даже самые сложные, произошли, выработались в процессе филогенезиса, из рефлексов. В том числе такие библио-психологические явления, как мимика, пантомимика, голос, интонация голоса, речь, пение и вообще деятельность мышц. Невозможно ни понять, ни выяснить самую суть труда в области книжного дела, не имея представления о рефлексах, о их видах и разновидностях, их механизме и значении. Во всякой нашей деятельности наблюдаются те же три, уже упомянутых выше фазы: сенсорная, центральная и моторная, и в них выражается соотношение организма и среды. Правда, эти три фазы не всегда бывают заметны со стороны или интроспективно, но всякий живой организм, именно потому, что он живой, так или иначе проходит через эти три фазы, когда реагирует на раздражения. Например, молча и неподвижно слушая чужую речь, мы иногда для самих нас незаметно реагируем на нее какими-нибудь переменами в темпе нашего дыхания или в пульсации сердца, а значит и изменением

[1] И. Павлов, Лекции о работе больших полушарий головного мозга, 1927, стр. 17.

кровообращения. Все эти явления оказывают свое влияние на наше понимание чужой речи.

Резюмируем вышесказанное.

«Совокупность рефлексов составляет основной фонд нервной деятельности как человека, так и животных» (И. Павлов). На рефлексе же основаны творческие силы организма. Когда человек действует потому, что он не может не действовать, это значит, что деятельность его организма идет в п е р е д и его ума, чувства, воли, сознания и подчиняет их себе. Здесь мы и должны искать космического источника творческой работы всех видов и разновидностей в области книжного дела, до высших форм литературного творчества включительно.

Рефлексы и железы.

Близкое отношение к библио-психологии имеет вопрос о железах потому, что железы влияют на такие процессы, как чтение, слушание, понимание, мышление и т. п. Все рефлексы человека можно классифицировать на два главных разряда по тем органам, какие реагируют: 1) рефлексы в виде движения мышц (поперечнополосатых и гладких) и 2) рефлексы в виде работы желез. Раздражения, бегущие по проводящим нервным волокнам к нервным центрам, пройдя через них, бегут затем или к мышцам, или к железам. Железы выделяют особые соки, необходимые для деятельности других органов тела, или же удаляют из соков этого последнего те продукты, которые организму больше не нужны. Все железы ныне классифицируются на следующие главные разряды: 1) железы внешней секреции, или проточные, т. е. имеющие выход, через который выходят вырабатываемые ими соки; 2) железы беспроточные (эндокринные) без такого выхода, или железы внутренней секреции, — их соки поступают прямо в кровь и разносятся ею по всему телу; 3) железы двойного назначения, выделяющие свои секреции как в кровь, так и наружу (напр., половые, поджелудочные). Выделения эндокринных желез называются г о р м о н а м и[1] и оказывают в высшей степени важное влияние на деятельность организма, путем действия выделяемых ими соков на химизм крови, а значит, и на нервную систему, на кровяное давление, на обмен веществ, настроение и т. д. Поэтому роль желез громадна и в различных библио-психологических явлениях. От них во многом зависит и качественная и количественная сторона таких процессов, как чтение, слушание, мышление, литературное творчество и т. п. Ярче всего это видно на примере половых желез. Кто не знает, что поэтическое творчество находится в теснейшей связи с эротизмом и состоянием половых желез? Целый ряд выдающихся поэтов были эротоманами. В. Гете до глубокой старости нуждался в половом возбуждении, чтобы творить, и в целях «вдохновения» любил, чтобы в его рабочей комнате присутствовала молоденькая девушка.

[1] Греческое слово «hormao» значит по-русски «двигать», «возбуждать».

Известно также, как отзывается на творчестве, да и вообще на умственной работе, утрата полового влечения и какую роль играет это последнее в религиозной жизни. Методы Штейнаха, Воронова и др. с пересадкой половых желез также доказывают громадное влияние их внутренней секреции на умственные процессы и на творчество. Один из омоложенных между прочим пишет: «До этого времени я находился в состоянии глубокой духовной подавленности, теперь же я уже много месяцев вновь жизнерадостен. Я снова способен, как и в молодые годы, ясно мыслить, плавно и без ошибок записывать, и столь же плавно и связно говорить». Экспериментально выяснена связь, какая существует между состоянием щитовидной железы и умственным состоянием человека: субъекты с недоразвитой или отсутствующей щитовидной железой вялы и медлительны, сонливы и бедны мыслями, неотзывчивы, безучастны к окружающему; процессы восприятия и реагирования проходят у них слабым темпом. С другой стороны, ненормальное увеличение щитовидной железы делает больных чрезмерно возбудимыми, подвижными и раздражительными. Выяснена и роль адреналина (гормона надпочечной железы) в целом ряде библио-психологических процессов: он действует чрез посредство симпатической нервной системы, вызывая сужение кровеносных сосудов, а значит и повышая кровяное давление. Свободный адреналин в крови действует на мускулы, нейтрализуя продукты утомления. «Адреналин в пять минут может сделать то, что отдых сделает только в течение часа, если не больше» (Cannon). От состояния и работы эндокринных желез зависит и сознательность, и идиотизм, знание и понимание, радость и тоска, все возрастные особенности человека. Через посредство крови, железы, разбросанные в разных областях тела, влияют друг на дружку, возбуждают или тормозят одна другую. От их деятельности зависит система равновесия и взаимодействия, для каждого момента жизни более или менее особая. Если некоторые гормоны выделяются в маленьком количестве, то получается один эффект; если же в количествах физиологически полезных, то их действие вызывает сложный ряд рефлексов, общим результатом которых может стать улучшение физического состояния. Таким образом, видя человека, погруженного в книгу, мы не замечаем со стороны никаких реакций (рефлексов) внешних. А в это самое время в нем происходит целый ряд реакций внутренних, со стороны желез, напр., внутренней секреции, и результат чтения зависит от результата их рефлекторной деятельности. Таким образом химизм крови, как и рефлексы мышечного типа определяют поведение всякого работника как физического, так и умственного труда. В свою очередь, и внешний мир, в виде разных раздражений, доходящих до желез из центральной нервной системы, а значит, и из тех импульсов, какие она получает извне, оказывает свое действие на железы и на химизм крови, который в свою очередь влияет на мозг. Гормоны накладывают свою печать на характер тех реакций, какими организм отве-

чает окружающей среде на ее раздражения. От них несомненно зависит в той или иной степени, кто возьмет перевес: среда ли над организмом, или организм над средой? Организм подчиняющийся, главным образом, впитывает то, что течет в него в виде раздражений; организм не подчиняющийся, т. е. который хранит в себе достаточно энергии, чтобы противопоставить свое собственное возбуждение внешним влияниям, подчиняется несомненно в меньшей степени и творит.

Торможение рефлексов.

Опыты ак. И. Павлова выяснили, что рефлексы, как проводы машин, бывают двух родов: положительные и отрицательные, т. е. задерживающие. Первые представляют собой определенные движения, деятельность вторых тормозит их. Здесь перед нами влияние рефлекса на рефлекс, одной двигательной реакции на другую. Физиологическое значение отрицательных рефлексов в области библио-психологических явлений нисколько не меньше, чем положительных. Первые, так сказать, переплетаются со вторыми, системы первых с системами вторых. Изучение явлений торможения приводит нас к научному пониманию целого ряда явлений в области книжного дела. Совместные явления вызывания и торможения рефлексов представляют собой несомненный регулятор всякой умственной работы, причем на ход этой работы оказывает свое влияние окружающая среда. Профессор И. Павлов заметил, что тормозная способность нервной системы у разных людей бывает различной, что существуют разные типы ее, что есть тормозы как постоянные, так и временные; есть торможение прямое и косвенное и т. д. Торможение одного какого-нибудь нервного центра зависит от других центров. Далее рядом с явлениями торможения существуют явления растормаживания, т. е. временное восстановление угашаемого и угашенного рефлекса. Быть может, в явлениях рефлективного типа и следует искать объяснения таким явлениям, какие на языке старой психологии называются «борьбой мотивов», «тактом», «терпением», «умеренностью» и т. п., когда один рефлективный порыв почему-то встречает внутреннее препятствие для своего проявления в виде какого-нибудь внешнего движения. Раздражение некоторых нервов ведет к задержке, прекращению или ослаблению мышечных движений и железистых выделений. Так, напр., раздражения блуждающего нерва (nervus vagus) тормозят движения сердца, а брюшного нерва (nervus splanchnicus) задерживают движения кишечника; сосудодвигательные нервы регулируют расширение и сужение кровеносных сосудов, что отражается на эмоциях человека. Всякое отдельное слово, нами услышанное или прочитанное, уже производит рефлекс движения или торможения. И даже отдельные элементы слова, — префиксы, корни, суффиксы, флексии. Результат чтения, в известном смысле, есть результат этого двойного процесса. Выясняется и роль различных отделов нервно-мозговой системы в потоке таких рефлексов, вплоть до рефлективного творчества включительно.

Рефлекс условный, или сочетанный.

Выше шла речь о рефлексах. Теперь необходимо познакомиться с их двумя разновидностями. Различают следующие типы рефлексов: 1. Наследственные, прирожденные, которые называются «естественными», или «безусловными». 2. Приобретенные, не прирожденные, условные (по терминологии акад. И. Павлова), или «сочетанные» (по терминологии акад. В. Бехтерева). Условный рефлекс образуется постепенно в течение индивидуального существования животного. На языке обыденной жизни он называется «привычным действием», или просто «привычкой», или «навыком». Всем известно, какую громадную роль играют в нашей жизни привычки. Известно также, что они образуются, складываются постепенно, и для этого требуется некоторое время, иногда очень значительное. Самый процесс привыкания происходит сознательно и под контролем сознания, в виде целесообразных усилий. Постепенно он становится все более механичным или автоматичным и наконец превращается в рефлекс. Так, напр., мы учимся играть на пианино. Сначала затрачивается на это масса внимания и сознательных усилий. У опытного пианиста руки бегают по клавишам без всяких усилий воли: стоит только ему взглянуть на нотный значок, и рука сама уже устремляется к определенной клавише и ударяет по ней, причем это движение руки и удар делаются рефлективно, автоматично, механично. Тем не менее эти рефлексы не наследственные, а приобретаемые сознательным путем усилий, упражнения практики. Это и есть *условный рефлекс*, т. е. бессознательное, механическое действие, но приобретенное не от рождения, а постепенно, в ходе индивидуальной жизни.

Таким способом можно н а с а ж д а т ь всевозможные рефлексы. Ход этого насаждения таков: от отдельного действия—к его повторению, от повторения — к навыку или привычке совершать его, от нее — к автоматизму, а от него — к условному, т. е. искусственно привитому рефлексу. У собаки, перед которой держат кусок мяса, течет изо рта слюна. Она начинает течь при каждом показывании мяса. Станем, каждый раз, как держим это мясо, о д н о в р е м е н н о говорить перед собакой слово «мясо». Вид мяса обусловливает в собаке рефлекс слюнного отделения и является раздражителем, вызывающим этот рефлекс. Повторение слова одновременно с показыванием мяса приучает собаку к одновременности этих двух психических переживаний (образ, вид мяса и звук слова «мясо»). Их связь крепнет и наконец делается настолько прочной, что даже о д и н звук этого слова уже пробуждает, заставляет ожить в собаке о б р а з мяса, ожить даже тогда, когда самого мяса вовсе нет перед собакой. И вот, только от раздражения словесного, изо рта собаки уже усиливается слюноотделение. Это значит, что раздражителем или вызывателем рефлекса делается с л о в о вместо самого мяса. Это последнее вызывало рефлекс,— рефлекс естественный, прирожденный; слово тоже вызывает рефлекс, но иного сорта: это рефлекс искус-

ственный, не наследственный, благоприобретенный, условны
Условный потому, что он происходит только при *определе*
ных условиях. Но и здесь перед нами действительно р
флекс, т. е. действие машинальное, несознательное. В этом с
стоит самая суть всякой муштры, дрессировки, тренировк
обучения, приучения и т. п. Ее можно выразить, говоря вул
гарно, так: к рефлексу естественному (слюноотделение) бы
присосежено еще одно обстоятельство (произнесение слов
«мясо»), и оно, мало по малу, так сказать, на почве этого ест
ственного рефлекса сделалось причиною, вызывающей тот ж
рефлекс, но уже причиной искусственной, вследствие чего
самый рефлекс, так вызванный, уже требует иного названия
которое ему и дали («рефлекс условный»). Если бы не бы
у собаки естественного рефлекса, ей нельзя было бы привит
и искусственного, условного. Значит, условный рефлекс прив
вается только при помощи естественного, который и являет
прирожденной физиологической почвой для него.

Известно, что дикарь, как и ребенок, рефлективно стремит
схватить в свои руки всякую вещь, какая его интересует (р
флекс естественный). Чтобы задержать его, приходится насиль
отдергивать руку. В результате, у дикаря и ребенка чер
некоторое время вырабатывается привычка (навык) тормози
свой такой рефлекс (рефлекс условный). Но можно достигну
тех же результатов, сопровождая отдергивание словесным запр
щением, «что трогать такую вещь нельзя». В результате скл
дывается рефлекс условный, и фраза становится его вызывател
Чтобы появился такой безусловный рефлекс у дикаря и ребенк
требуется более или менее длинное время. У человека кул
турного тот же условный рефлекс прививается, появляется оче
быстро.

К этому рефлексу таким же путем одновременного воздейств
можно привить еще один рефлекс, а к нему и третий, четве
тый и т. д., которые называются супер-рефлексами или рефл
ксами второго, третьего, четвертого и т. д. порядка (или ст
пеней). Подобно тому как условный рефлекс опирается на бе
условный, так может опираться на этот последний какой-нибу
новый, тоже условный рефлекс второй ступени, а на него—услов
ный рефлекс третьей ступени и т. д. Механизм их образовани
не отличается ничем существенным от образования условны
рефлексов первой ступени. Сейчас сказанное одинаково прил
жимо и к рефлексам торможения. Один, напр., четвертый, нав
ведет к оживанию третьего, а тот к оживанию второго, а т
к оживанию первого условного рефлекса, а тот к рефлексу ест
ственному. Но может случиться, что промежуточные звенья в
падают, и тогда четвертое звено оживляет сразу, напр., перво

Этим путем в жизни каждого человека копится индивидуал
ный опыт. Индивидуальные особенности субъекта влияют н
его накопление. Одни и те же раздражения сочетаются у одно
субъекта с одними реакциями, у другого — совсем с иным

третьего — опять с иными. Это смотря по субъекту и по среде. Один, получив книгу, рефлективно усаживается за ее чтение, тогда как другой, тоже рефлективно, рвет ее для свертывания папирос. Здесь перед нами супер-рефлексы, в которых выражается прошлый опыт людей, так реагирующих на книгу.

Слово — есть рефлекс.

Чтение, слушание, понимание, мышление, обучение, образование — все это различные формы условных рефлексов и супер-рефлексов.

Мы приобретаем их в курсе нашей личной жизни, т. е. в процессе онтогенезиса. А так как эта последняя всегда протекает не иначе, как в социальной среде, то и все условные рефлексы — социального происхождения: их прививают нам условия того коллектива, в недрах которого мы существуем. Поведение каждого из нас складывается, главным образом, из условных рефлексов и супер-рефлексов, надо полагать, очень высоких ступеней. Каждый рефлекс, будь он естественный, условный или супер-рефлекс, может стать основой для дальнейшего нарастания наших реакций на окружающую среду. И это нарастание, повидимому, не имеет предела.

Человеческую речь нельзя не рассматривать как чрезвычайно сложную систему высших условных рефлексов. При помощи слов мы рефлективно выражаем наши переживания. Междометия, поскольку они искренни, суть рефлексы естественные. Слушая или читая чужую речь, мы рефлективно реагируем на нее. Рефлективный характер человеческой речи доказывается ее происхождением из языка, жестов и криков, являющихся эмоциональными и инстиктивными симптомами поведения, без каких не обходится ни один наш разговор, и ни чтение, ни слушание. Исследование языка детей тоже подтверждает рефлективный характер речи. Различные раздражения, получаемые из окружающей среды, а также и из недр нашего организма, с поразительной механической правильностью вызывают в нас деятельность голосового аппарата, сокращение голосовых связок, выдыхание из легких, движения языка, губ и др. органов. В результате, система их рефлективных движений неизбежно приводит к рефлективному произношению слова или слов, чем и обнаруживается наследственность механизма человеческой речи. Голосовые рефлексы животных превратились с ходом эволюции в речевые или словесные рефлексы человека. В виде слов и фраз мы реагируем на раздражения из окружающей среды, и органы речи служат рабочим механизмом для всех раздражений без всякого исключения, какие только мы получаем. Слово как рефлекс представляет собою вторую половину дуги рефлекса, первая половина которой начинается в органе то слуха, то зрения, то обоняния, то осязания, то в желудке, то в коже, то в половых органах и т. д. Мышцы голосового аппарата обслуживают их всех, и речь является рефлекторным ответом на воздействия внешнего и внутреннего мира, т. е. раздражений, идущих как извне, так и изнутри нашего организма. Поэтому, объективно изучая слова и фразы как сло-

весные реакции всего организма, мы изучаем этот организм. Словесное поведение, т. е. речь, есть лишь одна из разновидностей поведения вообще. Мы имеем все основания считать ее высоко развитою системою сигнализации. Слово — сигнал или знак. Произнося слова, мы подаем сигналы. Вундт называет речь «системою звуковых жестов».

Не только слова но и звуки, из которых они составлены, представляют собою рефлексы. Это ясно видно на звуках гласных. Наша речь богата звуками, которые представляют собой простые рефлексы. Таковы, напр., стоны при физическом страдании (звук-рефлекс «О!» или «Ох!»). При этом рот рефлективно приоткрывается, а голосовые связки полурасставлены. Звук *а* как рефлекс происходит, по Бехтереву, вследствие внезапного сокращения грудных мышц при сильной струе воздуха чрез отверстия голосовых связок. Звуки *э* и *ы* тоже являются «простыми рефлексами, — мы их слышим от человека, который поперхнулся и старается очистить гортань от посторонних продуктов; тоже и звуки «кхе», «кхы». Согласные звуки, по мнению того же автора, являются «лишь дальнейшим усложнением гласных звуков с помощью дополнений их придыханием, направлением струи воздуха в нос, прерыванием звука определенным движением языка или определенным выражением губ и т. д.». «В происхождении согласных звуков не без значения оказываются также простые рефлекторные движения». Дальнейшим этапом в развитии речи как рефлекса являются междометия, звукоподражания и т. д. Некоторые слова языка уже утратили рефлективный характер своего происхождения, но каждое слово может стать рефлексом и выкрикивается и произносится или пишется рефлективно, напр., мы рефлективно кричим: «Пожар!» «Спасите!» «Кровь!» Многие оскорбительные слова и ругань тоже рефлективны. Однажды в Московском художественном театре актер, в силу своей роли, должен был сделать вид, что забыл какое-то слово. Десятки зрителей рефлективно подсказали актеру это слово. Рефлективность выкрикивания придает слову силу, потому что стихийность — сила.[1]

В стадии животной жизни все выразительные движения (жесты, крики) были рефлексами естественными, и животное, получив раздражение из среды, двигалось или кричало машинально, потому что не могло не двигаться, не кричать. Жест или крик являются внешними выражениями того переживания, каким они были порождены. Мало-по-малу, на почве этих естественных рефлексов, выросла сложнейшая система рефлексов условных: жест-голос стал выражать уже не эти состояния естественные, а те, какие были сочетаны с теми по методу условных рефлексов:

---

[1] Роль рефлексов в явлениях речи превосходно выяснена В. Бехтеревым в его работе «Объективная психология». К сожалению, мы не можем здесь останавливаться на этом важном вопросе. См. «Объективная психология», стр. 551 и след., 594 и след., 209 и след. Его же «Рефлексология человека», стр. 355—61, 275, 305 и след.

рефлективный крик новорожденного ребенка, сопровождаемый слышанием слов, произносимых матерью, сочетается в ребенке с звуками этих слов. Подобно этому сочетается с этими звуками и условный смысл слова. Здесь перед нами происхождение речи, состоящей, за относительно малочисленными исключениями, из слов вполне условного значения: одни и те же звуки могут означать что угодно, — это смотря по тому, какой условный рефлекс выработан. На грузинском языке слово «деду» значит «мать», а слово «мама» значит «отец». По-русски слово «баба» означает женщину, по-татарски — мужчину (бабай значит — дед). В 1911 году в Париже судили русского, который, подавая даме зонтик, сказал: «Это ваш». Это слово по-французски значит «корова» и считается крайне обидным. Таким образом, каждое слово любого языка приобретает свой условный смысл не иначе, как по методу условных рефлексов и является одним из них; испытывая какое-либо переживание, каждый из нас может назвать или обозначить его таким названием, какое ему привито еще в детстве, на почве рефлексов естественных, в виде рефлексов условных.

Некоторые высшие животные, особенно же домашние, рядом с языком естественных криков и жестов, тоже не лишены условного языка. Так, напр., путешественники по Манчжурии рассказывают, что мулы не понимают приказаний по-русски, но понимают команду на маньчжурском языке. Домашние животные во Франции сочетали свои переживания, по методу условных рефлексов, со звуками слов французских, а в России — русских, и т. д. Птенцы канарейки, высиженные чижиком, поют, как чижики. Дарвин показал, что у домашних и высших прирученных животных голосовые рефлексы постепенно дифференцируются и наслаиваются на другие, тоже условные (второй и, повидимому, третьей степени). Интонации голоса обусловлены рефлективными сокращениями то тех, то других мышц, то более сильными, то более слабыми. У курицы замечено около 8 разных рефлективных интонаций. У обезьян Гарнер насчитал их до 17. В нашей речи одно и то же слово получает разный смысл в зависимости от того, каким тоном оно сказано, т. е. с каким чувством или эмоцией произнесено. Напомним известное стихотворение «Ничего». Интонацию можно назвать естественным (или условным) рефлексом, неотделимым от членораздельной речи.

Слово производит рефлекс.

Будучи само рефлексом, всякое слово вместе с тем постоянно является источником рефлексов. Всякое слово, которое мы слышим или читаем, может стать, по отношению к слушателю или читателю, некоторой формой воздействия, идущего извне. Поэтому слово печатное, рукописное или устное представляет собой раздражителя словесного типа. Раздражая глаз или ухо, оно начинает этим дугу рефлекса, которая с механической правильностью приводит этот рефлекс к его моторной или эффекторной фазе, иногда видимой внешне, а иногда и нет. Приэтом слово

*

представляет собой раздражителя сложного и тонкого. Его сила обусловлена и качеством и количеством звуков (или букв), из каких оно составлено. При прочих равных условиях, слово, в котором больше гласных букв, действует сильнее, чем то, в котором их меньше. Каждый звук речи имеет свою абсолютную и относительную продолжительность. Гласные и плавные звуки удлиняют время действия слова и этим усиливают его, тоже при прочих равных условиях. Импульс, получаемый от слышимого или читаемого слова, дойдя до нервно-мозгового центра, может вызвать реакцию всего организма за счет уже накопленной и скрытой там энергии. Реакция эта может быть совершенно непропорциональна той энергии, какая физически воздействует на органы чувств. Словесные раздражения, повидимому ничтожные, нередко вызывают целый взрыв идей, эмоций, инстинктов и др. переживаний и могут затронуть не только мышечную систему, но и систему желез и через эту повлиять на мышление, на понимание, настроение и на весь организм.

«Конечно, говорит акад. И. Павлов, слово для человека есть такой же реальный, условный раздражитель, как и все остальные, общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие, не идущий в этом отношении ни в какое количественное и качественное сравнение с условными раздражителями животных. Слово, благодаря всей предшествующей жизни человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария головного мозга, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обусловливают те раздражения».[1] Поэтому можно утилизировать слово как реактив на человека. Двигательные реакции, им вызванные, могут быть трех главных типов: или реакции притягивания, или отталкивания, или безразличные, заторможенные. Три типа этих реакций, вызываемых печатным, рукописным или устным словом, проходят белой нитью сквозь все области книжного дела.

Из того, что было сказано о рефлективном характере человеческой речи, необходимо сделать некоторые выводы. Наша речь имеет рефлективный характер, во-первых, по своему происхождению из рефлексов; во-вторых, по той роли, какую они играют во всех библио-психологических явлениях. Мы говорим, мы привыкли говорить автоматически. Автоматизм нашей речи развивается в течение всей нашей жизни, начинаясь рефлексами естественными, затем проходит через стадию привычки или навыка, т. е. достигает фазы рефлексов условных. То, что нам кажется процессом говорения, подбором слов, построением фраз, представляет собой автоматический рефлективный процесс, в который лишь изредка внедряются слова, продуманные заново

[1] И. Павлов, Лекции о работе головного мозга, стр. 357.

и осознанные разносторонне, до глубины. Огромное большинство всеми произносимых и всеми слушаемых фраз — шаблоны, потому что автоматичны. Слова, так сказать, сами выскакивают из нашего подсознания, и мы не творим их смысла даже для нас самих. Из каждой сотни слов, нами произносимых, мы заботимся, да и то в лучшем случае только, о понятности для других лишь очень немногих слов. Автоматичность нашей речи делает то, что мы сами не вникаем и, по привычке и шаблону, не считаем и нужным вникать в то, что говорим. Кроме того, мы говорим иногда так быстро и много, что не успеваем и вникнуть в наши собственные речи, потому что импульсы бегут по нашим двигательным нервам к органам гортани гораздо быстрее, чем мы «шевелим мозгами». На каждую сотню привычных, шаблонных, т. е. не обдуманных слов, всегда приходится ничтожно маленький процент обдуманных. Люди, говорящие обдуманно, поразительно редки среди смертных. Многословие объясняется рефлективностью и автоматизмом речи, т. е. привычными словесными ассоциациями. Поэтому, протекая по обычному, издавна протоптанному руслу привычных выражений, наша речь не считается с реальностью, которой и должна бы соответствовать. Нам некогда сравнивать наш поток словесных рефлексов с реальностью: гораздо легче плыть «вниз по реченьке» туда, куда «она нас уносит». Рефлективностью же речи объясняется и факт, наблюдаемый у многих и многих писателей: не они управляют пером, а оно ими, не они словами, а слова ими.

Впрочем, в рукописной и печатной речи рефлексы все-таки играют меньшую роль, чем в устной, потому что писание слов и фраз берет больше времени, чем выговаривание их: письма всегда бывают несколько обдуманнее, чем устные фразы. Это отчасти объясняется той ролью, какую эмоции играют в нашей речи: они подгоняют оратора в его словоговорении и тормозят движения писательской руки, успевая остыть хоть отчасти в процессе писания. Но роль привычки, а значит автоматизма (т. е. условных рефлексов) громадна и в процессе писания. Доказательство этому — привычные и так наз. «любимые» слова, фразы, обороты речи, темы и т. д., каких можно найти очень много у любого писателя. Привычка управляет нашим синтаксисом и этимологией, как и тоном голоса при разговоре. Всякое подражание, если оно укореняется, превращается в привычку, навык, т. е. в условный рефлекс. Быстрота образования таких рефлексов, которая считается признаком высшей культурности, есть, вместе с тем, и процесс быстрого образования супер-рефлексов, а значит и расширения их владений, их господства над нашим Я.

Рефлективностью и автоматизмом объясняется и рутина во всех областях книжного дела: автоматическое повторение чужих слов, чужих фраз, чужих приказов, даже когда с ними несогласны мы сами. Тем же объясняется отсутствие или скудость так наз. «сознательных кадров»: не может быть там сознатель-

ности, где внедрилась автоматичность, и где привычки да навы
заменили собой сознательность, инициативу и творчество. Твор
чество есть создавание непривычного, единственного, инди
видуального. Муштра, дрессировка, тренировка представляю
собой замену творчества автоматизмом и культурой рефлексо
Таким путем не создаются сознательные кадры, а искореняются
потому что искореняется самая суть творческой работы.

Проф. С. Метальников в одной из своих статей доказыва
в 1916 году, что рефлекс есть творческий акт. Да, рефлекс ест
творческий акт природы, творящей новые формы в процесс
филогенезиса. Творятся новые формы и в процессе онтогенезис
потому что деятельность организма неповторяема в совершенн
том же виде. Но создавание рефлексов условных, более и
менее одинаковых у всех особей одного и того же вида все-так
есть невелировка, а не творчество. Настоящее же творчест
несмотря на такой процесс нивелировки может выражаться
только в уклонениях от общего шаблонного уровня, ею созда
ваемого. Творчество есть именно уклонение от шаблона, инач
оно будет не творчеством, а подражанием. Творчество есть му
тация, а мутация — творчество. Является вопрос: может ли на
растание и усложнение рефлексов и супер-рефлексов привест
к планомерному и сознательному создаванию мутаций? Это
вопрос нуждается в особой разработке, но не трудно понять, чт
мутация есть исключение из общего правила, а не нивелировка

Не следует ли из вышесказанного, что творчество и рефлек
суть два несовместимых и непримиримых антагониста? Нет, м
должны рассматривать творчество как необходимое дополнени
продолжение, усовершенствование системы рефлексов, а эт
последние—как необходимую биологическую базу всякого творче
ства и всякой индивидуальности. Творчество ищет и создает
новые формы. Но создать их — этого еще мало. Необходимо
чтобы они еще укоренились и в индивиде, и в коллектив
Для этого необходимо научиться повторять эти резуль
таты и через повторение укреплять их, и что очень важно
привыкать к ним. Одна из задач библио-психологии — орга
низовать индивидуальное и коллективное при
выкание к новым формам как результатам инди
видуального и коллективного творчества. Но вед
привычка или навык есть не иное что, как условный рефлекс
базой которого всегда является, в конечном счете, рефлекс есте
ственный. Значит, только на этой почве и можно организовать
и предохранять от исчезновения результат всякой творческой
работы, которая считается достойной сохранения в интересах
коллектива и индивида.

Глава III.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БИБЛИО-ПСИХОЛОГИИ. ТЕОРИЯ РЕФЛЕКСОВ И МНЕМЫ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ФУНДАМЕНТ КНИЖНОГО ДЕЛА.

Б. ТЕОРИЯ МНЕМЫ. ЗАКОН МНЕМЫ—ПЕРВЫЙ ОСНОВНОЙ ЗАКОН БИБЛИО-ПСИХОЛОГИИ.

Учение Р. Семона о мнеме.

В предыдущей главе было показано, что в каждой реакции можно различить три фазы или момента: сенсорную (рецепторную), центральную и эффекторную. Мы должны теперь рассмотреть центральную фазу, которой уделили еще очень мало внимания. С библио-психологической точки зрения эта фаза представляет особенный интерес. Чтобы ее выяснить, исследователь должен вникнуть в те процессы, какие совершаются в организме и от которых и зависит судьба всех библио-психологических ценностей. В этом смысле в высшей степени важное значение имеет теория мнемы.

Этот термин, обнимающий собою процессы получения, сохранения и оживания раздражений, впервые введен в науку знаменитым немецким биологом-дарвинистом, проф. Рихардом Семоном в начале этого столетия, в его замечательных трудах «Die Mneme» и «Die mnemischen Empfindungen». Этому термину «мнема» Семон придает особый смысл, вводя его в науку именно с тою целью, чтобы не пользоваться термином «память», представляющим наследие старой психологии, которая определяла ее как «особую способность души». Для Р. Семона, мнема — психо-физиологический факт, подлежащий объективному изучению. Р. Семон принадлежит к тому же течению научной мысли, как и академик И. Павлов, проф. Уотсон и др.; в его трудах можно найти не мало идей, которые заставляют видеть в нем, как нам кажется, одного из провозвестников теории условных рефлексов и вообще рефлексологии. Учение о мнеме является, как и учение об условных рефлексах, биологической базой объективного исследования всех библио-психологических явлений, о каких шла речь в первой главе. Из этого учения логически вытекают все остальные законы библио-психологии. Их экспериментальное доказательство как теоретическое обоснование тоже вытекает из теории мнемы. Кроме того, эта теория дает работнику книжного дела чрезвычайно удобную терминологию, которая прекрасно помогает ориентироваться в любом

фазисе его работы. При помощи 5 — 6 терминов определенно биологического и психо-физиологического характера эта теория мнемы дает возможность подводить прочный фундамент под любое явление книжного дела, что и будет видно из нашего дальнейшего изложения. Мы считаем необходимым более или менее подробно познакомить с теорией мнемы Р. Семона, видя в ней непосредственное продолжение и углубление того, что было сказано в предыдущей главе.

Подлежат нашему изучению: а) получение раздражений, б) следы, ими оставляемые; в) сохранение этих следов и вообще изменения, ими производимые в мнеме; г) оживание и влияние их на поведение человека. Все эти мнематические, т. е. в мнеме происходящие психо-физические явления имеют свой психический коррелят.

Раздражение-возбуждение живого вещества.

Будем прежде всего говорить о получении раздражения из внешней среды, психическим коррелятом которого является возбуждение. Явление это в высшей степени сложное и, в сущности, наукой еще не объясненное.

Представим себе самый простой случай: перед нами живой организм, никогда не подвергавшийся воздействию какого-либо внешнего раздражителя. В этом случае такой организм, по отношению к данному раздражителю, находится, по терминологии Семона, в первичном индифферентном состоянии. Самый раздражитель Семон называет первоначальным, или оригинальным. Если раздражитель достаточно силен, а организм способен воспринять раздражение, то на это последнее организм ответит возбуждением. Таким образом, возбуждением характеризуется как раздражитель, так и произведенное им раздражение. Это последнее считается как бы несуществующим и несуществовавшим в том случае, если за ним не последовало со стороны организма ответной реакции, т. е. возбуждения. Раздражение-возбуждение, таким образом, есть процесс единый, но двойной: одно без другого невозможно, хотя и бывают возбуждения, не доходящие до сознания и не поддающиеся констатированию объективным путем. При повторном действии этого же раздражителя на тот же организм порог раздражения понижается, и возбуждение наступает раньше, чем в первый раз. С другой стороны, если взять два организма,— один с более сложной нервно-психической конституцией, чем другой, — для того, чтобы в обоих организмах достигнуть возбуждения одинаковой силы, первому организму потребуется раздражитель меньшей силы, чем второму.

Лишь только оригинальный, или первоначальный, раздражитель перестал действовать на организм, возбуждение как будто бы тоже прекращается немедленно. Но это не так. Возбуждение бывает максимальным в то время, пока длится действие раздражителя. В этом состоит первая и главнейшая фаза в процессе раздражения-возбуждения. Семон называет ее синхрони-

ческой или синхроническим возбуждением. Греческое слово «синхронический» значит по-русски «одновременный» (возбуждение одновременное с раздражением).

Но лишь только воздействие раздражителя прекратилось, синхроническое возбуждение быстро падает. Тем не менее, как мы уже сказали, оно сходит на-нет не сразу, а постепенно. Начинается вторая фаза возбуждения, непосредственно примыкающая к синхронической. Семон называет ее аколутной, что значит по-русски «следующая за», «последующая». После этой фазы организм как бы успокаивается. Он вступает во вторичное индифферентное состояние, которое отличается от первичного лишь тем, что по отношению к данному раздражителю вещество живого организма оказывается молекулярно измененным: оно сохраняет след от пережитого им возбуждения. С этого момента организм делается более предрасположенным к такому же раздражению, какое раз уже имело место, сравнительно со всяким другим, ему неизвестным.

Энграмма. Мнема. Экфория.

Изменению, которое произошло таким способом в раздражимом веществе организма, Семон дал название энграммы. Это слово значит по-русски «запись». Записывается, энграфируется, запечатлевается при этом все испытанное организмом. Под словом «все» следует понимать любое проявление жизни, как доходящее до сознания, так до него часто и не доходящее, но тем не менее внедряющееся в его подсознание. Совокупность таких энграмм-записей образует, по терминологии Р. Семона, так наз. мнему, т. е. запас приобретенных энграмм. Большая часть энграмм пребывает преимущественно в скрытом или латентном состоянии. Но они могут быть выведены из этого состояния, извлечены, оживлены, как бы вынесены в сознание. Такое их вынесение Семон называет греческим словом «экфории», что значит по-русски «вынесение». Оба эти процесса «энграмма» и «экфория» представляют собою процессы физические и психические одновременно, в чем и состоит очень важная особенность и преимущество теории и терминологии Семона.

Необходимо подчеркнуть, что раздражитель, воздействию которого подвергается организм, никогда не бывает простым, — он всегда сложен: из внешнего мира действуют на нас целые комплексы раздражителей. Действуют одновременно и беспрерывно многие сразу, напр., лучи света одновременно со звуками, с теплотой, запахом и т. д.; поэтому и возбуждения, вызываемые ими, тоже бывают всегда сложными, а значит и энграммы, порождаемые ими, тоже. Сложный комплекс раздражения-возбуждения оставляет после себя и сложный комплекс энграмм.

Поясним все сказанное конкретным примером. Перед нами ребенок, которого впервые укусила пчела (получение оригинального, или первоначального раздражения). Ребенок реагирует на укус вскрикиванием и отдергиванием руки (оригинальное воз-

буждение, которое оставляет после себя энграмму). После этог маленького события ребенок даже по одному виду пчелы уж будет вспоминать о той боли, какую причинила ему пчела (экф рия полученной тогда энграммы). Если эта запись-энграмм какая осталась от пережитого ощущения боли, была достаточн сильной и прочной, то и реагировать на ее экфорию ребено будет вскрикиванием же, хотя в этом втором случае пчела и н укусила его вторично. На этом примере видна та внутренняя и тесная связь, какая существует между теорией мнемы и теорие условных рефлексов. Обе эти теории не только не противореча одна другой, но вполне совпадают.

Комплекс энграмм. Закон энграфии.

Связь между зрительным ощущением, из образом пчелы, и ощущением боли представляе собою ассоциацию двух энграмм,—энграмм образа пчелы и энграммы боли. Из этого примера видно, что энгра фируются не только ощущения и образы, но и чувства, эмоции. Обра зуется комплекс энграмм, т. е. пережитых возбуждений. Есл упомянутый ребенок при укусе ощутил боль, а затем, отдернув руку заплакал, то все эти переживания ассоциируются в один ком плекс энграмм, крепко связанных между собою. Энграмм энграфируются одновременно в мнеме как симультанный (одно временный) комплекс энграмм. Он приходит в результате одно временности их получения или сосуществования их. Отсюд первое основное положение, вытекающее из теории мнемы,— первый основной библио-психологический за кон, или закон Р. Семона. Он формулирован самим Семоно так: Все одновременные раздражения в пре делах одного и того же организма образую связанный симультанный комплекс возбуж дений, который как таковой обусловливае энграфирование, т. е. оставляет после себ взаимно связанный и постольку уже едины комплекс энграмм.

Получением энграммы, в сущности, и заканчивается взаимо действие между индивидом и окружающей средой, т. е. реаль ностью. В конечном счете, взаимодействие это сводится к тому что реальность поставляет организму оригинальные, или перво начальные энграммы, которые в своей совокупности и образую мнему. Получая энграммы, организм делает выбор из того что доставляет ему реальность. Он отбирает из них то, что ем подходит, от того, что не подходит, иначе сказать,— то, чт организм способен утилизировать и сохранить, от того, чт им не утилизируется и не сохраняется. Путем, еще не достато чно изученным, организм производит отбор энграмм. Он сохра няет подходящие для него и, так сказать, жизнеспособные а остальные, путем естественного отбора, стираются, исчезают быть может вследствие своей слабой силы, или отсутствия повторения, или вредоносности их для организма. Между энграм мами происходит своего рода борьба за существование. Энгра-

фирование зависит также от того, находился ли организм в момент получения энграммы в подходящем для него внутреннем энергетическом состоянии. В двойном процессе отбора — сохранения энграмм, мнема играет кардинальную, или первенствующую роль, олицетворяя собой принцип жизни и жизненности.

Теперь мы должны говорить о втором отделе теории мнемы,— о явлениях м н е м а т и ч е с к о г о происхождения, которые определяют все поведение индивида в его личной и социальной жизни. Они делают это при помощи тех оригинальных энграмм, какие дала ему реальность. Мнематические же явления играют кардинальную роль и в процессе чтения и слушания чужой речи. Оба эти процесса нельзя рассматривать как нечто самодовлеющее. Они представляют собой чрезвычайно сложный психический процесс в о с п р о и з в е д е н и я р е а л ь н о с т и п о д в л и я н и е м р а з д р а ж е н и й, и д у щ и х к н а м о т б у к в и з в у к о в о й р е ч и, о т с л о в и ф р а з и в о о б щ е о т т е к с т а. Рассмотрим теперь, в каком отношении стоит мнема к процессу чтения и слушания.

Уже из того, что выше было сказано, нельзя не видеть, что мнема есть понятие динамическое, а не статическое. Мнема представляет собой, так сказать, поток энграмм и экфорий. Энграммы как и мнему нельзя рассматривать как нечто неподвижное, раз навсегда зафиксированное и не поддающееся изменениям. Напротив, динамика жизни делает и мнему динамичной. Жизнь всякой энграммы и всех комплексов энграмм, и всей мнемы очень сложна и многостороння.

Закон экфории. Скажем теперь несколько слов о явлениях экфории или экфорирования и вернемся еще раз к примеру ребенка, укушенного пчелой. Для того, чтобы вновь ожил, экфорировался какой-нибудь комплекс энграмм, раньше уже полученный и энграфировавшийся как результат первоначального раздражения, вовсе нет надобности, чтобы повторился в е с ь э т о т п е р в о н а ч а л ь н ы й р а з д р а ж и т е л ь ц е л и к о м. Для этого достаточно, если будет повторена хотя бы часть его, напр. один из составляющих элементов этого одновременного комплекса, или даже только часть того внутреннего энергетического состояния, в каком организм находился в момент раздражения-возбуждения. Экфорией Семон называет всякое оживание уже накопленного опыта как под влиянием повторения первоначального раздражения-возбуждения ц е л и к о м, так и под влиянием повторения только ч а с т и прежнего переживания. Так напр., не только вид пчелы, но и одно жужжание пчелы может экфорировать энграмму пережитого. Слыша издали шум мотора, мы по нему воспроизводим образ аэроплана, или мотоциклетки, или автомобиля. Часть того, что пережито, уже экфорирует целое. Отсюда второе основное положение закона Р. Семона:

Э к ф о р и ч е с к и д е й с т в у е т н а с и м у л ь т а н н ы й к о м п л е к с э н г р а м м д а ж е ч а с т и ч н о е в о з в р а щ е н и е т о г о э н е р г е т и ч е с к о г о с о с т о я н и я, к о т о р ы м б ы л о о б у-

словлено энграфирование этого комплекса. С другой стороны, экфорически действует на симультанный комплекс энграмм и частичное возвращение того комплекса возбуждений, который когда-то оставил после себя этот комплекс, будь то возбуждение мнематическое или первоначальное.

Мы уже сказали, что первоначальными энграммами называются такие, которые получаются вследствие раздражений, идущих непосредственно от реальности. Исследования показывают, что энграфируется и экфория, — в свою очередь она может стать источником новых энграмм. Такого рода энграммы Семон называет мнематическими, так как они мнематического происхождения и являются результатом непосредственного влияния реальности. Ниже мы увидим, сколь важную роль играют энграммы мнематического происхождения.

В процессе экфорирования ясно обнаруживается ассоциация энграмм, которая есть не что иное, как связь отдельных энграмм: оживание одного из элементов влечет за собой оживание и всех других элементов одновременно полученного комплекса. Такая связь их между собою в пределах одного и того же комплекса и должна называться ассоциацией их. Здесь перед нами опять-таки явление динамическое, так как постоянно перегруппировываются не только энграммы в пределах одного и того же комплекса, но и элементы разных энграмм между собою, давая начало новым комплексам. Перегруппировываются также и комплексы энграмм разной давности их получения. Из того, что сейчас сказано, видно, что не следует смешивать экфорию с ассоциацией. Ассоциация есть нечто длительное, постоянное, так как она представляет собой связь между отдельными частями одного и того же комплекса энграмм. Что касается до экфории, то она есть нечто преходящее, потому что она не что иное, как оживание какого-нибудь комплекса в данный момент. Через экфорию могут образоваться новые ассоциации, а старые, напр. ослабевшие, могут диссоциироваться. Экфорирование старых комплексов энграмм и формирование новых по ассоциации их со свежими первоначальными энграммами, идущими через раздраженные при этом органы, совершается через установку внимания.

Явление ассоциации имеет громадное значение в процессе чтения и слушания. Этим явлением объясняется, почему прочитанное или услышанное слово, или группа слов вызывает в данном читателе или слушателе энграмму не только той реальности, какая этим словом обозначается, но и экфорирует по ассоциации целую серию переживаний. Объясняется и то, почему эти ожившие переживания поглощают собою то, о чем говорится в читаемой книге.

Гомофония. Еще одно, очень важное мнематическое явление представляет собой гомофония. Его суть можно пояснить на том же примере ребенка, укушенного пчелой.

Представим себе, что этого ребенка пчела укусила вновь. Таким образом, он еще один раз получил первоначальное раздражение. Энграмма этого второго укуса, которую назовем а (ор), вместе с энграммой прежде полученного укуса, сохранившейся в мнеме ребенка, которую назовем a_1 (мн), образуют новую энграмму а (ор) + a_1 (мн), которая тоже сохраняется мнемой. Обе энграммы а и a_1 не сливаются в одну единую, а существуют как две энграммы одна рядом с другой. Такое повторение одной и той же энграммы усиливает энграфирование. Повторение одних и тех же энграмм ведет за собою лучшее запоминание их, так как оставляет после себя более прочный след. Если обе эти энграммы вполне тождественны, то получается полное совпадение их, которое и называется полной г о м о ф о н и е й, т. е. созвучием между возбуждением а (только что полученным, первоначальным) и энграммою a_1 (прежде полученной, мнематической). Здесь мы имеем полную гомофонию между двумя переживаниями возбуждений. Но может случиться, что гомофония будет и не полной, напр., когда ощущение от второго укуса в чем-нибудь не похоже на предыдущее. В таком случае получается некоторое несовпадение возбуждений,—неполная гомофония. Процесс чтения представляет собой ряд таких гомофоний, или полных, или неполных. Энграммы, экфорируемые в этом процессе, постоянно сравниваются с первоначальными возбуждениями. В этом смысле чтение есть поток гомофоний.

Представим себе, что укушенный ребенок читает в какой-нибудь книге о том, что пчела укусила какого-то другого ребенка. Под влиянием чтения о таком случае ребенок вспоминает, т. е. мнематически воспроизводит, экфорирует энграммы происшествия, случившегося и с ним самим. Здесь перед нами тоже гомофония, но другого порядка: гомофония мнематическая, т. е. между двумя энграммами, экфорированными под влиянием чтения: одна из них — энграмма воображаемого ребенка, которого укусила пчела и о котором идет речь в книжке, другая — от вновь ожившей собственной первоначальной энграммы. Так переживания прочитанного естественно попадают в сферу переживаний своих собственных. Такое внедрение в нас того, о чем мы читаем, и есть то, что мы называем «пониманием книги». Нетрудно видеть, что это «понимание» всегда находится в функциональной зависимости от личного опыта данного индивида, а значит, и от качественной и количественной стороны его мнемы.

Слово и реальность. В «Холстомере» Л. Толстого читаем: «Люди руководятся в жизни н е д е л а м и, а словами. Они любят не столько возможность д е л а т ь что-нибудь, сколько г о в о р и т ь о разных предметах условленные между ними слова». Одним из основных теоретических вопросов книжного дела является вопрос о соотношении с л о в а и р е а л ь н о с т и. Теория мнемы дает следующее разрешение его.

Выше было сказано, что в живом веществе энграфируется всякое изменение, т. е. возбуждение, им испытываемое под воз-

действием какого-либо раздражителя. Источниками этого последнего бывают: 1) явления, происходящие в реальности; 2) явления, происходящие в самой мнеме. Мы сказали, что энграммы, получаемые от реальности, называются первоначальными, или оригинальными, вторые—мнематическими. Напр., энграмма светового луча или звукового колебания воздуха суть энграммы оригинальные, или первоначальные; энграфирование какой-либо экфории представляет собой энграмму мнематическую, которая в свою очередь может быть экфорирована, а это ее экфория снова энграфироваться и т. д. и т. д. Так получается ряд мнематических явлений, которые все более и более отодвигаются от первоначальной энграммы, а значит и от реальности. Так получаются энграммы двух типов: реальные и мнематические, причем на одну реальную приходится неопределенно много мнематических. Проверкою их может явиться сопоставление с первоначальною, или оригинальною энграммою как пределом нашего познания реальности. Но для этого небходимо свести энграмму мнематическую к первоисточнику и сопоставить ее с ним, что не всегда и не для всякого возможно. В результате, огромное большинство человечества постоянно пользуется энграммами мнематическими, а не первоначальными. К числу первых относятся и энграммы огромного, подавляющего числа слов: устных, рукописных и печатных. В процессе эволюции языка слово постепенно удаляется от реальности. Примером этому может служить любая метафора. Известно, как меняется с течением времени смысл слов. Вместо смысла реального, прямого, т. е. соответствующего реальности, слово получает смысл мнематического происхождения.

Если же одна единственная мнематическая энграмма так уклоняется от реальности, то тем меньше видна эта последняя под напором нескольких и многочисленных мнематических энграмм. Поэтому Талейран был вполне прав, говоря, что «язык нам дан для того, чтобы скрывать наши мысли». Всем известно, что и отчеты в тысячу страниц лучше скрывают реальность, чем отчет о ней же в несколько страничек. И роль слов (мнематических энграмм) в этом процессе так велика, что вошло в обычай думать, что мышление только и может быть словесным, и таким только и может быть. Отнюдь не отрицая огромной полезности словесного мышления, нельзя не признать, что цена его очень невелика, если смысл слов, как и их звуки, исключительно мнематического происхождения и от реальности сильно уклонились. Задача библио-психолога состоит в борьбе с таким уклоном, который всякому социальному коллективу как и индивиду наносит неисчислимый и непоправимый вред.

Мы называем реальности не теми терминами, какие их наиболее выражают, а теми, к каким мы привыкли. Называнием вещей управляют у нас привычки. В основе мнематической энграммы должна лежать энграмма первоначальная. Выявлением последней занимаются лишь представители точного знания, относительно очень немногочисленные, — какой-нибудь ничтожный

процент человечества. Остальное человечество поступает так: всякую свою мнематическую энграмму оно считает за р е а л ь н о с у щ е с т в у ю щ и й о б ъ е к т, чего не только нет, но и быть не может, так как всякая мнематическая энграмма не есть первоначальная и обыкновенно далека от нее, как о том уже было сейчас сказано.

Но что значит свести мнематическую энграмму к реальной? Это значит сознательно и планомерно подвергнуть свою мнему первоначальным раздражениям. Первоначальная, или оригинальная энграмма есть реакция организма на оригинальное раздражение. Такую проверку нельзя приравнивать только к проверке ощущениями: сами они тоже нуждаются в проверке. О способах и разновидностях проверки трактует логика. Логику ныне проверяют с психологической и гносеологической точек зрения. Так должны мы проверять и оригинальные, или первоначальные энграммы. Обыкновенно же принято проверять их энграммами мнематическими, а те—другими, тоже мнематическими, напр., слова словами же, а те опять-таки словами и словами. Неудача всякого сорта пропаганды (педагогической, религиозной политической, социальной и т. д.) обусловлена словесным типом ее. Она удается лишь постольку, поскольку опирается на первоначальные энграммы. История всех точных наук есть история борьбы оригинальных (первоначальных) энграмм со словесными. Из истории социально-политических отношений известно, что всякий дряхлеющий и погибающий строй, разрушаясь, возводит систему называния печальных для него реальностей неподходящими именами. Напр., жалкий глава государства продолжает величаться «величеством»; безобразие называется «исполнением законов»; народные страдания — «благоденствием под таким-то скипетром»; официальная ложь—«истиной». Революция всегда начинается с называния вещей их настоящими именами. Начинается борьба энграмм первоначальных с мнематическими и в каждом индивиде, и в коллективе. Не было такого случая, чтобы, в конце концов, не победили бы энграммы оригинальные. В этом и заключается непреоборимая сила библио-психологии как теории книжного дела. Борьбу за правильное называние реальностей можно успешно вести лишь библио-психологическим путем: подрывом словесности во имя реальности. Эта одна из теоретических и практических задач библио-психологии.

Подобно тому, как изображение, отбрасываемое из проекционного прибора (волшебного фонаря) на белый экран, покрывает его фигурами и красками, каких на самом экране нет, так и построенная нами проекция покрывает собою реальность, мешая видеть ее. И мы реальности действительно не видим, принимая нашу проекцию за таковую. Для нас эта наша проекция есть реальность.

Слово и его проекция.

Но это реальность внутреннего, а не внешнего мира, мы же приурочиваем ее к этому последнему и т о, ч т о к а ж е т с я, принимаем за то, что есть. Это

одинаково приложимо как к отдельному слову (проекция слова, его смысл), так и к целой фразе, книге, целой системе философии.

Понятие проекции играет в библио-психологии очень важную роль. Задача этой науки сводится к изучению читательских, авторских и др. проекций и к их сопоставлению с реальностью. Одним из примеров проекции может служить весьма распространенный антропоморфизм: приписывание человеческих свойств таким объектам, в каких нет и не может быть таковых. Напр., слону или собаке приписывается истинно человеческий ум. Русский крестьянин по той же причине воображает французскую деревню в роде своей, если не видел ее своими глазами или на рисунке. Гольбах (XVIII в.) рассказывает, что, разглядывая луну через телескоп, офицер принял лунные горы за крепостные башни, пастор—за колокольню, а светская дама увидела на луне обнимающуюся влюбленную парочку: всякий отбросил на экран луны свою особую проекцию, объективируя элементы своей собственной мнемы. Иллюзия есть не иное что, как яркость мнематической энграммы сравнительно с энграммой реальной. Образы, создаваемые нашей фантазией, мы за реальность не принимаем, но мы то и дело принимаем за нее те наши переживания, в реальность которых верим и которые не считаем поэтому фантазией. Древние римляне возводили в чин богини Победы (Виктории) понятие или образ победы, т. е. объективировали это слово. Религия древних римлян очень богата проекциями слов (напр. Терминус, Юстиция и т. д.) По той же причине дикарь считает название предмета за самый предмет. Всякая религия очень богата такого рода проекциями: верующий объективирует при этом свои идеи, чувства, стремления, инстинкты, действия и т. д. Проекциями же являются и идеалы. Слово принимается за бытие. Подобно этому мы проецируем отвлеченные слова и понятия, олицетворяем напр. милитаризм в виде какого-нибудь чудовища, пролетариат в виде известных горельефов Родена. «Идеи на двух ножках» весьма обычное явление в нашем обиходе мышления. Объективируются мнематические энграммы не только интеллектуального типа (образы, понятия, ощущения), но и эмоционального (напр. чувства: бог-Любовь). Ребенок и старик, глядя на одну и ту же картинку, видят, понимают и чувствуют в ней разное, потому что каждый приурочивает ей разные элементы своей мнемы. Возьмем какое-нибудь самое обыкновенное слово, напр. слово «собака», и спросим разных людей, что представляют они под этим словом? Пастух представляет собаку сторожевую в роде овчарки, салонная дама—комнатную болонку, охотник — какого-нибудь густопсового кобеля, зоолог — животное вида canis с таким-то устройством зубов, кишечника и т. д. Приэтом и чувства, экфорированные словом собака, тоже будут разные. Это значит, что одно и то же слово экфорирует в разных мнемах разные элементы. Проекция, выраженная словом устным, рукописным или печатным, есть завершение дуги рефлекса, третья фаза реакции (эффекторная). Нет таких наших переживаний,

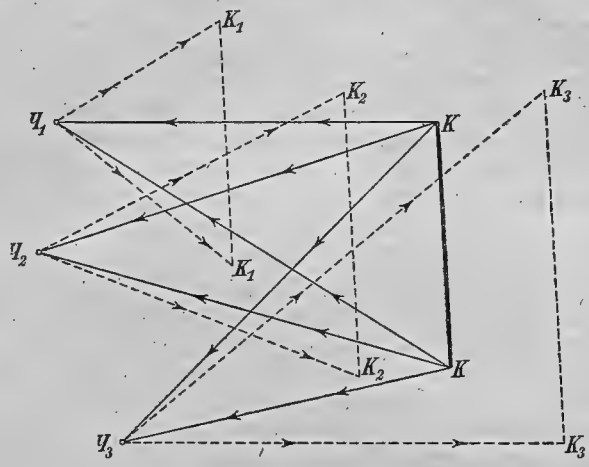
каких мы не объективировали бы и не принимали бы за реальность. Исследование таких переживаний, которые в старой психологии носят названия восприятия и его ошибок (иллюзий, галлюцинаций), апперцепции, предвзятых идей и т. п., объясняют разные стороны того явления, которое мы называем построением проекции и которое, в конечном счете, сводится к объективированию энграмм. Это можно пояснить еще таким примером. Представим себе очень пестрый персидский ковер со множеством разноцветных узоров. Станем освещать его лучами разного цвета. От лучей красных очень ярко выступят все красные места этого ковра. От зеленых—зеленые, тогда как другие цвета будут искажаться. Подобно этому наши собственные эмоции, инстинкты, а также и другие субъективные явления влияют на пестроту наших переживаний: они искажают реальность, словно разноцветные лучи—ковер. Смотря по тому, какие психические переживания в нас наиболее напряженны в момент построения проекции, эти последние бывают разных типов, напр. интеллектуального (рассуждения, доказательства, суждения, доктрины, отвлеченные системы), или эмоционального (напр., злобствуя на человека, мы строим отвратительную проекцию его; акробаты стихоплетства проецируют свои эмоции красоты на свои вирши, слушая которые, по выражению Г. Гейне, «начинают выть все окрестные собаки»), или волевого (планы действий и т. п.). Проекции, построяемые, главным образом, из ощущений, сообщают яркость даже самой бледной действительности; проекции с преобладанием образов (умственных картин) называются плодом художественного воображения. Проекции с преобладанием низших органических чувств хорошо всем известны на примере ругани, сплетен, взаимного обливания грязью и т. п. Проекции из инстинктов отличаются своею стихийностью (напр. сублимация полового инстинкта в виде страстной любви того или иного типа и сублимация инстинкта стадного в виде патриотизма, национализма, узкой партийности и т. п.).

Нетрудно видеть из предыдущих примеров, что всякая проекция строится каждым из нас из элементов нашей мнемы. Эта строительная работа совершается так: выбор и подбор (комбинация) материала обусловлены эмоциями или какими другими иррациональными элементами нашего Я. Так напр., юноша, построяя образ той девушки, в которую влюблен, извлекает, под влиянием своих чувств, из запасов своей мнемы соответствующие мнематические материалы, которые и группируются, образуя определенный комплекс (единое составное целое.) Определенная эмоция подбирает бессознательно и рефлективно определенные материалы и определенно комбинирует их в единый привлекательный образ. Но стоит измениться этой эмоции, этой комбинирующей и цементирующей силе и «превратиться» из любви, напр., в ненависть,—и тот же юноша из запасов той же мнемы извлечет материалы прямо противоположные, скомбинирует их совсем иначе, и «ангел» превратится в «сатану», проекция

в свою противоположность, неизбежно и непреоборимо, тогда как реальность, какою была, такою и осталась, а изменилась только эмоция. Подобные перестройки проекций, обусловленные переменами эмоции, наблюдаются в нашей жизни на каждом шагу, и всегда именно эмоции и другие иррациональные элементы управляют этим явлением, тогда как элементы интеллектуального типа (знания, суждения, размышления, умозаключения и т. п.) оказываются рабами эмоции. Это явление можно напр. наблюдать при «смене убеждений» и при превращении Савлов в Павлов; при полемиках, при спорах и т. п. Перемены в эмоциональной сфере с переходом одного возраста в другой обусловливают то же явление. Человек до пробуждения полового инстинкта и после его пробуждения—во многих отношениях уже иной. То же и женщины до климактерического возраста и перешедшие за него. Наши мнения о реальности меняются по мере того, как изменяются наши энграммы, которые мы к этим реальностям относим. Качественные и количественные стороны проекции зависят от того, какой комплекс нашей мнемы построяет ее. Словесный анализ проекции обыкновенно еще более усиливает несоответствие с реальностью.

Применим сейчас сказанное к какому-нибудь библио-психологическому явлению, напр. к чтению книги, к слушанию речи или музыкальной пьесы. Всем известен факт, что одна и та же книга, напр. Евангелие, «Робинзон», «Дон-Кихот», кажутся нам различного содержания, смотря по тому, читаем ли мы ее в детстве, в зрелом возрасте или в старости. Изменение нашей мнемы неизбежно ведет за собою изменение того, что мы приписываем книге, т. е. той проекции, какую мы из элементов нашей мнемы построили для этой книги. Возьмем теперь книгу, читаемую тремя разными читателями. Слова и фразы этой книги играют роль раздражителей в процессе чтения. Эти раздражители дают начало целому ряду экфорий и др. мнематических явлений. Читатель бессознательно объективирует их, относя не к себе, а к книге, к объекту (по крайней мере то, что ему кажется «содержанием книги»). В результате такого процесса оживания энграмм у разных читателей получаются разные проекции одной и той же книги, как это показано на чертеже, стр. 83. Качественная и количественная стороны каждой проекции зависят от качественной и количественной сторон каждой отдельной мнемы. Построенная проекция представляет собою некоторый комплекс мнематических явлений, каковы напр. ощущения, образы, идеи или концепты, эмоции того или иного сорта, влечения, инстинкты и т. д. Чтение книги экфорирует в мнеме определенный комплекс энграмм. В каждой мнеме всегда наблюдается наличие разнообразных комплексов. В следующих главах мы покажем экспериментальное доказательство их существования. То же самое может быть выяснено путем психоанализа и др. методами. Мы уже сказали, что каждый комплекс представляет группу психических элементов интеллектуального и волевого типа, как бы

склеенных эмоциями, словно цементом. Психоанализ показывает, что между разными комплексами мнемы наблюдается некоторый антагонизм, и они словно борются за обладание полем деятельности, способны вытеснить друг дружку в подсознание и способны оживать снова. Они то появляются, то исчезают, и в соответствии с тем, какие комплексы участвуют в построении проекции, получается разная проекция одной и той же книги у одного и того же человека в разные моменты его существования. Все сейчас сказанное является логическим выводом из теории мнемы. Его можно формулировать так: каждый читатель в процессе чтения строит собственную проекцию читаемой книги, в зависи-



мости от качественной и количественной стороны своей мнемы, и эту свою проекцию принимает за качества самой книги и называет ее содержанием читаемого им произведения.

Подобно этому мы считаем содержанием чужой речи нашу проекцию ее, содержанием всякого услышанного или прочитанного слова — наши мнематические переживания, им вызванные.

Мы знаем не книги и не чужие речи, и не их содержания, — мы знаем наши собственные проекции их, и только то содержание, какое в них мы сами вкладываем, а не то, какое вложил автор или оратор. Свое мы при этом принимаем за чужое. Сколько у книги читателей, столько у нее и содержаний. Сходство содержаний обусловлено не тождественностью книг у разных читателей, а сходством читательских мнем. Поскольку тождественны их энграммы, постольку же можно ожидать, что будут сходны и результаты действия на них разных раздражителей. Это значит, что одно и то же слово — печатное, рукописное или устное — действуют по-разному на людей с несходными мнемами. Старая пословица: «чтобы понять других, надо самому пережить» получает в теории мнемы свой биологический и психологический

*

фундамент: взаимное понимание обусловлено сходством энграмм и экфорий. Стоит лишь измениться мнеме, изменится и содержание книги.

Закон Гумбольдта-Потебни—второй основной закон библио-психологии.

Теория мнемы приводит к целому ряду крайне важных принципиальных выводов и заставляет коренным образом изменить обще распространенный взгляд на книгу, на печатное, рукописное и устное слово вообще. Мы все, с самого детства, привыкаем думать, что слово имеет определенное содержание, и читателям или слушателям остается лишь брать его; если мы не берем его оттуда, то «виновны в этом мы сами, потому что содержание в слове действительно существует; а существует оно потому, что оно туда вложено. Его вкладывает туда всякий автор, всякий оратор, всякий пишущий или говорящий». Теория мнемы заставляет вновь пересмотреть эти чересчур обычные взгляды и приводит к точке зрения совершенно иной, которая с первого взгляда кажется очень парадоксальной. С этой новой, библио-психологической точки зрения, слово, которое мы читаем или слышим, не имеет никакого содержания, кроме того, которое мы в него вкладываем в процессе чтения или слушания. Да, говорящий или пишущий вкладывают в свою речь некоторое содержание; да, то, что ими вложено, содержится в их речи. Но одно дело вложить, и совсем другое дело получить из той же речи то самое, что в нее вложено автором или оратором. Из теории мнемы следует, что ни для читающего, ни для слушающего совершенно невозможно получить из чужой речи то, что в нее вложено, потому что всякую чужую речь каждый читатель и слушатель знает и может знать только как проекцию, им самим построенную, и не иначе, как из элементов собственной мнемы. Правда, некоторые из этих элементов могут быть и даже всегда бывают сходны и даже тождественны с теми элементами, какие имелись в мнеме писателя или оратора в момент их творчества этой речи; так напр., живя в одной и той же социальной среде и вообще среди одних и тех же реальностей, автор, как и его читатель, оратор, как и его слушатель, имеют первоначальные энграммы более или менее одинаковые, и их мнемы не лишены сходства; может быть более или менее одинаковым и запас, т. е. совокупность энграмм, и даже функционирование мнем. Но нетрудно понять, что, во-первых, сходство некоторых энграмм и экфорий у разных людей еще не есть полное сходство их, а также и полное сходство их запасов. Кроме того, они постоянно меняются, и изменения их следуют непараллельно и неодновременно, — значит и проекции, построяемые разными мнемами, в значительной степени всегда различны. Но самая суть вопроса даже не в случайных сходствах, а в том, что эти сходства, так сказать, пришлого характера и не вытекают из самой сути дела: сходства эти обусловлены не чем иным, как окружающей средой и сходством раздражителей. Мнема знает всякое

полученное ею раздражение не иначе, как в ее собственных терминах, т. е. в виде субъективных возбуждений, а они не со стороны приходят, а появляются, вспыхивают в самой мнеме в момент раздражения: раздражитель не есть передатчик, а лишь возбудитель переживания. Значит, слушающий или читающий может знать содержание печатного, рукописного или устного слова лишь постольку, поскольку оно подействовало на его мнему, произвело в ней те или иные энграммы, возбудило те или иные экфории. Из них и строится проекция чужого слова. В следующих главах мы покажем, что все эти выводы могут быть доказаны экспериментально. К этим самым выводам пришли еще гораздо раньше два знаменитых ученых: немецкий филолог Вильгельм Гумбольдт (1767 — 1835) и проф. Харьковского университета Александр Потебня (1835 — 1891). Путем лингвистических изысканий, В. Гумбольдт дошел, а А. Потебня подтвердил следующий вывод, который по всей справедливости должен называться законом Гумбольдта-Потебни. Мы формулируем его так:

Человеческая речь как и все элементы ее, вплоть до отдельного слова и даже звука или буквы, суть орудия только возбуждения психических переживаний, в соответствии с особенностями той мнемы, в какой они возбуждаются, а не орудия переноса или передачи этих переживаний.

Этот же закон можно формулировать короче еще так:

Слово, фраза, книга суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме. Это значит: что ни вкладывал бы писатель в свои произведения, а оратор в свою речь, их содержание не дойдет до читателя или слушателя, хотя оно в это произведение вложено. Между ним и читателем и слушателем — пропасть. Чтобы оно дошло по адресу, читатель и слушатель должны сами создать его из элементов собственных мнем. А это может случиться только тогда, когда мнема слушателя и читателя имеет те же энграммы, как и мнема оратора и писателя. Но такое создавание не есть передача, а возбуждение. Всякий читатель и слушатель всегда видит перед собою только свою собственную проекцию чужой речи. Не иначе, как проекцию. Содержание, вложенное в эту речь автором или оратором, — недоступный предел его проекции. Повторение чтения или слушания не нарушают, а лишь подтверждают закон Гумбольдта-Потебни.

В этом состоит второй основной закон библио-психологии, биологически и статистически обоснованный, как и первый закон мнемы.

В. Гумбольдт в своем классическом труде «Об основных элементах языка» говорит: «Размен (т. е. обмен) речи и понимания не есть передача данного содержания (с рук на руки): в

понимающем, как и в говорящем, это содержание должно развиться из собственной внутренней силы (т. е. мнемы, Н. Р.); все, что получает первый (т. е. понимающий слушатель, читатель), состоит только в гармоническом, настраивающем его в о з б у ж д е н и и». Далее В. Гумбольдт поясняет: «Так как во всяком восприятии объекта есть примесь субъективности, то отдельную человеческую личность можно считать особой точкой зрения на мир». «Никто не понимает слова именно так, как другие. Слыша какое-либо слово, никто не думает именно того самого, что думают другие (разные проекции, Н. Р.). Поэтому всякое понимание есть вместе с тем и непонимание, всякое согласие в мыслях есть вместе с тем и разногласие».

Эти гениальные идеи В. Гумбольдта остановили на себе внимание А. Потебни и получили в его трудах дальнейшее развитие, углубление и доказательства не только филологические, но и психологическое. Для Потебни, всякое отдельное слово, как и стиль, и всякое литературное произведение являются тоже средствами возбуждения, а не передачи и не переноса переживаний от книги (слова) к читателю. «Существует общераспространенное мнение, говорит А. Потебня,[1] что слово нужно для того, чтобы выразить мысль и передать ее другому. Но разве мысль передается другому? Каким образом мысль может быть передана другому? Мысль есть нечто совершающееся внутри мыслящего человека. Как же передать то, что совершается внутри человека другому человеку? Разве можно это взять, выложить из своей головы и переложить в голову другого?» «Человеческая личность есть нечто замкнутое, недоступное для другого. Каким же образом то, что происходит в одной личности, может быть передано другому и точно ли это передается другому? На это и дает ответ В. Гумбольдт». Его мысль А. Потебня поясняет на таком конкретном примере: «Возьмем слово «стол». Значение этого слова есть для меня совокупность всех признаков стола; эти признаки состоят из совокупности тех впечатлений, которые я получил от столов, виденных мною, — стало быть, из впечатлений моего зрения и осязания (первоначальные энграммы, Н. Р.). Строение моих глаз, хотя и сходно со строением глаз других, все-таки так различно, что впечатления моего зрения не будут равны другим. Мои впечатления вполне индивидуальны, принадлежат мне одному. Но значение слова состоит не только из впечатлений наших чувств, но и из воспоминаний наших (экфории первоначальных энграмм, Н. Р.). Воспоминания наши будут различны, смотря по тому, какие были наши прежние впечатления. Я, например, видел столы *а*, *б*, *в*, а вы *г*, *д*, *е*. В воспоминаниях наших будет известный порядок; я видел сначала красные, потом белые или наоборот; суммарные впечатления будут различны. Почему это так, на это ответить трудно; но убедиться, что это так, лучше всего на опыте. Например, не все равно увидеть тот же предмет

[1] Из «Лекций по теории словесности». См. его же «Мысль и язык».

утром, а потом вечером, потому что его видишь при различном настроении, следовательно, и комбинации этих впечатлений получаются различные (ассоциации энграмм, Н. Р.). Если сумма наших мыслей связана со словом, то в результате получится, что содержание слова у меня и у другого совершенно различно. Если я говорю стол, и если вы меня понимаете настолько, что сами будете думать о столе, то результат у меня и у вас будет совершенно различен, потому что сумма впечатлений в моей мысли и по качеству и по количеству различны от ваших». Иначе говоря, сходство или несходство проекции зависит только от сходства или несходства мнем.

А. Потебня так формулирует основную идею библио-психологии: «Если слово, как кажется, служит средством для сообщения мысли, то единственно потому, что оно в слушателе производит процесс создавания мысли, аналогичный тому, который происходил прежде в говорящем. Другими словами, нас понимают только потому, что слушающие сами, из своего мыслительного материала, способны проделать нечто подобное тому, что проделали мы, когда говорили. Говорить — значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли. Таким образом, понимание, в смысле передачи мысли, невозможно. Сказанное о слове, прибавляет Потебня, вполне применяется к поэтическим (и ко всяким, Н. Р.) произведениям. Разница здесь между словом и поэтическим произведением только в большей сложности последнего». Этими словами Потебни выражена не только самая суть библио-психологии, но указано и то направление, в каком необходимо разрабатывать ее, изучая действенность всякой книги (и вообще произведений искусства) как возбудительницы различных психических переживаний в различных психических и социальных типах читателей, в зависимости от мнемы каждого из них, а также сходства и различия их мнем. Далее, А. Потебня говорит: «Мы можем понимать произведение лишь настолько, насколько мы участвуем в его создании». «Понимание состоит не в перенесении содержания из одной головы в другую, а только в том, что, в силу сходного строения человеческой мысли, какой-нибудь знак, слово, изображение, музыкальный звук служат средством преобразования другого, самостоятельного содержания, находящегося в мысли понимающего». «Если ты способен понимать другого, ты до некоторой степени подобен ему. Если слово, звук, возбуждает в тебе мысль, то, стало быть, эта мысль в тебе находилась в другом виде, неорганизованная, не кристаллизованная, но никто тебе ее не дал». Из этого профессор Потебня, выражаясь языком тогдашней психологии, сделал вполне правильный и очень важный вывод: «Личность поэта (автора), т. е. процессы, которые совершаются в его душе, насколько они могут быть нам известны, — в сущности, процессы нашей души, — души тех, которые понимают и пользуются поэтическим произведением. Личность автора, напр.,

поэта, исключительна лишь потому, что в ней, в большей сосредоточенности, находятся те элементы, которые находятся и в субъекте, понимающем его произведения». Словно выражая и предвосхищая на двадцать лет идею зоолога Р. Семона, Потебня так углубляет вышесказанное: «объективирование мысли в слове, когда человек словно смотрит на свою мысль, ставшую вроде как внешним предметом, есть выражение переносное. На самом деле этого, конечно, не произошло. Это можно сравнить со следами ног, отпечатавшихся на песке. За ними можно следить, но это не значит, чтобы в них заключалась нога. В слове не заключается сама мысль, но отпечаток мысли».

В другом своем произведении А. Потебня говорит: «Субъективное содержание мысли говорящего и мысли понимающего до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях, напр. в сказке о набитом дураке, где дурак придает общий смысл советам матери (которые годятся только для частных случаев), но легко может быть сознано и при так называемом полном понимании...» «Даже тогда, когда непонимание повидимому невозможно, когда, напр., оба собеседника видят перед собою (один и тот же) предмет, о котором идет речь, — даже тогда каждый в буквальном смысле смотрит на предмет с своей точки зрения и видит его своими глазами. Полученные этим путем различия в чувственных образах предмета, зависящие от внешних ему условий (различия точек зрения и устройства организма), увеличиваются в сильнейшей степени от того, что новый образ в каждой душе застает другое сочетание прежних восприятий, другие чувства, и каждый образует другие комбинации». Потебня смело утверждает, что «содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимо известная величина; думать при слове (т. е. воспринимая слово, Н. Р.) именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этим другим. Поэтому понимание другого, в том смысле, в каком обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзия, как та, будто мы видим, осязаем и пр. самые предметы, а не свои впечатления».

Если продумать закон В. Гумбольдта-Потебни до конца, то мы логически придем к коренной реформе не только теории книги, но и всего книжного дела. До сего времени центральное место занимало в них то, что называется «содержанием книги». Закон Гумбольдта-Потебни передвигает главный центр тяжести из книги в читателя, из раздражителя в раздражимое, из возбудителя в возбуждаемое. Слово представляет собою крайне своеобразный сосуд, хотя и наполненный содержанием, но так им наполненный, что никто никоим образом не может получить его и выпить: его приходится самим творить, стараясь вникнуть в него, но творить из своих собственных элементов и по своему собственному образу и подобию. Если в силу каких-либо причин слова и фразы книги не экфорируют таких-то энграмм в читателе, он и не найдет их и в «содержании» книги. Чего нет в

читательской мнеме, того не будет и в проекции книги, этой мнемой построенной. Это лучше всего видно на примере слепых и глухих от рождения. Нормальные люди понимают такие слова, как «красный цвет», «белизна», «темнота» и т. п., потому что имеются первоначальные энграммы цвета и света. Слепорожденный не поймет этих слов, как понимаем их мы: с их звуком он не свяжет зрительных ощущений. Соответственно изменится и понимание текста, где такие слова встречаются. Глухонемой поймет слова, обозначающие какой-либо звук, тоже на свой лад. Глухонемая и слепая Елена Келлер понимала слова, обозначающие какие-либо звуки и цвета, в терминах кожных, тепловых и болевых ощущений. Устная речь для глухонемых вовсе не совокупность звуков, а совокупность мышечных и некоторых других ощущений. Не лучше положение и того школьника, который читает оките, никогда не видав ни кита, ни его изображения. Но, как показывают исследования, даже и рисунки не дают достаточного понятия о реальности. Амёба, изображенная в учебнике в сильно увеличенном виде, требует от учеников воображения гигантской силы, чтобы он представил ее себе в действительных размерах, т. е. в несколько сот раз меньше булавочной головки. Учитель, рассказывающий о древнем Риме, не понимает, что его слушатели, не только школьники, но и студенты, строят свою проекцию древнего Рима по образу и подобию того города или городов, какие удалось им видеть. Чем отвлеченнее читаемая книга, тем труднее читателю свести ее к реальности. Закон Гумбольдта-Потебни объясняет и различия в толкованиях текстов, разницу во мнениях критиков и комментаторов об одном и том же произведении, а также перемены убеждений с возрастом, потому что жить — это значит копить все новые и новые энграммы, вследствие чего мнема понемногу изменяется. Тем же законом объясняется непроходимая пропасть между говорящим и слушающим, между читающим и пишущим, между пропагандистом и пропагандируемым. Из него же вытекает словесный характер пропаганды, которая из 100 случаев в 90 сводится к внедрению слов, за неимением энграмм реальности. Из закона Гумбольдта-Потебни же следует, что книга есть лишь особый снаряд, цель которого состоит только в возбуждении психических переживаний. Из книги мы получаем только раздражения. Они дают начало целому ряду крайне сложных процессов в нашей мнеме. Мы знаем только эти процессы, потому что переживаем их непосредственно и лишь постольку, поскольку переживаем их. Это переживание получаемых раздражений-возбуждений и называется *передумыванием своих собственных дум над чужой речью*. Не следует их смешивать с переживанием автора, которого отделяет от нас непроходимая пропасть: наша проекция его произведения вовсе не то, что *его* собственная проекция *того* же самого произведения. Поэтому одним из очень важных вопросов библио-психологии является следующий: *можно ли строить свою речь так, чтобы она, ни-*

чего не передавая слушающему или читающему, смогла возбуждать в них то самое, что должна бы была, по мнению автора и оратора, передать им. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо исследовать: во-первых, процесс чтения, во-вторых, читателей, т. е. разные типы мнем, в-третьих, книгу как источник раздражений, разные книги как различных раздражительниц, в-четвертых, авторство и авторов как конструирование и конструкторов разных текстов. Анализ, какой мы дадим в этой книге, лишь подтвердит те выводы, каких нельзя не сделать из закона Гумбольдта-Потебни, а именно:

Устное, рукописное и печатное слово не имеет раз навсегда свойственного ему содержания. Содержание, какое в них вкладывают их авторы, никогда вполне не совпадает с содержанием, какое в те же слова, фразы и текст вкладывают читатели. То, которое приписывается книге ее автором, не таково, какое приписывается ей читателем. И сколько у книги читателей, столько же и содержаний у нее. Каждый считает содержанием данной книги то самое, что в нее сам вкладывает, ей приписывает, т. е. свою собственную проекцию этой книги. Если у книги этой вовсе нет читателей, то она перестает быть книгой, а становится лишь материальной вещью. До Раулинсона и Лейарда клинообразные письмена считались узорами; до Шамполиона египетские иероглифы считались рисунками, а не письменами. То, что вложено в книги и речи их авторами, отнюдь не переходит в читателя и слушателя, а лишь возбуждает в них те или иные психические переживания. Сходство и различие этих переживаний, возбужденных в читателях и слушателях, с переживаниями авторов и ораторов зависит от сходства и различия мнем и постоянно колеблется в зависимости от изменений мнем. Из сейчас сказанного уже видна функциональная зависимость, существующая между тремя основными факторами книжного дела, а именно, между читателем, книгой и писателем.

Поэтому печатным, рукописным и устным словом мы должны считать снаряд, с помощью которого получается возможность возбуждать определенные реакции в любой мнеме.

Читателем или слушателем должно считать всякую мнему, поскольку она поддается таким возбуждениям.

Чтение и слушание есть самый процесс возбуждения мнемы при помощи речи.

Автором и оратором должно считать того, кто создает планомерно и целесообразно раздражения в виде печатного, рукописного и устного слова.

Каждый грамотный человек представляет собой, в той или иной степени, и читателя, и писателя, и слушателя, и оратора; все мы пишем по крайней мере частные письма; все мы разговоры ведем, все читаем и слушаем.

Значит, содержанием слова следует считать психологический процесс, а не буквы и звуки и тому подобные

физические явления. Но содержание это представляет собою явление динамическое, текучее и изменчивое, в соответствии с условиями места и времени, обусловливающими мнему.

В другом месте мы писали: «На содержание книги нельзя смотреть как на величину неизменную, вечно и для всех одинаково существующую. Вечно и одинаково существуют только письмена, т. е. крючки и закорючки, бумага, вещь. Но ведь эти письмена вовсе не есть содержание, а лишь возбудители содержания в данном читателе, а это не одно и то же. В первом случае читатель ни при чем, а во втором он — все. А отсюда вывод: примат содержания в нашей теории книги должен уступить место примату читателя; примат вещи — примату той психики, которую так или иначе возбуждают данные письмена, т. е. книга». [1]

---

[1] «Что такое библиологическая психология». Изд. «Колос». Ленинград.

Глава IV.

СОСТАВ МНЕМЫ. МНЕМА НАСЛЕДСТВЕННАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ.

Третий основной закон библио-психологии, — закон И. Тэна.

Из закона Гумбольдта-Потебни логически вытекает закон накопления энграмм, которому мы позволили себе дать название закона И. Тэна, так как именно этот позитивист и дарвинист впервые формулировал определенно идею о тройном характере накопления энграмм в мнеме. Его можно формулировать так:

Энграммы, непрерывно притекающие в мнему и обусловливающие собою качественную и количественную сторону экфорий, всегда находятся в функциональной зависимости, во-первых, с расой, во-вторых, с окружающей средой и, в-третьих, с моментом.

Особенности расы суть явления наследственные, в том числе естественные рефлексы. Особенности среды являются поставщиками энграмм оригинальных, энграмм ненаследственных, но могущих стать наследственными. Момент, по тому самому, что он момент, всегда индивидуален и в пространстве, и во времени. Заполнение мнемы происходит этими тремя путями. Рассмотрим их.

В предыдущих главах шла речь о функционировании мнемы. Теперь необходимо рассмотреть ее состав. Он определяется, в конечном счете, теми оригинальными энграммами, которые имеются в мнеме. Эти энграммы необходимо классифицировать по источникам их получения. Таких источников три: 1) наследственность; 2) социальная среда, или коллективный опыт человечества; 3) личный опыт индивида. Эти три главных источника энграмм определенно отличаются один от другого, хотя в процессе филогенезиса они и сливаются, и, как показали исследования о наследственности, переходят один в другой. Еще Дарвин констатировал, что индивидуальные особенности, если они полезны индивиду и виду, подхватываются естественным подбором и укореняются, давая, в процессе их накопления, начало новым видам, родам и разновидностям и т. п. Поток происхождения видов течет от индивидуальности к виду, и роду, и классу. В каждый отдельный момент мнема каждого индивида содержит первоначальные энграммы как наследственного, так и социального, так и инди-

видуального происхождения. Источник получения энграмм обусловливает собой и особенности функционирования мнемы. Совокупность энграмм наследственного происхождения вместе с особенностями наследственного функционирования мы будем называть мнемой наследственною, причем к наследственности следует отнести и наследственное вырождение. Совокупность энграмм, получаемых из социальной среды, мы будем называть социальной мнемой. Наконец совокупность энграмм, получаемых всяким индивидом из его личного опыта в той социальной среде, в какой ему приходится существовать, мы будем называть мнемой индивидуальной. То, что индивид из нее черпает, представляет собой некоторую часть, точнее сказать— ничтожно малую дробь социальной среды и коллективного опыта человечества, но именно потому, что между этой дробью и целым нельзя поставить знака равенства, необходимо отличать мнему индивидуальную от социальной. В свою очередь определенно различаются и эти две мнемы одного и того же индивида от его мнемы наследственной: между ними такая же разница, какая существует между рефлексом естественным и рефлексом условным. Первый вырабатывается в процессе филогенезиса; второй представляет собой навык, приобретаемый в ходе личной жизни под влиянием социальной среды. Характерным признаком реакций врожденных является их стереотипность; они протекают всегда одинаково, типическим образом. Мимика и пантомимика в значительной степени относятся к наследственной мнеме. То же и интонация как «звуковой жест». Врожденные реакции нивелируют разные мнемы путем филогенезиса. То же делает и социальная среда: она нивелирует в процессе онтогенезиса, начиная от нашего рождения на свет. Не иначе, как социального происхождения наши навыки, привычки, наш обычный автоматизм, дрессировка или муштра, словом сказать, наши условные рефлексы. Приведем несколько примеров: крик как рефлекс представляет собой одно из проявлений мнемы наследственной, потому что голосовые органы и механизм голоса получается животным по наследству. Слова, состоящие из членораздельных звуков и с определенным значением, ходовым в данной социальной среде, представляют собой одно из проявлений мнемы социальной, и условный смысл каждого произносимого слова, как мы уже показали, представляет собой условный рефлекс. Одна и та же социальная среда насаждает такие рефлексы во всех индивидах, ее составляющих, и таким путем как бы приводит их к одному знаменателю. Особенности произношения, оттенки смысла, их уклонения от средней социальной мнемы того коллектива, в каком живет данный индивид, представляют собою мнему индивидуальную. В основе произношения лежит, во-первых, навык (мнема социальная), во-вторых, голос, работа голосовых связок (мнема наследственная). На упомянутом же примере видно, до какой степени слиты и буквально не отделимы одна от другой эти три мнемы: наследственная, социальная и индивидуальная. Отмечая

этот тройной состав мнемы, мы лишь искусственно анализируем ее как единое целое, в интересах более ясного понимания.

Мнема наследственная.

Элементы наследственный, социальный и индивидуальный можно констатировать в любом библио-психологическом явлении, начиная от простейших и до сложнейших, от любого отдельного слова до умственной жизни человечества в его целом. Так напр., в слове «расхохотаться» к наследственной мнеме относится корень слова, который есть не иное что, как рефлекс смеха; к социальной мнеме относятся префиксы, суффиксы и флексии этого слова: они привиты каждому русскому с детства из социальной среды, в какой он научился именно русскому языку. К индивидуальной мнеме относится как самый факт произношения этого слова в данный момент, его выбор, так и выбор префиксов, суффиксов и флексий для формирования этого слова. Что касается до умственной жизни человечества в его целом, то к наследственной мнеме необходимо отнести такие врожденные, унаследованные элементы, как биологические (строение тела и функционирование его и рефлексы), антропологические (пол, возраст, раса). К наследственной же мнеме следует отнести и некоторые психические явления, так как рядом с наследственностью телесной неизменно существует наследственность психических свойств, которые передаются из поколения в поколение как функции наследуемого анатомо-физиологического аппарата и как предрасположения к таким, а не иным реакциям, а значит, и к переживаниям, которыми эти реакции сопровождаются. Так напр., передаются по наследству низшие органические чувства: мы уже от самого рождения способны ощущать чувство голода, жажды, холода и тепла. Несомненно передается по наследству целый ряд эмоций, чувств, страстей, напр., гнев, страх. Лошади, никогда не видавшие ни львов, ни тигров, стали метаться от ужаса, когда к ним в конюшню попала солома из клетки тигров и львов. Дети чувствуют какой-то инстинктивный наследственный страх к мехам. Эмоции такого сорта некоторыми авторами причисляются к инстинктам. Наследственность же инстинктов всем известна. Инстинкт Геринг очень удачно назвал п а м я т ь ю в и д а: живое вещество, накопляя энграммы из поколения в поколение, передает их по наследству в виде зародышевой плазмы определенного свойства (Вейсман). По мнению некоторых выдающихся ученых в человеке есть две плазмы: зародышевая и плазма тела. Первая унаследована от родителей и бессмертна и нетленна. Плазма тела, с нею соединенная, изменяется из месяца в месяц и носит отпечатки внешних влияний. Ее возраст,—возраст индивида, тогда как возраст плазмы зародышевой есть возраст вида. Зародышевую плазму изменяют скрещивания; плазма тела изменяется под влиянием питания. Первая не поддается усовершенствованию в индивидуальной жизни, вторая поддается как улучшению, так и возрождению. Наследственная мнема обусловлена плазмой зародышевой. Вот почему утенок, только что вылупившийся из яйца,

бежит к воде и плавает; канарейки, выведенные в клетке, уже умеют вить гнездо и высиживать птенцов. В каждом из нас наследственная наша мнема хранит поразительно многочисленные инстинкты как предрасположения и неясные, стихийные стремления к определенным действиям, целым сериям последовательных действий, из которых каждый нельзя не рассматривать как особый прирожденный рефлекс, эффекторная фаза которого является раздражителем следующего рефлекса, обусловливая таким путем его сенсорную фазу, и т. д. Отметим инстинкт самосохранения, инстинкт питания, материнский и вообще родительский, инстинкт размножения (половой), инстинкт стадный. Уотсон прибавляет к этому еще такие, как инстинкты приобретения и владения, охоты, собирания и накопления, жилья (напр. сооружение гнезд), борьбы, подражания, творчества, интереса (по И. Павлову, рефлекс «что такое?», — исследовательский), разные социальные инстинкты.

Если на наследственный механизм какого-либо инстинкта падает из окружающей среды раздражение, способное привести в действие рецепторный аппарат этого механизма, то он неизбежно приходит в движение, а оно может итти только таким путем, какой соответствует устройству механизма, а не окружающей среде, роль которой исчерпывается только поставкой раздражителей. В книжном деле, как известно, такие инстинкты, как половой, родительский, стадный, играют роль громадной важности: на половом инстинкте держатся разные виды поэзии и изящной литературы, а инстинкт стадный играет гигантскую роль в периодической печати, в публицистике, в партийной литературе всех стран и веков. Инстинкты можно рассматривать (если не во всех, то в некоторых отношениях) как цепные рефлексы или сцепление естественных рефлексов. Во II главе было показано, что рефлексы этой категории тоже наследственны, значит, и они входят в состав наследственной мнемы. Переживания, какими сопровождаются рефлексы, представляют собой их психический коррелят. Таким образом, к наследственной мнеме должны быть отнесены такие явления, как наследственность анатомо-физиологическая и психическая, затем естественные рефлексы, низшие органические чувства, инстинкты и некоторые эмоции (чувства и страсти, — страх, гнев и т. п.).

Таковы элементы наследственной мнемы. Мы уже отметили, что все они результат филогенезиса. В основе наследственной мнемы лежит наследственность энграфического воздействия: энграммы не только возникают в живом веществе, но сохраняются и за пределами индивидуальной фазы, т. е. фазы их приобретения индивидом, на протяжении следующей и, при наличности благоприятных условий, на протяжении дальнейших фаз, в ряде поколений. Передача потомству индивидуально приобретенных признаков доказана экспериментально (см., напр., опыты Р. Семона с огненной саламандрой). Явление наследственности, по Р. Семону, может быть, в конечном счете, сведено к наследственной пере-

даче предрасположений: наследственно передается предрасположение (латентные, потенциальные состояния) к раздражению, а значит и к возбуждению: физическая наследственность неотделима от психической. Предрасположение к возбуждению обнаруживается под влиянием раздражителей, поставляемых средою. Энграммы выходят из своего латентного состояния, чтобы рано или поздно снова сделаться латентными. Предрасположения к возбуждениям унаследованные (т. е. наследственные энграммы), под действием на них раздражителей, энграфически изменяются. Они отнюдь не остаются как нечто неизменное и изначала данное для всех времен. Это значит: наследственную передаваемость качеств не следует смешивать с неизменностью этих последних: наследственная мнема, как и все в природе, изменяется в ходе эволюции.

В каком отношении находится мнема наследственная к социальной? В таком же, в каком находятся рефлексы естественные к условным. Социальная среда оказывает свое влияние и снабжает нас своими энграммами только потому, что наследственность организма дает ей анатомо-физиологическую почву для прививки всякого рода навыков, т. е. условных рефлексов и супер-рефлексов. Но эти последние льются в нас таким потоком, вплоть до супер-рефлексов поразительно высоких ступеней, что нам кажется, будто первенствующую роль в нашем Я играет мнема социальная со всеми ее энграммами. Это потому, что иногда бывает очень трудно вникнуть в самого себя, да и в других людей, вплоть до наследственной подпочвы их социального поведения. Доказывать исключительное значение социальной мнемы сравнительно с наследственной—это то же, что доказывать значение зданий, не обращая внимания на почву, на которой они сооружены: в обиходе социальной жизни одинаково важны и почва, и здания. Не забудем еще, что у сотен и тысяч миллионов людей, у огромного большинства человечества, поразительно скуден запас условных рефлексов. Это значит, что оно живет прежде всего мнемой наследственной, а не социальной. Напомним о том дикаре ботокудосе, который, будучи увезен европейцами в большой город, успешно кончил там курс в университете, а затем, снова попавши в свой родной лес, сбросил одежду, а вместе с нею массу условных рефлексов, внедренных в него дрессировкой и муштрой. В области книжного дела наследственная мнема на каждом шагу показывает свою силу в виде взрывов различных инстинктов, эмоций, органических и вообще анти-социальных чувств. Очень многие из наших злых чувств, в роде злобы, ненависти, жестокости, зверства, относятся к числу таких взрывов наследственной мнемы. Но еще большее число их насаждается в виде условных же рефлексов социальною средою. Упрек в том, что наша цивилизация представляет собою эволюцию жестокости вплоть до великой бойни (1914—18 гг.), нельзя не считать справедливым, и значит нельзя считать и социальную мнему явлением более высокого нравственного и общественного порядка,

чем естественность наследственной мнемы. Содержание литературы всех времен и народов, за относительно немногими исключениями, — лучшее доказательство этому.

Отсюда вывод: для понимания книжного дела исследование той роли, какую играет наследственная мнема, безусловно необходимо.

Социальная мнема. Таким образом, социальная мнема не является исключительным фактором, оформливающим человека. Тем не менее она фактор громадной важности. Практически говоря, она стоит на первом месте, и наше поведение определяется главным образом мнемою социальной, а не наследственной. Почти все прирожденные реакции человека затронуты социальными влияниями. Говоря теоретически, социальная мнема вне пространства и времени, поскольку вне их социальный опыт человечества. Он наполняет нашу мнему энграммами, характеризующими доисторические времена и отдаленнейшие области вселенной. Прошлое он превращает в настоящее, восстановляя его на основании точных данных. Он реализует в настоящем будущее в виде самых ярких картин и дает нам возможность получать оригинальные энграммы таких реставраций прошлого и будущего. Как социальный опыт обогащает социальную мнему, это видно, напр., из истории наук, искусств, литературы, техники, общественной жизни. Не имея поставляемых им энграмм, мы те же дикари.

Социальная среда поставляет нам энграммы социального опыта человечества, ею же накопленные и коллективно и индивидуально создаваемые. Из социальной среды мы черпаем не только мимолетные впечатления, но и привычки, навыки во всех областях жизни, начиная с личной и семейной и кончая интернациональной и исторической. Язык — явление социального происхождения. Крик как естественный рефлекс превращается под влиянием социальной среды в рефлекс условный. Ребенок сначала кричит рефлективно, не обращая никакого внимания на других. Но мало-по-малу он начинает кричать, принимая в расчет других. Вырабатывается понимание чужих слов, — явление тоже социальное. Рефлективный крик превращается в социальный знак, а он предполагает цель, относимую к другим членам того же коллектива (семьи, общины и т. д.). Социальная среда делает таким образом язык средством сношения между людьми. Почему всякая нами констатированная реальность на любом языке носит свое особое название? Это вопрос социальный. Название прививается каждому из нас по методу условных рефлексов, обусловленному социальною средою. Слово становится этим способом энграммой социальной.

Материалы, поставляемые социальною средою, так громадны, что нуждаются в классификации. Энграммы текут в нас из социальной жизни многими потоками, причем каждый из этих потоков имеет свои характерные особенности, вследствие чего получаются особенности и поставляемых ими энграмм. Совокупность

энграмм, так поставляемых, представляет собою особую разновидность социальной мнемы. В жизни каждого из нас преобладают не одни и те же потоки социальных энграмм. Вот главнейшие из разновидностей социальной мнемы: 1. Семейная. 2. Местная. 3. Национальная (этнографическая). 4. Государственная. 5. Международная. 6. Профессиональная. 7. Классовая. 8. Образовательная (энграммы школьного и книжного происхождения). 9. Конфессиональная (церковно-религиозная). 10. Злободневная (данного момента истории). 11. Историческая (данного периода истории). 12. Космическая: совокупность энграмм, поставляемых: а) географической обстановкой, б) природой органической и неорганической. Все личности и социальные коллективы могут быть классифицируемы по преобладанию энграмм одного или нескольких из этих типов. Качественные и количественные стороны их преобладания кладут свой отпечаток на социальный облик человека, а он настолько прочен, что справиться с ним коллектив может только одним, единственно успешным способом: внедрить в мнему индивида подавляющую массу первоначальных энграмм какой-нибудь другой разновидности социальной мнемы. Так напр., классовая мнема нередко подавляется международной, конфессиональная—социальной и т. д. Обыкновенно делается не так: внедряются не энграммы первоначальные, а мнематические, словесные, что и приводит, разумеется, не к реальности, а к словесности, и к словесной лжи, сознательной, полусознательной и бессознательной. Настоящая перемена социальных убеждений может произойти только от изменения состава социальной мнемы. Обыкновенно добиваются этого результата путем словесности, т. е. более или менее организованного многословия или языкоблудства. Теория мнемы в корень разрушает такой способ пропаганды, который если и может иногда удаться, то лишь на момент, с тем, чтобы рухнуть через самое короткое время. История свидетельствует, что так и бывает, и уже тысячи раз бывало. Особенное значение в книжном деле имеет мнема злободневная, состоящая из энграмм социального происхождения, наиболее свежих, а значит ярких, и из относительно острых эмоций, возбужденных толчеею текущей жизни и злобою дня. Подобно тому как могут быть социального происхождения рефлексы, а именно условные, такого же происхождения некоторые ненаследственные эмоции. Целый ряд их — социального происхождения. Таковы многие разновидности высших интеллектуальных эмоций, напр. научных, эстетических, общественных, этических. Хотя существование всех этих классов эмоций констатировано еще за много тысяч лет до нас, но социальный фактор постоянно создает все новые и новые вариации таких переживаний: в музыке субъективные переживания гармонии не то, что переживание мелодии, а эта последняя не то, что переживание только ритмических движений. Жестокость доисторическая не то, что утонченная жестокость «дикарей высшей культуры XX века». Религиозное отношение к идолу не то, что религиозно-космическое чувство

д-ра Бэка, или религия человечества О. Конта, или религия социального идеала наших дней.

Психическая зараза. Внушение и самовнушение и социальная мнема.

Изучая социальную мнему в связи с условными рефлексами, мы наталкиваемся еще на одно явление глубоко-социального происхождения, а именно на коллективный рефлекс, простейшей формой которого является психическая зараза. Это социальное (интерментальное) явление не следует смешивать с явлением внушения и гипноза. В случае психической заразы заразителен самый рефлекс, во втором—перед нами влияние интерментального типа. Термин «психическая зараза» обозначает факт заразительности рефлексов, эмоций и произвольных движений. Если их испытывает один какой-нибудь субъект, то эти же самые акты, при известных условиях среды, появляются и у другого субъекта, и у третьего и т. д. Переживания их одними субъектами являются источником (раздражителями) однородных переживаний у других. В этом явлении участвуют как высшие, так и низшие нервные центры, как чувствующие и двигательные, так и трофические нервы. Экспериментально доказано: когда мы следим за телодвижениями акробата, у нас самих происходят, но только в чрезвычайно слабой степени, почти незаметные сокращения тех же мышц. Это происходит механически, рефлективно. Чувствуя бессознательно эти незаметные впечатления, мы как бы становимся на место акробата, перевоплощаемся, вчувствываемся в него. Такие переживания являются источником энграмм нашей социальной мнемы, тем цементом, который связует индивидов в коллектив. Здесь же перед нами психо-физический источник явлений, называемых «подражательностью» и «подражанием». Опыты В. Бехтерева [1] и многих других исследователей в Европе и в Америке констатируют несомненное участие нервно-психической энергии в этих явлениях: социальная мнема обогащается все новыми энграммами разными путями, как видимыми непосредственно, так и незаметными извне. Некоторые авторы объясняют явления подражания существованием особого инстинкта подражания. Другие говорят о подражательных и массовых рефлексах. Как известно, во всех областях книжного дела подражание играет огромную роль. Его называют обыкновенно «действием примера». К этому примыкает и заразительное влияние «героев» на «толпу». Существуют коллективные «упражнения», коллективные привыкания, коллективные привычки, коллективные эпидемии, начиная с моды и кончая массовым помешательством и другими источниками энграмм социальной мнемы.

Внушение и самовнушение тоже является источником энграмм.

---

[1] Об этих опытах см. статьи В. Бехтерева, А. Иванова-Смоленского, В. Флексора в № 2 «Вопросов изучения и воспитания личности», 1922 г. Еще см. Бехтерев, Коллективная рефлексология, 1920, стр. 113.

Внушения бывают как словесного, так и иного типа. Таким образом один субъект прививает другому самые разнообразные психические переживания: знания, идеи, эмоции, стремления, действия возбуждают или подавляют инстинкты и органические чувства, возбуждают или тормозят рефлексы, насаждают новые и заглушают старые. Прививая желательные переживания (сенсорная фаза), индуктор прививает вместе с тем и две другие фазы реакции (центральную и эффекторную). По современным научным взглядам, внушение должно стать самовнушением, чтобы привести ко всем таким результатам. Внушение и самовнушение являются могущественным источником пополнения нашей социальной мнемы. К сожалению, недостаток места не позволяет нам останавливаться на этом интереснейшем явлении, играющем очень важную роль во всех областях книжного дела. Влияние слова, фразы, книги является одной из многих иллюстраций вышесказанного. Каждый из нас в той или иной степени представляет собой ходячий склад нам внушенных слов, нами самими подхваченных процессом самовнушения. Внушенные слова рефлективно, автоматически повторяются и рефлективными же действиями нередко сопровождаются. Здесь перед нами источник энграмм социальной мнемы, крайне опасный для индивида, так как он усиливает рефлективность и подсознательность, ослабляя сознание и нередко относя наши переживания не по направлению к реальности, а в сторону от нее, и не по нашей собственной воле, а под влиянием какого-нибудь чужого Я, далеко не всегда доброжелательного, бескорыстного и честного.

Мнема индивидуальная.

Наличность индивидуальной мнемы обусловлена личными особенностями индивида и его жизни. Коллективный исторический опыт человечества слишком объемист, чтобы поместиться в индивидуальной мнеме целиком. Он в нее, так сказать, не влезает. Когда его хотят систематизировать, распланировать и этим путем вроде как умять, в нашу мнему входят не первоначальные энграммы реальности, а отвлеченные, бледные схемы, формы без содержания, слова без тех образов и ощущений и без тех чувств и стремлений, какими и характеризуется реальность, т. е. сама жизнь. Так обесцвеченный наш интеллектуальный багаж мы нередко называем «своими собственными убеждениями и знаниями», не замечая сколь важную роль играл в их усвоении элемент посторонних внушений, веры и др. иррациональные элементы. Поэтому, не знания и не убеждения человека должны мы считать главнейшими характерными элементами индивидуальной мнемы, а его эмоции, чувства, страсти, аффекты, влечения, стремления и желания, понимая под этими терминами старой психологии такие переживания субъекта, какие он никакими словами не в силах передавать другим Я. Их совокупность, при всей их изменчивости, это и есть индивидуальная мнема каждого из нас, потому что она от нас неотъемлема, она никому другому не может быть столь же известна ни по каким внешним проявлениям, и у ни-

кого другого, как только у нас самих, совершенно в таком же виде никогда не встречается. Сейчас сказанное приводит нас к выводу, что коллектив имеет свою особую коллективную мнему. Этим термином следует называть совокупность сходных энграмм у всех (или у подавляющего большинства) членов этого коллектива. Ниже мы покажем, что каждый коллектив состоит из индивидов различных психических типов, и что можно определить процент каждого типа в коллективе.

Мы уже отметили, что коллектив нивелирует понимание речи (печатной, рукописной и устной) разными индивидами. Его влияние ведет к однородности, хотя и не к одинаковости и тем более не к тождественности пониманий одних и тех же речений разными индивидами.

Только социальной мнеме мы обязаны тем, что человек понимает человека, слушающий говорящего, а читающий пишущего. Обоюдное понимание есть явление социальное и результат не иначе как социальных же явлений. Значит, и то содержание, какое каждый из нас приписывает речи, представляет собой тоже социальное явление.

Индивидуальная мнема особенно интересна для библио-психолога. Она является источником словотворчества. Здесь создаются («придумываются») новые слова и выражения. Творчество особи есть акт индивидуальный. Индивидуальная мнема есть главный поставщик словесных новшеств. В нее-то и требуется ввести и знания, и понимания, и настроения социально-этического типа. Но ввести их туда—это значит сделать их собственным психическим достоянием субъекта, чтобы он выразил их языком собственной его индивидуальной мнемы и воплотил бы их в его индивидуальное поведение, нисколько не поступаясь своими индивидуальными особенностями, но утилизируя их в интересах коллектива. Здесь перед нами такие задачи: 1) Максимально использовать наследственную мнему индивида. 2) Опираясь на нее, привить ему возможно больше условных рефлексов социально-полезного характера. 3) Сблизить его индивидуальную мнему с социальной его мнемой, а эту последнюю — с социальным опытом человечества, а с этой целью организовать накопление оригинальных, первоначальных энграмм.

Некоторые выводы из теории мнемы. Подведем теперь итоги тому, что было сказано в этой главе. Мы показали, что мнема каждого из нас представляет собою единое целое. Она интегральна в своем многообразии. Она тройная, потому что энграммы ее тройного происхождения: одна получается по наследству, другая из социального коллектива, третья из индивидуального опыта жизни. Общая единая мнема субъекта представляет собой в некотором роде равнодействующую всех мнематических явлений, в нем происходящих и находящихся как в потенциальном состоянии (так наз. «подсознание»), так и в динамическом (так наз. подотчетное поведение). Из того, что

сказано в этой главе, видно также, что мнема есть понятие динамическое: она процесс, который начинается с самого зарождения первого организма на земле и продолжается неопределенно долгое время из поколения в поколение. Теория мнемы подводит биологическую базу под теорию книжного дела. Она дает возможность систематизировать все явления в его области, не только на биологическом, но и на психологическом, а главное, на социологическом фундаменте, выдвигая учение о социальной мнеме, о практическом примате энграмм социального происхождения. Это выясняет социальный характер библиопсихологии.

Вместе с тем, теория мнемы дает возможность связать изучение индивидуального работника с изучением коллектива, потому что коллектив является главным источником индивидуальных энграмм, а его социальные энграммы объединяют его с коллективом.

Теория рассматривает индивида как атом творческой силы коллектива, который отнюдь не есть простая сумма индивидов, как и индивид не есть только орудие коллектива. Теория мнемы требует изучения индивида в коллективе, а коллектива — в связи с изучением разных типов индивидов, из каких он составлен.

Теория мнемы является теорией личности, коллектива и их соотношений. Личность есть мнема личности. Разнообразие личностей сводится к вариации их мнем и к преобладанию то тех, то иных комбинаций социальных, наследственных и личных элементов, приобретаемых и ассоциируемых в курсе фило–и онтогенезиса. Изучение всех работников книжного дела и их поведения сводится таким образом к изучению их мнем. Их характеризуют: качественный и количественный состав мнемы, относительная быстрота и прочность энграфирования и относительная легкость экфорирования, в разных условиях места и времени.

Отметим еще практическое удобство той терминологии, какая введена Р. Семоном, а затем горячо поддержана А. Форелем.

Эта терминология, во-первых, упраздняет целый ряд терминов старой психологии, дошедших до нас из теологического и метафизического периода человеческой мысли. К очень немногим терминам (в сущности трем: мнема, энграмма, экфория) Р. Семон ухитрился свести все разнообразие психических явлений.

Приэтом введенная им новая терминология — одновременно терминология физиологическая и психологическая, индивидуальная и коллективная, экстроспективная и интроспективная. Эти особенности Семоновской терминологии чрезвычайно упрощают изучение книжного дела с биологической и психологической точек зрения, вводя его в круг точных знаний и выводя его из области словесности.

Заполнение мнемы. Из закона Гумбольдта-Потебни видно, что степень обоюдного понимания или непонимания зависит от сходства или несходства мнем. Отсюда следует, что стремиться к взаимному пониманию это то же, что стремиться к заполнению чужих мнем первоначальными энграммами одних и тех же реальностей.

Но здесь перед нами целый ряд препятствий. Напомним лишь о некоторых.

По типу ощущений все человечество может быть классифицировано на четыре главных типа: зрительный, слуховой, моторный и смешанный. Большая часть человечества принадлежит к зрительному типу: оно нуждается в том, чтобы видеть реальность.

Одним из доказательств этому может служить кинематограф и всякого рода другие зрелища, до иллюстрированных книг включительно. Менее значительная часть человечества принадлежит к типу моторному. Она познает реальность как деятельность, действие, мышечные движения (кинэстетически). Менее распространены в человечестве люди слухового типа, любители музыки, пения и речи. Смешанные типы (зрительно-моторные, моторно-слуховые и др.) тоже очень распространены. В зависимости от типа происходит заполнение мнемы. Каждый из нас бессознательно стремится копить энграммы таким способом, какой наиболее соответствует его типу, потому что таким путем достигается наибольшая экономизация сил и времени. Так, напр., человеку зрительного типа бывает трудно запоминать словесные описания какого-либо факта, а человеку слухового типа запоминать его зрительный образ.

Несоответствие в способах заполнения мнемы с типами заполняющих ее приводит к ошибкам наблюдения, т. е. к неправильным энграммам действительности.

В процессе заполнения мнемы крайне важную роль играют эмоции, чувства, страсти, которые еще более относят процесс ее заполнения от реальности. Ими обусловливаются не только энграммы и экфории мнематического типа, но даже энграммы первоначальные.

Эмоции способны довести мнематическую энграмму до такой интенсивности, что из-за этой энграммы перестает быть видимой реальность. В этом случае человек галлюцинирует, бредит, видит сны на яву, строит проекции из элементов таких снов. Так к реальности примешивается наш бред. Его мы приписываем среде, а не себе. Среда как бы пополняет наши знания о себе нашим же бредом. Чем более мы эмоциональны, тем большую роль играют эмоции в наполнении нашей мнемы. Мы хорошо подмечаем и видим то, что нам по вкусу, и плохо видим то, что нам не по вкусу. Известно, что так наз. вниманием, как и воображением управляют тоже наши эмоции. Они регулируют нашу установку внимания и построительную работу нашего воображения. Под влиянием эмоции заполнение мнемы

может итти то в сторону реальностей (первоначальных энграмм) то в противоположную сторону.

Выше было отмечено, что эмоции, чувства, страсти, способны энграфироваться. Мы знаем, что психические явления этого (эмоционального) типа относятся к центральной фазе реакции. К ней же относятся интересы и другие влечения. Мы видим, познаем, ощущаем, наблюдаем окружающую среду сквозь ткань всех таких иррациональных переживаний, которыми затемняются, искажаются первоначальные энграммы, поставляемые средой. Так как инстинкты и эмоции (некоторые) относятся к реакциям, унаследованным от предков, то и они искажают первоначальные энграммы реальности и владеют экфориями мнематических энграмм.

Исследование процесса заполнения нашей мнемы под влиянием расы, среды и момента приводит к выводу, что мы строим наши проекции чужих слов и писаний из элементов, по большей части, не соответствующих реальности, каковою является окружающая нас среда. Законом И. Тэна лишь подтверждается закон Гумбольдта-Потебни: так наз. наше знание есть незнание, наше понимание есть непонимание, изучение реальности есть искажение ее. Поэтому нужно быть человеком очень несознательным и даже неумным, чтобы искренно считать свои словесные мнения за «единственную истину».

Закон И. Тэна дает очень правильную и удобную схему процесса заполнения мнемы. В введении к своему капитальному труду «История английской литературы» Тэн определяет три главных фактора заполнения мнемы. «Под словом «раса», говорит Тэн, мы разумеем то врожденное, наследственное предрасположение, которое человек вносит с собою в мир и которое обыкновенно сопровождается явственными отклонениями, смотря по темпераменту и организму. Оно меняется для каждого. Разновидности естественно бывают и между людьми, как бывают они и между быками и лошадьми. Есть индивидуальности энергичные и умные, есть тихие и ограниченные; одни способны к высшему пониманию творчества, другим суждено довольствоваться элементарными идеями и открытиями; некоторые приспособлены к определенной работе и богато наделены инстинктами, совершенно так, как и породы собак, из которых одни обладают способностью быстро бегать, другие бороться со зверем и т. д. Во всех этих случаях перед нами сила (энергия), проявляющаяся настолько заметно, что, несмотря на значительные отклонения, обусловленные другими факторами, она все-таки остается преобладающей, и раса обнаруживает и в языках и религиях, литературах и философиях кровное и духовное родство, связывающее и до сих пор разветвления этой расы. Причина понятна: всякое животное с самого начала своего существования должно приноравливаться к окружающей среде, что вызывает различные потребности, а следовательно и различную систему действий, привычек, наконец, различную систему и инстинктов. Подобно

этому человек, принужденный приноравливаться к среде, хронически испытывая ее влияние, приобретает соответственный темперамент и характер, которые укореняются тем прочнее, чем глубже действовали наши впечатления, в силу беспрестанного повторения, и чем больше веков передавались они его потомству».

Для И. Тэна история расы есть история накопления энграмм в процессе филогенезиса.

Под словом «среда» Тэн подразумевает всю окружающую обстановку, совокупность окружающих условий. «Физические и социальные условия, говорит он, изменяют или пополняют природный характер. Среда действует не только качеством, но и количеством поставляемых ею материалов. При этом количественная их сторона повидимому играет более значительную роль, чем качественная, действуя по правилу «saepe cadendo».[1]

Из дифференциалов слагаются интегралы. Все поставляемые материалы вступают меж собою в бесконечно сложные, вечно усложняющиеся соединения и комбинации, синтезы. Одним из существеннейших признаков влияния среды на формирование мнемы надо считать тот несомненный факт, что влияние всех особенностей среды происходит совместно, как единый, общий, неделимый комплекс. Нет такой стороны социальной жизни, которая не принимала бы никакого участия в этом комплексе комплексов и не обусловливала бы своей наличностью все другие стороны. Социальный коллектив — это такая машина, в которой буквально все ее колеса и рычаги оказываются совмещенными в одной точке в каждый момент. Субъект с конкретным и практическим складом ума, — а из таких-то и состоит огромное большинство трудящейся народной массы, — понимает жизнь только интегрально, — как единое целое. Поэтому абстрактный, т. е. односторонний подход к ней отталкивает. Заполнять мнему людей конкретного типа абстрактным подходом к ней не только не экономно, но просто-таки невозможно. Иногда автору или оратору кажется, что самый выгодный способ заполнения чужой мнемы состоит в подходе со стороны того социального фактора, какой этому работнику кажется самым существенным, т. е. определяющим все другие факторы. Но ведь суть дела не в мнениях, не в «содержании» речи автора или оратора, а в том, как подействуют эти речи на конкретного собеседника. Но ведь это вопрос качественной и количественной стороны мнемы этого последнего, которую от их мнемы отделяет непроходимая пропасть, как это видно из закона Гумбольдта-Потебни.

Вдумчивому отношению к вопросу о заполнении мнемы и систематической работе в этом направлении помогают разносторонние и научно-составленные схемы, или классификации явлений. Они дают возможность, во-первых, определить пробелы в знаниях, во-вторых, направлять свою деятельность на пополнение этих пробелов. Такая схема, опирающаяся на классификацию наук

[1] «Часто повторяющимся действием».

О. Конта, дана нами во Введении к I тому «Среди книг», 2-е изд. (стр. 94 — 95). В ее основу еще в 1906 г. положена нами идея комплексного метода распространения знаний, который лишь после 1917 г. стал входить в школьную практику. В 1906 г. эта идея осталась, к сожалению, недооцененной. [1]

Основная идея наша — идея интегрального и синтетического заполнения мнемы — состоит в следующем: людям синтетического и конкретного типа, каких большинство, следует заполнять ее синтетически же, на примере изучения вопросов жизни, причем каждый вопрос должно освещать данными не одной, не двух-трех наук, а, по возможности, всех, показывая на примере каждого вопроса, во-первых, интегральность жизни, а во-вторых, сущность синтетического подхода к ее пониманию.

Переходим теперь к третьему фактору заполнения мнемы, к тому, который И. Тэн называет «моментом». «Кроме импульса, действующего постоянно (расы), и кроме импульса, идущего от данной среды, говорит Тэн, есть еще и третий: «приобретенная скорость». Когда действуют первые два фактора (раса и среда), они действуют не на tabulam rasam (на белый листок бумаги), а на страницу, на которой кое-что уже отпечаталось. Но то, что на ней отпечаталось, бывает различным, смотря по тому, в какой момент вы берете эту страницу». Исторический момент, век, эпоха кладут свою характерную печать и на автора, и на его произведения, и на читателя или слушателя, и на циркуляцию книг, и на характер их влияния. Под словом «момент», по Тэну, надо понимать не только эпохи и года, а вообще коэффициент времени и вечную смену условий, порождаемых его течением. Каждый момент нашей жизни представляет собой момент ее истории, а также и момент истории нашей местности, страны, континента, человечества и личности. Каждый момент отличается от своего предшествующего и от последующего и качеством и количеством энграмм, как уже накопившихся, так и накопляющихся. Громадную роль момента в области библио-психологических явлений очень ясно можно видеть на примере неприятных писем. Одно дело — написать такое письмо под горячую руку, а совсем другое дело — написать его час или полчаса спустя. Одно дело — получить и прочесть его в минуту тяжелого, и другое — в минуту веселого настроения. Результаты наверное получатся разные. Влияние момента сказывается как на авторстве, так и на читательстве. «Возьмите, говорит Тэн, два момента истории какой-либо литературы, например, французской, — трагедию при Корнеле и при Вольтере, греческий театр при Эсхиле и при Еврипиде, латинскую поэзию при Лукреции

[1] И подверглась даже нападкам со стороны критиков с абстрактным и аналитическим складом ума. Мы считаем неудачным самый термин «комплексный метод». Его следует называть просто синтетическим методом. Субъекты с абстрактным и аналитическим складом ума органически не способны разрабатывать программы синтетические, как не соответствующие их психическому типу.

и при Клавдиане, — в каждом из этих моментов истории о б щ а я концепция состоит в изображении все того же человеческого существа; форма стиха (классическая или ложно-классическая), постройка драмы, — все это осталось попрежнему. Но есть и различия, и в их числе не последнюю роль играет то, что один из авторов предшественник, а другой жил позднее; что первый из них не имел перед собой образца для литературного подражания, а у второго этот образец имелся перед глазами; первый видел свои объекты непосредственно, а второй видит их через посредство первого. За время, прошедшее между Корнелем и Еврипидом, многое изменилось, многое исчезло, многое усовершенствовалось: простота и величие уменьшились, изящество и утонченность формы увеличились. Классическое направление определило собою ложно-классическое. В каждой из этих эпох господствуют, преобладают те или иные концепции, те или иные идеалы, интересы, моды и т. д. В зависимости от социально-экономических и других факторов господствующая идея захватывает более или менее обширную сферу деятельности и мысли, затем, подарив миру свои воплощения в разных литературных произведениях, ослабевает, исчезает, а на ее место выдвигается другая идея, более соответствующая уже изменившимся социальным и другим условиям. Но и с нею бывает то же самое. В соответствии с теми же условиями изменяется и читатель. Его изменение происходит с течением времени в разных уголках по-разному, в зависимости от особенностей каждого уголка. Окончательный итог есть не что иное, как функция многих переменных, равнодействующая, вполне определяемая величинами и направлениями составляющих сил».

Интересно присмотреться к тому, как вариируют результаты чтения одной и той же газеты одним и тем же читателем в разные дни, но в одной и той же местности. Все отделы газеты устаревают с поразительной быстротой. Очень немногое сохраняется в виде вырезок и выписок. Но каждому газетному номеру соответствует своя злоба дня, а значит, и свои комплексы особенностей в читательских мнемах. Только на такую, если можно так выразиться, мнему дня, мнему злободневную, может подействовать номер газеты. Через несколько дней его уже не станут читать. Но тот же самый номер, попавши год спустя после своего выхода в какую-либо дикую тайгу или тундру, в руки сосланного туда интеллигента, вполне сохраняет свой жизненный характер, обусловленный мнемою же. Быстрая изменчивость читательской мнемы объясняет и следующее явление: большая часть наличности русской литературы времен Николая I с поразительной быстротой утратила интерес и перестала действовать на читательские мнемы в эпоху реформ Александра II. Литература времен 1884 — 1905 года тоже утеряла интерес после первой русской революции и еще того больше после революции 1917 года. Ход истории сообщил психике современного русского человека столько новых энграмм поразительной неожиданности,

новизны, яркости, что это новое их наслоение подавило, заглушило собой (хотя впрочем отнюдь не искоренило) энграммы предыдущие, ушедшие ныне в подсознание.

Вот еще пример момента. Юноша 18 лет увлекается сочинениями Д. Писарева, который для него любимейший и влиятельнейший писатель. Тридцать лет спустя тот же субъект совершенно «не переваривает» Писарева и вторично читать его не в силах. Тем не менее энграммы, полученные в юности, живы и еще сильны: мнема этого субъекта создалась при весьма влиятельном участии писаревских произведений. Энграммы их продолжают существовать в подсознании. И вот данный субъект, хотя он и отбросил Писарева с полупрезрением и полунасмешкой, в сущности отчасти продолжает оставаться под обаянием энграмм, полученных тридцать лет перед тем и неискоренимых. Таким образом, два момента жизни, наложенные один на другой, дают себя знать по-разному в одном и том же субъекте, иллюстрируя таким способом роль момента в деле формирования мнемы прошлого и мнемы настоящего и в равнодействующей этих двух мнем.

Таким способом выражается влияние времени в области библио-психологических явлений в одном и том же читателе. Что касается до читающей публики, до читателей массовых, статистика спроса на книги и в особенности на периодические издания в библиотеках и книжных магазинах может служить характеристикой влияния каждого отдельного момента: стоит лишь последить за тем, какие авторы, какие книги, какие журналы перестают читаться.

Этим мы и закончим наши комментарии к закону И. Тэна. Место не позволяет нам остановиться на тех возражениях, какие ему были сделаны Э. Геннекеном. Эти возражения не могут служить опровержением наличности и громадного влияния расы, среды и момента на заполнение и формирование мнемы.

Закон И. Тэна подводит под библио-психологию фундамент социологический, подобно тому как закон Р. Семона подвел под нее фундамент биологический, а закон Гумбольдта-Потебни — психологический. Закон Тэна дает объяснения сходству мнем и наличности обоюдных пониманий.

Из всего того, что сказано выше о мнеме, следует:

Книжное дело есть одна из разновидностей социального опыта человечества. Теория мнемы выясняет накопление и передачу этого социального опыта от поколения к поколению, от одного социального коллектива к другому, от коллектива к индивиду и обратно, а также от индивида к индивиду. Это накопление и передача совершаются с поразительной механичностью, закономерностью и непреоборимо. Процесс, называемый мнемой, будь то мнема наследственная, социальная или индивидуальная, может течь только вперед, а не назад. В случае остановки, он сметает преграду. Только гибель расы, социального коллектива и индивида и всей планеты может оста-

новить накопление и передачу энграмм. Но это происходит лишь в патологических случаях, — социальных и индивидуальных, и то лишь на время. Учение о мнеме представляет собою базу естественно-научного, объективного подхода к изучению книжного дела с социологической, психологической и биологической точек зрения, причем книжное дело рассматривается как очень сложный процесс энграфирования и экфорирования. Через него яркой нитью проходит антагонизм между энграммами первоначальными и энграммами мнематическими, между реальностью и словесностью, между фактом и названием факта. Энграфирование, в конечном счете, сводится к энграфированию реальностей, т. е. раздражений-возбуждений, полученных от них. Энграфируются все без исключения раздражения и их переживания, называемые возбуждениями. Таковы ощущения, образы, концепты, эмоции, страсти, аффекты, низшие органические чувства, инстинкты, влечения, желания и действия (кинэстетические переживания действий). Поэтому в процессе слушания и чтения, под влиянием устного, рукописного или печатного слова, все эти переживания (их энграммы) могут быть экфорируемы и действительно экфорируются. Всякая проекция чужого слова, каждым из нас постоянно построяемая, строится из таких энграфированных переживаний, сопровождаемых в той или иной степени внешними проявлениями, поддающимися, как мы уже знаем, далеко не всегда изучению экстроспективному, внешнему: третья фаза — реакция на словесные раздражения, часто бывает совершенно незаметной со стороны. Чего нет в наследственной, социальной и индивидуальной мнеме, того не бывает и в экфории, а значит, и в проекции, построенной из элементов данной мнемы. Качественная и количественная стороны мнемы обусловливают качественную и количественную сторону проекции. Все сейчас сказанное должно нам послужить базой для качественного и количественного изучения тех п р о е к ц и й, которые нами построяются. Как это сделать? Ответ на этот вопрос мы дадим в следующей главе.

Глава V.

МЕТОДЫ БИБЛИО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ.

От субъективных характеристик к объективному исследованию.

Мы уже имели случай отметить, что библио-психология стремится стать наукой объективной. Она должна стать такою для того, чтобы дать возможность всякому работнику книжного дела объективно ориентироваться во всей сложности этого дела в любое время и в любом месте. Она должна научить библиотекаря, книгопродавца, оратора быстро разбираться в психических особенностях любого читателя и слушателя по мельчайшим, едва заметным внешним проявлениям, подобно тому как зоолог, будучи знаком с зоологической классификацией, быстро определяет качества всякого вида по его месту в ней. Объективная классификация книг должна помочь нам ориентироваться в бесконечном разнообразии книжных сокровищ. Объективная классификация авторов должна помочь нам ориентироваться в истории литературы. Такова задача библио-психологической методологии. Значит идеалом ее должно быть точное знание. Наиболее точными науками в настоящее время являются: во-первых, математика, во-вторых, естествознание и, в-третьих, статистика. Математику мы понимаем как науку о мере и числе, о количестве и о функциональной зависимости величин. Естествознанием в широком смысле слова мы называем науку о реальностях, о фактах и о их констатировании в связи с условиями места и времени. Статистика представляет собой подсчет однородных фактов. Все другие отрасли современного знания, кроме математики, естествознания и статистики, особенно же так называемые гуманитарные науки, к которым относится и литература, и лингвистика (за исключением некоторых отделов ее), еще очень далеки от идеала, какой достигнут уже математикой и отчасти естествознанием и статистикой. Идеалом библио-психологии должно стать точное знание настолько объективное, насколько объективность суждения доступна человеку.

Отсюда следует, что одной из важнейших задач библио-психологической методологии является борьба с субъективностью суждений во всех областях книжного дела. В предыдущих главах было показано, как вскрывает ее теория мнемы: субъективна

всякая проекция чужой речи, построяемая всяким читателем или слушателем. Субъективны поэтому и суждения о книгах решительно всех историков и теоретиков литературы, критиков и библиографов, потому что все они принимают свои субъективные суждения за максимально правильные, а то и «единственно верные», тогда как эти самые суждения находятся в функциональной зависимости от их мнем, — наследственной, социальной и индивидуальной. Каждая мнема в большей или меньшей степени искажает реальность: кое-что прибавляет к ее проекции из своих запасов и кое-что игнорирует в реальности, потому что чего нет в мнеме, того не будет и в проекции, построяемой из ее элементов. Любая книга по всеобщей истории литературы может снабдить массой иллюстраций к тому, что сейчас сказано. История литературы состоит из безапелляционных приговоров, более или менее догматически формулированных. Каждый такой приговор субъективен, каждый представляет проекцию, сооруженную историком, и характеризует не того, о к о м он высказан, а того, к т о его высказывает, т. е. мнему этого последнего. Судить по такой проекции об авторах и их произведениях, вошедших в историю литературы, столь же ошибочно, как доверяться кривому зеркалу, то выпуклому, то вогнутому, то с желтоватым, то с синеватым оттенком стекла. Смотреть на книги и авторов сквозь какой-нибудь труд по истории литературы — это то же, что смотреть на мир сквозь цветные очки. Совершенно то же самое следует сказать о критических статьях и библиографических заметках. Но и их мы знаем только в качестве проекции нашей собственной мнемы. Если и мы сами напишем критику на критиков, то и наши статьи дойдут до читателей в виде их проекций, а не в виде того, что вложено туда нами. Библио-психологическая методология должна преодолеть этот «порочный круг» (circulus viciosus), иначе наши субъективные суждения никогда не приблизятся к идеалу точного знания и всегда будут субъективны, и не только в своих оценках, но и в описаниях, и в методах, и в своих рецептах, ныне так щедро рассылаемых по адресу чуть ли не всякого работника книжного дела.

Бесспорно библио-психологическая методология должна заключать в себе и библио-психологическую рецептологию, так как всякой теоретической науке соответствует наука прикладная. Но сочинять рецепты имеет смысл только тогда, когда они н е с у б ъ е к т и в н ы. Субъективно сочиненный рецепт может превосходно подходить к мнеме того, кто сочинил и даже испробовал его. Но из этого вовсе не следует, что этот превосходный рецепт подойдет столь же хорошо и ко всякой иной мнеме. Библио-психологическая методология должна ставить себе задачей бороться и с субъективностью рецептов. И задача эта в высшей степени трудная, так как сочинять рецепты для других — занятие весьма приятное. Еще приятнее формулировать их догматически, в виде чуть ли не приказов. Но всем таким ре-

цептам грош цена, если они не имеют под собой прочного фундамента биологии, психологии и социологии. Трудность борьбы с субъективностью суждений и рецептов сильно увеличивается еще тем, что их авторы совершенно не замечают своей собственной субъективности, иногда просто-таки по недостатку разносторонних знаний, т. е. по своему невежеству, а иногда в силу своей самоуверенности, от отсутствия психологической подготовки и в особенности от незнакомства с основными законами библио-психологии и теорией мнемы, которая в корень подрывает субъективность и самоуверенность всяких суждений.

Основные принципы библио-психологической методологии.

Следующие основные принципы объективного исследования психологических явлений в области книжного дела логически вытекают из теории мнемы. Первый принцип: прежде чем исследовать какой-либо объект книжного дела, необходимо исследовать самого исследователя. Мы познаем все путем сравнений. Самих исследователей мы можем характеризовать лишь путем сравнения их с каким-нибудь другим исследователем. Это нам выяснит, в какую сторону один из них уклоняется сравнительно больше, чем другой, как в своих наблюдениях, так и суждениях, и оценках и т. д. Имея перед собою бесконечное число самых разнообразных, противоречивых и даже противоположных оценок одного и того же явления, как разобраться в них и как выяснить, которые из них ближе или дальше от реальности? Ныне изучаются и изучаются объекты исследований. Но почему же не исследуются сами исследователи? Уже одно это делает все суждения вполне субъективными. С библио-психологической точки зрения, начинать изучение психического корелята книжного дела необходимо не иначе, как с исследования самого исследователя. Да каков же он сам? Какого он социального типа (классового, профессиального, национального и т. д.) и какого типа психического? (аналитик или синтетик? теоретик или практик? Беспристрастный или пристрастный, и если да, то в сторону каких эмоций он уклоняется, сравнительно с тем, кого с ним сопоставляют?) Ответить на такого рода вопросы, логически вытекающие из теории мнемы, это значит сделать поправку на того, кто их высказывает. Таким образом, первый основной принцип библио-психологической методологии сводится к необходимости найти способ делать поправки на исследователя, на читателя, на наблюдателя, на слушателя, на историка литературы, на критика, на библиографа. Необходимо найти способ делать поправку не только качественную, но и количественную. Такую поправку знаменитый немецкий астроном Бессель называет личным уравнением исследователя. Он же применил ее в области астрономии. Заметив, что данные очень точных астрономических наблюдений, производимых, во-первых, им самим, а во-вторых, его ученым помощником Аргеляндером над прохождением звезды через меридиан всегда разнятся меж собою более или менее на одну и ту же

величину, Бессель пришел к выводу, что эта разница зависит не от плохого качества астрономического инструмента и не от неловкости самих наблюдателей, а от их психических свойств (выражая этот факт в терминах библио-психологии — от свойств мнемы). И вот Бессель стал печатать на каждом своем исследовании свое личное уравнение, — поправку на исследователя, т. е. на самого себя: Бессель-Аргеляндер = 0,22.

Личное уравнение представляет собою сравнение двух или нескольких, или многих исследователей, — объективное сопоставление их субъективных особенностей. При этом один из них сравнивает другого, например, с самим собою. Один принимается за мерку сравнения, все равно какую. Поэтому вопрос об исследовании самого исследователя тесно связан с вопросом о мерке сравнения. Припомним, как измерялась высота гор до тех пор, пока не стали ее измерять от уровня моря, или как измерялась сила электрического тока, пока не была выработана единица ее измерения.

Если безусловно необходимо иметь единицу сравнения, чтобы делать поправку на исследователя относительно несложных и объективных явлений астрономических, то тем более необходимо делать поправку в случае исследования явлений столь сложных и субъективных, каковы разные области книжного дела.

Теория мнемы указывает, во-первых, возможность делать такую поправку, во-вторых, способы делать ее. Личное уравнение автора этой книги, составленное по библио-психологическому методу, напечатано в предисловии к этой книге.

Принцип этот был нами впервые формулирован в 1889 году в нашем «Опыте программы исследования литературы для народа» (Спб. 1889, стр. 6 — 7) и в журн. «Русское Богатство» (1889 г., № 5 — 6). Прежде чем приступить к исследованию читателей и др. явлений книжного дела, мы сочли необходимым исследовать самого исследователя. В 1889 г. мы писали: «Необходимо ввести в программу для собирания сведений о литературе для народа ряд вопросов, ответы на которые послужат к характеристике самого собирателя сведений и его отношений к окружающим». Эти вопросы читатель и найдет в I главе нашего «Опыта программы». Социальное и психологическое значение так формулированного почти 40 лет тому назад принципа, от которого нам не пришлось отступить и до сих пор, было тогда не понято интеллигенцией. Но оно было понято теми рабочими и крестьянами, которые в 1889 — 1906 гг. прислали нам свои ответы на «Опыт программы» (более 5 600 ответов). Тогда же эти ответы позволили нам сделать поправку на читателя буржуазного, пролетарского, крестьянского и др.[1]

Второй принцип библио-психологической методологии: натуралистический (биологический и

[1] См. разработку этих ответов в наших «Этюдах о русской читающей публике», 1895 г., гл. VIII — XIV.

психо-физический) подход к объекту исследования. Психический коррелят книжного дела должен изучаться не только как явление культуры, но и как явление природы. Таковым является как сам работник, так и его труд, а значит и книжное дело как трудовой процесс (см. выше, гл. I). Изучать книжное дело и его психический коррелят — это значит вникать в работу как социального коллектива, так и индивидуального организма, в работу его органов, клеточек, молекул, атомов и электронов, — до предела доступной человеку ясности и глубины понимания. С такой точки зрения, читатель, читающий книгу — это значит психо-физический организм, подвергающийся действию особого инструмента, называемого книгой, как источника раздражений-возбуждений в мнеме этого организма, его реакции. При этом изучению подлежат: во-первых, раздражители разных типов (печатное, рукописное и устное слово); во-вторых обусловленные ими энграммы и экфории и другие мнематические явления, в-третьих, естественные и условные рефлексы как основные элементы поведения. Логическим выводом из этого принципа является исследование поведения по методам бихевиоризма. Этот второй принцип библио-психологической методологии был впервые нами формулирован на публичном заседании в Институте Ж. Ж. Руссо в Женеве 22 октября 1916 г.[1]

Третий принцип библио-психологической методологии: примат объективного исследования над интроспективным. Об этом уже шла речь в I главе. Библио-психология как наука объективная не может считать интроспекцию своим главным методом, так как данные интроспекции не представляют собою надежного источника объективных знаний. Субъективные показания подлежат объективному контролю. Но всякий контроль предполагает существование того, что контролируется. Его объектом являются интимные переживания, напр. читателя, писателя, оратора, слушателя и т. д. Такие их переживания суть неустранимые звенья в общем ходе реакций, независимо от того, доходят они или не доходят до сознания. Нельзя изучать процесса чтения, не принимая во внимание самых субъективных переживаний читателя, каковы напр. чувство удовольствия или страдания, радости или грусти, интереса или скуки и т. д., какими сопровождается этот процесс: всякий читатель живет своими интимными переживаниями, независимо от того, условные или безусловные рефлексы они. Работа, ее процесс, ее цель и результат неотделимы от той оценки, какую им делает сам работник со своей интимнейшей точки зрения. А эта последняя обусловлена качеством и количеством его переживаний (социальных и индивидуальных), экфорируемых в процессе работы. Переживать их — значит оценивать

[1] См. ст. проф. Адольфа Ферьера: «La psychologie bibliologique d'après les travaux de N. Roubakine» в «Archives de Psychologie», 1916, № 12. Ещё см. наше «Introduction à la psychologie bibliologique», т. I.

самое дело. Даже самые интимные переживания читателя должны рассматриваться как реакции с его стороны, потому что всякая экфория есть реакция. Об этом мы уже говорили в III главе, и об этом придется напомнить еще не раз. Библио-психологическая методология считается с самыми интимными переживаниями работника и их изучение считает своей целью, тогда как объективный метод — лишь средство, ведущее к этой цели. Выбросить интимную сторону процесса, наиболее ценную для субъекта, это то же, что забыть человека, — мыслящую, чувствующую и страдающую личность человеческую, свести на-нет все книжное дело, наконец, свести на-нет все самые высокие социальные идеалы, не иначе как для блага трудящегося человечества проводимые в жизнь и защищаемые. Отсюда вывод: интроспективными переживаниями работника осмысливается объективное исследование книжного дела.[1] Поэтому субъективные мнения читателей о книгах и слушателей о чужих речах представляют собой очень ценный материал для библио-психологического изучения книжного дела. Но так как и эти мнения, высказанные или написанные читателями, суть их проекции, как и наши мнения об этих мнениях, то мы должны найти способ изучать книгу независимо от мнений. Отсюда:

Четвертый принцип библио-психологической методологии, тоже логически вытекающий из теории мнемы. Он определяет последовательный ряд этапов библио-психологического исследования всех основных факторов книжного дела: от изучения процесса чтения к изучению читателя, чрез изучение читателя к изучению качеств книги, независимо от свойств читателя; от такого изучения (объективного) произведений всякого автора к определению свойств автора как возбудителя различных переживаний. Таким образом, исследования психических явлений, связанных с книжным делом, должны начинаться с психологии читательства. Как известно, до самого последнего времени оно исследовалось лишь случайно, и больше ради курьеза. Все значение его изучения для методологии игнорировалось. В 1890 г., в публичном нашем докладе, читанном 13 ноября в СПБ. Комитете грамотности, мы поставили изучение психологии читательства во главу угла[2] и настаивали на том, что психология читательства достойна самого сериозного и внимательного изучения как с социологической, так и с психологической точек зрения, и что это изучение должно стать неотъемлемою частью теории и истории литературы. «История литературы, говорили мы тогда, не есть только история возникновения идей, но и история распространения их в массе читателей,

[1] См. ст. К. Корнилова в сб. «Психология и марксизм»; В. Бехтерев, Рефлексология человека, изд. 3-е; Уотсон, Психология. Здесь мы вполне разделяем точку зрения этих авторов.

[2] См. «Русская школа», 1890, № 12. Отчет тогдашнего марксиста П. Струве об этом докладе.

*

история борьбы этих идей за свое существование и за преобладание в читательской среде. Читающая публика — вот та арена, на которой, главным образом, и прежде всего, происходит эта борьба, впоследствии захватывающая, нередко даже полуграмотную и неграмотную массу. Поэтому ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент. В читателе, так сказать, отражается общественная жизнь, как в капле воды отражается окружающая среда». В наших статьях в «Русской Мысли» и др. (1892 — 1906 гг.) мы неоднократно настаивали на необходимости слить историю читательства с историей литературы. Исследование читательских интересов логически приводит к изучению читателя и процесса чтения, который протекает в разных личностях по-разному, в зависимости от свойств мнемы. Исследование читателя дает возможность отделить индивидуальные элементы его мнемы от особенностей, присущих всему социальному коллективу, и субъективные оценки читателя, книги и автора от объективных элементов их. И правда, всякий читатель знает всякую книгу только в качестве своей (субъективной) проекции, т. е. комплекса возбужденных ею переживаний. Но какие из этих последних зависят от свойств книги, а какие от личности самого читателя? Необходимо найти способ отделить первые от вторых, и только таким путем выяснятся качества самой книги независимо от того, кто читает ее. Значит, прежде всего необходимо изучить читателя по его реакциям, — возможно большее число читателей, — сравнить качество и количество испытываемых ими переживаний, изучить средний уровень их, а также индивидуальные уклонения разных читателей от этого уровня. Так выясненный средний уровень явится общей меркою для сравнения индивидуальных читателей, а вместе с тем он же характеризует коллектив. Сопоставлять индивидуального читателя с средним уровнем — это то же, что изучать личность сравнительно с коллективом и обратно. Каждая личность характеризуется амплитудой, т. е. степенью удаления ее от среднего уровня. Таким способом индивидуальностью читателя исследователь отнюдь не пренебрегает, но он характеризует ее, сравнивая со средним уровнем. А этот последний безличен. Работник книжного дела, всегда имеющий то или иное отношение как к личностям, так и к социальному коллективу, должен знать и понимать и личность, и ту социальную среду, в какой она пребывает. Отсюда:

Пятый принцип библио-психологической методологии: совмещение общественного и индивидуального подхода к человеку, его коллективизации с индивидуализацией. Этот принцип также является логическим следствием из теории мнемы: мы знаем из законов И. Тэна, сколь важную роль играют в каждом из нас энграммы социального происхождения, к которым нельзя не причислить и энграммы индивидуальной мнемы. (См. главу IV.) Социальная

мнема, как мы уже сказали, нивелирует индивидуальную. Тем не менее, с этой последней нельзя не считаться в силу того громадного значения, какое имеют в нашей жизни интроспективные интимные переживания (см. выше III принцип). Но так как большинство имеющихся в нас энграмм социального происхождения, то и социальный подход к индивидуальной мнеме представляет большие практические преимущества: он увеличивает вероятность не ошибиться. Поэтому еще в 1889 г. в нашем «Опыте программы исследования литературы для народа» мы определенно выдвинули социальный, а не индивидуальный подход. Еще около 40 лет тому назад мы там доказывали, что одного индивидуального подхода и индивидуального изучения читателя и читательства совершенно недостаточно для изучения книжного дела. Тогда же изучение читательства было поставлено нами социологически, перенесено с индивидуальной на социальную почву. В нашем «Опыте программы для исследования литературы для народа» мы между прочим писали:

«Сведения о том, что читает народ и какое впечатление производит книга на него, только тогда могут послужить материалом для тех или иных обобщений, когда мы будем знать условия жизни этнографические, экономические, юридические, исторические и черты умственной и религиозной жизни в той местности, где собирались сведения». «Программа должна иметь в виду и условия жизни населения данной местности, и взаимные отношения между ним и собирателями сведений, должна иметь в виду и город, и деревню, и фабрику, и казарму и проч. Такою постановкой вопроса достигается его широта и глубина». Вся вторая глава нашего «Опыта программы» посвящена социально-экономической стороне читательства. Что касается самой программы, то она, как и всякая анкета, представляет собой социальный и массовый подход к вопросу, а вовсе не индивидуальный. На этой точке зрения полной целесообразности мы стоим и до сего дня. Только малая осведомленность некоторых наших критиков и их незнакомство с литературой вопроса вообще и с нашими литературными работами в частности может объяснить те детские обвинения, какие они возводят на библио-психологическую точку зрения, не будучи знакомы с нею как следует.

Обширный материал, собранный при помощи «Опыта программы», начиная с 1889 г., позволил еще более углубить социологическое изучение психологии читателя, связав ее с экономическим фактором. В наших «Этюдах о русской читающей публике»,[1] составленных на основании этого материала, мы еще в 1892 и 1893 гг. между прочим писали, стараясь подчеркнуть теснейшую связь читательства с классовой психологией читателей и связь этой последней с социально-экономическим укладом жизни и с организацией производства:

[1] В книгу эту вошел наш доклад «К характеристике читателя и писателя из народа», чит. в Спб. Комитете грамотности 13 ноября 1890 г. Напечатан в «Сев. Вестнике» 1891 г., № 4—5.

«Материалы (рукописные ответы на наш «Опыт программы») присланы нам из двух сфер или областей: деревни и фабрики. Правда, эти две области имеют между собой кое-что и общее: среди фабричных не мало крестьян-земледельцев, которые зимой — на фабрике, летом — в деревне; многие фабричные если и остаются на фабрике круглый год, все-таки связи с деревней не прерывают: у них там семья и земля, там привязанности и интересы. Но, рядом с этими полу-крестьянами, полу-фабричными, есть собственно-фабричные, безземельные кочевые, не имеющие ничего общего с деревней, и таковых, как известно, с каждым годом становится все больше и больше. У фабрики и деревни — у каждой своя физиономия, свои привычки, своя, если можно так выразиться, амплитуда жизни: в деревне — от страды до страды, на фабрике — от получки до получки. У читателей из той и другой области есть не мало своеобразных особенностей: читатели эти не совсем одинаковы и по вкусам, и по подготовке, и по потребностям». Таким образом исследование читательских типов еще 35 лет тому назад было поставлено нами не на индивидуальную, а на социологическую почву, причем на первое место был выдвинут классовый коэффициент. Читатель из трудящихся классов (пролетарии и крестьяне) были сопоставлены или противопоставлены с читателями из буржуазии (стр. 162 и след.). Индивидуальные читатели тогда же стали изучаться нами как типичные образцы, показатели социальных отношений. Еще более была углублена нами в 1895 г. — 1906 г. (в наших статьях в журн. «Новое Слово», «Начало», «Образование», «Русская мысль», «Жизнь») та же точка зрения на социальный элемент психологического изучения читательства. (См. наши статьи: «Искорки», «Взыскующие града», «Битые читатели», «Читатели-писатели», На рабочем кладбище» и т. д.). Та же постановка проходит во всех наших работах до сего дня.

Примат социального подхода ясен сам собою из теории социальной мнемы, а он естественно предполагает и подход индивидуальный, так как каждый социальный коллектив состоит из индивидуальностей различных психических типов. При этом разные психические типы имеются в одном и том же коллективе в разных количествах. Их процент к общему числу членов коллектива можно определить по библио-психологическому методу, о чем и будет речь ниже. Различием психических и социальных типов обусловлено различие и подхода к разным индивидам. Отсюда вывод: коллективизация предполагает индивидуализацию и обратно. Без этой последней коллективизация выродилась бы в культуру стадности.

Из предыдущего видно в достаточной степени, что еще с 1889 г. автор этой книги стоит на социальной, а вовсе не на индивидуалистической точке зрения. Автор не более индивидуалист, чем тот биолог, который на отдельных организмах изучает анатомию и физиологию hominis sapientis.

Но, разумеется, целью коллективизации отнюдь не должна

быть культура стадности. Творчество, как мы уже сказали, индивидуально. Кадры сознательных работников это то же, что кадры инициаторов. Отсюда вывод: коллективный подход должен быть вместе с тем и индивидуальным, т. е. коллектив в своих целях должен использовать не только социальную, но и индивидуальную мнему, сливать мнему социальную с индивидуальной, не обострять, а стирать границы между ними. Но этого никак не добиться, если первая будет противопоставляться второй, и если между ними станет проводиться граница как нечто желательное, и если «я» будет противопоставляться «мы», и если «мы» и «я» станем жить по правилу «кто не с нами, тот против нас». Это анти-социальное, анти-коммунистическое, анти-революционное правило подрывает социализацию индивидуальной мнемы в самый корень, а подход коллектива к индивиду делается враждебным этому последнему. Это видно из шестого принципа библио-психологической методологии, особенно важного для всей практики книжного дела.

Четвертый основной закон библио-психологии: закон консонанса и диссонанса эмоций.

Шестой принцип библио-психологической методологии. Основной закон библио-психологии,—закон консонанса и диссонанса эмоций. Закон этот регулирует психологию подхода человека к человеку, напр. говорящего к слушающему, пишущего к читающему и обратно. Он же одинаково приложим к отношениям индивида к коллективу и обратно. На психологию подхода работника книжного дела обыкновенно обращают очень мало внимания. Подходом заведуют привычки, автоматизм, шаблон, рутина и вообще рефлексы как естественные, так и условные. А между тем, с библио-психологической точки зрения, психологию подхода человека к человеку необходимо поставить во главу угла всей практики и методологии книжного дела, потому что от этого подхода зависят буквально все проекции, какие только каждый из нас создает из элементов своей мнемы как печатному, так и рукописному, и устному слову. Мы уже знаем, что все эти наши проекции чужой речи сооружаются каждым из нас из элементов нашей мнемы, а эта комбинационная работа обусловлена эмоциональным состоянием человека, его настроением, чувствами, страстями, инстинктами, господствующими в нем в данный момент. Известно также, что эмоции тоже способны энграфироваться и экфорироваться в мнеме. Значит, стоит только, чтобы во время подхода какое-нибудь чужое слово, или жест, или выражение лица, или тон голоса экфорировал в другом субъекте эмоцию отталкивания, то, с поразительно-механической правильностью в тот же момент начинается перегруппировка элементов мнемы. Она происходит и в том, к кому подходят, и, по рикошету, в том, кто подходит. Так создается определенно неблагоприятная почва для словесного посева раздражений-возбуждений в мнеме собеседника, а вмешательство неблагоприятствующих эмоций нередко в корень пере-

делывает и самый процесс подхода, и результат, и цель его. В этом легко убедиться, присматриваясь, напр., к психологии полемистов. Нередко их спор начинается с интеллектуальных доводов. Затем очень быстро возбуждаются какие-нибудь эмоции, обыкновенно отрицательные. Они вскоре переходят в более или менее отталкивательные, разъединяющие, а таковые — в прямо враждебные. Закон консонанса и диссонанса эмоций можно формулировать так:

Печатное, рукописное и устное слово понимаются положительно или отрицательно, в зависимости от того, какие эмоции преобладают в читателе или слушателе.

Положительные (обоюдно-притягательные) эмоции приводят к оптимуму и к максимуму обоюдного понимания, тогда как отрицательные (отталкивательные) к минимуму и к пессимуму его.

Это значит: если субъект А излагает субъекту Б идеи, какие считает своими и субъект Б, этот последний не согласится с А в том случае, когда чувствует к нему враждебную эмоцию, хотя тот и преподносит ему его же собственные идеи. И обратно: если человек чувствует сильную симпатию к тому, кто излагает чуждые ему и даже противоположные идеи, он с ними согласится. Влюбленная парочка смотрит на мир вроде как одними и теми же глазами. Но стоит ей рассориться, и у каждого появятся свои особые взгляды и мнения — «те, да не те», по выражению Островского. Если ученик питает притягательные чувства к учителю, его притягивает и та наука, которую тот преподает. Нелюбимый учитель внушает отвращение и к любимой науке, хотя бы даже и подходящей к личным особенностям учащегося, и это независимо от их психических и социальных типов. Люди потому так плохо понимают друг друга, что живут обыкновенно разными эмоциями. Максимум возможного обоюдного понимания существует только при консонансе притягательных эмоций. Для всех нас чужие мысли не так интересны, как чужие чувства. Возбудив в религиозном человеке вражду к себе, пропагандист атеизма даже самыми умными своими речами ничего кроме вражды к атеизму не возбудит. На той же психической почве держится весь смысл пословицы: «Насильно мил не будешь». Также приводит к неизбежной неудаче и стремление затащить людей в рай за волосья. Это лучший способ внедрить идеи, прямо противоположные тем, какие желаешь внедрить. Это видно из того, что книги, составляемые и издаваемые с одной целью, начинают действовать в прямо противоположном направлении, если эмоции их читателей изменились тоже в противоположном смысле. Так напр., при царизме казенная миссионерская, анти-сектантская литература много помогала распространению сектантства, а секретные циркуляры министра внутренних дел о фабричной инспекции — успехам рабочего движения. Возбуждая эмоцию, враждебную царизму, эти документы

возбудили и враждебные идеи. Эмоциональный элемент играет в процессе подхода первенствующую роль, а интеллектуальный — второстепенную. Эмоциями определяются такие интеллектуальные процессы, как внимание, воображение, запоминание, воспоминание, интерес, а также волевые, как стремления, желания, хотения. Идеи, миросозерцания неизбежно меняются, если изменились эмоции. Отсюда большой интерес изучения напряженности эмоции и ее колебаний в ходе времени. Перемены убеждений в разных партийцах очень нередко происходят от перемены эмоций, а не от эволюции их идей и не от накопления знаний. Обыкновенно это называется «сменой убеждений по личным мотивам», причем такие мотивы есть не что иное, как чувство, страсти, инстинкты, эмоции и др. иррациональные элементы. Эти последние сильнее рациональных. Лишь у очень немногих редких людей наблюдается обратное явление. Эволюция нервно-мозговой системы в животном царстве свидетельствует, что интеллект не столь древнего происхождения, как эмоции. Отсюда следует относительная сила эмоций наследственных. Мы знаем, что наследственная мнема более устойчива, чем мнема социальная и индивидуальная, так как рефлексы условные (навыки, привычки и т. п.) то приобретаются нами, то исчезают, и они тем неустойчивее, чем более высокого порядка супер-рефлексы. Напротив, низшие органические чувства и инстинкты держатся упорно, передаются из поколения в поколение, а тренировке поддаются с великим трудом.

Из вышесказанного вытекает целый ряд следствий, интересных в методологическом отношении. Подход исследователя к исследуемому, говорящего к слушающему, пишущего к читающему имеет в области книжного дела первостепенное значение. Подход этот бывает интеллектуальным, эмоциональным и волевым. Интеллектуальный подход совершенно недостаточен, потому что знания и понимание зависят от эмоций в большей степени, чем эмоции от знаний и умственного развития. Волевой подход также недостаточен: всякое налезание возбуждает целый вихрь отталкивательных эмоций в том, на кого налезают, напр., эмоции опаски, недоверия, обиды, страха, недовольства и даже злобы. Все эти эмоции отодвигают исследователя от исследуемого. При подходе человека к человеку исследование обоюдно питаемых эмоций, при прочих равных условиях, приобретает бо́льшее значение, чем исследование интеллектуальных отношений.

Общие методы научного исследования в приложении к библио-психологическому изучению книжного дела.

Мы будем говорить теперь, во-первых, о приложении общих научных методов к исследованию библио-психологических явлений; во-вторых, о специальных методах библио-психологии. Вторые, разумеется, не исключают первых.

Стремясь превратить библио-психологию в одну из отраслей точного знания, мы не можем не опираться на методологию этого последнего. Подходя к книжному делу как к объекту изучения, мы должны: 1) начинать не с

рецептов и общих рассуждений, а с констатирования и обстоятельного и глубокого изучения фактов в данных условиях социального коллектива, места и времени этих условий; 2) собирать и затем классифицировать так изученные факты статически и динамически; 3) формулировать обобщения, индуктивным путем установленные. Примерами таких обобщений могут служить четыре основных закона библио-психологии, формулированные на предыдущих страницах этой книги; 4) проверять всякое такое обобщение фактически же, не доверяя ни спекулятивным рассуждениям, ни логическим ухищрениям. Одним из способов их проверки является предвидение. «Знание ведет к предвидению, предвидение к действию». Этот афоризм Огюста Конта должен лечь в основу библио-психологической методологии. Индуктивный характер библио-психологии позволяет предвидеть не только самые простые, но, как увидим ниже, и очень сложные явления в области книжного дела, предугадывать реакции и вообще поведение и выяснять с большей или меньшей точностью вероятность их повторения. Так напр., зная тип наследственной, социальной и индивидуальной мнемы субъекта, библио-психолог получает возможность с большой вероятностью предвидеть, какие мнения выскажет этот субъект о какой книге. Зная, как подействовала на данного читателя такая-то книга, мы уже имеем возможность определить целый ряд качеств его мнемы, и потому предвидеть и его отношения к другим книгам того же типа. По отношению субъекта к разным наукам можно судить о его психическом типе. Так напр., тот, кто любит математику (алгебру), обыкновенно любит и книги аналитического и дедуктивного типа. Уменье предвидеть хотя бы только самые главные, характернейшие реакции читателя на ту или иную книгу (всего лишь 6 — 7 реакций) имеет огромное значение для всякого работника книжного дела, так как дает возможность фехтовать книгой, — давать читателю в руки такой раздражитель, какой не может не вызывать именно те реакции, которые желательны.

Общие методы науки, разумеется, могут быть полезны и для библио-психологических исследований. К их числу относятся:

А. Методы изучения индивидуальных явлений: 1) наблюдение; 2) естественный эксперимент; 3) лабораторный эксперимент. Эти три метода дают возможность изучать библио-психологические явления не только в качественном, но, в некоторых случаях, и в количественном отношениях, т. е. измерять их.

Б. Методы массового наблюдения (статистические).

Здесь не место объяснять самую суть каждого из этих методов. Кто с ними незнаком, должен обратиться к учебникам логики, психологии и статистики. Скажем лишь несколько слов об использовании этих методов в целях изучения психического коррелята книжного дела. В большинстве случаев, объективное его исследование сводится к изучению материальной стороны его. С библио-психологической точки зрения изучение книжного

дела состоит в объективном исследовании содержания речи а это последнее, как мы показали уже, представляет собою проекцию, которая есть не что иное, как явление психическое и субъективное. Задача наша в том, чтобы это субъективное изучать объективно. Содержание речи состоит не из черных букв на белом фоне и не из звуков человеческого языка, а из тех психических явлений, какие возбуждаются материальным предметом (книгой, звуками речи, читателем, писателем) в коллективе и индивиде. Лишь знакомство с психическим коррелятом может ввести работника книжного дела в самую глубину этого последнего. Работник должен научиться наблюдать психический коррелят, экспериментировать над ним, подводить статистические итоги реакциям, характеризующим самые интимные переживания: читательские, писательские и т. д. Работник книжного дела не должен быть таким библиографом, которому интересна книга лишь как вещь, — такого-то формата, такого-то шрифта, такого-то веса, с таким-то заголовком и таким-то значком децимальной системы. Такая библиография не делает работника книжного дела мощным и непреоборимым борцом и распространителем научной истины и альтруистического общественного настроения. Настоящая библио-психологическая библиография есть библиография книжного содержания как возбудителя психических явлений и зависимости от качественной и количественной стороны читательской мнемы. Иначе говоря, центр тяжести нынешней обычной библиографии должен быть перенесен из книги материальной в психологию книжного содержания. Эта последняя и должна стать объектом всех научных методов. Библиография относится к библио-психологии, как анатомия трупа относится к физиологии и психологии живого человека, члена социального коллектива.

Еще одна очень распространенная ошибка в изучении книжного дела: исследователи нередко считают концом своей работы то самое, что в сущности представляет лишь начало ее. Так напр., автор, издатель, торговец, библиотекарь, педагог, всучив какую-нибудь книгу или книги читателю, уже думают, что сделали свое дело, совершили нечто полезное и положительное. С библио-психологической точки зрения, ими еще ничего не сделано ни полезного, ни положительного, потому что задача работника гораздо сложнее, чем ему кажется благодаря его незнакомству с основами библио-психологии и теорией мнемы.

Из книг распространенных, всученных читаются далеко не все; из книг прочитанных усваивается обыкновенно самая ничтожная часть; из того, что усвоено, ничтожная часть ничтожной части действует на читателя и на его поведение, и еще более ничтожная часть действует на поведение читателя в направлении, желательном с точки зрения того, кто всучил читателю данную книгу. Работой такого распространения книг могут быть довольны только слепые формалисты, мертвецы книжного дела, и только те, кто закрывает глаза на самую суть. Интере-

сно при этом наблюдать, как, ради собственного утешения, работники вылавливают то один, то другой «светлый фактик», доказывающий плодотворность их работы по распространению книг, и при этом не замечают, сколь ничтожно число таких светлых фактов и как склонны они сами обобщать всякое отдельное светлое явление, не желая замечать подавляющей массы своего, в сущности, безрезультатного или почти безрезультатного труда. Разумеется, мы отдаем все должное и любви к делу, и энергии, и самоотвержению работников книжного дела, но не можем не сказать, что при рациональной, библио-психологической постановке они несомненно дали бы гораздо большие результаты. Смысл и работ, и жизни среди книг скрывается не иначе, как в читательской мнеме. Ее-то и надо изучать всеми научными методами, каковы суть: наблюдение, эксперимент и статистический подсчет.

Применение всех этих методов к исследованию психического коррелята книжного дела встречает ряд очень сериозных затруднений. Из них главные получили в науке следующие названия: 1) ложь свидетельских показаний (вопрос, впервые поставленный на обсуждение как объект науки профессором Э. Клапаредом); 2) внушение; 3) самовнушение. Наблюдая какое-нибудь явление, напр. читателя, мы обыкновенно не видим того, что есть, а видим то, чего нет, — это смотря по тому, какова наша мнема и как она функционирует в данный момент. Всякое наблюдение, хотя бы самого замечательного из самых замечательных натуралистов, всегда бывает более или менее несовершенным. Это доказывается теми коррективами, какие вносятся в него последующими наблюдателями, пользующимися более совершенными инструментами (микроскопом, телескопом и т. д.). Кроме того, мы очень неточно, неясно, сбивчиво и вообще несовершенно излагаем то, напр., что нами замечено. Часто мы говорим не то, что думаем, а думаем не то, что чувствуем. Ложь по отношению к другим всегда пополняется ложью по отношению к себе самому.

Наше изложение делается известным слушателю лишь как его проекция. Описания одного и того же факта, сделанные несколькими наблюдателями его, никогда не совпадают одно с другим вполне. И тем больше не совпадают, чем сложнее факт. Особенно это можно сказать о психологии книжного дела. Кроме того, всякое наблюдение сопровождается забыванием тех или иных деталей, которые затем пополняются из посторонних запасов мнемы, из ее энграмм, полученных в ином месте и в иное время. На качестве психических наблюдений сказываются и физические недостатки свидетеля (напр. его близорукость, нервность), и его минутное настроение, и уровень знаний, и его психический и социальный тип. По опытам В. Бехтерева, «самих испытуемых удивляют те искажения, которые они же и допускают при непосредственном воспроизведении только что виденного, когда эти искажения они имеют возможность срав-

нить напр. с фотографией события». Среди исследователей книжного дела много ли таких, которые задумывались бы о возможности своей собственной подсознательной лжи и делали бы усилия, чтобы замечать ее? И многие ли дают себе отчет о собственном желании или нежелании сказать истину, особенно если она не согласуется с их привычным мироощущением, их догматизмом, их верой, их «убеждениями» и т. п. иррациональными элементами психики? Психические же факторы сплошь и рядом искажают и приемы, и результаты изысканий статистических. Напр., сам того не сознавая, исследователь подтягивает и программу, и факты к своим целям, снабжает их комментариями, соответствующими его мнеме, и превращает таким способом как-будто объективный материал в ту же ложь свидетельских показаний, заставляя участвовать в такой своей лжи и всех тех, кто давал ему показания. Комментарии суть те же проекции, а доверие к статистике всего больше держится на вере, а не на соответствии цифровых данных с реальностью. Далее, передавая наши наблюдения другим, мы уже испытываем внушения, от них идущие, и не только в виде вопросов, но и в виде выражений лиц, мимики и пантомимики, интонаций голоса и т. п. Мы невольно приспособляются к другим и, в свою очередь, влияем на тех и поддаемся переменам, какие произошли в них под нашим же влиянием, поддаемся внушениям, от них идущим. А. Бинэ называет внушения «холерой в области психологии», так как они заразительны не меньше, чем холера. Внушение самое распространенное явление в области книжного дела. Тот же А. Бинэ показывает напр., что всякая дилемма, всякое «или — или» уже является источником внушения. Тоже и предисловие к книге, и оглавление ее, и заглавие, и поза, и голос оратора, и т. п. Экфорируя разные мнематические явления, всякое внешнее раздражение влияет на наше поведение. Как выяснил проф. Ш. Бодуэн, внушение, идущее со стороны, становится действенным лишь в том случае, если переходит во самовнушение. Это зависит опять-таки от состояния мнемы. Внушение и самовнушение относят нас от реальности, словно поток, а мы, давая другим советы и указания, составляя вопросники и т. д., в свою очередь делаем внушения, возбуждаем самовнушения и таким способом отдаляем исследователя от реальности. Отрицательную роль внушений и самовнушений в познании реальности яснее всего можно видеть, наблюдая психологию допроса, опроса, экзамена. Спрашивающий внушает себе и другим идею виновности подсудимого. Экзаменующийся внушает себе веру в свое незнание. В том и другом случае слова чужой речи экфорируют эмоции, влияющие на подбор материала при постройке проекции, и в результате невинные люди идут на эшафот, а очень сведущие студенты проваливаются. Нетрудно понять, что объективность опросов, допросов и экзаменов не более как фикция, а она от объективной истины еще дальше, чем земля от звезды Вега.

Все сейчас сказанное приводит к необходимости поставить самую методологию на психологическую, а значит и биологическую почву и ввести в библио-психологическую методологию, во-первых, психологию наблюдения, во-вторых, психологию эксперимента, в-третьих, психологию статистики. У всякого метода исследования есть свой психический коррелят, и забывать о его существовании — это лучший способ доказать примитивность, грубость и невежественность своего суждения о книжном деле.

Методы библио-психологических исследований.

Методы библио-психологических исследований можно расклассифицировать прежде всего по их объектам. Этими последними могут быть или социальный коллектив, читающая масса этого коллектива, или индивид.

Противопоставлять оба эти объекта один другому, как мы уже говорили не раз, было бы совершенно неправильно. Во-первых, между индивидом и социальным коллективом имеется ряд переходных форм, в виде групп все более и более многочисленных и вместе с тем отличающихся одна от другой качественно. Таков напр. читающий кружок, семья, община, группы этих групп и т. д., вплоть до всего человечества включительно. Всякий коллектив всегда является индивидом, юридической, или социальной, или национальной, или иной какой л и ч н о с т ь ю по отношению к социальным группам все более высокого порядка. Во-вторых, нет никакой возможности составить ясное и точное понятие о читающем коллективе, не изучая читающего индивида, потому что всякий коллектив составлен из различных психических типов, входящих в его состав в разных пропорциях. Характеризовать читающий коллектив — это значит указать, какой психический тип, в какой пропорции входит в него. Разные психические типы по-разному распределены по социальным группам, классовым, профессиональным, сословным, конфессиональным и т. п. Массовая статистика чтения может дать представление о составе данного коллектива из разных психических и социальных типов лишь в том случае, если будет выяснено, в чем состоит особенность каждого из этих последних. Так напр., если массовая статистика показывает, что в данном коллективе больше всего читаются книги по рабочему вопросу, этот факт (допустим, что он констатирован) еще не характеризует всего читающего коллектива. Необходимо выяснить, какая социальная группа в его составе читает этого сорта книги и каковы эти книги, каких они типов и много ли в этой группе таких читателей, психические типы которых соответствуют психическому типу этих, в наличности имеющихся книг. Но и этого еще мало: необходимо выяснить, не превратно ли понимаются те книги по рабочему вопросу, которые в данной группе читаются, и какие эмоции, стремления, образы они возбуждают при данных условиях места и времени. В такой глубине индивидуальных переживаний и скрывается самый результат, а значит и смысл чте-

ния. А до него от массовой статистики чтения еще очень далеко. Нужно быть чрезвычайно поверхностным, чтобы довольствоваться только массовым исследованием, не углубляя его изучением психологическим (библио-психологическим). Из того, что сейчас сказано, выясняются следующие этапы библио-психологического исследования.

1. Читающий социальный коллектив.

2. Состав социального коллектива из разных социальных групп (классовых, профессиональных, сословных, конфессиональных, национальных, возрастных, половых).

3. Состав каждой социальной группы из разных психических типов.

4. Объективная характеристика каждого психического типа, т. е. выяснение самых существенных и наиболее характерных психических особенностей его: исследование его наследственной и социальной мнемы (среднего читателя).

5. Характеристика данного индивида, т. е. его индивидуальной мнемы, а значит и ее уклонений от среднего уровня.

Все эти этапы представляют собой этапы единого и целостного исследования. Нельзя говорить: будем довольствоваться только первым из них или только последним, — это, мол, самое главное. Нет, все эти этапы одинаково важны и необходимы, и каждый является неотделимым дополнением, осмысливающим все остальное.

К этим этапам необходимо прибавить еще один, предварительный, о котором шла речь в самом начале этой главы, а именно: исследование самого исследователя. Этот последний должен прежде всего изучить, узнать самого себя, чтобы стать определенной, возможно точной меркой сравнения. Библио-психологическая методология коллективных и индивидуальных исследований по всем этим этапам ныне хорошо разработана и испробована на практике. Недостаток отпущенного нам места, к сожалению, не дает возможности вдаваться в детали этой методологии.

Наиболее целесообразными приемами библио-психологических исследований нельзя не считать следующих двух:

1. Всякий объективно изученный читатель может быть использован как реактив на книгу. Так напр., если я осознал свои социальные и психические особенности как читателя и знаю их и в качественном, и в количественном отношении, я, уже, в силу этого, имею возможность делать поправку на самого себя, читая любую книгу и формулируя свой отзыв о ней. Напр., если я неспособен к мышлению образами, то я не судья ни стихов, ни художественной стороны беллетристических, да и других произведений: я на образность речи реагирую очень слабо, в силу таких свойств моей мнемы, плохо энграфирующей и экфорирующей образы реальности. Или, напротив, если я не способен мыслить концептами (отвлеченными понятиями) и абстрактными рассуждениями, а мыслю образами, я

не могу быть судьей напр. сочинений Д. С. Милля: они меня н
захватят, потому что покажутся чересчур бледными. Из этих пр
меров уже видно, что, осознав свои собственные особенност
исследователь получает возможность спасать самого себя от не
правильных суждений о книгах. Кроме того, так как он знае
каждую читаемую книгу по тем реакциям, какие в себе осознае
и из каких строит ее проекцию, то, сравнивая эти реакции, о
получает возможность сортовать и книги по степени их возмож
ности возбуждать реакции. Так напр., сочинения Ч. Дарвина в
мне возбуждают больше образов, чем сочинения Г. Спенсера,
«Жизнь растений» Тимирязева — больше, чем Дарвин, а «Жи
вописная астрономия» Фламмариона — больше, чем Тимирязев
Таким путем я уже классифицирую все эти книги по их впечат
лениям на меня, т. е. по степени производимых ими возбужде
ний моей мнемы, в данном случае возбуждений о б р а з о в. Н
основании такого сравнительного изучения целого ряда книг раз
ных отраслей знания, я, путем использования самого себя ка
реактива на книгу, уже могу рассортовать их по степеням убы
вающей образности так:

Фламмарион, «Живописная астрономия» > Тимирязев, «Жизн
растений» > Ч. Дарвин, Сочинения > Г. Спенсер, Сочинения
Значок > означает «больше».

Еще больше может исследователь использовать самого себ
в качестве реактива на книгу, если он сопоставит свои особен
ности (т. е. качественный и количественный состав своей мнемы
с особенностями другого читателя. Положим, напр., что читатель
с кем я себя сравниваю, отличается большею образностью мыш
ления. В таком случае ему покажется и стиль Г. Спенсера тож
более образным. Значит, если он спросит у меня: «достаточно л
ярко пишет Г. Спенсер»? я должен ответить такому читателю
что «Спенсер пишет не так ярко, как Дарвин, и еще менее ярко
чем Тимирязев и Фламмарион». Зная, что образность языка моего
собственного мышления слабей, чем данного читателя, но вместе
с тем видя и в его мнеме реактив на те же книги, я, в соот
ветствии с этим, вношу в мое суждение как об этом читателе
так и о его чтении, некоторую поправку на самого себя. По
добно этому можно сортовать и книги, и читателей, опираясь на
самого себя как на реактив и на книгу, и на читателя.

Зная особенности читателя, можно с большей или меньшей
вероятностью предугадывать его отношение к данной книге. Ве
роятность эта будет еще больше, если в наших руках будет опре
деленная мерка сравнения, некоторый эталон среднего читателя
характеризующий среднее отношение к данной книге большин
ства грамотных людей. Ниже мы покажем, что имеется полная
возможность (теоретическая и практическая) установить эти эта
лоны вполне объективно.

Имеются и способы, и пособия, с помощью которых исследо
ватель получает возможность изучать себя как мерку сравнения
и как реактив на книги и на других читателей. В данном слу

чае метод интроспекции вполне приложим, он не выходит за пределы Я данного исследователя, и интроспекция здесь строго контролируется, когда ее применяют к суждениям о других людях: я сравниваю их с самим собою, но не сужу о них по самому себе. Сочинения Спенсера, проекция которых мною самим построяется, кажутся мне абстрактными; но интроспективно осознанная абстрактность книги не мешает мне оценивать ее с точки зрения не моей, а чужой мнемы, если я делаю при этом поправку на самого себя. Для читателя еще более абстрактного типа, чем я, сочинения Спенсера будут казаться конкретными.

Так как, изучая себя как реактив на книги и людей, исследователь должен осознать возможно большее число своих психических особенностей, то в этом отношении может сильно помочь ему систематический список всех возможных психических особенностей человеческой личности. Изучая такой список, каждый из нас получает возможность ответить на такой вопрос: имеется или не имеется данная особенность у меня лично? Да или нет? Отмечая в списке каждый утвердительный ответ знаком плюс (+), исследователь таким путем составляет свою собственную характеристику. Если он затем даст тот же список другому субъекту и убедится в том, что тот понимает его термины в том же смысле, как и он сам, то, сравнив свои показания с чужими, исследователь выяснит и сходства, и различия своего Я с чужим Я.

Списки психических особенностей давным давно составляются и некоторые из них составлены очень вдумчиво и основательно. Отметим напр.:

1. А. Лазурский, Программа исследования личности.

2. А. Лазурский и С. Франк, Программа исследования личности в ее отношении к среде.[1]

3. J. Fontègne, L'orientation professionnelle et la détermination des aptitudes.

4. М. А. Юровская, Схема для изучения и характеристики профессий.

5. Секция библиологической психологии выработала коллекцию списков специально для изучения читательства, начиная от очень кратких и кончая очень сложными. О них будет итти речь ниже. (См. гл. VII.)

Очень ценным дополнением к таким спискам служит атлас Рыбникова — «Атлас для экспериментально-психологического исследования личности».

Разумеется, программы, составленные в интересах профессиональной ориентации, суживают вопрос сравнительно с библио-психологической постановкой его: профессиональная мнема субъекта есть не иное что, как дробь его общей мнемы, наследственной, социальной, индивидуальной. Но и программы для изучения

[1] Обе эти программы приложены ко 2-му изд. книги А. Лазурского Классификация личностей, М., 1923.

читательства суживают вопрос, так как цель их—изучение человека только в процессе чтения.

2. Всякая объективно изученная книга, фраза, слово может служить реактивом на любого читателя. Книга—реактив на него. Зная качества книги как возбудительницы реакций и наблюдая реакции данного читателя на эту книгу, мы по этим реакциям получаем возможность судить о свойствах того читателя, который на такой раздражитель так реагирует. Напр., если я знаю относительно слабую образность сочинений Спенсера, а какой-нибудь читатель отзывается о них как о книге ярко написанной, по такому отзыву читателя о столь отвлеченной книге нельзя не заключить, что его мнема замечательно богата образами, которые легко экфорируются. Одна и та же книга (или речь вообще) действует на разных субъектов по-разному, в зависимости от свойств их мнем, энграм и экфорий. Каждый отзыв каждого читателя о книге, фразе, слове уже представляет его реакцию на них. Каждая реакция характеризует читателя. Его характеризует даже отсутствие реакций, слабость или сила их, длительность или быстрота, с какой он реагирует на библио-психологического раздражителя, медленность наступления реакций, продолжительность их существования, их интенсивность и т. д.

Чем лучше мы знаем книгу по ее действию на разных людей, тем лучше можем мы использовать ее в качестве реактива и тем больше подробностей о их свойствах будет эта книга нам открывать, вызывая в разных читателях разные реакции. Изучение различных книг с этой точки зрения, т. е. в качестве реактивов на человека, представляет величайший интерес для библио-психологической методологии. При обилии книг, ныне существующих на всех языках, всегда имеется возможность подыскать особенно подходящую книгу, чтобы использовать ее как реактив. Подбирать такого рода реактивы мы можем самыми разнообразными способами, то применительно к личности читателя, которую желаем изучить, то применительно к тем особенностям этой личности, какие нас специально интересуют; тоже и применительно к условиям момента и среды, где мы эту личность изучаем. Секцией библиологической психологии составлен даже особый список книг-реактивов на каждый пункт программы А. Лазурского и Франка.[1] Реагируя на книгу, читатель подсознательно выражает качества своей мнемы относительно сильными реакциями. Известный метод К. Юнга основан на том же принципе.

Но употребляя книгу и слово в качестве реактивов на читателя и слушателя, никоим образом нельзя забывать об одной очень важной стороне этого способа библио-психологического исследования: недостаточно тонкий и мало сведущий исследователь

[1] См. Н. Рубакин, Introduction à la psychologie bibliologique, т. I, гл. IV.

пусть лучше не берется за такое дело, иначе он припишет исследуемому субъекту все свойства своей собственной мнемы. Для того чтобы сделать книгу действительно объективным реактивом на человека, необходимо отбросить от себя свои собственные субъективные проекции этой книги. А вот это-то и нелегко сделать. Для этого необходим особый прием, вряд ли доступный пониманию мало компетентных людей, как на это указал уже давно тот же Юнг. Для того чтобы сделать из книги реактив, необходимо научно выяснить и объективно определить целый ряд библио-психологических понятий. Таковы, напр., понятия: «книжное содержание», «тип книги», «тип читателя», «тип автора». Это дает возможность сделать специальный метод библио-психологии, о котором речь ниже. И правда, в силу закона Гумбольдта-Потебни, книга есть не иное что, как проекция, построенная данной мнемой. Если такой-то читатель так построил ее, то это еще не характеризует читателя: мы должны отделить в его проекции элементы случайные от постоянных, видовые от родовых, а для этого должны сравнить данное действие данной книги с некоторыми эталонами, а данного читателя со средним читателем. А для этого необходимо выработать эти эталоны. Иначе книга как реактив не сообщит нам никаких объективных данных о данном читателе, реакции которого на данную книгу мы наблюдаем. Как выработать эталоны, об этом пойдет речь в следующих главах.

Библио-психологические анкеты. Библио-психологическая анкета, если она правильно организована, должна дать ясное и точное понятие: а) о читающем коллективе; б) о составе его из различных психических и социальных типов; в) о наследственной, социальной и индивидуальной мнеме того читателя, который отвечает на предложенные ему вопросы. Если в руках исследователя будут определенные и точные показания отдельных читателей, то статистическая разработка их выяснит как особенности коллектива, так и состава его.

Главная цель библио-психологической анкеты, да и всякой, кроме поголовной переписи, состоит не в том, чтобы исследовать всех членов коллектива, а в том, чтобы собрать такой материал, научная разработка которого дала бы работнику книжного дела возможность ориентироваться как в недрах коллектива, так и пред лицом всякого индивида, с каким приходится общаться по книжным делам. Обыкновенно практикуемые ныне анкетные исследования не дают таких результатов, потому что психологическая сторона вопроса стоит в них на заднем плане, а на первом материальная. Было бы большой ошибкой приравнивать ныне практикуемые исследования читательских интересов к анкетам библио-психологическим. Во-первых, по качеству и количеству читаемых книг еще нельзя судить о читаемости, а по читаемости их — об интересе читателя. Сколько читателей не дочитали их до конца и отбросили как неинтересные. Далее,

что собственно интересно в книге? Какой элемент ее? Сюжет? Идея? Какой-нибудь отдельный эпизод? Бывает даже и так, что читатель называет книгу интересной, благодаря какому-нибудь меткому словцу, маленькому из маленьких эпизодиков и т. п.: большая часть читателей судят о целом не иначе, как по дроби этого целого.

При примитивной организации анкеты каждое показание исследуемого принимается в прямом смысле, и при подсчете регистрируется число однородных показаний (единица подсчета). При анкете библио-психологической вопрос не разрешается так просто, потому что каждое показание считается третьей (эффекторной) фазой реакции на вопрос, поставленный исследуемому субъекту. Изучая эту фазу реакции (написанный или устный ответ на вопрос), исследователь должен выяснить и центральную фазу ее, а также судить о раздражениях, идущих из внешней (напр. социальной) среды, какие явились источником энграмм, обусловливающим данную ответную реакцию. Исследователь, по закону Гумбольдта - Потебни, знает лишь свою проекцию показаний исследуемого субъекта, а то, что им туда вложено, объективно не известно исследователю. Поэтому всякий ответ подлежит библио-психологической критике.

Чтобы облегчить исследователю столь трудное дело, необходимо составлять вопросные бланки библио-психологических анкет особым образом. Поставленные там вопросы и ответы на них должны давать материал для психологических сопоставлений, а значит и для проверок сделанных показаний. Далее, ответы должны быть формулированы так, чтобы они дали возможность судить о податливости или неподатливости изучаемого субъекта к внушениям. В анкету должны быть введены такие вопросы, ответы на которые, сопоставленные с другими ответами того же субъекта, обнаружили бы искренность или неискренность этого последнего. Особенный интерес представляет исследование его эмоциональности, которою, в сущности, мнема и определяется главным образом. С этой целью необходимо вводить в опросный листок отдельные слова или фразы такого сорта, что на них, в пределах данного момента и места, всякий исследуемый субъект не может ответить, не обнаружив характера своей эмоциональности. Таким эмоциональным словом в 1918 г. в Швейцарии было имя Р. Роллана, а в СССР 1918 — 25 гг. — имя Ленина. Но ответы на прямо поставленные вопросы непоказательны. Особенно показательно то, что записывается в опросном листке рефлективно, несознательно, необдуманно. Поэтому составитель вопросного листка должен быть очень тонким, вдумчивым человеком, превосходно знакомым с социальными и психологическими условиями того места и времени, к каким относится анкета. В 1925 г. Секцией библиологической психологии была успешно произведена в Лозанне на французском языке первая в Швейцарии библио-психологическая анкета такого рода чрез посред-

ство библиотеки местного Народного дома.[1] Такой анкетой был выяснен: 1) социальный и психологический характер той общественной группы, какая обслуживается данной библиотекой; 2) состав этой группы из определенного процента разных психических и социальных типов; 3) каждый опросный листок, заполненный читателем, представлял собою и его библио-психологическую характеристику; 4) исследование индивидуальностей было проведено неразрывно с исследованием коллектива; 5) анкета позволила выяснить психические типы, преобладающие в читающей массе, а выяснив, какой именно тип преобладает, администрация библиотеки получила возможность и пополнить все отделы ее книгами тех же психических типов. Кроме того, на основании той же анкеты, был составлен Секцией же большой стенной рекомендательный каталог, в котором были классифицированы 687 научных и научно-популярных книг, не только по областям и вопросам жизни, но и по психическим типам книг; с помощью этого стенного каталога всякий читатель имеет возможность без всякой чужой помощи выбирать для себя книги, наиболее соответствующие его психическому типу.[2] Отчет библиотеки лозаннского Народного дома за 1926 г. показывает, что в силу такой (библио-психологической) постановки деятельность библиотеки развернулась: выдача научных и научно-популярных книг возросла в 49,5 раз.

В опросном листке этой нашей анкеты содержится 37 вопросов, очень кратко формулированных.

Вторым типом библио-психологической же анкеты является та, которая была нами произведена в 1911 г. и продолжается до сих пор на русском, французском и других языках. Задача этой анкеты — изучение индивидуальности читателя, с целью оказания ему помощи в его самообразовательном чтении на дому. Чтобы успешно помогать, необходимо знать того, кому помогаешь. Здесь подход индивидуалистичен потому, что помощь оказывается именно индивиду. Анкета эта делается не для того, чтобы изучать коллектив. Считать такой подход к объекту исследования единственным методом библио-психологии столь же неправильно, как и считать гистологическое изучение тканей единственным методом анатомии и физиологии. Изучение индивида никоим образом не исключает, а, напротив, предполагает знакомство с той социальной средой, в которой он живет и которая поставляет ему оригинальные энграммы. Поэтому, в целях изучения не только наследственной, но и социальной и индивидуальной мнемы,

---

[1] Краткий отчет о ней см. в «Bulletin de la Maison du Peuple № 164, 1925.

[2] Основная идея такого каталога та же самая, как и таблицы, приложенной к нашей «Практике самообразования», 1914 г., ч. II, стр. 217 — 225. Еще см. «Introduction à la psych. bibl.», II.

Метод классификации областей знания и книг по ним — комплексный. Кроме того с 1889 г. мы применяем его на практике при популяризации знаний и составлении научно-популярных книжек.

в вопросник второй нашей анкеты введен целый ряд вопросов, характеризующих мнему классовую, сословную, профессиональную. Кроме того, классифицируя читателей по местностям, мы, согласно принципам нашего «Опыта программы» (1889 г.), изучали всякую группу читателей параллельно с изучением той местности, в какой они живут и работают, а также параллельно с изучением тех книг, которые особенно понравились читателям. Библиотека Секции (53 000 томов в 1927 г.) дает для этого материал достаточный. Материалы, собранные в 1911 — 1927 гг. путем этой анкеты, разрабатываются Секцией не только психологически, но и социологически. С 1911 по 1915 гг. были получены материалы от 5 506 читателей из России. События 1915—1920 гг. положили предел переписке, но только на время. В 1921 г. она возобновилась, на этот раз с различными странами, и продолжается до сих пор, постоянно нарастая.

Кроме той помощи, какая нами была оказана, путем переписки, нескольким тысячам читателей, главным результатом ее явилось библио-психологическое изучение читателей параллельно с изучением книг, наиболее на них подействовавших. Индуктивные выводы, сделанные из материалов, выбранных путем непосредственного сношения с читателями, создали фундамент библио-психологии.

Эта же анкета позволила не только делать индуктивные выводы на основании обширного материала, но и проверять сделанные нами обобщения. На всем протяжении этой анкеты книги, нам известные и нами библио-психологически изученные, рассматриваются нами как реактивы на читателей, как раздражители их мнем, обусловливающие их реакции и поведение, а читатели, нами изученные путем переписки с ними и посредством изучения их ответов, иногда очень подробных (есть ответы в 96 страниц), рассматриваются как реактивы на книги. Так была проверена на практике та функциональная зависимость, какая несомненно существует между типами книг и типами читателей.

Основную задачу вопросника библио-психологической анкеты можно формулировать так: он должен быть составлен так, чтобы совокупность ответов на все его вопросы дала исследователю возможность выяснить социальный и психический тип и индивидуальные особенности того лица, которое отвечает на вопросы. И в этом случае каждый ответ не принимается на веру, а изучается критически, сопоставляется с другими ответами того же вопросника, иногда даже проверяется путем переписки с дополнительными вопросами. Общие вопросы подразделяются на детальные, а те на еще более детальные. Самая формулировка некоторых вопросов является приглашением читателей к присылке их автобиографий (которых и получено несколько тысяч). Некоторые вопросы поставлены не прямо, а косвенно. Так напр., желая выяснить, аналитического или синтетического типа изучаемый субъект, мы его спрашиваем: любит ли он математику

(в особенности же алгебру), и легко ли она дается ему? Людям определенно синтетического склада ума в огромном большинстве случаев, если только субъект не принадлежит к смешанному типу, алгебра кажется неинтересной, скучной, а потому и дается не легко даже очень умным людям.

Рукописи, собранные путем такой анкеты, дают материал для характеристики всех главнейших психических и социальных типов читателей. Статистика этих ответов, полученных в 1911 — 1915 гг. и разработанная Д. В. Страховым и М. А. Бетман, показывает, что большая часть читателей, которым мы помогали в их самообразовании, принадлежат к числу самоучек из трудящейся массы, пролетариата и крестьянства. Так как очень многие из них принимали непосредственное участие в революционном движении, то и переписка с ними представляет в высшей степени интересный материал для характеристики интимной, психологической стороны революционного и общественного движения 1910 — 1915 гг.

К этому материалу надо прибавить также и тот, который собран нами посредством «Опыта программы» в 1889 — 1906 гг. (рукописи, дневники, исповеди, письма, ответы на наши вопросы, полученные более чем от 5 000 лиц).

Все эти три анкеты имеют следующий недостаток: в них играет слишком большую роль глазомер и интуиция исследователя. Этот недостаток устраняется при помощи специального библио-психологического метода, о котором идет речь в VII главе и который является необходимой базой здесь изложенного.

Принимая научную книгу определенного типа и группу книг за реактив на читателя и на читающий коллектив, мы сделали попытку в 1913 г. исследовать состав социального коллектива из разных психических типов.

Мы выбрали с этой целью книги следующих типов:

1. Аналитического
2. Синтетического
3. Абстрактного
4. Конкретного
5. Дедуктивного
6. Индуктивного
7. Идеалистического
8. Реалистического
9. Эмоционального
10. Не эмоционального
11. Теоретического
12. Практического.

Из числа читателей мы выбрали несколько сот горожан с образованием выше начального и ниже университетского и трех национальностей: русской, польской, еврейской. Исследуя отношения выбранных лиц к книгам вышеперечисленных психических типов, мы определяли процент лиц каждого типа в сотне лиц каждой национальности. Так полученные данные нельзя считать вполне точными, потому что тип некоторых субъектов оказалось невозможным определить вследствие неясности их отношения к книгам-реактивам. Кроме того, число читательских показаний, имевшихся в нашем распоряжении, не настолько велико (100 — 150 лиц каждого типа), чтобы наши выводы можно

было считать точными для характеристики целой национальности. Кроме того, пришлось оставить в стороне читателей малокультурных, которых большинство. Тем не менее, мы считаем полезным познакомить с этой попыткой исследовать состав трех национальностей из разных психических типов, считая ее заслуживающей внимания с точки зрения методологии и надеясь продолжать и расширять изыскание такого рода.

Подобным же способом можно приблизительно определять в условиях обычной библиотечной практики и психический состав других общественных групп (классовых, профессиональных и т. д.), при том условии, что мы не будем гнаться за большой точностью, а полученные таким способом результаты станем пополнять и проверять и другими методами.

Следующая таблица характеризует процент лиц каждого психического типа среди русских, евреев и поляков.

Психические типы	Русские	Евреи	Поляки
1. Дедуктивные	24%	42%	34%
Индуктивные	67	28	45
2. Аналитические	27	62	39
Синтетические	62	21	49
3. Теоретические	57	28	36
Практические	33	71	54
4. Абстрактные	12	26	21
Конкретные	38	46	39
5. Идеалисты	22	19	28
Реалисты	62	70	58
6. Эмоциональные	45	59	52
Не эмоциональные	23	15	19

Из этой таблицы видно, что на каждую сотню русских пришлось 24% дедуктивных и 67% индуктивных. Остальные 9% смешанного или неопределенного типа. Среди евреев больше всего дедуктивных, значительно меньше индуктивных и неопределенных. Поляки занимают среднее место. Это значит, что из четырех русских читателей только один удовлетворяется книгами с дедуктивным изложением, а из читателей евреев — около половины найдут дедуктивно изложенные книги вполне подходящими для них. Книги аналитического типа не подходят подавляющему большинству русских читателей, но вполне подходят подавляющему числу читателей евреев. Из таблицы же видно, что среди русских читателей наиболее распространены читатели

индуктивные, синтетические и конкретные и эмоциональные с реалистическим, но теоретическим уклоном. Стоит лишь присмотреться к литературе, в том числе и партийной и агитационной, какая создана была в 1917 — 1927 гг., чтобы убедиться, до какой степени в ней преобладают книги дедуктивного, аналитического, абстрактного типа, иначе сказать, для русской читающей массы не подходящие. Этим лишний раз подтверждается закон Гумбольдта-Потебни: содержание, вложенное в такую литературу ее авторами, недоступно для тех читателей, которым она предназначена. Поэтому читатели эти, читая неподходящие для них произведения, сооружают из элементов своей мнемы такие проекции, какие имеют очень мало общего с читаемой книгой. Это подтверждается и экзаменами не только рабфаковскими, но и университетскими. То же отмечено и самими читателями (напр., см. «Профсоюз и книга, № 1, 1927, стр. 10). Но всякому автору собственные его произведения всегда кажутся очень понятными, ясными, интересными и важными, и потому он, строя проекцию этих своих произведений и своих читателей из элементов не их, а своей мнемы, естественно обвиняет их в непонятливости, не имея возможности объективно судить о себе самом. В результате сотни миллионов мало и плохо читаемых книг. Библио-психологический метод, даже в элементарном своем использовании, уже может предохранять и авторов и читателей от бесплодной траты их времени и сил, а государство — от излишних малопроизводительных затрат.

На пути к большей точности библио-психологических исследований.

Методы исследования психического коррелята книжного дела, в том числе и психологии читателя, книги и автора, о которых шла речь выше и которые уже давно практикуются, как мы о том сказали, не могут быть названы точными, не только в количественном, но и в качественном отношении. Для того чтобы стать одной из отраслей объективного знания, библио-психология нуждается в ином методе. Этот последний должен удовлетворять следующим требованиям.

1. Он должен дать возможность исследователю объективно характеризовать и читателя, и книгу, и писателя как количественно, так и качественно.

2. Он должен дать возможность классифицировать и читателей, и книги, и авторов по их родам, видам и разновидностям.

3. Он должен дать возможность каждому работнику книжного дела судить о психологии любого читателя и любой книги, любого автора, о их качественной и количественной стороне по их месту в системе вышеупомянутой их классификации.

4. Метод этот должен быть возможно точным и вместе с тем должен допускать целый ряд упрощений, необходимых для обыденной книжной практики, но не иначе, как без ущерба его точности.

Всем этим требованиям и удовлетворяет специальный метод библио-психологии, о котором и должна итти речь в VII главе.

За недостатком места мы будем говорить в ней главным образо
о психологии читателя и книги. Тем не менее метод приложи
и к исследованию автора и всех других работников книжно
дела, о чем нам придется сказать, к сожалению, лишь мелко

Но прежде чем говорить о специальном библио-психологиче
ском методе, мы должны, так сказать, проложить теоретическу
дорогу, к нему ведущую. Это мы и делаем в следующей гла

Глава VI

ВЕРБАЛЬНАЯ, ИНТЕР- И СУПРАВЕРБАЛЬНАЯ БИБЛИО-ПСИХОЛОГИЯ.

Три главнейшие ступени библио-психологического исследования книги.

Выше мы принимали за реактив на читателя целую книгу. Такой прием хотя и правилен, но он слишком глобальный, потому что книга действует как реактив лишь потому, что так действуют отдельные фразы ее, совокупность которых она представляет, а каждая фраза книги действует так потому, что реактивом, т. е. раздражителем мнемы читателя или слушателя, является каждое отдельное слово всякой фразы. Значит, — книга-реактив есть не иное что, как коллектив целой массы более мелких реактивов. Исследование такого действия книги должно быть поэтому сведено к исследованию фраз и слов.

Как известно, основной единицей человеческой речи ныне считается не отдельное слово, а фраза, — ее психическое переживание говорящим и пишущим субъектом. Тем не менее библио-психолог, изучающий не происхождение, а восприятие фразы, принимает за основную единицу комплекс переживаний, возбуждаемых не целою фразою, а каждым отдельным словом ее. Спрашивается, не противоречит ли библио-психологическая точка зрения успехам современной лингвистики? Вряд ли нужно доказывать, что тут никакого противоречия нет. Как мы сейчас сказали, лингвист сосредоточивает свое внимание на явлениях происхождения слов; библио-психолог, напротив, делает своим объектом их возбуждающее действие. В первом случае мысленный суррогат фразы воплощается в слова, так сказать, рассыпается в целую серию слов, как взлетевшая вверх (в наше сознание) ракета. При явлениях восприятия фразы происходит процесс обратный: здесь перед нами синтез многих слов в одно единое переживание (идею, чувство и т. д.), процесс слияния. Библио-психолог стремится выяснить этот таинственный процесс, происходящий в читателе или слушателе, когда они соединяют словесное многое в бессловесное единое.

Из предыдущего следует, что позиция, занимаемая библио-психологией, лишь дополняет, но отнюдь не противоречит позиции, занятой такими психологами, как Вундт, и другими исследователями зарождающегося слова. Поэтому перед нами встает другой вопрос: как организовать изучение влияния словесных сокровищ человечества? С библио-психологической точки зрения,

это можно сделать, выясняя те последовательные ступени, во хождение по которым приближает исследователя к той же цел к какой стремится и Вундт, и лингвисты. Вот три главнейш ступени библио-психологического изучения любого текста:

1. Необходимо изучать отдельные слова как элементы чел веческой речи, изучать библио-исихологическую реакцию, вызы ваемую каждым отдельным словом, входящим в соста речи, уже кристаллизовавшейся.

2. Необходимо изучать обоюдное влияние и обою ную зависимость каждого слова речи от всех других ее с слов.

3. Наконец, необходимо изучать самый процесс синтез рования этих отдельных слов в ту мысль или иное пережи вание, какие зарождаются в читателе или слушателе при во приятии всей совокупности отдельных слов уже кристаллизова вшейся речи.

Третья ступень предполагает две предшествующих. Исследо ватель не может перескочить ни через какую из этих ступеней Тайны последующих коренятся в предыдущих. Кроме тог имеются свои, еще более глубокие корни и у первой ступени,- корни, скрывающиеся в онто-и филогенезисе явлений языка Кроме того, у третьей из этих ступеней имеется свое продолже ние, которое мы назвали бы библиологической социологией и ко торая не входит в задачу этого нашего труда.

Первый из вышеуказанных трех способов библио-психологи ческого изучения текста, когда все слова его берутся изолиро ванно друг от друга, вне контекста, вне всякой связи с другим словами, можно назвать вербальным способом библио-психо логического анализа, а тот отдел библио-психологии, который изу чает раздражения-возбуждения, производимые на читателя сло вами, изолированно взятыми, следует назвать вербальной библио-психологией (от латинского слова «verbum» = слово).

Второй способ должен быть назван интервербальны способом библио-психологического анализа, так как в этом слу чае изучаются те разнообразные связи, какие существуют межд отдельными словами данного текста (от латинских слов «inter» = = «между»; «verbum» = «слово»). Тот отдел библио-психологии, который изучает психические явления, происходящие в промежут ках между восприятиями отдельных и соседних слов и скрепляю щие эти последние в одно целое, которое называется фразой, текстом, книгой, литературой, должен быть назван интервер бальной библио-психологией.

Третий способ библио-психологического изучения текста - суправербальный. При таком анализе отдельные слова текста уже не различаются, а главное внимание сосредоточи вается на результате восприятия сразу нескольких слов (фразы) и на их превращении в бессловесную мысль, чувство, умствен ную картину или какое иное переживание. Но мысль, не выра женная словами, все-таки мысль, а чувство, оторвавшееся от своего

словесного выражения, все-таки — чувство. Тот отдел библио-психологии, который изучает раздражения-возбуждения, производимые целой фразой, целым текстом, целой книгой и литературой интегрально, следует в таком случае называть суправербальной библио-психологией. Переживания интервербальные и суправербальные всегда сопровождаются переживаниями вербальными и обратно. Поэтому три эти формы анализа текста тесно связаны между собой. Из этого видно, что в нашем дальнейшем обзоре вербальных, интер-и суправербальных процессов может итти речь лишь об относительном преобладании одного из них.

Вербальная психология. Этот отдел относится к отделу интервербальной библио-психологии, как отдельное слово фразы — ко всей фразе, или как нечленораздельные звуки к определенно конструированному слову, или как элементы слова, состоящего из префиксов, корня, суффиксов и флексий, ко всему слову целиком. Вербальная психология охватывает область неизмеримо более широкую, чем это кажется с первого взгляда. Она изучает не только восприятие отдельных слов и действия этих последних как раздражителей-возбудителей, но и элементы библио-психологической вербальности в разных других процессах, которые, в сущности, не вербальны. Так напр., иной читатель, читая какую-нибудь книгу и не переживая ни интервербальных, ни суправербальных отношений между воспринимаемыми словами текста, считает такую книгу «из разных слов составленною». Зубрила, готовящийся к уроку, зубрит слова учебника вербально, стремясь запомнить текст слово за словом и не обращая внимание на функциональную зависимость их в контексте, так как не переживает этой последней. Каждый из нас нередко читает тоже вербально, когда обращает внимание на каждое отдельное слово книги и не вникает в соотношения не слов. Так читает и корректор. Педагог заставляет так читать всякого начинающего ученика, еще не умеющего приурочивать слова родного языка к определенному комплексу своей мнемы, которая не успела уподобиться окружающей социальной мнеме. С преобладанием вербальности читают богословы и талмудисты, для которых каждое слово их священной книги представляет своего рода святыню. Вербально читают нередко и юристы, стремящиеся понять и истолковать каждое отдельное слово закона не только интервербально, но и само по себе. Так читают и полемисты, глоссаторы, комментаторы, некоторые педанты-критики, всякого рода литературные буквоеды, потому что «значения» отдельных слов для всех таких читателей стоят на первом плане и лишь затем контексты их. Вербально читает математик свои формулы и натуралист какое-нибудь ученое сочинение, очень немногословно написанное, — «без лишних слов». Вербально читаются и любовные письма, каждое словечко которых «имеет свой сокровенный смысл» — только для любящих и им одним понятный, в силу их определенно настроенной мнемы.

На вербальной психологии лежит еще одна задача, а именно выяснение соотношения различных отдельных слов с теми реальностями, с фактами внутренней и внешней жизни, которые обозначаются этими словами. К этому относится и проверка точности научных терминов, о которых мы упоминали выше. Обыкновенно, употребляя отдельные слова, мы не обращаем внимания на среднюю социальную мнему, которая, как мы видели, представляет тот средний уровень, с каким мы должны сравнивать наши собственные переживания тех же слов, от него то и дело отклоняющиеся. Чем отвлеченнее те понятия, которые возбуждаются воспринятым словом, и чем менее фиксирован, путем условного рефлекса, тот смысл, какой мы приурочиваем к воспринятому термину, тем труднее отыскать в своем сознании или подсознании те первоначальные энграммы, которые произведены в нашей мнеме раздражениями-возбуждениями, полученными от реальности. Между этими энграммами и отвлеченным понятием существует некоторый, так сказать, мостик, выяснять который обыкновенно забывают писатели и ораторы, манипулирующие с отвлеченными словами. Против этого, как известно, горячо протестовали в свое время, еще Франциск Бэкон и Ян Амос Коменский. Вербальная библио-психология должна учить нас и говорить, и писать только такими словами, которые в максимальной степени соответствуют реальности, первоначальным энграммам, так чтобы одного намека было достаточно для читателя или слушателя, чтобы он тотчас же смог перевести воспринятое слово с языка чужой психики на язык его собственной. Этому требованию, как известно, не удовлетворяет не только наш обыденный язык, но даже и научная терминология, как ни настаивает на этом логика. Образцом несоответствия слов с реальностями может служить общераспространенный обычай называть заведомые мерзости красивыми словами. С этой же точки зрения подлежат изучению вербальной психологии разного рода ярлыки, титулы и т. д.

Существует целый разряд слов, который можно назвать переходным между отдельным словом и фразой. Они экфорируют сразу несколько первоначальных энграмм. Мы говорим о словах *сложных*, т. е. таких, которые составлены из нескольких простых слов. Таковы, напр., слова «сенокос», «благородство», «чревоугодие», «пенкоснимательство» и т. п. К словам сложным надо отнести все такие, в состав которых входит по два или по нескольку разных корней, а также префиксы, суффиксы и флексии и т. п. элементы, которые когда-то тоже были самостоятельными словами, но части которых до такой степени слились, что образовали сложное целое, а оно действует, в процессе его восприятия, как отдельная и самостоятельная единица. О той громадной роли, какую играют сложные слова в человеческом языке, можно судить, напр., по языку немецкому, где комбинирование слов возведено в систему. Еще резче наблюдается это явление в так наз. агглутинирующих языках, а также и в таких, как язык китайский, в котором новые понятия создаются путем новых ком-

бинированый корней: напр. слово «жин» значит «человек», слово «ду» значит «много», слово «жин-ду» значит «толпа». Каждая часть слова, составленного из разных элементов, имеет свой психический коррелят в раздражении-возбуждении, производимом этою частью слова. Это видно из того, что, читая или слыша такое сложное слово и при этом вовсе не различая воздействий на нашу мнему каждой части этого слова, взятой отдельно, мы сортуем восприятия этих слов по комплексам нашей мнемы, причем такая сортовка совершается в процессе восприятия автоматически, смотря по тому, какой корень производит наибольшее впечатление. Напр., в словах «веду», «разводка», «проводы», «навождение», «введение», и т. п. сразу же экфорируется сложившийся в нашей мнеме еще с детства комплекс из звуков (или букв) и их переживаний «ВЕД», и раздражения-возбуждения, производимые вышеприведенными словами этого корня, автоматически относятся нами к этому комплексу, а там рассыпаются по его более частным под-комплексам, экфорируя его части. В этом и состоит процесс, возбуждаемый восприятием отдельных слов, и приурочиванье новых возбуждений к элементам мнемы, уже имеющимся. Разные аффиксы не затемняют такой рассортовки, так как на восприятие действует не только все слово целиком, но и корень его в отдельности. Каждому аффиксу соответствует в мнеме свой комплекс, то общий, то частный. Это значит, что восприятие сложных слов представляет собою суммарное восприятие всех его этимологических элементов (формантов), соединившихся химически, — как психические переживания, и механически, — как лингвистическая форма. Восприятие всякого сложного слова представляет собою равнодействующую вербальных раздражений-возбуждений, производимых частями слова-раздражителя.

Интервербальная библио-психология. Этот отдел так обширен, а научная разработка его путем экспериментально-лингвистического и сравнительно-исторического и литературного методов продвинулась так далеко, что несомненно можно бы написать целую книгу лишь для того, чтобы подвести итоги уже сделанному в области интервербальной психологии. Так как в процессе чтения все наше Я участвует целиком, хотя его разные стороны возбуждаются словами текста по-разному и не в одинаковой степени, то нет такого отдела общей психологии, который не способствовал бы выяснению интервербальных соотношений. Всякое слово фразы, с точки зрения интервербальной библио-психологии, функционально связано со всеми другими словами того же контекста, стоит ли это слово в начале, в середине, или в конце фразы. Слово, стоящее в самом начале, часто имеет ближайшее отношение к слову, стоящему в самом конце. Это ярко видно в немецком языке на примере «trennbare Zeitwörter». Слова «не верьте», стоящие в начале фразы, обусловливают понимание всех остальных слов ее, экфорируя эмоцию недоверия ко всем переживаниям читателя, какие только будут возбуждены всеми последующими словами той же фразы.

В процессе чтения смысл каждого слова воспринимаемой фразы изменяется в зависимости от перемен в потоке сознания, происходящих за время восприятия этой фразы. Поэтому длинные фразы действуют совсем иначе, чем короткие, при прочих более или менее одинаковых условиях. Значит, мы неизбежно будем видоизменять результат восприятия целой фразы, если станем в различной последовательности переставлять слова в ее пределах. От каждой перестановки автоматически изменяется последовательность восприятий, а значит и результат восприятия всей фразы. Берем, напр., фразу, состоящую из четырех слов. Согласно с математической формулой можно сделать из такого числа слов $1 \times 2 \times 3 \times 4 = 24$ перестановки. Некоторые из перестановок дают фразы менее привычные для средней (социальной и индивидуальной) мнемы и потому считаются даже «невозможными». С точки зрения понимания, они возможны все без исключения и, под названием «неправильностей речи», несомненно встречаются в разговорном языке. Возьмем, напр., такую фразу из четырех слов: «Я люблю моего отца». Фраза из этих четырех слов допускает 24 перестановки. [1] В каждой из них русский человек найдет особый психолологический оттенок, свойственный именно тому порядку, в каком слова расставлены в данном случае. Этот пример показывает, что иногда даже можно вычислить по алгебраической формуле $(1.2.3... (n-1) \times n$, сколько именно перестановок можно сделать в фразе, состоящей из определенного количества слов, при условии, что это количество не очень большое. Чем больше количество слов в фразе, тем менее ясным становится ее смысл для воспринимающего лица. Слово, поставленное в самом начале или в самом конце вышеприведенной маленькой фразы, вследствие одного своего положения, уже приобретает несколько большее значение: оно выделяется из числа других слов той же фразы, производит большее впечатление, т. е. более сильное раздражение-возбуждение, приобретает сравнительно высокий потенциал. Слово, стоящее в конце фразы, обладает более значительным временем реакции, потому что после него стоит точка, обусловливающая собой некоторую паузу, и уже потому производит более сильное действие. Слово, стоящее в начале фразы, произносится иногда с более значительным ударением. Изучение языка жестов как у диких народов, так и глухонемых, позволяет выяснить, какое именно размещение слов следует считать естественным, а какое искусственным. Синтаксис устной и письменной речи всегда более или менее далек от естествен-

[1] 1. Я люблю моего отца. 2. Я моего отца люблю. 3. Я люблю отца моего. 4. Люблю я отца моего. 5 Отца моего я люблю. 6. Моего отца я люблю. 7. Моего отца люблю я. 8. Моего я отца люблю. 9. Моего я люблю отца. 10. Отца я моего люблю. 11. Отца я люблю моего. 12. Отца люблю я моего. 13. Я моего люблю отца. 14. Я отца люблю моего. 15. Я отца моего люблю. 16. Люблю я моего отца. 17. Люблю моего я отца. 18. Люблю моего отца я. 19. Люблю я отца моего. 20. Люблю отца моего я. 21. Моего я люблю отца. 22. Моего отца люблю я. 23. Моего люблю отца я. 24. Отца моего люблю я.

ной конструкции фразы. От одного этого отклонения совершенно изменяются все интервербальные явления, о чем обыкновенно забывают писатели. Язык с подвижными флексиями допускает большее число перестановок, чем язык без этих флексий. Напр., русский язык больше французского. Нарушение смысла происходит тогда, когда два слова, интервербально связанные между собою, ставятся далеко друг от друга. Вследствие этого их интервербальное тяготение одного к другому ослабевает, что и является причиной того, что в длинной фразе число осмысленных перестановок слов не может быть выяснено путем простого вычисления. Интервербальные связи дают себя знать и в том случае, если мы возьмем простой текст и попробуем читать его, идя не от первого слова к последнему, а от последнего к первому. Исследование меж-вербальных отношений показывает, что в тот ничтожно малый промежуток времени, какого требует восприятие одного слова данной фразы после другого ее слова, успевает совершиться в нашем Я целый ряд очень разнообразных и очень сложных явлений, совокупность которых, то сознаваемая, то не осознаваемая, или та и другая вместе, и образует тот психический цемент, в котором буквально тонут зрительные ощущения, получаемые от начертаний воспринимаемых слов, или слуховые ощущения от слов слышимых. Чисто служебная их роль действительно кажется ничтожной сравнительно с вихрем интервербальных библио-психологических переживаний. Этот вихрь представляет собой очень своеобразный жизненный ряд, входящий в состав все более и более сложных жизненных рядов, вплоть до того ряда, каким обнимается весь текст читаемой книги. На всем протяжении каждого из этих все более и более усложняющихся интервербальных переживаний совершается ряд психических явлений, которые обладают такими своеобразными особенностями, что действительно заслуживали бы особого, более внимательного рассмотрения, чем какое уделяет им общая психология.

Наши переживания интервербальных отношений между собою постоянно изменяются, в зависимости как от внешних, так и от внутренних качеств речи (устной или письменной). К внешним следует отнести слуховые или зрительные раздражения, производимые звуками или начертаниями слов, а также интонацию речи, слышимую или воображаемую слушателем или читателем, кроме того мимику лица и пантомимику, тоже видимые или воображаемые. Самый факт такого воображения их оказывает влияние на интервербальные отношения. Здесь перед нами *интервербальное воображение*, которое не следует смешивать с воображением вообще, являющимся в результате восприятия всего текста. Интервербальное воображение видоизменяет *лишь действенную силу слов воспринимаемой фразы* и представляет собою только предварительную работу, так сказать, преддверие нашего переживания книжного содержания. Интервербальное чтение прежде всего есть процесс комбинирующий, а значит творческий. Интервербальное воображение есть не иное что, как ком-

бинирование тех переживаний, какие возбуждены словами той же фразы. Эта работа необходима для ее понимания. Если я читаю такую фразу: «Его лицо походило на холодную пустыню, освещенную чахлым румянцем северной зари», все ощущения, экфорируемые словами этой фразы, группируются мною в зависимости от силы моего воображения, а созданный ими образ начинает видоизменяться, течь, под влиянием последующих слов текста, приближаясь к суправербальности построений. Обыкновенно эти плоды интервербального воображения не бывают живучи: сделав свое дело, они исчезают, вытесняются другими, а если затем и оживают, напр., в виде афоризма такого-то читателя, метафоры или тропы, то уже независимо от других слов своего рода контекста.

Сила возбуждения зависит от таких повидимому ничтожных причин, как состав фразы из букв: фразы, в которых число гласных и плавных больше, оказывают большее действие, чем те, где число их меньше, так как длительность гласного и плавного звука больше, чем напр. отбивного. На время реакции влияет и размещение букв в фразе и количество букв, начертание которых несколько выдается над строкой (напр., б) или под строкой (напр., у, р).

Далее, мы уже знаем, что смыслом слова каждый читатель называет совокупность тех своих переживаний, какие этим словом возбуждены. Значит, комбинируются в процессе чтения эти читательские комплексы возбуждений. Возбужденный в читателе смысл каждого отдельного слова данной фразы оказывает влияние на возбуждение смысла всех других слов ее. Дело в том, что каждый читатель с детства вырабатывает свой собственный средний смысл каждого отдельного слова, звуки которого он запомнил, а переживаний чужого Я, с ними связанных, он в точности никогда не знал и знать не может. Этот средний смысл представляет собой равнодействующую субъекта и его среды, т. е. комбинированный результат закона Гумбольдта-Потебни и закона Тэна. Этот средний смысл каждого отдельного слова обыкновенно и называется его «содержанием» и «значением», тогда как на самом деле он представляет собой лишь средний уровень тех возбуждений, какие произведены в течение всей жизни субъекта в его мнеме, в зависимости от качественной и количественной стороны этой последней. Этот наш собственный средний смысл каждого слова представляет для каждого из нас субъективный эталон, лишь интроспективно знаемый (но не всегда осознаваемый нами). Он экфорируется каждым отдельным восприятием читаемого слова, определенные экфории его входят у нас в привычку с самой колыбели, а видоизменяются впредь до нашей смерти. Историю таких субъективных «эталонов для собственного употребления» и следует называть внутренней историей языка, так как эталоны такого сорта действительно не представляют собой величины постоянной, а являются функцией мнемы, которая постоянно изменяется. Значит, восприятие каждого по-

следующего слова обусловлено качественной и количественной стороной экфории каждого слова предыдущего. На такой зыбкой и изменчивой почве и продвигается наша мысль в процессе чтения. Из этого видно, что все интервербальные отношения зависят от качества и количества экфорий, а значит, и энграм, внедренных в нашу мнему в течение нашей жизни.

В связи с явлениями интервербальной экфории находятся явления интервербального узнавания, а значит, и интервербальной интуиции, которая неотделима от процесса узнавания. Это видно из такого примера: читая слово «корень», мы можем понять его и в ботаническом, и в математическом, и в любом переносном смысле, отнеся его к комплексу наших знаний, то ботанических, то математических, то иных. В процессе чтения фразы, читатель моментально относит данное переживание к определенному комплексу и интуитивно узнает, в каком смысле нужно ему понимать в данном случае такое-то слово. Правда, иной раз случается читателю и ошибаться, но дальнейшее чтение дает ряд возможностей проверять интервербальные узнавания и интуиции. Это значит, что в процессе чтения существует и интервербальная проверка читательских узнаваний и интуиций. Так напр., читая какое-нибудь философское произведение, читатель то и дело понимает термины его автора ошибочно, т. е. без согласованности с другими словами контекста или в разных смыслах.

В процессе интервербального восприятия, читатель классифицирует смысл слов. Здесь перед нами явление интервербальной классификации. Это явление обусловлено относительными размерами поля читательского внимания, и у разных субъектов оно различно. Размеры этого поля оказывают громадное влияние на интервербальную классификацию, равно как и на другие интервербальные явления: читатель схватывает фразу далеко не всегда слово за словом: часто случается, что слово еще не прочитано, но «глазком» увиденное где-то впереди, подхваченное подсознанием, оно уже побуждает читателя вовсе не читать некоторых слов фразы, а перескакивать через них как через что-то ставшее известным и потому излишним, и уже действующим из подсознания. Здесь перед нами явления интервербального внимания, явления, которые могут быть не только сознательные, но и подсознательные. Под словом «внимание» мы понимаем установку нашего организма в целях будущего поведения. Часто результаты ее бывают очень неудачны, а, кроме того, не всегда удается сознанию проверять их. Этим, между прочим, обусловливается тот факт, что между вербальным, интер-и суправербальным чтением наблюдается большая или меньшая разница, несовпадение: интервербально и суправербально мы читаем не все слова текста одинаково, на некоторых останавливаемся меньшее время, через некоторые перескакиваем. Словом сказать, процесс суправербальный и интервербальный идут иначе, чем вербальный.

*

Интервербальное внимание в процессе восприятия фразы может быть направлено то на ту, то на другую категорию психических переживаний, смотря по установке и по типу читателя. Например, читатель резко конкретного склада ума автоматически ловит в тексте те слова, которыми в его психике легче всего возбуждаются именно образы; тип эмоциональный автоматически ищет слов эмоциональных, а не найдя их, отбрасывает книгу как «сухую» или «не интересную», т. е. неподходящую для него. Читатель активного типа автоматически ищет слов, возбуждающих в нем переживания действий (рефлективных, импульсивных, автоматических, сознательных). Интервербальное внимание—это своего рода индивидуальный фильтр, процеживающий слова одной и той же фразы, согласно психическим особенностям субъекта.

При помощи карманных часов легко убедиться в том, что внимание своего рода фильтр: когда мы прислушиваемся к тиканью часов, оно бывает то слышимо, то неслышимо. Это значит, внимание действует периодически. Когда оно не действует, читаемые слова текут, выражаясь фигурально, не в наше сознание, а в подсознание. Это не значит, что они не энграфируются как таковые и не производят работы экфорирования. Но эти провалы делают то, что некоторая часть фразы не проходит через сознание, а всякий процесс чтения превращается в полусознательный.

В функциональной зависимости от интервербального внимания работает и и н т е р в е р б а л ь н а я п а м я т ь, которую не следует с м е ш и в а т ь с п а м я т ь ю вообще. Первая действует лишь на протяжении воспринимаемой фразы, удерживает только ее слова и слова ближайших к ней соседних фраз того же текста. Читатель, не обладающий в достаточной степени интервербальной памятью, забывает в конце фразы то, что напечатано в ее начале. Читатель, забывающий в конце фразы начало ее, этим лишается возможности понимать ее элементы и проверять данные последующими словами того же текста и относить забываемые слова текста к той или иной реальности (к первоначальным энграммам). Одна из особенностей хорошей интервербальной памяти состоит в том, что она вовсе не должна сопровождаться продолжительным запоминанием отдельных слов фразы, а, напротив, должна н е сохранять их,—иначе сделается невозможным превращение интервербальных явлений в суправербальные, заключающиеся в том, что слова прочитанных фраз дают начало б е с с л о в е с н ы м переживаниям. В резкой форме это явление выражается в так называемом выхватывании некоторых слов из чужой речи и контекста. «Позвольте, ведь он написал такие-то слова», «он сказал такие-то». Почему? Как? В контексте с какими словами? Это самому кричащему неизвестно, его интервербальная память этого не удержала. Выхватываются из контекстов чужих фраз те слова, которые произвели на выхватывающего относительно большое впечатление и потому лучше запомнились. Иллюстрацией

этому может служить известная полемика против Л. Толстого за его проповедь якобы абсолютного непротивления всякому злу, тогда как Толстой восставал лишь против борьбы с одним злом при помощи другого зла. На выхватывании же отдельных слов из Библии держится, можно сказать, и ортодоксия, и все сектантство. Существует сектантство и философское, и научное, и т. д., в эволюции которого тоже принимает весьма существенное участие интервербальная память на отдельные слова и фразы того или иного авторитета. Интервербальная же память мешает читателю переводить психологию чужих слов на язык своей собственной психологии, и в этом смысле тоже справедливо замечание Шопенгауэра, который сказал, что «чужие мысли гонят от нас мысли наши собственные». Сделав свое дело, запоминание слов фразы должно уступить место их забыванию, т. е. передвижению такого багажа словесных энграмм в область читательского подсознания, а элемент, сохраненный мнемой, идет на постройку суправербальных результатов библио-психологического восприятия. В итоге такого интервербального забывания, даже когда оно распространяется лишь на одно-два слова, неизбежно происходит то, что совершенно меняется смысл других слов той же фразы. В силу той же причины бывает и так, что чтение умом превращается в чтение глазами, мышление — в зрительное ощущение, и читатель бросает книгу, так как вовсе перестает создавать свои проекции читаемого текста, а в мнеме такого читателя остается лишь то, что вносится туда бессознательным или подсознательным чтением. Иногда лишь много времени спустя мы убеждаемся, что из читаемой книги перешло в нас гораздо больше того, чем мы запомнили сознательно. Читая книги, возбуждающие низшие инстинкты, читатель сознательно, повидимому, придавил и подавил их; но в подсознании тот же текст экфорировал и этим усилил энграммы соответствующих низших органических чувств, которые переходят в потенциальное состояние и остаются там до поры до времени. Их можно привести в состояние кинетическое не только словом, возбуждающим именно такие чувства, а напротив, — и словом прямо противоположным, по закону контраста и «обращенного усилия». Об этом см. в следующей главе.

Участием подсознания в интервербальных процессах объясняется еще следующее явление: то, чего не объединяет сознание, нередко объединяется подсознанием. Пример этому так наз. «рационализация» Фрейда.

Из других интервербальных явлений отметим еще интервербальную ассоциацию психических переживаний, в силу которой всякое слово приводит, так сказать, к вспыхиванию в мнеме читателей целого роя всевозможных переживаний, ассоциировавшихся там в процессе читательской жизни. В силу этого всякое последующее слово того же контекста неизбежно попадает как бы в особую «психическую атмосферу» ассоциированных элементов мнемы, различную для всякого слова. В зави-

симости от качества и количества элементов, возбужденных по ассоциации, неизбежно меняется переживание последующего слова той же фразы, а также всех других ее слов. Вербальность их понимания изменяется, и слово в контексте не есть то же слово, что вне его. Напр., слово «капитал» экфорирует в нас совсем не такое переживание, какое экфорируется им же, но совместно с другим словом (напр., «умственный капитал»), смысл слова «умственный» переделывает и смысл слова «капитал». Переживания слова «скамья» различны, смотря по тому «скамья ли это вагона», или «подсудимых» или «университетская» и т. д. Отметим очень важную роль, какую играют в процессе интервербального чтения ассоциации внешние, — напр. словесные: читая в фразе слова «бодливой корове», мы по такой ассоциации рефлективно экфорируем и последующие слова известной пословицы: «бог рог не дает». Самый факт их экфорирования дает начало новой энграмме, а она сливается с экфориями, обусловленными другими словами той же фразы: пришлое, ненужное, нелепое слово влияет таким образом на наше переживание фразы. Оно же может дать начало и новому жизненному ряду, а тот может относить наше внимание далеко в сторону от читаемого текста, и мы будем читать этот последний только «глазами, а не нутром».

Следует также отметить и ту роль, какую играет в процессе чтения фразы скорость читательских переживаний. Если один из двух собеседников мыслит быстрее, чем другой, то нередко наблюдается вот что: первый начинает уже заранее подсказывать второму те слова, каких тот еще не успел произнести. Такое антиципирующее повторение слов еще не высказанных совершается по законам внешних и внутренних ассоциаций, то предметных, то чисто словесных. Чужое слово одного из этих субъектов внедряется между двумя словами другого. Нечто подобное совершается и в одном и том же субъекте, путем внутренней речи.

Бывает, что писатель, записывающий какую-нибудь свою мысль, вдруг отвлекается в сторону от нее обычным потоком ассоциированных идей. Этим начинается в его мышлении новый жизненный ряд. Но вот писатель опомнился и возвращается в своем, так прервавшемся писании к исходной идее этого жизненного ряда. Но увы, — он уже забыл, что хотел тогда написать: написанное остается без продолжения. Тут на помощь является из подсознания какая-нибудь привычная ассоциация (идей, образов, слов), и перо писателя механически воспроизводит то, что предполагалось написать ранее. Но бывает и так, что словесные ассоциации удаляют, относят от ассоциации реальностей, от комплексов первоначальных энграмм, и в результате остаются нередко лишь ассоциации слов со словами же, что представляет интервербальное явление уже иного порядка.

Отметим теперь еще такое явление, как интервербальная аперцепция, — фактор, влияющий на направление

мыслей данного читателя при его переходе от одного слова воспринимаемого текста к другому. О суправербальной апперцепции см. ниже. Апперцепция относит читательское понимание то в ту, то в другую сторону, в зависимости от его интереса, ожидания, веры и разных других иррациональных влияний, коренящихся в подсознании.

Интервербальные отношения очень сильно усложняются предвзятыми идеями, если таковые уже имеются в читателе: он начинает находить чуть ли не в каждом слове текста то подтверждение, то отрицание своих предвзятых идей. Одно из действующих лиц романа Ф. Соллогуба «Тяжелые сны», между прочим говорит, что читает Толстого «только в целях опровержения».

Нетрудно подметить в процессе чтения, например, влияние ожидания: переходя от слова к слову, читатель то и дело ожидает найти в данной фразе нечто такое, чего, быть может, там вовсе и не окажется. Некоторые авторы намеренно утилизируют явления интервербального ожидания, составляя свои тексты из таких слов средней мнемы, какие возбуждают в читателе определенные переживания и заставляют ожидать их продолжения, а в заключении вдруг дают, в последней фразе своего произведения, то, что совершенно не соответствует намеренно возбужденному ожиданию. Напр., автор описывает страдания героя, замечтавшегося и случайно запертого посреди гробниц в семейном склепе. Идут часы, дни, несчастный в ужасе. Он голодает, он обессилен. Вдруг двери склепа открываются, — за героем пришли все те, кто его искали. «Сколько времени я тут пробыл?» «Полтора часа!»

Большой интерес представляет также явление интервербальных внушений и самовнушений. В самом процессе чтения первое переходит во второе или заменяется вторым, причем первое может итти совсем на смарку, согласно с законами самовнушения. Интервербальная внушаемость увеличивается как от причин внешних (например, если последний слог слова длинный), так и от внутренних (напр., от мистицизма слов, действующих на мистическую мнему). Об этом см. гл. VII.

Отметим еще в высшей степени своеобразное явление интервербальной интерференции читательских переживаний. В процессе чтения одно слово влияет на другое. Напр., эмоции и другие психические переживания, возбуждаемые каким-либо словом, могут быть совершенно не такими, а даже прямо противоположными, сравнительно с теми, которые возбуждены словом последующим. При восприятии обоих этих слов происходят в психике читателя конфликты и интерференции. Иррациональное влияет на рациональное, то усиливая, то ослабляя, и обратно, но всегда давая поразительно сложный и тонкий результат. Эмоция, возбужденная каким-нибудь одним словом, продолжает существовать и в то время, когда читатель воспринимает уже следующие слова того же текста. Но ведь и они, в свою очередь,

могут возбудить какие-нибудь переживания, с которыми происходит то же самое. Еще не успели они исчезнуть, а читатель уже воспринимает следующие и следующие слова того же текста. В результате, переживания налезают на переживания, к которым присоединяются еще и еще другие. Получается явление еще более сложное, какое каждый из нас может наблюдать на себе самом, напр., прочитывая то стихотворение, которое ему особенно нравится. Уже по тому самому, что оно очень нравится, видно, что словами этого стихотворения возбуждается в данном читателе много разных и более или менее сильных переживаний, по большей части иррационального типа. И вот читатель во власти этих последних. Не мудрено, что в силу такой своей сложности, «вдохновение поэта», кажется ему чем-то таинственным. Но то же самое стихотворение на другого читателя не производит ни малейшего действия. Так исчезает и «таинственность вдохновения», а «перл поэзии» превращается в глазах второго читателя в «виршеплетство». Подобно этому «великое философское произведение» превращается в «набор иррациональных слов», а «научное исследование» — в «ученую чепуху» и т. д.

Мы называем интервербальной интерференцией увеличение или уменьшение, усиление или ослабление переживаний каждого отдельного слова читаемого текста переживаниями последующих слов его. Энграмма вряд ли когда-нибудь совершенно исчезает из мнемы сама по себе. Обыкновенно она нейтрализуется другими энграммами. В конечном результате этим явлением обусловливаются различные перемены в читательских переживаниях, соответствующих данной фразе или ряду фраз. Нетрудно понять, что такого рода интерференция библио-психологических возбуждений способна производить бесконечное множество самых разнообразных эффектов, — перемен в читательском восприятии любого текста. Она наблюдается по отношению и к интеллектуальным, и к эмоциональным, и к волевым переживаниям, но не в зависимости от содержания читаемых слов, как это думает профессор Б. Бурдон, а от качественной и количественной стороны мнемы данного читателя. Опытный писатель бессознательно чувствует явление интерференции, выбирая слова в процессе писания своих произведений. В этом отношении опытность писателя выражается в том, что, намереваясь усиливать и усиливать производимый им эффект, он не введет в ту же фразу таких слов, которые, по его мнению, произведут интерферирование читательских возбуждений в нежелательном для автора смысле. Напротив, у писателей неопытных, нечутких, односторонних, не считающихся с психологией своего читателя, такие ошибки в выборе слов встречаются на каждом шагу. Все это обусловлено незнакомством автора с читательской мнемой и сильно способствует удалению читательских переживаний от переживаний автора. Библио-психологической интерференцией часто объясняется явление так наз. «бесцветности стиля», бесцветности, разумеется, в глазах данного читателя, который о ней

свидетельствует: это значит, что слова текста, интерферируя, обесцвечивают друг друга.

Интервербальные явления, происходящие в процессе чтения или слушания, можно схематически показать в виде следующей таблицы, составленной по Р. Семону:

Слова-раздражители	Фазы возбуждений							
	1	2	3	4	5	6	7	8
А. Тучки . . .	А(синх)	$а_1$(ак)	$а_2$(ак)	$а_3$(ак)	0			
Б. Небесные . .		Б(синх)	$б_1$(ак)	$б_2$(ак)	$б_3$(ак)	0		
В. Вечные . . .			В(синх)	$в_1$(ак)	$в_2$(ак)	$в_3$(ак)	0	
Г. Странники .				Г(синх)	$г_1$(ак)	$г_2$(ак)	$г_3$(ак)	0
Д. . . . и т. д. . .	и т. д.							

Налегание, суммирование и интерференция читательских переживаний, возбуждаемых словами текста.

Налево написаны, в виде вертикальной колонки, слова-раздражители, — начало известного стихотворения Лермонтова «Тучки». На уровне каждого из этих слов, в виде горизонтальной строки, обозначены фазы возбуждений, произведенных этими словами текста-реактива. Фазы эти обозначены теми же буквами, как и соответствующее им слово-раздражитель: слову А соответствуют произведенные им фазы А, $а_1$, $а_2$, $а_3$ и т. д. Слову Б — фазы Б, $б_1$, $б_2$, $б_3$ и т. д. Фаза синхроническая, т. е. промежуток времени, в течение которого действует слово-раздражитель, обозначена буквами (синх). За этой фазой следует ряд аколутных фаз, который начинается в тот самый момент, как закончилась фаза синхроническая, т. е. когда раздражение перестало действовать, потому что слово-раздражитель уже прочтено или сказано. В аколутной фазе раздражение-возбуждение начинает постепенно спадать и, в конце концов, сходит на-нет. После него остаются, во-первых, звуковые или зрительные энграммы этого слова-раздражителя и, во-вторых, энграммы тех экфорий, какие обусловлены действием слова-раздражителя (напр., экфория образа тучек, экфория ощущения белого цвета, чувства красоты, чувства грусти, стремления в высь и т. д.). После того как возбуждение упало до нуля, все такие энграммы остаются в мнеме, входят в нее как следы новых переживаний, только что испытанных читателем или слушателем. Но после того, как закончилось раздражение-возбуждение, произведенное словом «тучки», начинается раздражение-возбуждение, производимое последующим словом «небесные». Поэтому синхроническая фаза этих пережива-

ний совпадает с первой аколутной фазой возбуждения, произведенного предшествующим словом «тучки». На таблице показано, что синхроническая фаза третьего раздражения-возбуждения, произведенного словом «вечные», совпадает во времени со второй аколутной фазой первого слова ($а_2$) и первой аколутной фазой второго ($б_1$). Такие совпадения фаз имеют место относительно всякого переживания, возбужденного словом, будь это концепт, образ, эмоция и т. д. При этом может случиться, что эмоции, возбужденные предшествующим словом, налегают на образы, возбужденные последующим словом, концепт на эмоцию, стремление на концепт и т. д. Получаются, таким образом, самые разнообразные сочетания, — аккорды переживаний. Раз имеется ряд слов-раздражителей, неизбежно получатся и такие последовательности возбуждений и их фаз и совпадений этих фаз. При этом наблюдаются вышеуказанные закономерности налегания возбуждений, а следовательно и переживаний А, Б, В, Г и т. д. Результатом такой одновременности возбуждений естественно являются симультанные (сосуществующие) ассоциации между энграммами, порожденные словами-раздражителями. Такова психологическая сторона процесса чтения-слушания.

Из всего сказанного видно в достаточной степени, сколь сложны те явления, какие переживает всякий читатель, переходя от одного слова к другому, к соседнему и т. д. в одном и том же контексте, и сколь многочисленны и крепки те психические связи, которыми соединены, спаяны все слова этого последнего. В результате, переживания, возбужденные отдельными словами, все более и более сливаются одно с другим и образуют одно, общее, синтетическое переживание, — библиопсихологическую единицу высшего порядка. Высшие единицы такого рода в свою очередь сливаются в единицы порядка еще более высокого и т. д.

Необходимо теперь сказать два слова о количественной стороне интервербальных отношений. Одно дело фраза — лаконическая и вообще малословная, и совсем другое дело — фраза, составленная из многих придаточных предложений и длинного ряда слов. К составу фразы следует при этом отнести не только слова, написанные и сказанные, но и неизбежно подразумеваемые. Лаконизм является переходом от психологии вербальной к интервербальной. С другой стороны, следует принять в расчет и многочисленность или малочисленность слов, какие подразумевает данный читатель. Чем сложнее интервербальные отношения, тем плотнее сливаются слова фразы в единое целое. Правы те филологи, которые, изучая происхождение фразы, считают именно ее основною единицей речи: бесконечно большое число мнематических интервербальных переживаний делает связь элементов фразы неразрывною. В эту сторону и идет влияние большого числа слов в фразе: оно осложняет интервербальные отношения в геометрической прогрессии, превращая их нарастание в какую-то невидимую лавину. И обратно, — лаконизм упрощает их. Но

лаконизм может достигать цели лишь в том случае, если он опирается на сходство или тождественность мнем пишущего и читающего, говорящего и слушающего. Только в этом случае малым числом слов достигается большой эффект. Для огромного большинства перципиентов многословие является самым серьезным препятствием при восприятии чужой речи. При различии социальных мнем все более и более уменьшается вероятность тождественности понимания фразы вследствие нетождественности понимания большего и большего числа отдельных слов ее, связанных с интервербальными отношениями. Лаконизм имеет успех наибольший в среде семейной, а также и в другой, где человек человеку уподобляется в силу частого и тесного общения. От этого семейная речь отрывочнее и малословнее, чем речь в обществе или адресованная к обществу, к толпе, ко многим.

Из всего сказанного видно, сколь разнообразны и тонки те психологические связи, при соответствии которых все слова читаемой или слышимой фразы сливаются в одно целое. Здесь перед нами особый мирок явлений сложных и неопределенных, но такой мирок, не изучив которого мы никогда не поймем ни устного, ни рукописного, ни печатного слова, ни их влияния на человека и человечество. Это мирок особых превращений, в силу которых слово теряет свою вербальность, а его индивидуальность уступает место коллективу слов, правда, еще не сложившемуся, но несомненно слагающемуся в самом процессе своего существования, путем обоюдного цементирования вербальных индивидуальностей, вошедших в его состав и действующих на мнему читателя совместно, — как в пространстве (на страницах книги), так и во времени (в последовательности восприятия).

Суправербальная библио-психология.

В результате всех интервербальных процессов, психические явления, возбуждаемые устным, рукописным или печатным словом, все более и более отрываются от словесного базиса и превращаются в переживания, так сказать, внесловесные, надсловесные, бессловесные, при этом безгранично усложняясь и усложняясь. Здесь мы в области библио-психологии суправербальной. Как это часто бывало в истории науки, более сложные явления сильнее и раньше привлекают к себе внимание исследователей, чем явления простейшие, глубже скрытые и потому не так бросающиеся в глаза. Это произошло и с явлениями, относящимися к отделу суправербальной библио-психологии: они изучаются с давних пор, тогда как явления вербального и интервербального типа, которыми и обусловлены суправербальные, стали изучаться научно лишь в последней четверти XIX века.

Прежде всего перед нами непримиримое противоречие: переходя от интервербальности к суправербальности, мы о т р е ш а е м с я от слов, так как переживания, возбужденные читанными и слышанными словами, стремятся стать внесловесными. А между тем выражать их суправербальный результат мы способны только словами же: суправербальное переживание, раз сложи-

вшееся в нас, затем распадается на фразу, которую и построяет, творит для себя самого, на языке своей собственной мнемы, сам читатель. Таким образом он совершает действительно творческую работу. Здесь перед нами проблема (и конфликт) переживаний словесных и внесловесных; здесь же перед нами процесс п е р е в о д а с языка чужой мнемы на язык мнемы собственной: слова, рожденные путем суправербальности, уже не те слова, которыми они возбуждены: энграммы первых (чужих) слов экфорируют слова, нами выбранные рефлективно, автоматично, или сознательно.

В таком процессе реальность или удаляется, или приближается к словесности и обратно.

По дороге от вербальности к суправербальности, через интервербальность, наблюдается последовательность слияния вербальных переживаний, но она идет то постепенно, то скачками. В этом сказывается тип читателя. Последовательность бессвязная превращается в связную. Путем сопоставлений создаются гаммы очень разнообразных и многосторонних отношений. Из бессвязности происходит механическая смесь, а из нее — более или менее координированная мозаика и лишь в конечном счете химическое соединение: элементы фразы теряют свою индивидуальность, слова превращаются в суправербальность. Соединение элементов получает свойства, непохожие на свойства каждого из отдельных элементов фразы.

Процесс суправербальности очень сложен. В нем можно отличить слитие читаемых букв или слитие слышимых звуков слов в одно единое слово. Это последнее тоже не представляет собой ни механической смеси, ни мозаики, являясь химическим соединением букв или звуков. Насколько сложен процесс слияния букв, об этом можно судить по тому, как трудно дается оно всякому начинающему грамотею. А насколько сложен процесс слияния звуков, это видно по тому, с каким трудом начинает говорить глухонемой, которому учитель показывает жестами и линейкой участие разных органов речи в произношении отдельных звуков и слов.

Переход отдельных (индивидуальных) образов в общие представления и понятия также представляет собой процесс слития. Получается как бы равнодействующая многих отдельных переживаний, утрачивающих при этом свои индивидуальные черты. Такие равнодействующие получаются и из разных других сосуществующих переживаний: сливаются между собою эмоции, стремления, инстинкты, даже низшие органические чувства. Одновременность предполагает равнодействующую и слияние, если не как в с е о б щ е е правило, то все же как правило о б щ е е. Злорадство есть равнодействующая эмоций двух разных категорий: злобы и радости. Эротическое чувство часто есть не иное что, как равнодействующая полового инстинкта и чувства красоты. Когда какое-нибудь интеллектуальное переживание (образ, идея) сосуществует с какой-нибудь эмоцией, о нем говорят, что оно

окрашено «эмоциональным тоном». Но этот тон вовсе не есть окраска, а одна из составляющих сил. Слияние предполагает нередко интерференцию, которая ведет в иных случаях к усилению, а в других к ослаблению переживаний, как о том было выше сказано. Таким образом, переход к суправербальности — очень сложный процесс, при котором сливаются отдельные звуки слов, отдельные слова, отдельные группы слов, отдельные психические переживания, замещаемые их равнодействующими. Если мы в силах констатировать несколько переживаний сразу, мы их констатируем иногда аналитически (разбиваем на отдельные элементы), а иногда синтетически (как единое целое). Это смотря по установке внимания.

В процессе чтения и слушания непрерывно идет возникновение все новых и новых переживаний и вместе с тем их слияние, которое охватывает и физическую, и психическую сторону речи. Из отдельных единиц синтеза образуются их группы, из этих групп — опять-таки группы более высокого порядка, затем группы этих групп, и так до бесконечности. Здесь перед нами процесс самонарастания все новых и новых этажей суправербальных библио-психологических переживаний, логически вытекающий из теории мнемы. Нетрудно понять, что группировки высшие предполагают слияние группировок низших, из которых они постоянно составляются. С какого бы конца ни начинать это исследование, оно даст научный результат только тогда, когда будут изучены как самые группировки, образовавшиеся путем слияния соответственных психических превращений, так и их элементы, и элементы этих элементов, и самый процесс такого комбинирования, вечно усложняющегося, вечно оставляющего свои все новые энграммы в мнеме и дающего повод к все новым и новым экфориям. Вот этот-то процесс и его конечный результат и представляет собою объект суправербальной библио-психологии.

К отделу суправербальной библио-психологии относится исследование не только перехода отдельных слов в каждой фразе в бессловесные переживания или в переживания, выраженные другими словами, но и перехода нескольких фраз в одно общее суммарное переживание и перехода нескольких текстов, книг и целых групп книг — в их суммарные переживания высшего порядка. Переживание всякого такого суммирования кристаллизуется потому, что экфория прежде полученных энграмм сама становится источником новых энграмм в силу закона мнемы.

В процессе превращения переживаний интервербальных в суправербальные играет большую роль забывание слов, о чем мы уже упоминали. Поэтому явление забывания подлежит особо внимательному изучению с точки зрения суправербальной библио-психологии. Субъекты разных типов обладают разною памятью на слова. Их хорошее запоминание мешает развитию суправербальности. Напротив, память на образы, воскрешающие комплексы

первоначальных энграмм, помогает переводу чужой речи на язык собственной психологии: оживляя картины когда-то виденной реальности, такой вид памяти облегчает ее называние терминами данного субъекта, а не чужими, чему препятствует язык раз навсегда установленных терминов, предполагающих свои особые дефиниции. Но забывание слов не значит забывание той реальности, которую данный субъект обозначает тем или иным словом, заимствуя его из языка своей мнемы. Суправербальность вовсе не должна вести к забыванию этой связи с реальностью, с первоначальными энграммами, ею произведенными. Иначе получится то, что Минто называет «внутренней софистикой». [1]

Освобождение от элементов вербальных и превращение этих последних в явления суправербальные происходит и в области тех эмоций, которые нашли себе словесное выражение. Здесь перед нами слитие разнородных эмоций в другие, более сложные группы, не суммирующиеся, а синтезирующиеся друг с дружкой в переживания сложные, с трудом осознаваемые, иногда даже неуловимые и неподдающиеся новым названиям. Об этом процессе мы уже говорили выше.

Еще больший интерес для понимания суправербальных отношений имеют бессловесные переживания волевого типа, восприятием слов произведенные, но свои вербальные элементы утерявшие. Такие свои переживания, появляющиеся в результате синтеза, субъект нередко не в силах выражать словами. Самое синтезирование их ведет к тому, что имена составных элементов столь сложного целого делаются неподходящими для результатов синтеза, — название части неприменимо к целому. Поэтому вербальность его теряется. Остается переживание стремления, то более, то менее глубоко коренящегося в подсознании. При изучении явлений книжного и вообще словесного влияния суправербальные переживания этого типа играют главную роль: они-то и представляют ту силу, какую читающий субъект черпает как-будто бы из книги.

Необходимо отметить еще следующее явление: в процессе, приводящем к суправербальности, психические переживания и их элементы не только комбинируются, но и переходят одни в другие. Эти переходы совершаются как в пределах переживаний одной и той же психической категории, так и между разными категориями. Например, только что пережитая эмоция оставляет по себе свой след, а этот последний этим самым превра-

---

[1] Минто в своей «Логике» перечисляет следующие типы заблуждений, удаляющих нас от реальности: заблуждения от нетерпения; заблуждения, происходящие под влиянием удовольствия, доставляемого деятельностью, под влиянием чувства; заблуждения, происходящие под влиянием привычки. О заблуждениях как суправербальном процессе много очень интересных примечаний и практических указаний, весьма ценных для работников книжного дела, можно найти в книге Г. Спенсера «Об изучении социологии».

щается в не что иное, как в наше знание об испытанной эмоции. А оно уже не есть эмоция. Таким путем переживания эмоциональные переходят в переживания интеллектуальные.

Проекции суправербальных переживаний.

В процессе суправербальных переживаний, возбуждаемых чтением или слушанием, мы постоянно строим проекции, проделывая работу комбинирования мнематических элементов. Всякое суправербальное переживание имеет свою проекцию, нами же построенную. Так, например, мы строим свои суждения, формулируем чужие и свои мысли, относим их к внешнему или внутреннему миру, приписываем им качества реальности, считаем фикции за реальность, свои предвзятые идеи за действительность и в конце концов перестаем различать то, что нам кажется, от того, что есть. К суправербальному процессу относится длинный ряд явлений, которые в старой психологии носят название ассимиляции, апперцепции, антиципации, предвзятости. Все это процессы объективирования субъективного. Чем сложнее суправербальный процесс, тем он субъективнее. Но так как этот процесс — мы сами, наша мнема, то, чем полнее он выражает запасы ее энграмм и их экфорирование, тем сильнее наша вера в реальность таких субъективностей. Реальный процесс в нашей мнеме приобретает для нас значение процесса, происходящего в реальности. Отсюда наша вера в объективность субъективнейших процессов. Роль этой веры можно проследить во всех тех субъектах, которые, усвоив как-нибудь тот или иной тезис, догматическое утверждение, постулат, аксиому, вообще суправербальное суждение, считают его «единственно верным». Вера не требует проверки. Проверка поэтому заменяется у таких людей простым утверждением: это, мол, так, — только и всего. Уверенность выражается в решительности тона, а тон этот является источником внушения. Он заразителен. Он заменяет собою доказательства. Такая «доказательность тона» издавна является одним из могущественнейших орудий глупости и лжи. Л. Толстой сказал очень зло и метко в своем дневнике (т. I, стр. 46): «Почему людям глупым свойственны такие уверенные, убежденные интонации? Но так и должно быть. Иначе их бы никто не слушал». Вводя в обиход речи элемент внушения, волевой тон часто ведет к духовному рабству поддающихся ему людей. Отметим еще, что огромное большинство научных книг состоит из догматических утверждений, а не из доказательств, особенно же по наукам гуманитарным. Успех или неуспех догматических утверждений зависит от степени внушаемости читателя, а не от свойств книги. Учение Франциска Бэкона об «идолах» не очень-то устарело и до сих пор.

Еще два слова о предвзятости. Существуют как предвзятые идеи, так и предвзятые чувства. И первые обусловлены вторыми. Те и другие легко экфорируются при наличности соответственных комплексов в мнеме. Таким комплексом является

любое суждение, принимаемое за аксиому. Вывод, сделанный по всем правилам логики из такого суждения, приводит к создаванию и наклейке ярлыка, — к называнию и к смешению данного названия с реальностью. Умозаключающий наклеивает ярлыки на что угодно: на людей, на книги, на события, на факты, на идеи, на чувства, ему недостаточно известные и понятные, вследствие определенных качеств его мнемы. Ярлык объективируется как проекция и держится по большей части на эмоциях, а не на фактических знаниях. Обыкновенно он бывает очень общего и неопределенного характера: «такой-то X — идеалист», такой-то У — анархист», и т. п. Еще не объясненный факт считается «чудом»; мнение, с которым мы несогласны, часто мы называем «глупостью». Все такого рода ярлыки и называния являются не чем иным, как объективацией суправербальных явлений. И чем более «нервен наш век», тем нелепее наклеиваемые ярлыки и тем энергичнее идет их наклейка. Содержание каждого ярлыка в точности бывает неизвестно наклеивателю, как и подражателям его. Но всем им обща вера в его соответствие с реальностью. В результате, ярлык становится источником таких эмоций, как недоверие, предубеждение, страх, презрение, злобность, ненависть; а такие эмоции мешают сопоставлять ярлык с реальностью и этим путем проверять его. Такой процесс мешает и наблюдению, и пониманию реальности. Достаточно напомнить мрачные времена царизма, когда чуть ли не на каждого интеллигента наклеивался ярлык «неблагонадежности», а на его поступки ярлык «государственного преступления». Наклеивают ярлыки «преступника», «грешника» и т. п. всякий ругатель, всякий доносчик, всякий судья, подписывающий смертный приговор, жрец, грозящий вечным адом. Во всех этих случаях человек третируется как дробь, и из-за отрицательной оценки одного или нескольких его качеств бракуется все чужое Я целиком. Здесь перед нами тоже аперцепция, предвзятость, судейская, жреческая и т. д. В том же повинен всякий критик, постановляющий строжайший приговор над автором разруганной им книги на том основании, что этот критик в чем-нибудь не согласен с этим автором. Тоже и цензор, которому чуть ли не во всяком слове цензуруемой им книги мерещилось подрывание основ, в роде как цензору Красовскому при Николае I «вольный дух» в поваренной книге. Предвзятость наблюдается и тогда, когда читатель судит о книгах по заголовкам, по рецензиям, по именам авторов, заранее бракуя одного и превознося другого. В целях создавания такой аперцепции намеренно, авторы XVIII века, например фон-Визин в «Недоросле,» придумывали фамилии своих героев в роде Простаковых и Стародумов. С такою же целью сочиняются предисловия к книгам и заголовки их. То же явление наблюдается, когда мы судим о чужих Я по сплетням и слухам. Есть еще аперцепция раба и идолопоклонника, выражающаяся в поклонении перед власть имущими и авторитетами. Блестящий пример ее дает, например, генерал

П. Краснов в своем романе «От двуглавого орла до красного знамени»: «Государь сказал: «Здорово, трубачи!». А Саблину (герою романа) уже показалось, что он, царь, сказал что-то дивно-прекрасное, сказочно-волшебное». Из предыдущего следует, что библио-психологическое изучение предвзятости представляет первостепенный интерес. Но не следует забывать при этом, что по закону В. Гумбольдта-Потебни любая идея в любой области жизни и мысли легко принимается за предвзятую. Это смотря по тому, с чьей стороны высказывается мнение о ее предвзятости. Выше мы заметили, что с субъективной точки зрения считать свои идеи предвзятыми мало кто в состоянии. Но такая их квалификация каждым из нас прилагается в житейской практике ко всем тем идеям, каких мы сами не разделяем. Вопрос о значении предвзятых идей в области книжного дела, вообще, и в экстроспективном изучении чужого Я, в частности, развертывается во всей своей полноте лишь тогда, когда мы взглянем на него не только с психологической, но и с социологической точки зрения, и присмотримся к эволюции и борьбе идеологий. Сторонники каждой идеологии обыкновенно обвиняют в предвзятости не себя лично, а своих идейных противников, особенно тогда, когда спор уже уперся в стену эмоциональных утверждений, а не доводов.

Отделы суправербальной библио-психологии.

К суправербальной библио-психологии относятся следующие, в настоящее время довольно хорошо разработанные области:

1. Психология фонетики (психология звуков речи и их слияния, интонации, ударения, произношения).
2. Психология грамматики (этимологии и синтаксиса).
3. » литературных форм (стилистики, риторики, теории словесности вообще).
4. Психология логики.
5. » логистики.
6. » литературоведения вообще.

В каждом из этих отделов форма речи изучается по реакциям ее на читателей и слушателей, а совокупность реакций и их переживаний, интроспективно осознанных, рассматривается как содержание, не отделимое от этих форм и объективно известное чужому Я только по реакциям. Вышеперечисленные рубрики рассматриваются как разные этажи суправербальных переживаний, в основе которых лежат переживания вербальные, напр., в первом этаже (психология фонетики) — психология звуков слов, во втором — частей речи, в третьем — троп, в четвертом — терминов («имен», «названий»), в пятом — отношений. Шестой этаж является совокупностью суправербальных итогов психологического исследования всех предыдущих пяти этажей. Объединяющим началом здесь является творчество и его психология, потому что самый переход из первого этажа в шестой представляет творческий процесс, характеризующий коллективный, исторический опыт человечества. И правда, мы знаем,

что звуки речи, ее членораздельность, произношение, голос, его интонация представляют очень сложную систему раздражителей, причем производимые ими раздражения-возбуждения обусловливаются достигаемою ими целью: только такие голосовые рефлексы и удержались в процессе филогенезиса и социальной эволюции и закрепились ими, какие оказались целесообразными в вихре социальных сношений и вообще отношений.

Все удержавшееся, закрепленное, кристаллизовавшееся в нашей речи, печатной, рукописной и устной, мы должны рассматривать как результат филогенетического отбора. Совершенно то же самое мы должны сказать о формах грамматики, теории литературы, логики и даже логистики (последняя пока находится in statu nascendi). Мы знаем, что каждому явлению грамматическому соответствует в каждом отдельном случае какое-нибудь явление психическое, интроспективно переживаемое, сознательно или подсознательно. Психология этимологии сливается с психологией фонетики. Слитие аффиксов с корнем представляет собой одно из проявлений суправербальности в области грамматики. Каждой части речи, каждой грамматической форме соответствуют в этом отношении свои суправербальные библио-психологические переживания, отличающиеся, при прочих более или менее равных условиях, от переживаний, возбуждаемых другими грамматическими формами. Суправербальность флексий отличается от суправербальности суффиксов, а суправербальность склонений от суправербальности спряжений: переживание отношений, возбуждаемое ими в читателе, соответственно изменяется при этом. Еще сложнее суправербальные явления в области психических переживаний синтаксиса. Мы уже отмечали, что от каждой перестановки слов в фразе изменяется какой-нибудь оттенок в целостном переживании. Эти перестановки находятся в функциональной зависимости с теми оттенками, которые получаются таким путем и представляют собой явления суправербальные. Эти последние изменяются и в зависимости от числа слов в фразе, подобно тому как изменяется и интервербальность ее: от прибавки нового слова к фразе соответственно переделывается ее суправербальный итог. Напомним, как в известной драме Ибсена «Пер Гинт» переделал Доврский дед девиз Пера Гинта: к этому девизу, который гласил: «Будь самим собой» он прибавил всего лишь одно слово и превратил его в такой: «Будь доволен самим собой». Если фраза состоит из многих слов, прибавка производит перемену в суправербальных явлениях лишь в зависимости от потенциала, т. е. напряженности переживаний, обусловленных прибавленным словом. Если это слово обладает малым потенциалом, то возбуждения, производимые в читателе этим словом, тонут, интерферируя, в массе возбуждений, производимых другими словами той же фразы. Психология предложения и разных его видов, напр., главных и придаточных, утвердительных, отрицательных, вопросительных и т. д., и всяких других грамматических форм,—

все это психология суправербальная. Когда в достаточной степени будет разработана психология грамматики, то несомненно выяснится, да оно выясняется уже и теперь, что грамматика есть не более как функция библио-психологии, хотя в настоящее время своею условностью и приспособленностью к социальной мнеме определенных общественных классов она мешает естественности суправербальных переживаний. Это и показывают исследования таких языков, у которых еще не успела кристаллизоваться грамматика. Эмоциональность субъектов препятствует этой кристаллизации. Поэтому в эпоху великих народных возбуждений этимология и синтаксис быстро меняются, делаются неправильными, по терминологии составителей, хранителей и архивариусов академических традиций. Это значит, что в такие эпохи суправербальность ищет новых этимологий и синтаксисов, более соответствующих переживаниям говорящего и слушающего, пищущего и читающего. Психология грамматики является библио-психологическим антагонистом эмоциональной суправербальности, так как стремится к обузданию этой последней посредством более или менее кристаллизовавшихся форм речи. Проф. Сешегэ правильно называет грамматику «алгеброй языка»: она нивелирует проявления индивидуальные, опираясь, по закону социальной мнемы, на среднего человека. Это наименование отражается на суправербальных явлениях тем, что и с своей стороны уменьшает естественность грамматики и увеличивает ее условность и искусственность. Таким образом суправербальность, так сказать, с двух сторон стремится вырваться из тисков психологии грамматики, хронически индивидуализируя ее.

Еще дальше от этой последней психология логики, — психология суждения, силлогизма, доказательства, мышления, анализа и синтеза, дедукции и индукции. На одних интеллектуальных процессах логика нашего мышления никогда не базируется. К ней всегда примешивается логика чувств и логика стремлений. Всякое наше умозаключение есть в сущности тоже аккорд то словесных, то бессловесных ассоциаций, а также эмоций и инстинктов. Но необходимо, чтобы логические формы были психологически возможны: чтобы правильно мыслить, надо раскрыть способы группировки идей. Суправербальная библио-психология изучает переживания суждений, составные психические элементы этих переживаний, разложимые и неразложимые, зависимость их от элементов иррациональных и от подсознания вообще, влияние их на эти последние. К психологии логики относится и психология интуиции, играющей, как известно, первостепенную роль во всяком индуктивном умозаключении.

Переходя теперь к теории словесности, прежде всего отметим, что каждая литературная форма имеет свой психический коррелят, когда действует, в качестве раздражителя, на читателя или слушателя. Вообразим себе, что читатель, прочтя какое-либо литературное произведение, напр. роман, уже забыл, что чаще всего и бывает, его заглавие, его героев, его сюжет

и развертывание сюжета и тем более фразы, отдельные выражения и слова. Это значит, что все вербальные элементы этого романа уже превратились в суправербальные. Число первых в процессе чтения могло быть при этом очень велико. Напр., если роман многотомен. Что касается до вторых, они могут оказаться до смешного ничтожными. Читатель лишь очень кратко может формулировать результат, полученный благодаря чтению такого произведения. Этот результат обычно называется «общим впечатлением», а иногда «основной идеей произведения», имеющего такую-то литературную форму. До читательского сознания доходит лишь самая вершина такого «общего впечатления», которое, своею суправербальностью, выступает из океана подсознания в область более или менее светлого сознания; все прочее, самый базис этого общего впечатления, т. е. энграммы, экфории и др. мнематические явления, порожденные чтением произведения, остаются где-то в глубине подсознания: читатель неспособен осознавать их намеренно. Но так как они все-таки оставили след в мнеме читателя, то при случае они и могут всплывать наружу. Так всплыли энграммы звуков греческого и латинского языка во время бреда той служанки, которая за несколько лет перед тем служила у пастора, имевшего обыкновение читать вслух греческие и латинские книги. Суправербальная библио-психология должна выяснить функциональную зависимость такого бессловесного «общего впечатления», с одной стороны, и разных факторов, его производящих, с другой. К числу этих факторов, надо отнести качество текста как раздражителя-возбудителя мнемы читателя, условия места и времени. Путь, ведущий от букв и слов книги до «общего впечатления», бывает у разных субъектов разной длительности, разного вида и разных типов, и все это меняется в зависимости от типов текста. Каждый тип может быть характеризован при помощи того суправербального результата, который зовется общим впечатлением. Современная теория словесности, идя по следам Г. Спенсера и И. Бэна, изучает разные роды, виды и разновидности литературных форм с точки зрения их психологии. Всякое произведение литературы направлено в ту или иную сторону, в смысле возбуждения суправербальных переживаний, о чем приходится судить по результатам чтения, а не по самому произведению. Это последнее неизбежно преломляется в мнеме каждого читателя индивидуально, по законам Р. Семона и Гумбольдта-Потебни. Различие между отдельными библио-психологическими переживаниями, получающимися в результате чтения, обусловливает разницу между родами, видами и разновидностями литературных произведений и ведет к классификации литературных форм. Так напр., различие прозаической речи от поэтической, в сущности, сводится к различию суправербальных переживаний, обусловленных подбором и расстановкой слов в тексте-раздражителе. Суправербальные явления поддаются при этом экспериментальному изучению, начиная с так наз. тропов, фигур речи, эпитетов, т. е.

уклонений от обыкновенного способа выражаться, в целях получения максимального эффекта. Мы уже знаем, что, по закону Гумбольдта-Потебни и Тэна, цель произведения достигается при условии сходства мнем у говорящего и слушающего, у пишущего и читающего. Условность стиля есть не что иное, как одно из явлений суправербальной библио-психологии. То же и пересаживание стилей, не соответствующих национальной, социальной и наследственной мнеме, в чужую диаспору. Напр., псевдоклассицизм есть в этом смысле патология настоящего классицизма. Библио-психологическое изучение фигур речи может даже служить введением в суправербальную психологию. Все эти фигуры, основанные на сходстве или подобии, фигуры сравнения, метафоры, олицетворения, аллегории, фигуры смежности, контраста, а также выражения иронии, язвительности, насмешки, сатиричности, разного рода гипербол, климаксов, апострофов и т. д. и т. д., все это тоже разные проявления суправербальных переживаний, возбужденных данными литературными формами. То же и читательское суждение о простоте стиля, о конкретности или абстрактности его, ясности или неясности, символичности или реальности, о силе или расплывчатости, патетичности, бесцветности, эстетичности или неэстетичности и т. д. и т. д. Дальнейшим этажом суправербальных исследований является изучение видов словесных произведений. Когда читатель классифицирует произведения прозаические на описания, повествования, рассуждения и т. п., а поэтические — на поэзию лирическую, эпическую и драматическую, а эти ее разновидности — на все более и более детальные рубрики, он тоже занимается суправербальной работой. Его отзывы надсловесны. Его суждения суть итоги, а его фразы формулируют общее впечатление. Но и на этом еще не кончается область суправербальных изысканий. Они простираются и на разные направления литературы, и на разные социальные слои читателей. Нетрудно понять, что суправербальные переживания различных литературных произведений, принадлежащих разным литературным школам и направлениям, не похожи одни на другие в том или ином отношении. Они, напр., не таковы у нас, когда мы читаем произведения романтизма, сравнительно с представителями сентиментализма, натурализма, футуризма и т. д. У читателей малокультурных иная суправербальность сравнительно с читателями культурными. Суправербальность у марксистов не такая, как у антимарксистов; у атеистов — не такая, как у верующих, и т. д. Чем дальше от вербальности, тем больше свободы для читательского творчества: там оно в узах чужих слов, тогда как в области суправербального творчества для читателя или слушателя существует в этом отношении относительная свобода, потому что здесь вербальный фактор чужой речи уже слаб. По той же причине в суправербальной области видоизменяются такие интервербальные явления, как интерференция, поляризация, память, внимание, аперцепция и т. п., которые можно назвать «вторич-

ными библио-психологическими явлениями». Из всего сказанного видно, что область суправербальная отличается от вербальной и интервербальной самым характером психических явлений, к ней относящихся: здесь все сложнее, запутаннее и неопределеннее, а потому больше простора читательскому творчеству, внушениям, самовнушениям, иллюзиям и галлюцинациям.

Глава VII.

ЧИТАТЕЛЬ И КНИГА И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ БИБЛИО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ МЕТОДУ.

Основная идея специального библио-психологического метода.

В предыдущих главах было показано, что каждый читатель и слушатель строит свою особую проекцию чужой речи — печатной, рукописной и устной. На странице 83 дана диаграмма, наглядно поясняющая такую их творческую работу. Спрашивается теперь, нельзя ли каждую из этих проекций объективно характеризовать как в качественном, так и в количественном отношениях? Нельзя ли найти способ выяснять, из каких психических элементов каждой отдельной читательской мнемы какая проекция построяется и сколько каких элементов в ней? В предыдущих главах, в сущности, уже дан утвердительный ответ на эти вопросы. И правда, всякое прочитанное и услышанное слово нельзя не рассматривать как некоторый раздражитель-возбудитель психических явлений в мнеме, вызывающий определенную реакцию. Каковы они и сколько их? Изучая реакции данной мнемы, мы изучаем и те элементы, из каких данный читатель в данный момент строит свою проекцию чужой речи в данных условиях социальной среды и вообще места и времени. По внешним реакциям можно судить о мнематических. Можно выяснить, сколько раз какие психические явления вспыхивали, возбуждались в данном читателе или слушателе под влиянием таких-то слов данного текста и такого-то количества их. Статистика читательских реакций и даст нам качественную и количественную характеристику читательских переживаний. Такова самая суть библио-психологического метода. Он естественно вытекает из теории условных рефлексов и мнемы.

В этой главе мы покажем на самых конкретных примерах, в чем состоит самая суть теории, а также и практики специального библио-психологического метода. Для простоты дела будем говорить только о речи печатной и рукописной, оставляя в стороне, за некоторыми исключениями, речь устную. Мы покажем, что все библио-психологические явления могут быть изучаемы объективно и с максимально доступной точностью; могут быть объективно характеризованы и субъективные элементы. В предыдущих главах уже шла речь о том, что ныне практикуемых методов еще недостаточно для превращения библио-психологии, а значит, и теории и истории литературы в одну из отраслей

объективного знания. Объективный социологический метод тем не менее субъективен, если при этом не делается поправки на исследователя. Необходимо найти способ делать ее с должной точностью и разносторонностью. Пока что, никакой метод изучения книжного дела и литературы не указывает, как это делать, если не считать субъективной критики других, тоже субъективных, критиков. Специальный библио-психологический метод, напротив, логически приводит к составлению личных уравнений как читателей, так и авторов, так и других работников книжного дела, при этом никоим образом не исключая утилизации всех других методов научных в тех же целях, но подводя под них прочный биологический и социально-психологический фундамент. Этот специальный библио-психологический метод должен играть ту же роль в психологии книжного дела, какую играет исследование внутреннего скелета при изучении царства позвоночных: все добытое при помощи других научных методов может быть координировано при помощи метода специального.

В этой главе мы покажем, что каждый читатель, каждый тип читательский, наконец каждая книга, кем-либо и когда-либо читаемая, может быть выражена цифровыми коэффициентами, характеризующими и качественную, и количественную сторону той проекции, какую построяет читатель. Величина этих коэффициентов может служить характеристикой читательских переживаний в данный момент. Затем мы покажем, что от характеристики данного читателя в данный момент можно перейти, согласно теории статистики, к характеристике *этого* читателя вообще, а затем и к характеристике *среднего* читателя. Но что такое средний читатель? Он представляет собою средний уровень всех читателей данного коллектива. Это значит, что коэффициентами среднего читателя характеризуется тот социальный коллектив, средний уровень которого он представляет, но характеризуется не «по глазомеру», а точно и определенно, в виде *формулы*. Коэффициенты среднего читателя покажут нам, таким образом, *средний уровень читающего коллектива*, а коэффициенты отдельных, индивидуальных читателей выяснят *степень уклонения той или иной личности* от этого среднего уровня. От характеристики читателя можно затем перейти к характеристике *книги*, и на этот раз вовсе не как к индивидуальной, а как к *средней* проекции, которая представляет собой средний уровень всех индивидуальных проекций. А он позволит измерять всякую индивидуальную проекцию той же книги по степени уклонения любого читателя от этого среднего уровня. Специальный метод библио-психологии дает возможность выразить цифрами любую амплитуду уклонений от средней величины. Но что такое эта амплитуда, выраженная цифрами? Нетрудно понять, что она не что иное, как та *поправка* на читателя, о какой мы говорили выше.

Специальный метод библио-психологии позволяет итти, не отступая от логики точных наук, еще того дальше: раз мы входим,

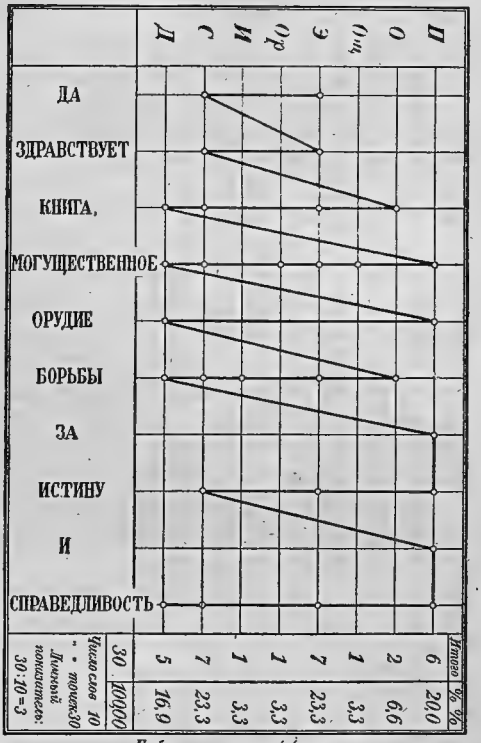
с его помощью, в область объективного изучения книги не как читательской субъективной проекции, а как независимого от нее факта, то мы сможем уже составить себе объективное понятие не только о самих книгах, но и об авторах этих книг. Мы сможем ответить научно и на такой вопрос: насколько зависит читательское впечатление, вынесенное из данной книги, от данного читателя, и насколько зависит оно от автора? Какие особенности и каким способом придал данной книге ее автор, чтобы передавать и качество и количество своих психических состояний разным другим Я? Таким образом явится возможность сравнительно изучать особенности разных произведений одного и того же автора, тоже выражая их цифровыми коэффициентами. А особенностями его произведений можно будет характеризовать и самого автора, а значит, и каких угодно авторов, независимо от тех субъективных и обыкновенно пристрастных характеристик, какие им делаются критиками и историками литературы. А раз это так, то можно будет и классифицировать авторов тоже по их типам, психическим и социальным. Но если в распоряжении исследователя будет и классификация читателей, и классификация книг, циркулирующих среди населения, и классификация авторов, создавших эти книги, то явится возможность изучать и соотношения этих трех факторов книжного дела, а от изучения индивидуальностей перейти к изучению социального коллектива и 1) показать, из каких психических типов состоит данный коллектив — национальный, местный, классовый, профессиональный; 2) почему некоторые книги и авторы имеют, в пределах этого коллектива, и очень быструю циркуляцию, и очень сильное влияние, тогда как другие авторы и книги не имеют ни того, ни другого; 3) почему и как выдвигает какой коллектив каких авторов в качестве своих выразителей, иначе говоря, как и почему создает толпа читающая толпу пишущую, путем превращения читателя в писателя. О психических типах авторов и о циркуляции книг мы в этом нашем труде говорить не будем, за недостатком места.

Познакомим прежде всего с самою сущностью специального библио-психологического метода, с его основной идеей, а затем, войдя в некоторые главнейшие его детали, постараемся показать, что основная идея этого метода является вполне осуществимой на практике и что ее осуществление представляет гораздо меньше трудностей для любого читателя, чем многие другие, ныне практикуемые методы исследования сложнейших психических явлений. Кроме того, мы покажем, что специальный библио-психологический метод допускает целый ряд возможных упрощений, применительно к практическим целям, а также приспособлений к умственному развитию исследуемых субъектов. Мы заранее подчеркиваем эту сторону метода, во избежание упреков в том, что он будто бы трудно приложим на практике. Ведь когда-то казались непомерно сложными и совершенно неприменимыми и те приемы статистического исследования, которые были рекомендо-

ваны А. Кетлэ и другими теоретиками статистики. Тем не менее это нисколько не помешало этим приемам войти в общественную практику всех культурных государств, вплоть до сложнейших переписей всего населения. Мы не сомневаемся, что войдет в практику и специальный метод библио-психологии, так как этим путем можно пролить научный свет на сложнейшие психические явления, называемые всемирной литературой и духовной культурой человечества. Для того чтобы углублять, улучшать и вообще регулировать влияние устной, рукописной и печатной речи, необходимо изучать это влияние в самом процессе чтения и слушания. Обыкновенно, о значении какого-либо писателя судят по влиянию его произведений на читающую массу, а об этом последнем — по спросу в библиотеках и книжных магазинах; но, как мы уже подчеркнули в предыдущих главах, одно ведь дело — спрос, и совсем другое дело читаемость, и опять-таки совсем другое дело самое влияние читаемой книги. Данные о влиянии, получаемые путем обычных статистических и других наблюдений, совершенно недостаточны, чтобы по ним можно было судить о том действии, какое книга производит на ее читателя. Научная мысль должна стремиться к определенности и точности изучения, а потому не может довольствоваться неясными общими характеристиками разных книжных влияний, определяемых интуитивно по отношению к «данной книге вообще» и к «данному автору вообще». Нет, влияние книги сводится к влиянию ее текста, а это последнее — к влиянию отдельных слов его и различных группировок слов. Отсюда следует, что статистика создавания, циркуляции, читаемости и вообще утилизации книг должна быть пополнена статистикой влияния каждого отдельного слова читаемого или слышимого текста. Вопрос лишь в том, как организовать такую статистику. Практическим ответом на этот вопрос и является специальный метод библио-психологии. Он представляет собой научно-организованную статистику тех психических переживаний, какие испытывает читатель вследствие раздражений-возбуждений, производимых каждым отдельным словом текста. При этом качественная сторона самых переживаний определяется интроспективно, а количественная — экстроспективно, и интроспективные показания читателя всегда находятся под контролем экстроспекции, требование, какое вытекает из всех предыдущих глав нашего труда.

Нижеследующие соображения помогут выяснению самых основ библио-психологической статистики психических переживаний. Сущность дела вот в чем. Мы берем исходным пунктом тот факт, что решительно все слова текста, внимательно слушаемого или читаемого, могут быть расклассифицированы тем субъектом, который их воспринимает, по рубрикам классификации психических явлений, им в этот момент переживаемых и осознаваемых. Следовательно, если мы напишем вдоль оси абсцисс тот текст, который воспринимается слово за словом, а

вдоль оси ординат какую-либо классификацию психических явлений, то читатель может указать для каждого слова текста, к какой категории этой классификации относится то переживание, которое возбуждено каждым отдельным словом, им прочтенным, поскольку он его констатирует в себе, т. е. осознает. Читатель может отметить каждое констатированное переживание, напр., точкою на уровне той рубрики, какая отмечена на оси ординат. Каждая читательская отметка есть не иное что, как р е а к ц и я ч и т а т е л я н а р а з д р а ж е н и е - в о з б у ж д е н и е, причиненное этим словом текста-реактива. Это и показано на прилагаемом чертеже.



Библио-псих. коэффициенты

Может случиться, как мы сейчас и увидим, что некоторые слова, даже очень многие, если не все, возбуждают не по одному, а по нескольку психических переживаний разных категорий. В таком случае читателю придется поставить над таким словом по две или по нескольку точек на уровне соответствующих рубрик психологической классификации.

Так например, с л о в о «книга», когда я его читаю, может возбуждать во мне, во первых, представление, образ какой-нибудь книги, или мысль, идею, понятие о книге вообще, а во-вторых,—эмоцию симпатии по ее адресу. Это значит, что мне как читателю придется поставить над словом «книга» не одну, а две точки, расположенные одна над другой, причем одну из этих точек я отнесу к категории представлений или понятий (идей), а другую — к категории эмоций. Таким образом это слово «книга» возбуждает во мне своего рода п с и х и ч е с к и й а к к о р д. Почти каждое слово, нами воспринимаемое, в огромном большинстве случаев, представляет собой тоже аккорд подобного рода. Поэтому мы и позволяем себе сохранить это название и в библио-психологии.

Далеко не все психические переживания, к каким способен человек, возбуждаются в нем решительно всяким словом прочитанным или услышанным. Так напр., прочитанное слово «книга» может возбудить в одном читателе только образ, умст-

венную картину книги, не возбудив никакой эмоции, потому что эта последняя так слаба, что не дошла до сознания, осталась неосознанной, за его порогом. Это значит, что, при осознавании некоторых слов, читатель может переживать психическое явление образа, вовсе не переживая никакой эмоции. Подобно этому, я могу переживать мысль о числе «двести» или мысль о «нечто», не переживая в это самое время никаких образов или эмоций, так как они во мне в данный момент возбуждены этими словами в очень слабой степени или вовсе не возбуждены. Слово «зло» может возбудить иной раз только эмоцию, не возбудив ни образов, ни понятий, ни стремлений и т. д. Подобно этому и такие переживания, как хотения, стремления, инстинкты, действия и пр., представляют собою тоже психические элементы, не обязательно присутствующие при осознавании слов текста.

По числу читательских пометок около каждого отдельного слова можно судить о степени возбуждения, причиняемого им. Около некоторых слов, как это показала практика, читатель делает всего лишь по одной или по две пометки, а около других — по 20 или 30 и даже 60. Число читательских пометок характеризует разнообразие и силу, а значит, и относительную напряженность переживаний, возбужденных таким-то словом в данной читательской мнеме. Из этого видно, что разные слова имеют различный потенциал, — иные весьма слабый, иные очень высокий. Различны и качества потенциалов: иные из них относятся к возбуждению переживаний интеллектуальных, иные — эмоциональных, иные — волевых. Явление потенциала играет в библио-психологии большую роль, и потому нам придется еще говорить о нем.

На рисунке написана, слово за словом, вдоль оси абсцисс такая фраза: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость». На оси ординат отмечены названия главнейших категорий психических переживаний, каковы: понятия *П* (концепты), образы *О*, ощущения *Ощ*, эмоции *Э*, органические чувства *Ор*, стремления и хотения *С*, действия *Д* и инстинкты *И*. Для каждой из этих рубрик проведем линии, параллельные оси ординат, как это показано на рисунке. Станем теперь над каждым словом текста, написанного вдоль оси абсцисс, отмечать точками или крестиками те наши психические переживания, какие мы интроспективно осознаем при чтении каждого слова данного текста. Так например, слово «да» возбуждает во мне как читателе всего текста переживания какого-то напора, волевого стремления или принуждения. Кроме того, оно же возбуждает некоторую эмоцию, чувство. В таком случае, осознавая эти мои переживания, возбужденные словом «да», я проставлю над ним два крестика или точки: одну — на уровне волевых явлений, другую на уровне эмоций. Это и показано на рисунке. Из этого и видно, что слово «да» возбуждает во мне в данный момент аккорд переживаний, эмоции и волевые явления одновременно, а я, читатель, интроспективно знаю,

какие именно переживания во мне этим словом возбуждены, а сообразно с этим, и классифицирую их. Подобно этому, раскласс-ифицированы на чертеже и читательские переживания всех других слов анализируемого текста-раздражителя. Другой читатель того же текста или тот же самый читатель, но в другой момент, расставит точки, быть может, несколько иначе, смотря по тому, каковы будут переживания, возбуждаемые словами того же текста. Если соединить линиями все точки, расставленные читателем над всеми словами им воспринятого текста, то получится некоторая кривая, соответствующая, во-первых, данному тексту, а во-вторых, всей совокупности психических явлений, пережитых этим читателем в процесссе чтения этого текста в данный момент и дошедших до читательского сознания. По рисунку же видно, как распределились все поставленные им точки по рубрикам психологической классификации. Каждой из этих рубрик соответствует то или иное число точек, им поставленных. На правой стороне чертежа подведен статистический итог этим точкам, проставленным данным читателем, и выраженный, во-первых, в абсолютных цифрах, а во-вторых, — в виде процента к общему числу читательских пометок-реакций. Это и есть статистика психических переживаний, возбужденных словами текста-реактива, т. е. статистика читательских реакций, которые и характеризуют мнему. Отдельные возбуждения, хотя и отнесенные к одной и той же категории, разумеется, могут быть при этом качественно различными, но это нисколько не мешает научности приема: подобно этому, при статистических подсчетах, например, общего числа хозяйств в каком либо государстве, бывают различны и все подсчитываемые отдельные хозяйства, — иное может быть частным и индивидуальным, другое коллективным, третье — государственным, и т. д.; тем не менее все эти различия вовсе не служат помехою для статистиков в их подсчитывании общего числа всех и всяких, но отдельных хозяйств, причем каждое отдельное хозяйство принимается за особую единицу при подсчете. Подобно этому и библио-психолог может подсчитывать общее число читательских показаний, относящихся к каждой отдельной рубрике психологической классификации, например, — число точек, проставленных для обозначения пережитых эмоций. Эти эмоции сами по себе могут быть очень различными. Но ведь подсчет относится в данном случае не к индивидуальным качествам каждой отдельной эмоции, а к эмоциям вообще, — к количеству осознанных переживанй данной категории психических явлений. Подсчитывается, сколько раз получил данный читатель от данного текста возбуждение эмоционального характера. Таким образом, с библио-психологической точки зрения, статистика читательских пометок вполне удовлетворяет всем требованиям научной теории статистики. Разумеется, самый вид кривой, полученной таким способом, не имеет никакого значения, — она полезна лишь в смысле наглядности и может быть какого угодно

вида. Главная суть — в статистических итогах такого библио-психологического исследования.

Пользуясь одною и тою же классификацией психических явлений, разные читатели могут сопоставлять свои интроспективные показания, статистически характеризующие их субъективные переживания при чтении одного и того же текста. Положим для примера, что один и тот же текст дан читателям трех разных психических типов. Мы можем не знать, к какому типу принадлежит какой читатель, но тип каждого неизбежно дает себя знать, лишь только читатели эти начинают делать свои пометки в процессе чтения текста. Предположим для простоты, что все три читателя — типы односторонние и резко выраженные: один — эмоционального, другой интеллектуального, третий — волевого типа. Типичность каждого из этих субъектов немедленно проявляется в том, что в первом легче всего возбуждаются, одним и тем же текстом, какие-либо эмоции, у второго — концепты, представления и ощущения (психические переживания интеллектуального типа), в третьем — стремления, хотения и действия (психические переживания волевого типа). Разумеется, относительно легкая возбуждаемость психических явлений определенной категории неизбежно проявляется в том, что один и тот же текст возбуждает в читателе первого типа больше эмоциональных явлений, в читателе второго типа — больше интеллектуальных, в читателе третьего типа — больше волевых, сравнительно с другими читателями. Это значит, что каждый из этих читателей, делая свои пометки в процессе чтения одного и того же текста, проявляет свою типичную особенность соответственным увеличением числа точек, им поставленных в соответственных рубриках психологической классификации. Отсюда следует, что по числу точек, поставленных каждым читателем в той или иной рубрике, является возможность судить о его психическом типе, т. е. об относительной возбудимости тех или иных психических переживаний в его мнеме. Значит, статистические итоги проставленных точек, подводимые столь простым способом для разных текстов-реактивов, могут быть приняты за числовые статистические характеристики психических переживаний каждого отдельного читателя, а значит, и для проекций, построенных данною мнемою.

Возьмем какой угодно текст, предложим различным лицам прочесть его, а затем дать свои показания, согласно специальному библио-психологическому методу. Уже тот факт, что читатель будет делать свои пометки около каждого отдельного слова лишь после прочтения всего текста, доказывает, что он станет делать их только в связи с другими словами того же текста и возбужденными переживаниями их. Это значит: исследуются явления интервербального чтения, а не вербального. Изобразим читательские показания в виде библио-психологической кривой и подведем итоги числу пометок, отнесенных к каждой

рубрике этим читателем. Высчитаем затем процентные отношения того числа точек, какое было проставлено данным субъектом в каждой из рубрик психологической классификации, к общему числу точек, и мы получим цифровую характеристику переживаний данного читателя во время чтения данного текста. Цифры, выражающие процентные отношения, можно назвать *библио-психологическими коэффициентами*. Их не следует смешивать с абсолютным числом точек.

Из предыдущего видно, что библио-психологическая кривая отнюдь не представляет из себя кривой математической, — она не более как графика или диаграмма, к которой хотя и приложима некоторая математическая обработка полученных статистических данных, но никакой пропорциональности математической между числом слов и точек и рубриками психологической классификации еще нельзя определить путем исследования библио-психологической кривой.

Благодаря вышеизложенному приему исследователь получает возможность очень наглядно судить не только о главнейших, но и о детальных и очень тонких и глубоких переживаниях читателя. Для этого стоит лишь присмотреться к тем точкам, которые стоят, различно распределенные, над каждым словом прочитанного текста. Каждая точка говорит о *качественной* стороне читательского переживания, экфорированного этим словом, т. е. о возбуждении, им произведенном. Точки эти символизируют те маленькие взрывы, какие были произведены каждым отдельным словом в читательской мнеме, взрывы интеллектуальные, эмоциональные и волевые и т. д., и какие дошли до сознания данного читателя. Присматриваясь далее к библио-психологической кривой в ее целом, мы получаем возможность проследить действие всего текста-реактива на данного читателя, — слово за словом и шаг за шагом. В иных местах проставленные им точки словно скопляются, в других — они раздвигаются, в третьих — словно перемещаются со строки на строку в психической классификации. Все это внешние признаки интимных психических переживаний, символы невидимого процесса, совершающегося в читательской мнеме во время чтения данного текста. Позволяем себе думать, что еще никакими другими способами не удавалось проникать в такие детали читательских переживаний, констатируемых и интро- и экстроспективно, как нам позволяет это сделать вышеописанный простой прием, наглядно демонстрирующий общую картину процесса чтения.

Но особенный интерес представляет исследование библио-психологических кривых, начерченных для *одного и того же* текста *различными* читателями. Стоит лишь выразить библио-психологическими коэффициентами процесс чтения каждого из этих читателей, а затем сравнить цифровые величины соответственных коэффициентов, — и мы получим возможность судить не только о качественной стороне индивидуальных особенностей каждого субъекта, но и о размерах этих особенностей у одного

и того же читателя сравнительно с другими читателями того же текста. О том, как выяснить тождественность понимания одной и той же психологической классификации разными читателями, об этом речь будет итти ниже.

Тот же самый метод приложим к изучению не только различных читателей, но и одного и того же читателя в разные моменты его жизни, при разных настроениях и в различных условиях чтения. Как известно, книга, читанная в молодости, действует на того же самого читателя совершенно иначе в старости. Книга, прочитанная до революции, кажется иною после революции. Всякая такая перемена момента и условий чтения как внутренних, так и внешних, неизбежно сказывается и на изменениях цифровых величин библио-психологических коэффициентов.

Из предыдущего уже ясно, каким путем специальный метод библио-психологический позволяет переходить от величин частных и индивидуальных к величинам средним и все более и более общим, сообразно с тем, какую цель ставит себе данный исследователь. При всех таких переходах ему приходится иметь дело лишь с коэффициентами, но, повторяем, из всего этого, разумеется, вовсе не следует, что изучение качественной стороны читательских переживаний с помощью других методов теряет свое значение.

Значение библио-психологических коэффициентов отнюдь не сводится лишь к характеристике количественной стороны изучаемого явления, потому что психологическая классификация, отмеченная на оси ординат, есть классификация качественная. Классифицируя по ней свои переживания, читатель классифицирует свои качества. Чем больше рубрик в этой классификации, тем многостороннее, разнообразнее и тоньше качественное изучение явлений, возбуждаемых в данном читателе данным текстом.

Основную идею специального библио-психологического метода можно пояснить еще следующим образом. Положим, мы желаем изучить влияние на какого-нибудь читателя всем известного лермонтовского стихотворения «Тучки». Исследователь предлагает изучаемому читателю взять карандаш, — лучше всего цветной, и, внимательно прочитав и перечитав это стихотворение, перечеркнуть в нем те слова, какие возбудили в этом читателе в данный момент психические переживания определенно намеченной категории, напр., какие-нибудь образы, — все равно какие, лишь бы это были образы. Для начала исследования, удобнее всего предлагать перечеркиванье именно образов, потому что они представляют собой переживания, осознаваемые легче, чем переживания других категорий. Когда все слова данного текста, какие оказались способными возбудить в данном читателе какой-либо образ, будут перечеркнуты, можно предложить тому же читателю перечеркнуть в том же тексте карандашом другого цвета, все те слова, которые возбуждают, напр., какое-нибудь чувство, эмоцию. После этого можно перейти к пере-

черкиваниям слов, возбуждающих переживания других психических категорий, каких угодно, смотря по тому, что интересует исследователя. Затем этому последнему остается лишь произвести подсчет, сколько перечеркиваний сделано данным читателем в данный момент, в данном тексте по какой психической категории.

Такова самая суть специального библио-психологического метода в его простейшей и неполной форме (метод перечеркиваний). Вдумаемся теперь, что собственно отмечает читатель, делая свои перечеркивания, и что может дать исследователю подсчет этих последних.

Единица библио-психологического подсчета.

С первого взгляда может показаться, что специальный библио-психологический метод сводится к подсчету слов. Действительно, уже не раз ученые психологи, изучая тексты и их типы, прибегали к подсчету слов то эмоционального, то интеллектуального, то разных других типов. Но подсчитывать самые слова может только тот, кто еще не знаком с законом Гумбольдта-Потебни и не понимает кардинального значения этого закона, в силу которого слово имеет только тот смысл, какой ему приписывается читателем или слушателем, с одной стороны, а писателем и оратором — с другой. Специальный библио-психологический метод представляет собой не статистику слов, а статистику психических переживаний, возбуждаемых отдельными словами текста.

Но ведь эти переживания, как мы не раз на это указывали, всегда бывают разными, в зависимости от качественной и количественной стороны мнемы, и не только у разных субъектов, но и у одного и того же субъекта в разные моменты его жизни. Поэтому и подсчет читательских переживаний не может не служить характеристикой, но не текста, а самого читателя этого текста. Иначе говоря, в перечеркиваниях сказывается индивидуальность того лица, на которое данный текст действует. Поэтому, изучая результаты читательских пометок, можно изучать самого читателя. А так как исследователь может предложить читателю перечеркивать слова, возбуждающие переживания любой психической категории, и не только самые общие, но и самые тонкие, то отсюда следует, что специальный библио-психологический метод дает возможность изучать читателей по их реакциям на текст в их даже самых интимных глубинах, а каждого субъекта характеризовать и качественно и количественно путем подсчета этих переживаний, интроспективно осознанных и экстроспективно отмеченных самими читателями.

Посмотрим, теперь, что собственно означает каждое перечеркиванье. Оно означает не только то, что этот читатель понял (хотя и на свой лад) тот или иной смысл перечеркнутого слова, но что он и констатировал, осознал такое свое понимание. Если я перечеркиваю, напр., слово «тучки», потому что оно возбудило во мне образ какого-нибудь облака, это зна-

чит, что я понимаю и сознаю, что слово это действительно возбудило во мне именно образ; это значит, что в данном случае перечеркиванье этого слова представляет собою внешнее проявление констатирования или осознаваемости образов: читатель перечеркнул такое-то слово только потому, что осознал как наличность особого переживания в своем Я, так и некоторые качества этого переживания. В нашем случае таким качеством является то, что оно представляет собою переживание именно образа, а не какого другого психического явления. Подобно этому слово «тучки» может возбуждать психические явления и разных других категорий, напр., чувства, стремления и т. д. Из этого видно, что читатель в разных случаях может осознать разные категории своих психических переживаний, но всегда и во всех случаях самый факт сознательного перечеркивания означает не иное что, как наличность осознаваемости или осознаваемостей. А если это так, то по числу перечеркиваний можно судить не о чем ином, как о числе осознаваемостей, а подсчет перечеркиваний есть не что иное, как подчет осознаваемостей, или читательских констатирований их. Каждая отдельная осознаваемость представляет собою отдельный психический акт, на котором всякий читатель имеет возможность сосредоточить свое внимание и, таким способом, отличить его от других таких же актов сознания. Подобно тому как воспринимаемый текст разделен на отдельные слова, так и восприятие, понимание и осознавание этого текста разделено на ряд актов осознавания. Если читатель, воспринимая текст, сосредоточивает свое внимание на каждом отдельном слове его, то этим самым он уже превращает свое мышление, в той или иной степени, в ряд актов, — в жизненный ряд психических явлений, возбуждаемых данным текстом, ряд, состоящий из отдельных членов, допускающих раздельное их осознавание. Такою раздельностью и обусловливается возможность подсчета осознаваемостей. Читатель, не способный, по складу своей психики, к такому осознаванию реальностей, разумеется, окажется неспособным и к осознаванию своих переживаний. Но даже и этим способом такой читатель все-таки выявит и характеризует свой тип, свою индивидуальность, узнать которую и стремится исследователь. Из предыдущего вытекает, что каждую отдельную осознаваемость можно принять за единицу статистического подсчета, а при помощи такого подсчета характеризовать любую читательскую индивидуальность. Отсюда следует, что специальный библио-психологический метод представляет собой именно статистику читательских осознаваемостей.

А раз это так, то в этой области столь интимного исследования может и должна быть использована научная теория статистики, вплоть до применения теории вероятностей и до формулы Гаусса включительно. Из этого видно, на какой прочный фундамент имеет возможность опереться библио-психология в

своих исследованиях читательства и вообще явлений, лежащих в основе книжного дела.

Но подсчет читательских осознаваемостей, возбуждаемых отдельными словами текста, дает неизмеримо больше того, чем сколько кажется с первого взгляда. И правда, каждая отдельная осознаваемость, как мы уже сказали, представляет собою не иное что, как сложный рефлекс, где воспринимаемое слово текста является раздражителем, вызывающим возбуждение, а читательское перечеркивание — ответом на него со стороны психофизического организма читателя. Между всяким раздражением и ответной реакцией, — чтением слова и перечеркиванием, существует, как мы знаем, функциональная зависимость, а качественный и количественный результат такой реакции зависит от качественной и количественной стороны так возбуждаемой мнемы. Перечеркивание, представляя собой рефлекс, может быть как рефлексом условным, так и безусловным, — оно может быть актом и автоматическим, и импульсивным, и сознательным (волевым), но каким бы оно ни было, тем не менее оно всегда будет характеризовать данного читателя, состояние психики, его вызвавшее, и дальнейшему анализу остается лишь выяснить, какого рода реакции мы имеем перед собою.

И анализ действительно оказывается возможным в данном случае и, как мы ниже увидим, очень тонкий и многоэтажный, начиная с анализа самых грубых и общих внешних проявлений (внешних выразительных движений) и кончая самыми интимными, но всегда опираясь не на голословные рассуждения и соображения исследователя, дающие общие словесные характеристики читателю, а на определенный фактический материал, на «человеческий документ», на подконтрольные показания самого читателя.

Быть может, одна из самых интересных особенностей специального библио-психологического метода состоит в том, что с его помощью может быть в значительной степени характеризовано не только читательское сознание, но и подсознание. Осознавать наличность такого-то переживания — это еще не значит давать себе отчет, п о ч е м у оно появилось. Уже один тот факт, что всякий читатель делает свои пометки иной раз рефлективно и автоматично, показывает, что эти его пометки характеризуют не только сознание, которое, как известно, в рефлективных и автоматических актах не участвует как причина, хотя и может участвовать как сопутствующее явление (эпифеномен), — мы осознаем ведь и свои автоматические и рефлективные акты, по большей части, после или во время их совершения. Кроме того, подсознание еще иначе участвует в делании пометок: оно является как бы суфлером, подсказывающим, что̀ именно перечеркнуть, а что̀ нет, — хотя и без объяснения причин, почему так надо или не надо сделать. Пометками руководит из подсознания целый ряд нами уже рассмотренных явлений, каковы, напр., апперцепция (предвзятость), инстинкты и вообще неосознанные стремле-

ния, для которых-то и характерно, что они не доходят до сознания: в нашем случае они до него доходят лишь в виде акта перечеркивания. Читатель знает и сознает, что он перечеркивает такое слово потому, что оно возбуждает в нем, напр., такое-то чувство, но это его осознаваемость — вовсе не то, что осознаваемость того комплекса, гнездящегося где-то в подсознании, который приводит к деланию пометок. Но, вдумываясь в читательские пометки и прилагая к ним свой психоанализ, исследователь открывает таким путем целый ряд проявлений читательского подсознания, проникая иной раз до поразительной глубины. Этими своими пометками, читатель раскрывает тайны своего подсознания, сам того не замечая и не сознавая, а исследователю лишь остается научно, объективно и беспристрастно расшифровывать таинственные письмена читательских пометок. Для успеха такой работы исследователь, как мы о том уже говорили, должен испробовать данный метод прежде всего на самом себе и изучить, с его помощью, самого себя, и только затем переходить к исследованию читателей.

Внушение и самовнушение в процессе чтения.

С точки зрения расшифровывания читательских пометок является особенно интересным изучение процессов внушения и самовнушения, принимающих здесь очень деятельное участие. Как известно, каждое читаемое или слышимое слово является источником как внушений, так и самовнушений, причем в процессе чтения или слушания внушение переходит в самовнушение, вследствие чего и внедряется в мнему некоторая посторонняя сила. Воспринимаемое слово является причиной внушения лишь постольку, поскольку читатель приписывает ему какой-либо смысл. Но этот якобы «внешний источник», превращаясь в мнеме данного читателя в определенный комплекс уже имеющихся в ней психических элементов, в сущности представляет собой силу внутреннего (мнематического) происхождения. Так возникшая мнематическая энграмма, в свою очередь, закрепляется и, при наличности некоторых обстоятельств, может экфорировать разные психические переживания в других комплексах той же мнемы, а это экфорирование является ответной реакцией ее на внушение. Такую реакцию и следует называть самовнушением. В объективировании внушения принимает участие и социальная мнема данного читателя, заставляющая его приписывать воспринимаемому слову более или менее тот же смысл, какой ему обыкновенно приписывается в той социальной среде, где жил или живет читатель. Перечеркивание, обозначающее собой единицу осознаваемости, является характеристикой результатов как внушения, так и самовнушения. Библио-психолог, в том случае, если в его распоряжении имеется достаточно большое число читательских показаний, как мы увидим ниже, получает возможность отделить для каждого слова элементы мнемы социальной (внушения) от элементов мнемы индивидуальной (самовнушения), а таким способом, опираясь на человече-

ские документы, изучать не только сознание читателя, но и его подсознание.

Читательские пометки и их изучение.

Так как без ясного понимания самого принципа специального библио-психологического метода не может быть понято и все то, что будет изложено в этой и последующих главах нашего труда, постараемся иллюстрировать все сказанное в предыдущем параграфе более конкретными примерами. Берем с этой целью те же «Тучки» Лермонтова. Это стихотворение состоит из 64 слов, связанных в одно единое целое при помощи различных грамматических, логических и психологических отношений. Исследователь очень определенно ставит читателю вопрос: «Возбуждает или не возбуждает в вас такое-то слово текста, напр., какой-нибудь умственный образ: да или нет? Если да, то перечеркните слово; если нет, — не перечеркивайте его, а переходите к следующему слову текста и там сделайте то же самое, но всегда обращая главное свое внимание не на самое слово, а на самого себя, на свои субъективные переживания, какими бы они ни были». При этом не надо забывать ни на минуту, что читатель, делая свои пометки, отнюдь не должен подражать другим читателям того же стихотворения: каков он есть, таков и есть, таким и желательно изучать его в процессе чтения данного текста. Образ может быть вызван в читателе любым словом текста. Даже такими, как, напр., предлоги «в», «из» и т.д. Нам не раз приходилось встречать таких читателей, которые искренно свидетельствовали, что при восприятии этих предлогов они мысленно видели что-нибудь движущееся, — образ движения. Всякая необычность читательских пометок не менее характерна, чем их обычность, шаблонность и подражательность, лишь бы читатель был искренен и правдив в своих показаниях. Но для специального библио-психологического метода характерно, что даже и неискренность, лживость, надуманность и подражательность читателя, делающего свои пометки, даже все это, как будто удаляющее исследователя от истины, на самом деле не удаляет его от нее: читатель-лжец, читатель-рисующийся, читатель-истерик, любитель «фокусничать» тем не менее раскрывает свой тип, свою природу, свою индивидуальность, как он ни давай своих показаний, лишь бы в распоряжении у исследователя оказалось достаточное количество их. При методе пометок происходит по существу то же самое, что при методе, практикуемом С. Фрейдом. В нашей практике был такой случай: весьма довольный собой и вечно «интересничавший» субъект пробовал было намеренно искажать свои показания непомерно своеобразными пометками, якобы оригинальными. Тем не менее, проставив две-три тысячи таких пометок, он этим все-таки выявил свой настоящий тип, который и в этом случае оказался тем же самым, какой был им же выявлен, когда он делал показания, не искажая их намеренно. Понять такой факт вовсе нетрудно, зная самую суть закона больших чисел: специальный библио-

психологический метод позволяет утилизировать этот закон в целях изучения читателя путем анализа его осознаваемостей. Единственно, что здесь необходимо для статистического выявления истины, это чтобы число читательских пометок было возможно больше. Ниже мы увидим, что отнюдь не следует смешивать числа пометок с числом слов текста-реактива. Мы здесь говорим только о числе пометок.

Восемь главных категорий психических переживаний читателя.

Присмотримся к читателю, который перечеркивает в тексте «Тучек» все слова, какие в нем возбуждают переживания какого-нибудь образа.[1] Положим, что у данного читателя в данный момент его жизни были экфорированы образы следующими словами текста: 1. словом «тучки» (образ, воспоминание о какой-нибудь, когда-то виденной тучке или родовой образ тучки вообще); 2. словом «небесный» (образ небесного свода); 3. «степью» — картина степи; 4. «лазурною»; 5. «цепью»; 6. «жемчужною»; 7. «мчитесь»; 8. «я» (свой собственный образ или образ-портрет Лермонтова); 9. «нивы»; 10. «бесплодные»; 11. «родина». Этот же самый читатель в другой момент жизни перечеркнет наверное не все эти слова, но, надо полагать, какие-нибудь другие, которые станут возбуждать в нем образы в тот момент. Вышеперечисленные слова, если они встретятся тому же читателю в каких-нибудь других текстах, быть может, тоже не вызовут никаких образов. Из этого примера видно, что библио-психолог подсчитывает не слова текста, а переживания читателя. Из того же примера видно еще и то, что образ может быть вызван самыми разнообразными частями речи: иной раз — существительным, в другой раз — прилагательным, иногда — местоимением, наречием и даже предлогом? Здесь перед нами новая особенность библио-психологического подхода к изучению читателя: библио-психолог не обращает внимания на то, к какой части речи относится слово, возбудившее переживание данной категории, — для библио-психолога важно самое переживание, а также та категория, к какой отнесено слово. Из этого видно, что тем более нельзя смешивать анализ библио-психологический с этимологическим. То же надо сказать и об анализе синтаксическом, а значит, и вообще грамматическом. То же и об анализе логическом.

Подобно перечеркиванию слов, возбуждающих образы, читатель может в том же тексте перечеркнуть все слова, возбуждающие в нем какое-либо чувство, эмоцию, аффект, страсть и т. п. Ради удобства подсчета, лучше сделать перечеркивания, харак-

[1] Вот текст «Тучек»: «Тучки небесные, вечные странники. Степью лазурною, цепью жемчужною мчитесь вы, будто как я же, изгнанники с милого севера в сторону южную. Кто же вас гонит: судьбы ли решение? Зависть ли тайная? Злоба ль открытая? Или на вас тяготит преступление? Или друзей клевета ядовитая? Нет, вам наскучили нивы бесплодные... Чужды вам страсти и чужды страдания. Вечно холодные, вечно свободные, нет у вас родины, нет вам изгнания».

теризующие читательские переживания другой психической категории, при помощи карандаша другого цвета. Положим, для примера, что следующие слова «Тучек» возбуждают в данном читателе ту или иную эмоцию: 1. слово «тучки» — эмоцию красоты; 2. «небесные» — космическое чувство; 3. «вечные» — тоже космическое чувство; 4. «степью» — чувство свободы; 5. «изгнанники» — чувство жалости; 6. «милый» — чувство любви или умиления; 7. «гонит» — чувство злобы; 8. «зависть» — чувство зависти (воспоминание об этом старом чувстве, когда-то пережитом самим читателем); 9. «клевета» — чувство негодования против клеветы; 10. «наскучили» — чувство скуки и утомления; 11. «нивы» — чувство грусти; 12. «бесплодные» — чувство сожаления. Такие слова, как «страсти», «страдания», «свободные», «родины» и т. д., тоже возбуждают в читателе то ту, то другую эмоцию, то несколько эмоций сразу. Таким образом поддаются подсчету осознаваемости разных эмоций, виды и разновидности которых еще более многочисленны и разнообразны, чем образов. Если назвать осознаваемость образов буквой О, то осознаваемость эмоций (чувств, аффектов, настроений, страстей) можно обозначить буквой Э. Так как эта категория психических переживаний бесконечно разнообразна, то можно выделить в особую категорию — эмоции низшие, так наз., органические чувства, к которым относятся, напр., такие, как чувство голода, жажды, сон и т. п. Эту категорию низших органических чувств можно обозначить буквами Ор. Мы знаем, что Э и Ор принадлежат к иррациональным переживаниям нашего Я. Таким образом, изучению по специальному библио-психологическому методу поддаются не только переживания рациональные, напр., образы, но и иррациональные.

Некоторые слова текста заставляют читателя вновь пережить интроспективно то или другое о щ у щ е н и е, т. е. не весь образ целиком, а лишь какой-нибудь о д и н элемент, абстрагированный из совокупности элементов. Так напр., слово «тучки» экфорирует во мне ощущение чего-то белого. Это ощущение, точнее говоря, воспоминание ощущения белого цвета, представляет собой один из элементов образа тучек. Подобно этому слова «небесные», «лазурные» экфорируют ощущение цвета голубого. Слово «степь» может экфорировать ощущение слуховое, напр., воспоминание о шуршании степной травы. Слово «север» экфорирует во мне тоже слуховое ощущение — свиста северного ветра. Даже такое слово, как «клевета», может экфорировать ощущение разговорного шума, шушукания. Такие слова, как «странники», «мчитесь», могут экфорировать ощущения мышечные, моторные и т. д. Не всякий человек способен выделять то или иное ощущение из целостного образа, поэтому такое выделение характеризует способность данного читателя к абстрагированию, к отвлечению, анализу. Осознание ощущений, экфорируемых словами, представляет собой новую категорию осознаваемостей, которые можно обозначить буквами Ощ.

Подобным же способом могут быть изучаемы осознаваемости и концептов, или понятий. В данном случае мы говорим о них не в логическом, а в психологическом смысле слова. Понятие, с точки зрения психологии, представляет собою особую категорию психических переживаний. Эта категория примыкает к другим двум тоже интеллектуального типа, — ощущениям и образам. Между самым отвлеченным понятием и самым конкретным ощущением и образом существует в нашем Я целый ряд переходных ступеней. Наука изучает и явления такого перехода. Тем не менее, раз оторвавшись от реальности и от комплекса первоначальных энграмм, ею произведенных, мы переживаем понятие иначе, чем образ и ощущение. Этим и объясняется необходимость отвести переживаниям понятий особую рубрику в нашей классификации психических явлений.

Многие слова текста, действующего на читателя, переживаются им как понятия более или менее отвлеченные. Читатель абстрактного типа переживает, напр., слова «пять», «у», «больше», «кто», «вверх», «был», «есть» и т. д. Читатель может переживать понятие как особую психическую категорию, независимо от переживания образов, ощущений, эмоций и т. д. Один читатель «Тучек» переживал следующие слова в тексте этого стихотворения как понятие: «будто», «как», «же», «сторона», «в», «с», «клевета», «север», «вечные». Таким образом, переживание понятий представляет собой особую категорию, которую мы можем обозначить буквою П.

Слова текста могут экфорировать и разного рода переживания волевого характера (хотения, стремления, желания, воления, усилия и т. п.). Напр., слова «странники», «мчитесь» вызывают в читателе стремление куда-то вдаль. Слово «свобода» пробуждает желание иметь ее. Слова «север», «родина» возбуждают стремление к родным местам. Слово «гонит» — жажду борьбы с теми, кто гонит. Слово «судьба» — чувство усилия, наткнувшегося на препятствие. Здесь перед нами новая категория психических переживаний, которую можно обозначить буквою С (стремление).

Некоторые слова возбуждают в читателе не только переживания волевого типа, — они экфорируют энграммы когда-то испытанных переживаний самых действий, — деятельности, движений, вообще активность. «Иногда мы ловим себя на том, говорит Джемс Селли, что, слушая живое описание борьбы, мы сами двигаем рукой. Это движение столь же непроизвольно, как и подражательное, которому оно, конечно, родственно. В нем не участвует ни желание, ни представление о какой-нибудь цели; весь процесс состоит только в возбуждении представлений о движении в особенно энергичной форме». Личное внушение заключается по существу в том, что в инертный ум данного лица (в его мнему) вкладывается представление (энграмма) о том или ином движении, которое тотчас же и выполняется. Если такой прием, как команда учителя гимнастики: «смирно» или «марш»,

тотчас же дает желаемый результат, — даже это объясняется, в некоторой степени, тем фактом, что энергично возбуждаемые двигательные представления имеют тенденцию переходить в настоящие движения. Переживание действий и движений бывает у иных читателей очень ярким, особенно у таких субъектов, которые более или менее легко поддаются внушениям и переводят эти последние в самовнушения. Положим, что в «Тучках» какой-либо читатель очень ярко пережил воспоминание движения или самое движение под влиянием таких слов, как «странники», «мчитесь». Есть читатели, которые переживают под влиянием тех же слов не только образ движения, не только чувство, сопровождающее его, но и невидимые мышечные сокращения, которые и ощущаются ими. Они испытывают самые движения, хотя и невидимые извне (внутренняя мимика и пантомимика). Всякая идея, представление, образ есть действие в зародыше. Идея о движении есть уже движение. Читая описание действий, мы испытываем внутренние органические ощущения, органом которых является двигательный аппарат тела, мышцы, сухожилия, суставы (ощущения кинэстетические). Мы чувствуем иногда, как бьется наше сердце. У слепых кинэстетические переживания слабее. У глухонемых, напротив, преобладают моторные представления жестов. Люди труда и вообще деятельные люди не любят читать романов с описаниями созерцаний, размышлений, самоанализов. Люди этого типа, по тем же психо-физическим причинам, любят романы действий и целыми толпами бегут смотреть на борьбу чемпионов — борцов: им приятны кинестетические переживания, и они их ищут. Этим объясняется успех бульварных романов, где без всякого анализа описываются действия и действия. Читая о действиях, мы мысленно проделываем самые действия. Мышечные сокращения приходят сами собою, рефлективно, как третья фаза реакции. Мы способны осознавать наши идео-моторные переживания. Читая описание пассивности, мы тоже как бы ощущаем ее. Читая о борьбе, мы мысленно боремся. Описание бега заставляет нас переживать его. То же переживание возбуждается в меньшей степени словами «бег», «борьба» и т. п. У людей моторного типа образ всякого слова есть образ двигательный: он представляется как движение мышц голосового аппарата. В нашей психической жизни двигательные образы играют чрезвычайно видную роль, а при мышлении в виде слов (значит и при чтении) участие этих образов, надо полагать, всегда необходимо, если только мы активно относимся к мысли. К кинэстетическим переживаниям относятся напр. такие, как переживание мышечного тонуса, напряженности, утомления, движения, тяжести, противодействия и т. п. Со словами, которыми обозначаются такие переживания, ассоциируется в течение нашей жизни кинэстетический импульс, который и может вызвать движение. Осознаваемость действий и движения можно обозначить буквой Д (движения).

Встречаются, наконец, и такие слова, которые возбуждают

инстинкты. В этом нетрудно убедиться на примере слов, возбуждающих инстинкт половой, стадный, воинственный, инстинкт самосохранения и т. д. Есть читатели, в которых разные инстинкты экфорируются такими словами, как напр., «цепью», «вы», «мчитесь». Они возбуждают в читателе то смутное, инстинктивное влечение, какое дает себя знать, напр., при всяком передвижении масс: если описание массового передвижения тучек напомнит какому-нибудь читателю о стадном инстинкте, обусловливающем такое передвижение, это уже значит, что переживание инстинкта экфорировано. Осознавание инстинктов затрудняется в нас тем, что мы обыкновенно переживаем их не как таковые, а как чувства, эмоции, аффекты, страсти (напр., инстинкт половой), как стремления или вожделения (напр. инстинкт стадный). Переживания, осознанные каким-либо читателем как инстинкты, мы будем обозначать буквою И (инстинкты).

Таким образом, мы имеем различные осознаваемости, обусловленные словами текста как раздражителями-возбудителями, экфорирующими разные психические переживания. Мы дали здесь обзор главнейших восьми категорий их, а именно осознаваемости: понятий (П), образов (О), ощущений (Ощ), эмоций (Э), органических чувств (Ор), стремлений и хотений (С), действий (Д), инстинктов (И). Ниже мы увидим, что эти восемь категорий играют главную роль в читательских переживаниях, и потому мы будем называть их в дальнейшем нашем изложении главными библио-психологическими категориями.

Из вышесказанного видно, что любой читатель, при чтении любого текста, путем простых перечеркиваний воспринимаемых слов, имеет возможность статистически изучать число своих переживаний по каждой из этих 8 категорий. Само собой понятно, что подсчет переживаний должен вестись отдельно по каждой категории: нельзя складывать число осознаваний П(понятий) с числом О(образов) или Э(эмоций) и т. д. Итоги по каждому из восьми основных отделов должны быть подводимы особо. Они-то, как мы уже знаем, и определяют данного читателя, характеризуя его цифрами, которые показывают относительное преобладание у него осознаваемостей той или иной категории. Около каждой буквы, обозначающей категорию, можно помечать число осознаваемостей, соответственно относящееся к каждой категории. Характеристика читателя путем обозначения категорий и числа осознаваемостей будет в таком случае и количественной и качественной одновременно. Если расположить категории по нисходящим или восходящим числам осознаваемостей, то мы получим, таким образом, характеристику данного читателя по преобладанию у него переживаний той или иной категории при чтении данного текста-реактива, т. е. по относительной легкости возбуждения различных переживаний. Это можно выразить так: П 28 > О 19 > Э 14 > С 12 > Д 10 > Ощ 7 > Ор 6 > И 4.

Цифры приведены здесь для примера, так как числа осознава-

мостей, при исследовании разных субъектов, всегда получаются различные, а потому и порядок, в каком придется распределять по восходящим или нисходящим степеням все восемь категорий главных осознаваемостей, тоже изменяется в зависимости от качественной и количественной стороны мнемы изучаемых субъектов. Так удовлетворяется одна из самых важных потребностей книжного дела: определение психического типа читателей.

Но ведь одно и то же слово, как мы уже заметили, может экфорировать не по одному, а по нескольку самых разнообразных переживаний, которые осознаются читателем тоже очень разнообразно, иной раз многочисленными группами. Так напр., слово «тучки» экфорирует в таком-то читателе и понятие о «тучке» вообще (П), и образ тучки (О), и ощущение белого цвета (Ощ), и эмоцию красоты (Э), и стремление подняться над землей высоко-высоко (С), и мысленное переживание полета (Д). Лишь в редких случаях слово возбуждает в психике читателя переживание какой-либо одной категории, напр., слово «у» возбуждает лишь переживание понятия (отношение места). Тот факт, что читатель отмечает свои переживания целыми аккордами, показывает, что число точек всегда превышает число слов в тексте-реактиве. Подсчитывается, разумеется, все, что дошло до читательского сознания.

Исследовать число своих осознаваемостей по каждой психической катетории в процессе чтения — это значит исследовать себя как читателя, приняв данный текст за реактив. Тот же текст может служить реактивом и на чужие Я.

Детальное исследование по специальному библио-психологическому методу можно вести как угодно глубоко. Так как понятия, образы и все другие переживания весьма различны, то каждая из 8 главных психических категорий может быть подразделяема на отделы, подотделы и на рубрики еще более детальные. От исследователя зависит, в какой мере сочтет он полезным в своих целях детализировать изучение читателя. Но не только от исследователя, а и от исследуемого.

Тождество понимания терминов.

Из закона Гумбольдта-Потебни логически следует, что для успешности исследования необходимо прежде всего, чтобы и исследуемый, и исследователь понимали все термины классификации одинаково. Если тот и другой станут употреблять термины анкеты или опроса в разных смыслах, этим уже сильно затруднится тождественность обоюдного понимания. Обыкновенно при опросах и анкетах исследователь не принимает в расчет ни своего собственного личного уравнения, ни уравнения того субъекта, которого он исследует. Библио-психолог, напротив, с этого-то и начинает. Он делает прежде всего поправку на самого себя, а вместе с тем, приняв себя за единицу сравнения, старается определить психический тип исследуемого субъекта. Чем тоньше и детальнее исследование, тем необходимее поправка на исследуемого и исследователя, потому что тем больше вероятность, что одно и то же

слово как в вопросе, так и в ответе понимаются не одинаково. Поэтому первым, весьма существенным требованием является следующее: все термины, все слова вопросника должны быть понимаемы и исследователем, и исследуемым одинаково. Мы видели, что по закону Р. Семона и И. Тэна сходство пониманий, т. е. психических переживаний, возбуждаемых в двух разных мнемах одним и тем же словом, обусловлено сходством мнем. Одинаковость переживания таких психических явлений, какие соответствуют терминам «понятие», «образ», «эмоция», «хотение», «ощущение», «инстинкт» и т. д., обусловлена главным образом мнемою наследственною, сходством психо-физических организмов. На это сходство и должен опереться исследователь, выбирая слова для своих объяснений всех этих терминов. Но так как сходство понимания не легко установить, то объяснение терминов должно сопровождаться проверкою. Неопытный исследователь спрашивает, напр., исследуемого: «Что оживляет в вас слово «тучки»? Обращаться с таким вопросом к читателю недостаточно культурному (или иной социальной мнемы) просто-таки нелепо: слово «оживлять» — это значит: делать или «более живым» или «вновь живым». Может быть неодинаково понимаемо и слово «возбуждать», и слово «переживание», и термины «образ», «представление», «понятие» и т. д. Исследователь не должен довольствоваться краткими и мимолетными объяснениями, а тем более дефинициями (определениями) таких терминов. Он не должен жалеть своего времени, чтобы добиться проверенной тождественности их понимания, согласно тому, что нами было сказано в предыдущих главах этого труда. А добиться этого тем труднее, чем менее культурен исследуемый читатель и чем тоньше исследование. Нам известны случаи, что малокультурный читатель понимал слово «образ» в смысле «иконы», а слово «представление» в смысле «театрального представления». Даже читатели культурные смешивают термины «ощущаю» и «чувствую» (ощущение и чувство). Стоит лишь присмотреться к текстам и формулам вопроса, печатаемым в разных анкетах, чтобы убедиться, до какой степени нецелесообразно они формулируются. С библио-психологической точки зрения необходима совершенно иная постановка дела, — необходима проверка тождественности понимания по крайней мере восьми главных терминов. Опытный библио-психолог, разумеется, сможет обойтись в своих исследованиях даже вовсе без всяких терминов.

С другой стороны, отнюдь не следует смешивать библио-психологического отождествления психических переживаний, достигаемого по закону И. Тэна, с тем подлаживанием под чужую этимологию и синтаксис, к какому нередко прибегают многие педагоги. Отождествление, о котором мы говорим, есть отождествление психологическое, а не филологическое.

Все сказанное в предыдущих параграфах этой главы мы и кладем в основу специального библио-психологического метода, сводящегося к статистике читательских осознаваемостей, которые мы и принимаем за единицу подсчета.

Переходим теперь к выяснению некоторых деталей этого метода, без знакомства с которыми не может быть понято и его применение к теории и практике книжного дела.

Прежде всего, приложим ли специальный библио-психологический метод к исследованию разговора и вообще устной речи? Разумеется, да, так как современная наука и техника дают этому возможность. При помощи граммофонов может быть записываема и устная речь. Существуют приспособления, благодаря которым пластинки граммофона могут быть останавливаемы в любой момент речи, а вращаемы с любой скоростью (дактилофоны). Записывая разговор при помощи дактилофона, вполне возможно выяснить затем и библио-психологические коэффициенты слов, произносимых с определенной интонацией и ударениями. Это доступно уже и в настоящее время. Мы думаем, что недалеки и те времена, когда библио-психологический метод исследования фонографированных речей, даже передаваемых путем беспроволочного телефона, войдет во всеобщее употребление, станет обычным, и по такому методу будут изучаться и парламентские прения, и интервью, и митинговые речи и т. д.

Специальный библио-психологический метод в его применении к исследованию социального коллектива и индивида.

На предыдущих страницах мы объяснили основную идею специального библио-психологического метода. Теперь мы должны показать, что применение его не так сложно, а его результаты не так элементарны и грубы, как это может показаться на первый взгляд.

Для практического применения специального библио-психологического метода необходимы: 1. Классификация психических явлений, соответствующая целям исследования. 2. Текст-реактив. 3. Уменье распределять свои переживания по различным рубрикам данной классификации в процессе чтения данного текста. На этих трех вопросах необходимо остановиться.

Классификация психических явлений применительно к библио-психологическим целям. Прежде всего не будем смешивать специальной библио-психологической классификации с общей классификацией психических явлений. У той и у другой разные цели. Первая составляется применительно к исследованию психических явлений только в области книжного дела. Цели второй более обширны, и в нее входят и объекты, и явления, к книжному делу не относящиеся, напр., из области психологии зоологической, патологической и т. п. Библио-психолог хотя и пользуется в своих исследованиях данными патологической и зоологической психологии, но ни дементов, ни низших животных не исследует. Читатель и писатель — люди, но человек еще не значит читатель: объем понятия «человек» шире, а содержание этого понятия уже. Кроме того, библио-психологическая классификация более прикладного характера, чем общая психологическая: первая необходима для исследований, ставящих определенные практические цели (см. главу I). Теоретическая научная классификация не приспособляется к объекту:

это дело исследователя приспособляться к нему. Библио-психологическая классификация, напротив, должна приспособиться к объекту, чтобы получать необходимые сведения, добываемые путем его хотя и подконтрольной интроспекции.

Такое приспособление библио-психологической классификации приводит к необходимости иметь не одну, а несколько их, даже много, и к тому же более или менее различных. И не только в зависимости от объекта, но и от целей исследования: одно дело — исследовать читательство, и совсем другое дело — исследовать авторство, и опять-таки иное дело исследовать библиотекаря, книгопродавца и т. д., и вообще ориентироваться в работоспособности и работе, и опять-таки совсем иное дело — исследовать способность той или иной книги возбуждать те или иные психические явления.

С первого взгляда может показаться, что по библио-психологической классификации изучается только индивидуальный читатель, не массовой, и что библио-психологический подход к изучению читателя — подход индивидуалистический. Так понимать этот подход — это то же, что вовсе не понимать самой сути библиопсихологии, цели которой — определенно социальные (см. главу I). Задача всякой библио-психологической классификации психических явлений состоит в том, чтобы детально исследовать: 1. Психические переживания социального коллектива, поскольку они выражаются в печатном, рукописном и устном слове. 2. Зависимость этих коллективных переживаний от социальных (экономических, политических и др.) особенностей и вообще структуры данного коллектива, накладывающих свою печать на каждую общественную группу, входящую в его состав, и на каждого индивида данной группы. 3. Особенности разных индивидов и их зависимость от особенностей коллектива.

Библио-психологические классификации психических явлений надо составлять так, чтобы ответы возможно многочисленных читателей на них позволили исследователю выяснять на примерах внимательно, детально и разносторонне изученных индивидов как самый процесс влияния социального коллектива на них, так и результат этого процесса. Индивидуальное изучение при этом должно быть орудием не иначе, как социального исследования, потому что только таким путем анализ личности даст возможность исследователю делать выводы массового характера. Изучение индивида при помощи тех классификаций, о каких сейчас будет итти речь, должно быть производимо не для изучения индивидуальностей только, а для выяснения психического облика коллектива. Мы уже сказали, что средний читатель, характеризуемый библио-психологическими коэффициентами, есть не что иное, как читающий коллектив, характеризованный массовым образом, в виде среднего уровня читающей массы в этом коллективе. По библио-психологическому методу, средний читатель (читающий коллектив) может быть характеризован по очень многим категориям психических явлений (от 8 до нескольких

сот), и каждый такой коэффициент будет выражать собою степень возбудимости (экфорирования) в этом социальном коллективе тех психических явлений, к каким данный коэффициент относится. Так напр., если мы выяснили при помощи библио-психологического метода, что средний читатель, характеризующий данный коллектив, имеет коэффициент Э больше, чем П, это значит, что большинство индивидов этого коллектива эмоционального типа. Эта особенность естественно не может не отражаться на выборе профессии, на принадлежности к тому или иному течению общественной мысли, на распределении отдельных индивидов по партиям, на их партийности или беспартийности, на их группировках общественных, религиозных, научных, литературных, философских и т. д. Если в отделе П более частные коэффициенты среднего читателя данного коллектива показывают, что коэффициент, напр., категории времени больше, чем коэффициент категории пространства, это значит, что большинство членов этого коллектива мыслит в терминах времени (диалектически и эволюционно), т. е. в последовательности явлений, а не в терминах пространства, т. е. сосуществования. Эти, повидимому, индивидуальные черты на самом деле социальны, так как ими обусловливаются самые разнообразные группировки и перегруппировки индивидов в коллективах. Разумеется, каждый коэффициент как всякий индуктивный вывод с наибольшой вероятностью приложим, как известно из логики, только к той читающей массе, путем исследования которой он получен. Обобщать индуктивные выводы можно не иначе, как сопровождая их проверками. Так как коэффициенты среднего читателя выясняются путем экспериментального исследования некоторой группы читателей индивидуальных, это значит, что, не исследуя этих последних, мы не имеем возможности определить и коэффициентов, характеризующих коллектив. Теория статистики, опираясь на закон больших чисел, дает указания, какое количество индивидуальных исследований необходимо для получения коэффициентов, характеризующих коллектив. Из вышесказанного видно, почему мы считаем классификацию психических явлений, переживаемых индивидуально, единственно правильным путем к исследованию коллектива.

Приведем еще два примера для пояснения самой цели библио-психологической классификации: А — так наз. профессиональную ориентацию; Б — исследование читательских интересов.

А. Профессиональная ориентация определяет место индивида в рабочем коллективе и максимально выгодную утилизацию всех сил и способностей личности. Библио-психологическая классификация представляет своеобразный тест, при помощи которого получается возможность очень детально и тонко судить об интеллектуальной пригодности или непригодности индивида к той или иной профессии. Употребляя терминологию проф. Пиорковского, библио-психологический метод дает полную возможность отсортовывать людей низших (неквалифицированных) профессий от спе-

циализированных, индустриальных, средних и высших, или, употребляя классификацию Липпмана, этот метод позволяет отсортовывать людей, подходящих к «профессиям познавательным», от людей, подходящих к «профессиям техническим» или «профессиям символизирующим» (артистическим). Библио-психологический метод дает возможность определять и процент лиц всех этих профессиональных типов в составе данного социального коллектива (см. главу V). Здесь опять-таки необходима библио-психологическая классификация психических явлений, так как, вдумываясь в читательские пометки, мы выясняем себе не только личность отдельного работника, но и социальный (в нашем случае профессиональный) тип его. Подобно этому, мы можем выяснять при помощи той же классификации и типы классовые, национальные и т. д.

Б. Скажем теперь два слова об интересах и об изучении читательских интересов. Об этом термине «интерес» написаны груды исследований и, несмотря на это, термин этот до сих пор не определен с точностью. Каждый автор понимает его по-своему и, согласно с законом Гумбольдта-Потебни, слова каждого автора тоже понимаются по-разному. Не определив, что такое интерес, нет возможности и исследовать интересы объективно. С библио-психологической точки зрения, исследование интереса сводится к относительно легкой возбудимости: а) отдельных психических явлений; б) всякого рода комплексов их. Каждый «интерес» есть не иное что, как такой комплекс. Поэтому изучать в читателе, какие именно психические явления возбуждаются в нем наиболее легко, быстро и интенсивно и в каких сочетаниях или группировках они встречаются — это и значит изучать его интересы. Ниже мы покажем, как выражаются в читательских пометках классовые интересы рабочего и капиталиста. Пометки читателя ярко характеризуют установку читательского внимания, — партийного, классового, сословного, национального, религиозного и т. д. Подобно этому, можно выразить коэффициентами же любой интерес любого читателя, а значит и читателя среднего. Получается возможность классифицировать читателей и по их интересам, приняв за принцип классификации группу читательских комплексов («интересов»), какую признает наиболее важною данный исследователь. Отсюда опять-таки необходимость в библио-психологических классификациях.

Из всего сказанного следует, что с помощью этих классификаций может быть изучаем по библио-психологическому методу не только индивид, но и коллектив. Исследователь должен научиться пользоваться этим методом в обоих этих направлениях.

Что такое тип. В теснейшей связи с понятиями «среднего читателя «профессионала», и их интересов находится понятие т и п а — психического и социального. Под этим термином «тип» отнюдь не следует понимать нечто статическое и раз навсегда кристаллизовавшееся. Всякий тип определяется некоторою совокупностью наиболее легко экфорируемых в нем

психических переживаний и групп этих последних. Число возможных типов определяется числом возможных комбинаций этих переживаний. Источниками их, как мы видели, являются, во-первых, наследственность (мнема наследственная, физическая природа человека), во-вторых, социальная среда (социальная мнема, социальный опыт человечества), в-третьих, личный опыт индивида (мнема индивидуальная). Таким образом, все типы как социальные, так и индивидуальные, могут быть классифицированы по комплексам наследственной, социальной и индивидуальной мнемы.

И правда, преобладание осознаваемостей есть вместе с тем преобладание переживаний, доходящих до сознания данного субъекта. Каждое такое преобладание является доказательством наиболее часто у него встречающихся, т. е. наиболее легко возбудимых явлений, обусловленных качественной и количественной стороной данной мнемы. Относительно частая повторяемость психических переживаний нередко называется «наклонностью» или «склонностью» и справедливо считается типичною для данного субъекта. Классифицировать людей по их психическим типам — это значит выяснять, какие именно переживания повторяются у них относительно часто. Таким образом, учение о повторяющихся осознаваемостях приводит нас к классификации людей по их переживаниям. Разумеется, понятие психического или социального типа не следует смешивать с понятием эталона, так как этот последний характеризует средний уровень осознаваемости, а коэффициенты типа характеризуют наиболее легкую оживаемость и относительную повторяемость.

Предварительные замечания о библио-психологической классификации переживаний.

Секция библиологической психологии выработала целый ряд классификаций психических явлений. Во-первых, общих, во-вторых, специальных. За недостатком места, мы будем говорить только о первых.

Простейшею и основною из этих классификаций является та, с которою мы познакомили выше. Она состоит только из 8 категорий психических явлений, играющих в процессе чтения первостепенную роль. Здесь нельзя не обратить внимания на следующее:

1. Восемь главных психических категорий этой самой краткой классификации (П, О, Ощ, Э, Ор, И, С, Д) настолько характерны, что даже при малом знакомстве читателя с научной психологией ему довольно легко различать все эти категории. Если некоторые, напр., И и Ор, и будут смешаны, это, при их отдельном рассмотрении, нисколько не повредит точной характеристике данного читателя, делаемой на основании его субъективных показаний.

2. Все восемь категорий известны каждому из нас по нашим непосредственным переживаниям, и названия, их обозначающие, могут быть выражаемы словами средней социальной мнемы того коллектива, в составе которого мы находимся.

3. Восемь категорий, принятые нами в качестве основных, дают возможность классифицировать всех читателей по относительному преобладанию той или иной из них. Преобладание П будет характеризовать, в таком случае, читателей отвлеченного типа, преобладание О — читателей типа конкретного, преобладание Э — типа эмоционального, преобладание Д — активного и т. д. Преобладание может наблюдаться сразу по двум или трем из этих восьми категорий.

В библио-психологическую классификацию должны быть введены такие рубрики, каких не имеется в общей психологической классификации. Такова, напр., рубрика *непонятных слов*. Есть несколько категорий этих последних.

Во-первых, те слова, которые *кажутся* понятными, а на самом деле непонятны, так как читатель относит их смысл не к тем первоначальным энграммам, которыми эти слова должны бы быть осмысливаемы. 14 декабря 1824 года слово «конституция» было понято некоторыми восставшими солдатами и толпой в смысле «Констанции», а это имя было неправильно приурочено к жене в. к. Константина Павловича. Кричавшим оно казалось понятным. Если бы мы исследовали этих кричавших по библио-психологическому методу, их такое понимание слова «конституция» обнаружилось бы: они сами вскрыли бы такой его смысл своими пометками около этого слова. Изучение пометок познакомило бы нас с психологией кричавших и показало бы неправильность их понимания, а это послужило бы характеристикой их социальной и индивидуальной мнемы. Здесь перед нами пример неправильного понимания.

Во-вторых, слова, которые *кажутся* не вполне понятными. Иногда слово понимается правильно, но не точно, потому что экфорирует в данном субъекте не только энграммы первоначальные, но и целый ряд энграмм мнематических, в результате чего получается аккорд, очень мало соответствующий реальности. Примером может служить старинный физический термин «теплород», характеризующий целый период из истории физики. В 20-х годах XX века было сочинено слово «могатырь». Корень его понятен русскому человеку «мог»; суффикс и флексия тоже («тырь», напр. в слове «богатырь»), но смысл самого слова никем, кроме его автора, не может быть понят в точности.

В-третьих, слова, которые мы признаем для себя действительно непонятными. Иногда такое слово совершенно не понимается потому, что в мнеме читателя оно не экфорирует никаких энграмм, если не считать начертаний слова, энграмм букв, энграмм зрительного типа или произношения (энграммы слуховых ощущений). Таково, напр., слово «мапурак», «калюпун» и т. п. Смысл этих слов непонятен никому, быть может, и сочинителю их. Ни один читатель и ни один слушатель никогда не понимают решительно всех слов чужой речи, даже самых обыденных, обыкновенных: их смысл то и дело затемняется и искажается иногда нашей собственной невнимательностью, очитками, ослыш-

ками, иногда неясностью произношения говорящего или чересчур быстрым чтением и перескакиванием через некоторые слова. Читатель, недостаточно знакомый с каким-нибудь иностранным языком, то и дело встречается с непонятными для него словами. Ребенок, начинающий читать, в первые годы своей грамотности тоже находит в книгах не мало неясных слов. Тоже приходится сказать и о грамотеях взрослых, еще малокультурных, впервые берущихся за книгу, написанную на языке «образованных» и специалистов-ученых. Все непонятные слова — то же, что слова непрочитанные, и число таких слов может быть для иного читателя очень значительным, а это отражается на понимании всего текста. Обстоятельство это необходимо принимать в расчет, изучая явления читательства. Поэтому в библио-психологическую классификацию читательских переживаний необходимо ввести особую рубрику непонятных слов. Каждое из них представляет как бы психологический провал или пробел, — оно для такого читателя вовсе не слово языка, а слово-рисунок, т. е. явление совсем иного порядка. В рубрику непонятных слов читатель относит только такие, о которых он говорит: «Я их совершенно не понимаю». Ниже мы увидим, что библиологический психо-анализ без особого труда раскрывает исследователю читательское понимание или плохое понимание таких слов.

Мы уже говорили, что пониманием какого-нибудь слова надо называть отнесение его к тому или иному комплексу в мнеме. Приурочить слово к комплексу — это значит уподобить переживание, им возбужденное, тем своим переживаниям, которые еще раньше вошли в тот же комплекс. Из этого следует, что осознавание есть уподобление, которое обусловлено качественной и количественной сторонами мнемы. В высшей степени интересно изучать, на основании показаний самого читателя, какие слова ему непонятны, какие понятны и какие только кажутся понятными, но толкуются им прямо-таки извращенно. Это своего рода библиологический психо-анализ, о котором нам еще придется говорить.

В библио-психологической классификации из восьми категорий, как и в других, не значится целого ряда психических явлений, которые в старой психологии занимали первостепенные места. Так напр., мы не находим в той классификации, о какой уже шла речь, таких рубрик, как сознание, внимание, мышление, воображение, восприятие, воля и т. д. Тем не менее, все эти психические явления, под другими названиями, изучаются и с библио-психологической (бехевиористической) точки зрения. Так напр., изучение осознаваемостей или констатирований представляет собой изучение сознания читателя и слушателя в процессе чтения и слушания по его реакциям. Чтобы осознать какое-либо свое переживание, интроспективно констатированное, необходимо сосредоточить свое внимание. Поэтому изучение осознаваемостей есть вместе с тем и изучение читательского внимания. Явление памяти, запоминания, хранения и припоми-

нания, как мы уже знаем из главы о мнеме, с большим удобством сведено Р. Семоном к таким явлениям, как энграфирование и экфорирование под влиянием внешних раздражителей-возбудителей. Поэтому нет надобности вводить в библио-психологическую квалификацию такие рубрики, как сознание, внимание и память. Иначе читателю и слушателю пришлось бы отмечать их у каждого слова текста без всякого исключения: все эти переживания характеризуются общим числом осознаваемостей. Кроме того, внимание в процессе чтения иллюстрируются переходами от слова к слову, перескакиванием через слова. Но в классификацию из восьми категорий, кроме сознания, памяти и внимания, не вошли и многие другие психические переживания, напр., мышление, суждение, умозаключение, синтез, анализ, индукция, дедукция, воображение, или фантазия, творчество, апперцепция, вера, борьба мотивов и мн. др. Но и нельзя характеризовать читателей и читательство, не принимая в расчет всех этих явлений, столь характерных для каждой читательской индивидуальности. Разумеется, библио-психологическая классификация должна быть возможно полной. Но ведь одно дело ее полнота, и совсем другое дело ее детальность, которая не всегда обнимает классифицируемый материал во всей его реальной цельности. Прежде всего, необходимо различать психические элементы основные от психических элементов производных, которые являются результатом различных комбинаций этих основных элементов. Так напр., ассоцирование ощущений, образов, понятий, эмоций, стремлений и т. д. представляет собой явление вторичное, сравнительно с теми, которые ассоциируются. Воображение есть комбинирование тех же основных элементов, в зависимости от того эмоционального цемента, который скрепляет их в один общий комплекс. Мышление, суждение, умозаключение, в конечном счете, сводятся к ассоциированию и к некоторым другим вторичным построениям, в основе которых лежит группировка по сосуществованию или последовательности тех же основных элементов, согласно теории мнемы и ее комплексов. К тому же сводится явление так наз. апперцепции, явление очень сложное, в силу участия в нем разных элементов иррациональных, обусловленных не только индивидуальной, социальной, но и наследственной мнемой. Такие психические явления, как синтез и анализ, индукция и дедукция, имеют в своей основе опять-таки ассоциирование и различные направления этого последнего. Вера, внушение, самовнушение и тому подобные явления обусловлены существованием комплексов все тех же восьми элементов, комплексов достаточно властных, интенсивных, ярких, чтобы заставить себе повиноваться и чтобы выйти победителями из борьбы с другими комплексами той же мнемы. Борьба мотивов есть не что иное, как антагонизм комплексов. Таким образом здесь перед нами целый ряд психических переживаний вторичных, составляющихся из переживаний основных и первичных. Мы изучаем сложные психические переживания в их простейших элементах,

списки которых и даются в библио-психологических классификациях.

Четыре классификации психических переживаний читателя.

В приложении к этой книге мы даем четыре последовательных классификации психических явлений, которые утилизируются Секцией библиологической психологии. Вот их краткие характеристики.

1. Классификация I ступени представляет собой схему наиболее краткую и простейшую и состоит всего лишь из 8 рубрик, или отделов психических переживаний, характеризующих читателя по его собственным показаниям в самых основных чертах. Об этой классификации уже было сказано выше. Она применяется для исследования читателей малокультурных и предлагается этим читателям в особо упрощенной редакции. Вопросы, в нее введенные, не содержат никаких научных терминов и составлены из самых привычных слов социальной мнемы, обусловленной как для исследуемого читателя, так и для исследователя одною и тою же социальной средой. Благодаря этому, все слова, из каких составлена данная классификация, понимаются ими одинаково и относятся ими к одной и той же реальности, каждому из них известной по его собственному опыту. Тем не менее исследователь все-таки должен производить эту проверку ради большей уверенности, тождественно ли понимаются слова, и те из них, которые не выдержат проверки, должны быть заменены другими, применительно к мнеме исследуемых. Вышеописанный метод перечеркиваний — наиболее удобный метод для исследования малокультурных читателей.

2. Классификация II ступени состоит из 22 рубрик, или отделов психических явлений. Предлагается тоже для исследования малокультурных читателей, а также и детей. Терминология тоже отсутствует. Слова — тоже средней социальной мнемы. Главное внимание обращено на исследование эмоций как элемента, обусловливающего психические явления всех других категорий. Термины этой классификации могут быть значительно упрощены, объяснены и описаны. Но следует безусловно и очень внимательно избегать таких формулировок и описаний, каким читатель станет подражать в своих ответах. Если такие подражания будут иметь место, — это значит, что исследуемый читатель податлив к внушениям. Такое его качество должно быть принято во внимание при подведении итогов его исследования.

3. Классификация III ступени состоит из 60 рубрик, или отделов. Здесь психические явления классифицированы тоже по восьми разрядам первой классификации, с тою только разницей, что низшие органические чувства не выделены в особый отдел, к чему нас побудила практика исследования. Наименьшее внимание обращено в этой классификации на отдел понятий (концептов) как наиболее абстрактный, а значит, и относительно трудный для понимания исследуемых, потому что эта классификация предназначается малокультурным читателям и подросткам.

Особое внимание надо обратить здесь на отдел образов, а изучить их в связи с изучением отдела ощущений. Отдел образов является очень показательным реактивом на конкретность и образность мышления. Эмоции классифицированы тоже более подробно. При классификации действий принят в расчет трудовой тип читателя и профессиональная ориентация. Впрочем, в классификациях общего характера эта сторона разработана намеренно слабо, так как для профессиональной ориентировки имеются особые схемы. Научная терминология в классификации этой ступени не упразднена. Поэтому исследователь обязан особенно тщательно проверять тождественность понимания терминов, с одной стороны, им самим, а с другой — исследуемыми субъектами. В случае необходимости, он должен перефразировать все вопросы этой классификации, с теми предосторожностями, о каких сказано выше. Практика нам показала, что исследование городских подростков (до 16 лет) удается по этой классификации, но для исследования фабрично-заводских рабочих схема нуждается в упрощении фразировки.

4. Классификация IV ступени состоит из 213 рубрик, или отделов (вопросов). В ее основу положена та же схема из восьми отделов, как и в первой ступени, но каждый из этих отделов разбит на подотделы, а иногда и на дальнейшие, еще более детальные рубрики. Особенное внимание обращено в этой классификации на отделы концептов (понятий), эмоций, стремлений и действий, применительно к типу работника и борца. Отношение таких объектов к отделу концептов особенно показательно, так как характеризует степень сознательности и способность к анализу и синтезу. В основу отдела концептов положена схема аристотелевских категорий, причем, по практическим соображениям, мы позволили себе несколько изменить ее по схемам Э. Канта и Ренувье. Отдел эмоций разработан здесь особенно подробно, так как одною из целей исследований по этой схеме является определение и выяснение тонкости чувств, страстей, аффектов. Особое внимание обращено на высшие интеллектуальные чувства. Мы намеренно формулировали эту схему в терминах старой психологии, потому что мы адресуем все наши вопросы к тем, кто данные психические явления переживает интроспективно. Вряд ли нужно доказывать, что такая постановка вопросов никоим образом не противоречит основной точке зрения этой книги, так как интроспективные показания характеризуют не человека вообще, а только мнему данного читателя, причем каждый ответ принимается за третью фазу реакции.

Практика показала нам, что читателя, который уже изучался по простым схемам (№ 1 и № 2), хорошо удается затем исследовать и по схемам более сложным, потому что читатель привыкает вникать в себя самого, научается осознавать, констатировать и классифицировать свои собственные переживания. Субъекты более или менее тупые трудно поддаются исследованиям. Таких

мы изучаем по их реакциям не на отдельные слова текста, а берем в качестве реактива, напр., фразу, небольшую брошюрку и т. п. При этом никакой научной терминологии не употребляется. Показания читателя записываются. Употребляемые им слова изучаются вербально. Применяется при этом естественный эксперимент в виде разговора как сократовского, так и фрейдовского типа. [1]

Техника библиопсихологической классификации.

Опыт показал, что техника классифицирования всех слов данного текста по категориям психических явлений, возбуждаемых ими, в сущности, очень проста и доступна для понимания не только взрослых, но и детей. И не только людей высоко образованных, но и малокультурных. А. Бинэ объяснял своим двум девочкам (13 и 15 лет), которые и послужили главными объектами для его экспериментальных исследований человеческого интеллекта, гораздо более сложные тонкости интроспективных наблюдений, чем каких требует специальный библио-психологический метод. Эти исследования А. Бинэ нельзя не признать классическими.

Мы лично делали наши библио-психологические опыты и над детьми, и над читателями малокультурными. Техника применения специального библио-психологического метода, по нашему глубокому убеждению, доступна для всех. Как уже видно отчасти из предыдущего, она сводится к следующему: исследователь прежде всего выбирает тот текст, который должен служить реактивом на читателя. Его выбор зависит от тех целей, которые преследуются. Все слова выбранного текста пишутся на листе бумаги, одно слово под другим, причем около каждого слова оставляются достаточно широкие поля, в ширину страницы или полстраницы, для пометок, делаемых читателем. Этому последнему рекомендуется несколько раз прочитать текст, по возможности вдумываясь в каждое его слово и в соотношения слов. Затем читателю дается библио-психологическая классификация, по рубрикам которой и предлагается распределять переживания, возбуждаемые каждым отдельным словом данного текста. Повторяем, что текст самой классификации должен быть формулирован на языке мнемы того читателя, которому та предлагается, а тождественность понимания всех рубрик классификации должна быть проверена экспериментально. Размер классификации должен быть сообразован со степенью культурности исследуемого читателя. Во всяком случае нельзя предлагать ему для первого раза классификацию самую обширную.

Можно составить список психических явлений, т. е. их переживаний, и в виде алфавитного указателя, выписав их из самой подробной классификации, приложенной к концу этой книги, и сохраняя при каждом названии психического явления тот номер, под каким это переживание значится в этой классификации.

---

[1] См. наше «Introduction à la psychologie bibliologique», т. I, гл. V.

Секцией библиологической психологии составлен такой указатель, который в эту книгу, по недостатку предоставленного нам места, не вошел. Такой указатель чрезвычайно облегчает работу исследуемого читателя по даванию показаний, и особенно такого читателя, который мало знаком с научной психологией. Так напр., переживая эмоцию «надежды» и не зная, какими номерами пометить ее, такой читатель сразу узнает этот номер, найдя слово «надежда» в алфавитном указателе.

Если опыт производится в классе и вообще в аудитории, то несколько уроков должны быть посвящены объяснению терминов библио-психологической классификации и проверке тождественности понимания.

Исследуемый читатель должен много раз прочесть текст классификации очень внимательно и постараться запомнить побольше ее рубрик, — настолько хорошо запомнить, чтобы они припоминались при чтении текста-реактива. Затем читателю остается лишь взять листок с текстом и, прочитав первое его слово, вдуматься в свои переживания, возбужденные этим словом, затем написать соответствующие им номера на листке с текстом, около слов так анализированных. Такую работу облегчает классификация, если читатель станет проглядывать все ее рубрики, давая себе попутно отчет, какие именно переживания возбуждены или не возбуждены словами текста-реактива. Разумеется, всякому отдельному читателю должна быть предоставлена полнейшая свобода отмечать свои переживания тем способом, какой ему самому кажется наиболее удобным. Обыкновенно читатель помечает при каждом слове по нескольку номеров относительно немного, а именно только тех рубрик, которые были осознаны им максимально отчетливо. Вот это-то и необходимо для исследователя, так как именно по таким номерами и можно судить о психических особенностях исследуемого читателя в момент восприятия им такого-то слова текста.

Интересно выяснить, сколько номеров читатель может максимально проставить у одного слова. С первого взгляда кажется, что он проставит их столько, сколько рубрик в той классификации, которую он утилизирует. Опыт показал, что это совсем не так. Даже тогда, когда читатель для каждого слова прочитывает все без исключения рубрики классификации, интроспективно спрашивая себя, переживает ли он или не переживает того состояния, о каком идет речь в данной рубрике, — даже в таком случае, при классификации в 213 рубрик, самое большее число номеров, поставленных около одного слова, нигде не превышало 65 в нашей практике. Это значит: психические переживания, какие осознаются одновременно и поддаются классификации, никогда не возбуждаются при восприятии одного слова текста все целиком и сразу. Таков предел осознаваемости. Он не превышает 50% общего числа рубрик.

Этот способ делать пометки мы называем предельно полным или предельным, так как он действительно позволяет

определять предел всех осознаваемостей при чтении данного текста данным читателем.

Практика классификации слов.

Наибольшую трудность представляет изучение тех переживаний, какие связаны с словами, выражающими отношения. Слова такого рода играют громадную роль, особенно же в языках культурных народов. С их помощью приводятся в связь все другие слова контекста. Действие чужой речи, в конечном счете, сводится к приведению в ту или иную связь или отношение различных элементов мнемы читателя или слушателя. Примером этому может служить Ч. Дарвин: знаменитая книга Мальтуса «Опыт о народонаселении» извлекла из мнемы Дарвина ряд фактов и идей, накопленных им в процессе непосредственного изучения природы, т. е. фактов как источника первоначальных энграмм. Эти факты, экфорированные книгой Мальтуса из различных комплексов дарвинской мнемы, сопоставились в процессе чтения и мышления. В результате получилась теория борьбы за существование и теория естественного отбора. Подобно этому действуют на нас все книги. Во-первых, они извлекают, экфорируют энграммы из разных комплексов мнемы и сопоставляют их по всем категориям Аристотеля или Канта. Чтение есть сопоставление, а сопоставлением обусловливается переживание отношений. Отношение рассматривается здесь как психическое явление. В его основе лежит переживание сосуществования или последовательности. В том и в другом случае перед нами переживание смены состояний нашего Я. Разным сменам соответствуют их разные переживания, которым даны разные названия (см. классификация № 4, отдел отношений). Если из нашего языка выбросить все слова, обозначающие разные отношения между другими словами, мы перестанем понимать друг друга. Отношения представляют собой алгебраический элемент языка, в отличие от первоначальных энграмм. Этим алгебраическим элементом первоначальные энграммы приводятся в разные соответствия. Для краткости мы будем называть слова, выражающие отношения, точнее говоря, понятие о том или ином отношении двух или нескольких психических переживаний, входящих в состав того же текста и возбуждаемых в его читателе словами этого текста, просто «словами-отношениями». В настоящее время экспериментально выяснено, что слова-отношения неизбежно предполагают определенный психический фундамент, завися от качественного и количественного состава и функционирования мнемы данного субъекта, а значит, и от его психического типа. Мы с одинаковым правом можем говорить о переживании слов «синий» или «холодный» как и о переживании предлогов и союзов (В. Джемс).

Все слова-отношения можно разделить на два главных разряда: 1) отношения типа логического; 2) отношения типа грамматического. Отношения первого типа выходят за пределы индивидуальной, социальной и даже национальной мнемы, так как психические явления, возбуждаемые при их восприятии, обусловлены

сходствами в устройстве психо-физического организма у всех расовых и племенных разновидностей зоологического вида homo sapiens. Слова-отношения второго, грамматического типа обусловлены сходствами мнемы социальной, мнемы той общественной среды, где говорят на данном языке. Эти грамматические слова-отношения различны у разных народов. Так, напр., немец, как и русский, говорит: «Oel ins Feuer giessen» («лить масло в огонь»). Француз выражается иначе: «jeter de l'huile sur le feu» («на огонь»). Мы, русские, думаем о том, французы думают кому, (à quelqu'un); немец говорит: «man tritt uns mit Füssen» (нас топчут ногами), француз: «on nous foule aux pieds» и т. д. Такое разнообразие в употреблении слов-отношений наблюдается во всех языках. К словам-отношениям должны быть отнесены с библио-психологической точки зрения не только многие предлоги, союзы, наречия, но и многие местоимения, в особенности же притяжательные и относительные, напр., «мой», «твой», «который», «чей», «его», а также указательные — «этот», «тот». К грамматическим словам-отношениям должны быть отнесены и такие части речи, как член (article, Geschlechtswort: le la, les, de, un, du и т. д.; der, die, das, dem, den, ein, eine и пр.). Эти слова-отношения, как это нетрудно понять, опираются на национальную, этнографическую, семейную и социальную мнему вообще и за их пределами не возбуждают тех же психических переживаний, как в той диаспоре, где говорят на том же самом языке. Слова такого типа, как имеющие определенный смысл и показывающие те или иные соотношения между другими словами, должны быть также отнесены к категории понятий. Замечено, что в древних языках переживания отношений проще, а число слов-отношений меньше. С течением времени число их увеличивается, но из элементов видимых они превращаются в невидимые, подразумеваемые.

С библио-психологической точки зрения термин «слово-отношение» должен быть понимаем в широком смысле. К объему этого понятия должны быть отнесены не только слова, употребляемые отдельно от других слов, самостоятельно, но и такие, которые, в их грамматической форме, слиты с другими словами, спаяны с ними историческим процессом эволюции языка, его фонетики и этимологии. Таковы так наз. «форманты», «формативы», формальные принадлежности слов, имеющих общий корень. К ним относятся разные виды аффиксов (приставок), в том числе префиксы, суффиксы. К ним принадлежат также флексии и инфиксы. К формальным же принадлежностям слов относятся и так наз. внутренние инфлексии (чередование между звуками внутри слова, чередование с ударениями). Все эти филологические явления играют роль слов-отношений, не будучи самостоятельными единицами фразы. Различные отношения одного слова фразы к другому выражаются, главным образом, этими элементами языка, уже пережившими свое самостоятельное существование. В некоторых языках, напр. французском и немецком, отношения между словами выявляются при помощи особой части речи, — «члена» (article,

Geschlechtswort). То же самое достигается путем расстановки слов в фразе.

Спрашивается теперь, все ли слова всякого текста могут быть библио-психологически классифицированы? Как мы уже упоминали, в этом, разумеется, не может быть никаких сомнений, если читатель понимает все без исключения читаемые им слова. Не действуют только слова непонимаемые. При классификации слов по библио-психологическим категориям следует всегда помнить о переживании содержания, возбужденном этим словом, о смысле, который приурочивается ему читателем, а не о внешней стороне слова, так как содержание или смысл — это и значит инстроспективное осознавание того переживания, какое этим словом возбуждено в данном читателе. Так напр., может возбудить переживание из категории образов и существительное «ловкость», и прилагательное «ловкий», и наречие «ловко». Эмоцию, напр., грусти могут вызвать в читателе и глагол «умирает», и существительные «смерть», «мертвец», и прилагательное «мертвый», и деепричастие «умирая», и причастие «умирающий», и местоимения «она», «та», «которая», если эти местоимения относятся к явлениям смерти.

Классифицируя слова по возбуждаемым ими переживаниям, надо различать три этажа своих переживаний:

1. Понимание слова, т. е. того, что оно означает (его начертаний или звуков). Читая или слушая слово, мы прежде всего должны понять, что собственно оно значит. Если это слово родного языка, мы, по закону условных рефлексов, сразу понимаем его смысл, привитый каждому из нас нашею социальною средою. Но совсем не то, если это слово — чужого языка: тут мы замечаем, что образ слова еще не значит те переживания, какие возбуждены его пониманием.

2. Переживания слова как комплекса психических явлений, не имеющих ничего общего ни со звуками, ни с начертаниями слова. И звуки, и начертания его суть лишь средства, или орудия возбуждений. Читатель и слушатель переживают эти самые возбуждения, которые могут быть очень разнообразны, напр., образы, чувства, концепты, мысли, хотения, инстинкты и т. д.

3. Оценка тех переживаний, какие возбуждены словом, т. е. сопоставление их с какими-нибудь другими нашими же переживаниями, и предпочтение, т. е. выбор одного из членов такого сравнения. Напр., красивое кажется некрасивым рядом с чем-нибудь еще более красивым. Теплая вода кажется холодною сравнительно с водою горячею. Оценки, постоянно делаемые нами, бесконечно разнообразны, смотря по тому, как и с чем мы сопоставляем наши переживания. Тем не менее, и оценки поддаются классификации, как и начертания, и звуки слов, как и переживания, словом возбужденные. Так напр., мы оцениваем свои и чужие переживания с точки зрения истины (реальности), общественной справедливости, гуманности, красоты. Мы сортуем переживания, возбужденные словами, на «хорошие» и «нехорошие»,

«полезные» и «вредные», «желательные» и «нежелательные», «приятные» и «неприятные», разумные и неразумные, целесообразные и нецелесообразные, «нравственные» и «безнравственные», «интересные» и «неинтересные» и т. д. и т. д. Таким образом переживание всякого слова всегда бывает тройным и, так сказать, трехэтажным. Читателя характеризуют все эти три этажа. Каждый из них, впрочем, далеко не с одинаковой отчетливостью констатируется и осознается нами, но тем не менее все они переживаются совместно, если не в сознании, то в подсознании, которые и подводят итоги нашим переживаниям. Особенный интерес с библио-психологической точки зрения, в целях характеристики читателя или слушателя, представляют переживания второго и третьего этажа. Что касается до первого, он интересен с точки зрения понимания родного или чужого языка. Мы в нашем изложении имеем в виду главным образомс редний этаж.

Может показаться, что не поддаются классификации такие слова, как, напр., наречия «однако», «туда», или союзы «и», «или», «но», или предлоги «из», «в», «с» и т. д. Если читатель понимает с м ы с л этих слов — это значит, что он уже переживает их. Понятие, как мы видели, есть не только логический термин, но и психическое явление. Подробная библио-психологическая классификация позволяет очень детально определять какое угодно психическое переживание, возбуждаемое перечисленными выше предлогами, союзами и наречиями. Напр., если лично во мне предлог «у» возбуждает переживание понятия пространства («у» — в смысле «около»), я отнесу его к категории пространства (№ 2), по нашей подробной классификации № 4. В другом случае, тот же предлог может возбудить во мне понятие принадлежности или обладания (напр. «у» Ивана), и я отмечу его № 20 по той же классификации. Предлог «в» возбуждает во мне или понятие движения (напр., «в» городе, и я отмечу его № 10, или понятие места (напр., «в» городе), и я отмечу его № 2. Подобно этому предлог «на» означает понятие или времени («на» день, № 1) или места («на» холме, № 2). Наречие «однако», — понятие противоположности (№ 25), «туда» — понятие цели (№ 9), а вместе с тем и понятие пространства (№ 2) и движения (№ 10). Этими тремя номерами я и отмечу мои переживания, возбужденные словом «туда». Наречие «не» есть понятие отрицания (№ 5). Числительные «7», «7-й», я отмечу № 3. Слово «надо» возбуждает во мне понятие необходимости (№ 12). Слово «больше», «меньше» я лично отношу к переживаниям сравнения (№ 22) и количества (№ 3). Слово «многосторонний» возбуждает во мне категории количества (№ 3) и качества (№ 4). Все слова, обозначающие какое-либо отношение, сравнение, сходство, различие, противоположность и т. д., возбуждают переживания понятий или аккордов их. Читатель другого психического типа наверное станет классифицировать их как-нибудь иначе. Иной может вовсе не отнести их к понятиям, если в нем те же самые слова возбудят образы, напр., предлог «в» — образ движения; предлог

«на» — образ положения. Местоимения «он», «то», «его», «тот», «который» и т. д. нередко возбуждают образы тех, к кому или к чему они относятся. Никаких правил для библио-психологической классификации слов по рубрикам психических переживаний, ими возбуждаемых, не только нет, но и не должно быть. Библио-психологическая классификация — процесс чисто субъективный, характеризующий индивида со всеми его особенностями, промахами и ошибками. Объективная истина представляет собою ту цель, которую позволяет нам достигать такое изучение отдельных личностей. Для библио-психолога объективным фактом является именно субъект со всеми его наличными качествами и ошибками.

Текст-реактив. Переходим теперь к вопросу о выборе текста-реактива. Нет такого текста, который не мог бы послужить реактивом на любого читателя и который не поддавался бы изучению путем специального библио-психологического метода. Ему поддается как книга любого автора, так и любая газета, и даже банковский отчет и уличная реклама. Вовсе не требуется, чтобы выбранный текст был очень велик по своим размерам. Самая суть дела — не в размерах текста, а в числе точек, проставленных читателем: они должны быть достаточно многочисленны, чтобы, при их статистическом изучении, могло проявиться действие закона больших чисел, раскрывающего закономерность библио-психологических явлений в пестроте многообразных случайностей. Практика показывает, что некоторые читатели делают иногда очень мало пометок около каждого слова текста, например, по одной, по четыре, тогда как у других число их доходит до 40 и даже больше. Библио-психологическое исследование по специальному методу требует, чтобы принималось в расчет прежде всего число пометок, которое всегда следует сопоставлять с числом слов текста-реактива. Число пометок, деленное на число слов, можно назвать личным показателем данного читателя по отношению к данному тексту в момент дачи показания. Этот показатель характеризует относительную сложность читательских переживаний в процессе чтения. При чтении разных книг каждому индивиду соответствуют определенные максимум и минимум такого личного показателя, который и должен быть всегда принимаем в расчет, в целях понимания читательского Я. Можно брать для своих опытов тексты от 60 до 500 слов. Если какой-либо читатель сделал очень мало пометок, надо увеличить размер текста-реактива. При малом числе слов лишь очень немногие читатели делают большое число пометок, а, значит, и пометки их не являются достаточно показательными для их личности. Поэтому мы предпочитаем в нашей практике давать тексты-реактивы, содержащие не меньше 300 слов, если не производим специального исследования читателя. Что касается до выявления лишь некоторых частных качеств, специально интересующих исследователя, в таких случаях можно давать тексты-реактивы меньших размеров. Подобно тому, как

для изучения среднего роста в какой-нибудь стране вовсе не требуется, в силу закона больших чисел, чтобы был измерен рост решительно всех без исключения ее граждан, так вовсе не требуется, в силу того же закона, чтобы читатель проанализировал всю книгу целиком, так как его психический и социальный тип вполне определяется при помощи хорошо выбранного отрывка из этой книги, содержащего около 200—500 слов. При исследовании роста населения получается средняя арифметическая, достаточно близкая к среднему уровню, если будет измерено всего лишь несколько сот индивидов. При выборе текста необходимо руководствоваться теми же соображениями, какими руководствуется статистик-экономист, производящий исследования, напр., отдельных хозяйств, не прибегая к так наз. «исчерпывающим (сплошным) исчислениям».

К библио-психологическим явлениям может быть тоже применен упрощенный метод исследования,—так наз. исследование выборочное, типологическое, монографическое. По нашему мнению особое значение имеет так наз. «выборочный метод», главная особенность которого заключается в том, что при нем частичность наблюдения строго определяется уже заранее, а наблюдению подвергаются планомерно выбранные образчики. Нетрудно понять, что сплошное библио-психологическое наблюдение совершенно неосуществимо на практике. Нельзя на читателя возлагать анализ какого-нибудь десятитомного сочинения и рекомендовать ему делать отметки по всем 213 пунктам нашей классификации, применительно к каждому слову столь обширного литературного произведения. Еще того менее мыслимо заставлять читателя проделывать это над всеми читаемыми книгами, а тем более заставлять всех читателей, какие существовали или будут существовать, проделывать это над всей литературой. Поэтому в библио-психологических целях применимы только такие методы статистического исследования, какие не имеют сплошного характера. Для применения выборочного метода приобретает таким образом первостепенное значение выбор текста из книги-реактива. При помощи методов исчерпывающих можно исследовать лишь некоторые, самые простые стороны социальных явлений. Напротив, частичное наблюдение в форме, напр., выборочного смело отправляется на исследование самых интимных, детальных сторон этих вопросов, которые без этого рода наблюдений оставались бы вовсе не доступными нашему познанию (Швиттау). Применение метода выборочного, метода проб, или планомерных выборов, вполне законно, если нет тенденциозного подбора и если есть вообще основание предполагать, а тем более если можно доказать тождество условий, определяющих и выбранный отрывок, и весь текст, из которого он выбран. Тенденциозный выбор текста-реактива сводит все исследование к нулю, так как он представляет собою орудие внушения: читатель начинает бессознательно поддакивать тексту или, того хуже, в читателях вспыхивают враждебные эмоции, и все показания читателя

фиксируют эту эмоцию, — минутное, преходящее настроение.

Так как книга и ее читатель находятся меж собою в функциональной зависимости, то нельзя судить о типе данного читателя, испробовав на нем влияние какого-нибудь одного текста-реактива. Этот последний должен быть не только достаточной величины, но кроме того и достаточно разнороден в своих частях, настолько, чтобы экфорировать в читателе переживания по возможности всех главнейших отделов врученной ему классификации. При выборе отрывков, которые могли бы заменить полный текст, необходимо принимать в расчет и закон консонанса и диссонанса эмоций.

Разумеется, читатель, анализирующий свои переживания над текстом-реактивом, отнюдь не должен сидеть над ним до утомления. Это последнее не только затемняет, но и искажает читательские показания.

Читатель может производить свою работу в несколько приемов. Этим путем то, что характерно для м о м е н т а, превратится в с р е д н ю ю характеристику данного читателя в целом ряде моментов, лишь бы число читательских пометок-реакций было достаточно велико.

Теория статистики указывает и разные другие упрощения, давно практикуемые с большим успехом при статистических исследованиях. Из всего сказанного видно, что бояться непомерной сложности библио-психологического эксперимента отнюдь не приходится.

Исследование читательских пометок. Исследование читательских пометок, относящихся к словам-отношениям, дает в высшей степени ценный материал для характеристики сложности, тонкости, координированности, отвлеченности и глубины читательских переживаний. Некультурный читатель ставит очень мало пометок около слов-отношений. Читатели интеллигентные обращают на эти слова гораздо больше внимания. Специальный библио-психологический метод приводит исследователя к изучению г н о с е о л о г и ч е с к и х типов читателей. Так напр., исследование пометок, относящихся к канто-аристотелевским категориям (по классификации № 4), показали нам, что есть читатели, которые мыслят, главным образом, в терминах пространства и сосуществования, другие — в терминах времени и последовательности явлений; некоторые — в терминах единичности, другие — в терминах множественности; иные — в терминах необходимости, другие — возможности; иные — в терминах сходств, другие—в терминах различий и т. д. и т. д. Всех читателей можно раскласcифицировать по категориям Канта и Аристотеля. Каждой категории соответствует особый читательский тип. Так напр., Кювье мыслил в терминах, главным образом, пространства и отрицательно относился к теории трансформизма. Дарвин принадлежал к тому гносеологическому типу, который мыслит во времени. Отсюда его отношение к эволюционному мышлению. Кроме того, существуют читатели смешанных типов. Есть люди, которые

целыми часами будут говорить о каком-нибудь единичном факте и его считать нормою для всех других фактов, не обращая внимания ни на их разнообразие, ни на множественность и вообще число их. Такие гносеологические типы встречаются часто среди малокультурных женщин. Для других субъектов отдельный факт ровно ничего не доказывает, — они всегда принимают в расчет количество фактов. Некоторые субъекты, мысля различиями, смотрят прежде всего на то, что разъединяет людей, тогда как другие, иного гносеологического типа, смотрят прежде всего на то общее, одинаковое, сходное, что уподобляет человека человеку и что соединяет людей. Каждая категория Аристотеля и Канта имеет свой психологический коррелят. Вряд ли можно сомневаться, что мы не далеки от того времени, когда к числу психологических наук присоединится и сравнительная гносеология, введением в которую, впрочем, не единственным, является и специальный метод библио-психологии, позволяющей, с помощью цифровых коэффициентов, определять преобладание той или иной категории в мышлении данного субъекта и функциональную зависимость всех других его переживаний от способа мыслить характерными для него категориями.

Не следует смешивать тип гносеологический с типом словесного мышления. Этот очень распространенный словесный тип характеризуется тем, что заменяет утилизацию энграмм первоначальных, от реальности получаемых, энграммами мнематическими, которые тоже можно классифицировать по категориям Аристотеля и Канта. Люди словесного типа не сводят энграмм мнематических к реальности, тогда как люди гносеологического типа мыслят и время, и пространства, и другие категории как реальности.

Роль внушения и вообще подсознания в процессе чтения.

Пользуясь какой-либо классификацией, не следует забывать, что она является источником внушения. Мы уже говорили, какую важную роль играет это последнее. Оно обнаруживается даже во всякой дилемме, словесно выраженной. Когда я говорю «или — или», это значит — я направляю внимание чужого Я на один из двух, только двух членов этой дилеммы, внушая этим, что никакого третьего исхода нет и быть не может, чего в действительности в 80 случаях из 100 обыкновенно не наблюдается. Влияние дилеммы обусловлено авторитетом того лица, кто ее ставит, и самый авторитет есть не что иное, как фактор внушения. То же самое наблюдается в более сложной и тонкой степени и при пользовании библио-психологической классификацией. Она подсказывает, а значит, внушает читателю, который с ее помощью делает свои пометки, то ту, то другую рубрику.

Но эта классификация не есть дилемма. Она представляет испытуемому выбирать не «одно из двух», а, напр., одно из 200. Она его меньше стесняет, предоставляя неизмеримо более широкий выбор. Это значит — внушение, идущее от классификации, гораздо слабее, чем от дилеммы. У многих субъектов, при воз-

можности широкого выбора, податливость к внушениям минимальна. Тем не менее исследователю все-таки необходимо определить заранее, сильно ли развита внушаемость у испытуемого читателя. С этой целью необходимо проделать над ним предварительные опыты. В том случае, если внушаемость велика, исследователь должен относиться очень осторожно к показаниям исследуемого. Сравнение номеров, поставленных несколькими исследуемыми субъектами, позволяет иногда определить внушаемость посредством подсчета повторяющихся номеров: разные психические типы, в силу своего несходства, склонны проставлять номера различные, тогда как внушаемость побуждает их проставлять номера сходные. По нашим наблюдениям внушаемость влияет, главным образом, на увеличение, а не на уменьшение абсолютной величины библио-психологических коэффициентов. Это значит — если читатель прочел, напр., в классификации рубрику «злые чувства» и спрашивает себя: «переживаю ли я их?», он, под влиянием внушения, производимого заголовком такой рубрики, из десяти случаев в семи скажет «да». Если бы в классификации вопрос был формулирован так: «переживаете ли вы то-то и то-то?» — это влияло бы на число этих «да». Если бы тот же вопрос был формулирован так: «не переживаете ли вы того-то?», внушение повлияло бы в сторону ответа отрицательного. Поэтому мы, стремясь, по возможности, уменьшить элемент внушения, производимого самым текстом классификации, не формулировали ее ни в виде вопросов, ни в виде утверждений, ни в виде отрицаний, а ограничились простым перечислением, которое лишь напоминает о существовании таких-то психических явлений, но отнюдь не говорит: «они в вас имеются». В нашей классификации тут же рядом указывается рубрика, напоминающая о переживаниях прямо противоположных (радость и горе, церковность и атеизм и т. д.).

Так как разные читатели обнаруживают различную податливость к внушениям, то и внушающее действие классификации обнаруживается у разных субъектов в разной степени. Другими словами, в их показаниях скрывается разный процент внушений. В чтении всякого текста, как мы уже говорили, всегда имеется элемент внушения и самовнушения. Для библио-психолога наибольший интерес представляет выяснение общих результатов, все равно — принимает или не принимает в них участие такой фактор, как внушаемость. С этой точки зрения библио-психолог не особенно гонится за выделением эффектов внушаемости из эффектов других факторов восприятия. Его задача состоит не в том, чтобы бороться с внушающей силой устного, рукописного и печатного слова, и не в том, чтобы искоренять эту силу, а в том, чтобы ее узнать и использовать в определенных целях.

Профессор Шарль Бодуэн в своем замечательном труде: «Psychologie de la suggestion et de l'autosuggestion» формулировал следующие законы непроизвольного внушения, которые справедливо следует назвать законами Шарля Бодуэна.

1. Закон концентрированного внимания. Идея (концепт, образ), стремящаяся реализоваться, всегда представляет такую идею, на которой сосредоточено наше внимание.

2. Закон вспомогательной эмоции. Когда идею, в силу той или иной причины, охватывает какая-либо эмоция (т. е. экфорируется вместе с нею, одновременно), то внушенная реализация этой идеи имеет больше шансов на успех.

3. Закон обратного усилия (effort converti). Если в нас возникает какая-либо идея, и если она готова уже произвести внушение, то все сознательные усилия субъекта, направленные к тому, чтобы бороться с этим внушением, не только не достигают своей цели, но как раз наоборот: они усиливают внушение, идущее от этой идеи.

4. Закон подсознательной целесообразности. Внушение действует посредством подсознательной целесообразности. При наличии цели подсознание само находит способы реализовать ее.

Эти четыре закона объясняют целый ряд явлений, наблюдаемых при изучении читательских пометок. Если внимание читателя сосредоточено на некоторых категориях врученной ему классификации и на их номерах, он относительно часто повторяет их, и, изучая их повторения, мы уже изучаем концентрацию читательского внимания. Податливость читателя к экфорированию тех или иных эмоций объясняет состав его пометок при каждом отдельном слове. Поэтому следует изучать прежде всего те пометки, какие относятся к эмоциям и вообще к иррациональным переживаниям, а не к концептам. Представляет большой интерес для исследователя изучение всех тех читательских пометок, какими характеризуется воображение и воля. Самовнушение тем сильнее, чем меньше участвуют в них волевые усилия. Когда же воля и воображение борются друг с другом, воображение берет верх всегда и без всяких исключений. Если среди читательских пометок больше всего таких, которые относятся к отделу эмоций, это значит, что такое-то слово подействовало на читателя особенно сильно. От качества и количества эмоциональных переживаний, экфорируемых словом, зависит степень его влияния. Особенный интерес с библио-психологической точки зрения представляет закон обращенного усилия: им объясняются не только такие явления, когда действие слов сводится на-нет, но и тогда, когда оно получает обратное направление, прямо противоположное тому, какое ожидается. В силу того же закона, бывает часто и так, что, чем больше усилий прилагает человек, тем меньше он преуспевает. Примером этому может служить всякий страдающий бессонницей: его собственные старания заснуть и волевые усилия, делаемые с такой целью, не только не способствуют, но, напротив, мешают засыпанию. Чего подчас хочешь, того и не делаешь, потому что самые усилия делать это — мешают деланию. Верхарн попал под автомобиль в силу того же закона обратного усилия. Тот же закон объясняет и

такие факты: читая книгу, я замечаю, например, что не понимаю такой-то страницы. Возникает идея о своей собственной непонятливости, тупости, невежественности и т. п. Начинаешь перечитывать непонятное и делать волевые усилия понять — и понимаешь еще того меньше. А вот пример, иллюстрирующий действие закона подсознательной целесообразности: исследуемый читатель начинает делать свои пометки более или менее наобум. Но нет в мире действий без причины: когда пометки пишутся наобум, — это значит, что их писанием управляет подсознание. Значит, оно-то этим способом и обнаруживает свои качества: пометки необдуманные, автоматичные, характеризуют все наши переживания, какие не дошли до сознания, не осознаны. А это-то особенно и интересно для исследователя. Это значит, что, в силу 4-го закона Бодуэна, подсознание, при наличии цели, само находит способы реализовать ее: пометки наобум тоже характеризуют тип читателя. Или, вот, например, в читателе промелькнула мысль: «я переживаю то-то и то-то при чтении такого-то слова». Эта мысль находит свое осуществление в пометках, притом сделанных если не о к о л о одного, так о к о л о д р у г о г о с л о в а того же текста-раздражителя, независимо от переживаний, этим словом экфорированных. Напр., при слове, обозначающем название какого-нибудь города, вдруг оказывается пометка, относящаяся к половому инстинкту. Разумеется, она не характеризует того слова, около какого поставлена. Но она очень характеризует самого читателя. Психо-аналитик без всякого труда расшифрует эту пометку: уж если есть идея, то она каким-нибудь путем приведет к какой-нибудь реакции и найдет пути, как проявиться во вне, в виде физиологического рефлекса, писания пометок. Тот же 4-й закон объясняет и такие факты: во мне промелькнула мысль, что мне надо проснуться завтра в 7 часов утра. Об этой мимолетной мысли я немедленно забываю, — и, тем не менее, на следующее утро просыпаюсь ровно в 7 часов: мимолетная идея осуществлена самим психо-физическим механизмом. Само подсознание соорганизовало достижение цели. Подобно этому реализуются разные непроизвольные, мимолетные мысли: «надо столько-то прочитать, надо написать письмо такому-то». Затем эти идеи более или менее автоматически приводятся в исполнение. В силу четырех законов самовнушения, понятным становится и тот факт, что мимолетно воспринятые чужие слова, фразы и собственные мимолетные идеи, высказанные или задуманные про себя, вовсе не так безрезультатны, как это кажется.

Процесс осознавания регистрирует количество и качество переживаний. Специальный библио-психологический метод позволяет открывать в этих элементах осознаваемости элементы подсознания. Так напр., субъект под влиянием такого-то слова текста-реактива переживает такую-то эмоцию. Почему она возникла (экфорировалась)? Где ее источник? Самый процесс осознавания не дает нам ответа на такой вопрос. Дать его может

только выяснение тех процессов, которые происходят в подсознании. Но ведь всякая осознаваемость, как мы видели, представляет собой как бы прорыв подсознания в область сознания, — прорыв, который может сопровождаться процессом рационализации подсознательных элементов. Коэффициенты, относящиеся к рубрикам осознаваемостей иррациональных переживаний, характеризуют и качество и количество таких прорывов. По их числу и распределению можно судить о некоторых качествах подсознания данного субъекта. Применяя к своим исследованиям разные научные методы и проверяя их анализом коэффициентов, библио-психолог имеет возможность получить целый ряд очень глубоких и тонких сведений о подсознании исследуемого субъекта, подобно тому как это делает и К. Юнг в своем ассоциационном методе.

Классовое подсознание в процессе осознаваемости.

Мы знаем, что одно и то же слово возбуждает различные психические переживания в одном и том же субъекте в разные моменты или в один и тот же момент, но у разных читателей. Возьмем какое-либо слово, напр., «тело», «явление», «капитал», и предложим сделать их анализ субъектам, принадлежащим к разным психическим и социальным типам. Эти субъекты проставят у каждого из предложенных им слов более или менее различные номера библио-психологических классификаций, что соответствует закону И. Тэна, в силу которого тождественность понимания разных слов разными субъектами обусловлена не иначе, как тождественностью их мнем. Можно иллюстрировать этот факт, выразив по самой подробной классификации разное понимание одних и тех же слов читателями в виде нижеследующей таблички, составленной на основании сделанной нами анкеты читательства в разных социальных классах.

Вербально анализируемые слова.

	«тело» вообще	«явление» вообще
1. Читатель малокультурный	164. 185. 15. 16. 4. 13. 20. 30. 32. 38. 36. 122. 125. 128. 177. 137. 138. 155. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 130. 131. 136.	1. 2. 4. 9, 29. 39. 52. 53. 68. 73. 75. 76. 77. 79. 104. 120. 171. 175. 178. 184.
2. Читатель интеллигентный (отвлеченного типа)	15. 2. 3. 4. 10. 12. 14. 18. 19. 22. 26. 30. 39. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 141. 153. 163. 164. 167.	1. 2. 3. 4. 7. 8. 10. 12. 13. 15. 16. 17. 18. 19. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 51. 56. 58. 74. 81. 83. 121. 172. 174. 183.

Нижеследующая табличка характеризует два разных понимания слова «капитал» с точки зрении социальной «классовой» психологии:

Понимание рабочего:	3. 8. 9. 11. 15. 20. 25. 35, 37. 38. 39. 42. 43. 46. 49. 55. 68. 70. 86. 87. 91. 94. 96. 97. 101. 102. 103. 104. 106. 107. 108. 111. 113. 110. 116. 120. 122. 125. 126. 127. 173. 174. 175. 178. 180. 182. 183. 186. 187. 188. 189. 197. 199. 201. 203. 207. 209. 211. 213. 130. 135. 145. 146. 149. 150. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 164. 166. 170.
Понимание капиталиста:	3. 8. 9. 11. 12. 13. 14. 15. 20. 21. 25. 26. 30. 32. 35. 36. 38. 39. 42. 43. 44. 45. 46. 53. 55. 56. 57. 68. 86. 87. 91. 92. 94. 96. 97. 98. 101. 102. 103. 114. 116. 123. 130. 135. 138. 137. 145. 146. 151. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 165. 166. 168. 169. 173. 174. 175. 176. 177. 179. 180. 183. 182. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 196. 197. 200. 202. 204. 208. 210. 212.

Вдумываясь в эти номера, с подробной классификацией в руках, мы видим, что слово «тело» вызывает в первом читателе такие переживания, как понятия, образы, стремления, действия, эмоции и пр., относящиеся к телу человеческому, тогда как во втором «тело» трактуется вообще как вещество, одно из явлений природы. Слово «явление» для первого читателя есть нечто мистическое, божественное, для второго нечто механическое, одно из звеньев необходимого ряда причин и следствий.

Еще интереснее сопоставить номера, которыми обозначены переживания, возбуждаемые словом «капитал» в рабочем, с одной стороны, и в капиталисте — с другой. Переживания эти очень различны. Различны понятия, эмоции, стремления, различны оценки.

Из этих примеров видно, что специальный метод библиопсихологии позволяет делать очень сложные и тонкие характеристики вербальных переживаний и выражать их терминами определенной психологической классификации, а, вдумываясь в такие выражения переживаний, мы не можем не видеть, что здесь перед нами не что иное, как ряды возбуждений, различия которых обусловлены различиями мнемы, не только индивидуальной, но и социальной. Видно также, что сходства и различия классовой мнемы поддаются научному наблюдению и вообще изучению по специальному методу. Номера, выражающие сходства разных читателей, должны быть отнесены к сходству мнем более общего порядка, напр., национальной, социальной, обще-человеческой. Это значит, что, пользуясь специальным методом и подвергая сравнительному изучению читательские показания о переживаниях при вербальных восприятиях разных слов, исследователь имеет возможность выяснить зависимость понимания от-

дельными личностями от их мнемы социальной, национальной, классовой и т. д. Одинаковые номера в переживаниях каждого отдельного слова характеризуют собою сходства пониманий, т. е. тот комплекс мнемы, на который и должен действовать говорящий или пишущий субъект, если он старается сделать свою речь возможно более влиятельной.

Теория библио-психологического потенциала.

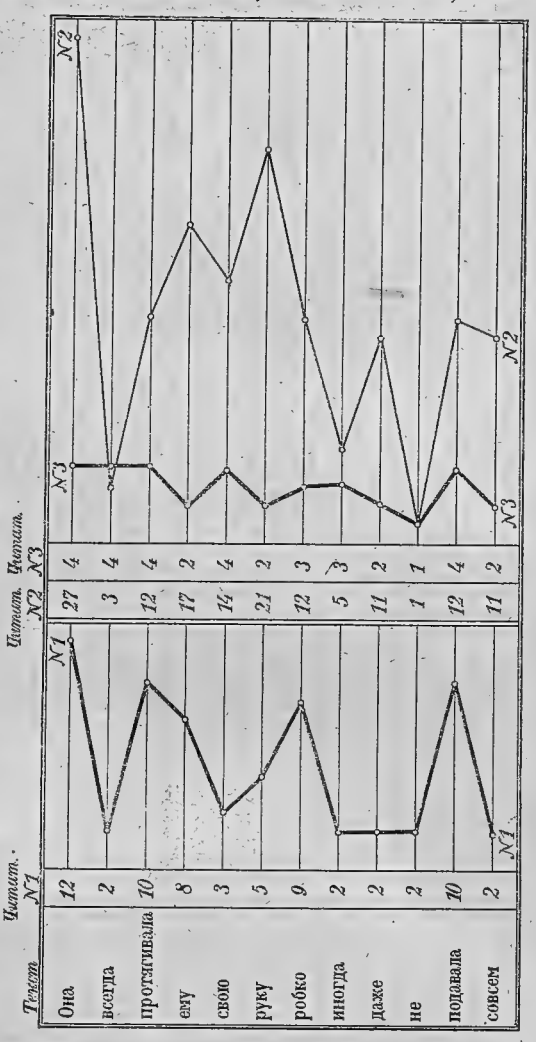
Вышеприведенные таблицы характеризуют и интенсивность переживаний одних и тех же слов разными субъектами. Интенсивность эта также поддается исследованию по библио-психологическому методу.

Возможность такого исследования вытекает из того, что неосознаваемые, не констатированные нами энграммы, экфории и другие явления в нашей мнеме дают знать о своем качестве и количестве интенсивностью тех переживаний, какие возбуждаются словом или фразой в данном читателе при данных условиях. Мы можем принять, что, если какое-либо отдельное слово, при прочих равных условиях (напр., условиях торможения), возбудило большое число осознаваемостей, это значит, что относительно велика и напряженность переживания этого слова у данного читателя. Здесь мы говорим об интенсивности возбуждений, которые зависят не иначе, как от субъекта, в силу закона Гумбольдта-Потебни.

И правда, обратим внимание на номера, проставленные каким-нибудь читателем у каждого слова прочтенного им текста. Мы уже видели, что всякий читатель у разных слов проставляет разное количество номеров. У иных 1 — 3, у других 40 — 50 и даже больше. Почему так бывает? Потому, что разные слова текста возбуждают в читательском Я переживания разной силы и напряженности. Напр., слова, выражающие отношения, в роде «из», «на», «у», «чем» и т. п., почти во всех читателях возбуждают малое число переживаний, а эти последние — одной и той же категории. Напр., в «Тучках» Лермонтова почти все читатели поставили один и тот же № 2 у слов «с», «у», «как», «будто» и т. п. Совсем другое видели мы при анализе слова «капитал». Это слово возбуждает сильные переживания, что и выразилось большею осознаваемостью. Это видно по числу номеров, около него проставленных. Из этих примеров ясно, что разные слова возбуждают переживания действительно разной силы и напряженности как у одного и того же читателя, так и у различных читателей.

Поэтому во всякой фразе можно расклассифицировать все ее слова по относительной напряженности вызываемых ими переживаний. Это можно изобразить графически так. См. рисунок. На прилагаемом рисунке вдоль вертикальной оси написан текст-реактив (несколько слов из романа Достоевского «Преступление и наказание».) На соответственных горизонталях отложены отрезки, величины которых пропорциональны числу номеров, проставленных данным читателем, количество номеров указано на рисунке у каждого

отдельного слова текста. Линия № 1 наглядно показывает, сколь неравномерно распределена напряженность переживаний данного читателя в процессе чтения данной фразы. Значит, по такой кривой мы можем судить о напряженности переживаний. Здесь мы говорим о напряженности в статистическом смысле, так как каждая из единиц подсчета имеет, как мы знаем, свою индивидуальную окраску. На том же рисунке рядом изображены соответствующие переживания двух других читателей того же текста. Из сопоставления видно, как варьирует напряженность переживаний у разных субъектов.



Присматриваясь к номерам, проставленным одним и тем же читателем у разных слов текста, мы констатируем, что эти номера распределяются не одинаково по 8 главным категориям. У одного и того же слова наблюдаются разные количества номеров из категорий понятий (П). Совсем иные из категорий эмоций (Э). Тоже иные — из других шести категорий (О, ОЩ, Ор, И, С, Д). У одного и того же слова наблюдается разное количество номеров по каждой из этих категорий. Так напр., для текста, взятого из «Курса русской истории» В. Ключевского (ч. III, стр. 418 — 419), один читатель, производя анализ по классификации № 4 и по предельному методу, проставил у слова «неприятелем» 66 номеров, у слова «победа» — 55 номеров, у слова «походы» — 54 номера, у слова «захлопнул» — 46 номеров. Как распределились эти номера по восьми главным категориям? Это видно из таблицы на стр. 216, где цифры означают число проставленных номеров.

Слова текста, у которых читатель проставил больше всего номеров осознаваемостей:

	«Неприятелем»	«Победа»	«Походы»	«Захлопнул»	«Быть»
П . . .	9	7	6	7	10
О	2	1	2	3	0
Ощ . . .	0	1	1	3	0
Э	26	20	11	21	2
Ор . . .	2	2	5	0	0
И	3	5	6	1	1
С	15	12	11	6	4
Д	9	7	12	5	4
Итого .	66	55	54	46	21

Из этой таблицы ясно видно, к какой категории психических переживаний относятся максимальные количества осознаваемостей: за исключением слов «походы» и «быть», максимум падает на категорию эмоций. Максимум такого рода характеризует статистическую напряженность, обусловленную возбуждающим действием того слова, к которому этот максимум относится и переживаемую данным читателем в данный момент под влиянием этого слова. Из таблицы видно, что есть такие слова, которыми возбуждаются, главным образом, осознаваемости эмоций,— это слова, обладающие напряженностью эмоциональною («неприятелем», «победа», «захлопнул»). Напротив, слово «быть» показывает напряженность интеллектуального типа, так как по своему числу осознаваемости понятий здесь во много раз превышают осознаваемости всех других категорий. В слове «походы» наблюдается преобладание переживаний не только эмоционального, но и волевого типа (С и Д). Из этого видно, что существуют напряженности трех главных категорий: эмоциональная, интеллектуальная и волевая. См. рисунок. Случается так, что слово переживается читателем как напряженность одного из этих типов, а два других типа напряженности при этом отсутствуют или уступают первой по своей статистической величине. Если считать П, О, Ощ явлениями одного (интеллектуального) порядка, Э и Ор — другого, С и Д — третьего, то для слова «неприятелем» три типа напряженности распределяется по их убывающим статистическим величинам так:

Для слова «неприятелем» Э > С > П = 28 : 24 : 11
» » «походы» С > Э > П = 23 : 16 : 9
» » «быть» П > С > Э = 10 : 8 : 2

Эти цифры дают понятие о распределении напряженности трех главных типов в пределах разных слов одного и того же текста.

Все здесь сказанное выясняет понятие о библио-психологическом потенциале, статистически выводимом путем анализа осознаваемостей. Мы уже упоминали этот термин — «библио-психологический потенциал». Теперь мы должны остановиться на нем несколько подробнее. Понятие потенциала относится к мнеме, а не к тексту. Так как читательские переживания изменяются с течением времени, то неизбежно изменяются и потенциалы каждого отдельного слова. Пример см. на стр. 225, — потенциал слова «царь» в мнеме революционера. Потенциал слова изменяется, уменьшаясь или увеличиваясь, в зависимости от изменения мнемы, состоянием которой обусловливается возбуждающая сила всякого слова-раздражителя. Изменения потенциалов во времени поддаются исследованию по спе-

циальному библио-психологическому методу. Для этого необходимо лишь сравнивать показания одного и того же читателя по отношению к одним и тем же словам одного и того же текста в разные моменты времени. Изменяется и качество потенциалов: интеллектуальные уступают место, напр., эмоциональным или волевым, или обратно. Из общей психологии известно, что при усилении раздражения явления интеллектуального порядка переходят в эмоциональные, а те в движения и в другие переживания волевого типа. Напр., лучи света, если он достигает все большей и большей яркости, возбуждают сначала ощущение, затем, при его усилении — чувство боли, страдания, затем вызывают эмоцию отвращения и, наконец, пробуждают хотение или стремление избежать этих страданий, а такое стремление заставляет психо-физический организм действовать, двигаться то рефлективно, то сознательно, чтобы планомерно защитить себя

от неприятного чувства. Из сейчас сказанного видно, что библио-психологические потенциалы могут быть классифицированы по функциям мозга, а это подводит нервно-физиологический фундамент под учение о потенциале.

То, что здесь мы называем библио-психологической напряженностью переживаний, или потенциалом, проливает новый свет на целый ряд явлений, происходящих в области книжного дела. Еще А. Бинэ и В. Анри когда-то писали, что «каждый член фразы имеет свою особую высоту». Близка к потенциалу «доминанта» некоторых авторов, но с тою существенною разницей, что потенциал относится к читательской мнеме и построяемой ею проекции, тогда как «высота» и «доминанта» считаются свойствами содержания слов и текстов.

Что же такое потенциал? В физике так называется некоторый уровень напряжения, обусловливающий способность производить работу. Библио-психологический потенциал есть выражение напряжения, внешний признак его, проявляющийся в большей сложности и напряженности переживаний, имеющих место в данном читателе под влиянием текста-реактива. Не будь этого, читатель не поставил бы столь большого числа разных номеров у того слова, потенциал которого относительно высок.

Потенциал может быть как положительным, так и отрицательным, т. е. выше или ниже среднего уровня возбудимости мнемы. Подобно тому как средний уровень моря принимают за нулевой уровень, а высота гор и глубина морей и океанов считается от этого уровня, так и средний уровень возбудимости мнемы тоже должен считаться за нуль библио-психологического потенциала. Этот уровень и можно взять за исходный пункт при измерении разностей библио-психологических потенциалов отдельных слов, фраз и книг.

У всякого слова, у всякой фразы, как мы уже знаем, имеется свой потенциал, и всегда более или менее различной величины, которая изменяется у разных читателей в разные моменты их жизни. Абсолютная величина потенциалов, какими обладают различные библио-психологические единицы, т. е. их величина сравнительно со средним уровнем («нулевым потенциалом»), не имеет особенного значения, но его имеет разность потенциалов двух сравниваемых возбуждений, причиненных словами текста-реактива.

Наркотические вещества влияют на потенциалы как отдельных слов, так и фраз. При помощи гипноза тоже можно доводить потенциалы до поразительной высоты. Есть свой потенциал как у явлений сознательных, так и подсознательных. С этой точки зрения ассоциационный метод К. Юнга представляет собой экспериментальное изучение подсознательного потенциала. Опыты К. Юнга показывают, что слово может иметь потенциал по обе стороны порога сознания. Так напр., слово, которое мы сознательно считаем малозначащим, вдруг вызывает в нас целый взрыв осознаваемостей, который является не чем иным, как

проявлением его высокого потенциала подсознательного. Этот последний дает себя знать в виде целого ряда читательских пометок, относящихся к психическим переживаниям иррационального характера, действующим из подсознания. И обратно: сознательно мы характеризуем такое-то слово как очень многозначащее, а между тем чувствуем, что оно нас «не захватило». Это значит, что, охватив наше сознание, слово это не имеет высокого потенциала в нашем подсознании. Из всего сейчас сказанного видно, что не следует смешивать понятие библио-психологического потенциала с порогом сознания. Тоже не следует смешивать это понятие потенциала с понятием логического и грамматического ударения и с логическими и грамматическими подлежащими. Логическое подлежащее может и не иметь высокого библио-психологического потенциала, если оно не производит на данного читателя достаточно сильного действия. И обратно. Большим библио-психологическим потенциалом отличаются такие слова фразы, которые и с логической, и с грамматической точки зрения представляются иной раз относительно неважными. И вот читатель, на которого такое-то слово с потенциалом высоким для его мнемы произвело значительное действие, начинает спрашивать себя: «А почему вот здесь напечатано или сказано такое-то слово?» Такими вопросами читатель и показывает, что это слово и оказалось для него с высоким потенциалом. В 1906 г. один бойкий журналист написал фельетон на тему: «Эволюция или революция?» Спор шел о союзе «или», поставленном между этими двумя существительными. Спорили о том, какой союз там надо поставить — «или» или «и». Этот союз «или» оказался для спорщиков словом более высокого потенциала, чем те два существительных, которые сопоставлялись или противопоставлялись одно другому.

Подобно тому как существует потенциал отдельного слова, так существуют потенциалы и отдельных фраз. Может случиться, что в одной и той же фразе скопляется несколько слов с высокими потенциалами для ее читателя, причем эти потенциалы могут быть то волевыми, то эмоциональными, то интеллектуальными, то смешанными. Их скопление в одной и той же фразе кладет свой отпечаток на потенциал этой последней. Мы уже видели выше, что потенциал слова поддается выяснению путем специального библио-психологического метода. Тоже и потенциал фразы. Некоторые лозунги представляют собой пример фраз с высоким потенциалом. Тоже и ругань. Существуют высокие потенциалы книги, статьи, речи. Если мнема читателя достаточно богата соответствующими энграммами, более или менее легко экфорируемыми, то вовсе не требуется многих слов, чтобы получить сильную реакцию со стороны читателя. Это объясняет между прочим могущественное влияние так наз. «запрещенной литературы» в эпоху царизма. Одно слово, одна фраза нелегальной книжки, соответствующие качественной и количественной стороне читательской мнемы, оказывали на рабочего и крестьянина не-

измеримо большее влияние, чем целая библиотека анти-революционной царистской литературы. Нетрудно понять, что термин «потенциал» вполне приложим к мнеме не только индивидуального читателя, но и читателя среднего, т. е. характеризующего коллектив. Здесь потенциалы сказываются, напр., действием разных девизов, крылатых слов, лозунгов.

Было бы большой ошибкой смешивать понятие интеллектуального потенциала с понятием внимания и сознания. Часто бывает так, что какое-нибудь слово текста поражает читателя, находясь на более или менее далеком расстоянии от фиксационной точки внимания, которое в это время сосредоточено на каком-нибудь другом слове. Это значит, что на читателя сильнее действует совсем другое слово, стоящее в стороне и виденное одним глазком. Внимание имеет свой особый потенциал, не всегда совпадающий с библио-психологическим. Самая суть явления потенциала заключается не в сосредоточении действия, а в интенсивности его. Впрочем, бывает и так, что слова с большими потенциалами, вспоминаемые подсознательно, привлекают к себе внимание и сознание. Изучать разного рода библио-психологические потенциалы, их распределение в пространстве и их изменение во времени — это значит изучать действительную силу и влияние слова, книги, литературы. В устной речи роль потенциала делается еще более важной, благодаря вмешательству таких элементов, как, например, тон голоса, ударение, быстрота или медленность и отчетливость произношения, мимика и пантомимика, сопровождающие речь.

Примеры применения специального метода библио-психологии. Библиологический психоанализ.

Приведем два небольших примера применения специального библио-психологического метода на практике. Текстами-реактивами служат: 1) текст конкретный, беллетристический, взятый из романа Достоевского «Преступление и Наказание» (Эпилог, гл. II); 2) текст отвлеченный, философский, из книги проф. Л. Лопатина «Лекции по истории новой философии» (ч. I, стр. 44). Оба эти текста были даны одному и тому же интеллигентному читателю вместе с самой подробной классификацией № 4 из 213 рубрик. Примеры, которые мы сейчас приведем, показывают возможность чрезвычайно детального осознавания переживаний самим читателем. Привычка производить над самим собою даже такие сложные анализы вырабатывается очень быстро, отнюдь не менее быстро, чем привычка делать анализ грамматический или логический. Читатель, показания которого мы приводим, поставил у каждого слова анализируемого текста значительное число номеров, что говорит о сложности его переживаний (от 12 до 14). Напомним, что в классификации, которая ему была дана, №№ 1 — 28 относятся к категории понятий; №№ 29 — 41 — образов; №№ 42 — 50 — ощущений; №№ 51 — 121 — эмоций, чувств; №№ 122 — 129 — низших органических чувств; №№ 130 — 136 — инстинктов; №№ 137 — 162 — хотений, стремлений и др. пере-

живаний волевого типа; №№ 163 — 190 — действий. Число номеров в каждом аккорде переживаний до некоторой степени характеризует библио-психологический потенциал этого слова. Например, в анализе текста из Достоевского наибольший потенциал имеет слово «Соня». Страдальческий и симпатичный облик героини романа очевидно произвел сильное впечатление на данного читателя, и он проставил здесь тринадцать номеров. Затем на него же произвело тоже очень большое впечатление, что Соня не подавала руки Раскольникову (у слова «подавала» стоит десять номеров) и что она «протягивала» (тоже десять номеров) ее «робко» (девять номеров). Герой романа производил на данного читателя меньшее впечатление (восемь номеров), чем героиня (тринадцать номеров). Все сказанное нетрудно видеть из следующей небольшой выписки, взятой из читательских показаний. Слова текста расположены в ней в виде вертикального столбца. Около каждого слова этого текста поставлены читателем номера классификации № 4.

Анализ[1]

Она (Соня): 16, 17, 37, 68, 70, 58, 85, 113, 144, 151, 74
всегда: 1, 3
протягивала: 164, 10, 30, 32, 15, 49, 85, 93, 18, 2
ему (Раскольникову): 16, 17, 37, 93, 105, 88, 113, 9
свою: 20, 15, 16
руку: 15, 16, 30, 42, 2
робко: 105, 4, 85, 113, 120, 164, 185, 19, 30
иногда: 1, 3
даже: 6, 7
не: 5, 176
подавала: 10, 93, 113, 164, 176, 37, 70, 85, 105, 16
совсем: 5, 7
и т. д.

Если вместо всех этих цифр написать название тех психических явлений, какие ими обозначены, то окажется, что между

[1] Вот анализируемый текст: Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее. Он всегда как бы с отвращением брал ее руку, всегда точно с досадой встречал ее, иногда упорно молчал во все время ее посещения. Случалось, что она трепетала его и уходила в глубокой скорби. Но теперь их руки не разнимались: он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился. Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. Первое мгновение она испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг, она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье, она поняла и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее, и что настала же наконец эта минута... Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы, но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого (216 слов).

всеми существует определенное соотношение, функциональная зависимость. Так, напр., вот что обозначают эти номера, написаные у слова «Соня»: читателя интересует психика (№ 16) Сони, хотя это образ не реальный (№ 17). Но это образ чужих страданий (№ 87), образ красивый, изящный, эстетический (№ 58), возвышенный (№ 68), трагический (№ 70), этический образ раскаивающейся девушки (№ 85), симпатичной (№ 93), незлобивой (№ 88), не познаваемой по существу (№ 74), скорбно-грустной (№ 113). Такой образ пробудил в читателе, несомненно индивидуалистического и аналитического типа, альтруистические стремления к благу ближнего (№ 144), к идеалу вообще (№ 151). Слово «всегда» пробудило понятие времени (№ 1), а именно — большого времени (№ 3). Совсем иные переживания возбуждены словом «протягивала»: читатель пережил понятие действия (№ 10) и мысленно — самое действие (№ 164), самопроизвольное движение (№ 18) как явление внешнего мира (№ 15), совершающегося во времени (№ 2). Читатель мысленно видел образ этого движения (№ 30 и № 32), переживал его в виде своих собственных ощущений (№ 49), так ярко представлял он себе это протягивание руки, симптом крайне сложных и тонких чувств, перечисленных в рубрике № 85 (нравственная щепетильность, стыдливость и т. д.). Предоставляем своему читателю расшифровывать психологию того субъекта, который характеризовал свои переживания проставленными им номерами. Из этих читательских пометок видно, что образ Сони характеризован очень подробно и тонко. У какого-нибудь другого читателя мы несомненно найдем другие характеристики слов, у третьего — опять другие и т. д. Из этого примера видно, что специальный метод библио-психологии позволяет детально и глубоко отмечать читательские переживания и анализировать их. Всматриваясь и вдумываясь в читательские показания, исследователь понимает изучаемого читателя потому, что, согласно закону И. Тэна, и читатель и исследователь обладают сходною социальной мнемой, а может быть имеется сходство в мнемах и в наследственной, и в индивидуальной, что тоже можно выяснить путем дальнейшего анализа читательских пометок. Так как, согласно библио-психологическому методу, исследователь и читатель заранее договариваются о тождественности понимания ими всех слов классификации, то, расшифровывая читательские показания, он близок к реальности.

Возьмем теперь пример библиологического психоанализа из области научно-философской, которая с первого взгляда как-будто бы особенно трудно поддается анализу вследствие своей отвлеченности, а значит, и относительной бледности возбуждаемых переживаний. Разумеется, в силу функциональной зависимости между книгой и читателем, не могут с изменением книги не измениться и читательские переживания текста, а значит, и проекция, построяемая данным читателем. Переживания, возбуждаемые философским произведением, определенно передвигаются,

в силу качеств самой книги, из рубрики эмоций и других иррациональных психических явлений в рубрику понятий аристотелевских и кантовских категорий. Но, тем не менее, психический облик читателя дает себя знать и при чтении даже самого отвлеченного текста. Бросается в глаза из сравнения двух анализов, сделанных одним и тем же читателем, его эмоциональность и его склонность к волевым переживаниям: на 30 слов, взятых из текста Лопатина, приходится пять переживаний эмоциональных (№№ 45, 51, 58, 74, 85), волевых тоже пять (№№ 138, 169, 169-а, 164, 166). Все остальные относятся к отделу переживаний интеллектуального порядка: понятие (55 номеров) и образ (6 номеров). Из этого маленького примера уже видно, что функциональная зависимость между книгой и читателем сказывается при чтении первых же и даже очень немногих слов текста. При чтении Достоевского приходились на 12 слов следующие количества переживаний: П — 27; О — 7; Ощ — 2; Э — 22; С — 8. Здесь обращает на себя внимание сильное возрастание переживаний эмоциональных и сильное падение переживаний интеллектуальных, тогда как в тексте Лопатина наблюдается прямо противоположное явление. Ниже мы покажем, до какой степени ярко дает себя знать функциональная зависимость между текстом книги и читателем при анализе текстов-реактивов, состоящих из нескольких сот слов.

Вот пример анализа чтения философского текста, взятого из упомянутой книги проф. Лопатина.

Анализ[1]

Начало: 8, 1, 11, 12, 13
мирового: 15, 16, 3, 1, 2, 10, 13, 51, 58, 74, 85, 138, 169, 169-а, 164, 166, 29, 30, 32, 31, 37, 41, 4
процесса: 10, 8, 12, 18, 13, 15, 16, 19, 138
оказывается: 13, 22, 23, 6, 7, 12
совершенно: 3, 7, 19, 23
немыслимым: 16, 5, 17, 19, 4, 25, 166
понятием: 16, 27, 17, 166
всякое: 3, 5, 11, 13, 22
начало: 1, 8, 11, 12, 13, 15, 16
есть: 13, 6
известный: 7, 6, 10, 12, 23, 51
момент: 1, 3, 13
времени: 1, 3 и т. д.

[1] Текст из книги Лопатина. «Лекции по истории новой философии», ч. I, стр. 44. «Начало мирового процесса оказывается совершенно немыслимым понятием. Всякое начало есть известный момент времени, а никакой момент времени не возможен без момента предшествующего. Следовательно, до признанного нами начала мы должны предположить что-нибудь более раннее, и оно уже перестает быть началом. Оно само является только одним из звеньев в бесконечном ряде звеньев» и т. д. Всего 235 слов в тексте-реактиве. Здесь мы привели лишь начало.

Из этого примера видно, что для данного читателя в таком тексте наибольшим потенциалом обладает слово «мировой» (23 пометки), и читатель этот, человек более или менее конкретного склада ума, пережил под влиянием этого слова картину Вселенной как гигантского реального целого. Это слово возбудило в мнеме такого читателя понятие о мире и внешнем (№ 15), и внутреннем (№ 16), о пространстве (№ 2) и о времени (№ 1), о количестве (№ 3) и качестве (№ 4) его, о вечном движении (№ 10), о великой реальности, о сущем (№ 13). Все это читатель такого типа мысленно облек в форму (№ 30), краски (№ 29), звуки (№ 31), в ряд текущих, видимых перемен, т. е. чего-то конкретного не только в ряд понятий, но и в ряд образов (№ 32), что и соответствует такому типу читателя. Но этот читатель не только понимает, мыслит и не только представляет себе образно, реально, а и чувствует Вселенную — это великое космическое: он обладает чувством истины, любовью к ней, чувством достоверности, уверенностью и верою в истину (№ 51). Мир для него есть вместе с тем и красота мира (№ 58). Читатель, чувствуя его бесконечную и непознаваемую глубину, отмечает в своем показании наличность космического чувства (№ 74), а также нравственное начало как элемент Космоса, как его естественные качества (№ 85). Из этого видно, что номера, стоящие у одного только слова, уже могут раскрыть, путем их библиологического психоанализа, очень характерные черты читательского миросозерцания. Номера у других слов пополняют такой результат анализа еще более. Обращает на себя внимание частое повторение № 1. Это значит, что читатель легко осознает категорию времени, т. е. мыслит именно в его терминах: № 1 повторен пять раз на 13 слов, тогда как категория пространства (№ 2) — всего лишь один раз. Так как в процессе чтения все детерминировано, все обусловлено качественной и количественной стороной мнемы, то и такое несоответствие чисел осознаваемостей по двум категориям классификации (5 : 1), разумеется, неслучайно. Характерны и повторения № 11. Кантовская модальность, категория возможности указана три раза. Мы находим четыре повторения указаний на категорию необходимости (№ 12). Категория действительности (№ 13) повторена девять раз. Это наводит на мысль о позитивизме читателя, о его реалистическом миросозерцании. Характерно и его понимание слова «процесс»: это для него реальность (№ 13), ряд форм (№ 19), ряд причин и следствий (№ 8), перемен и вообще движений, необходимых, неизбежных по существу (№ 12) и самопроизвольно происходящих без вмешательства посторонних теологических сил и метафизической сущности (№ 18), совокупность явлений внешних (№ 15) и внутренних (№ 16). Читатель поставил эти два последних номера рядом, — намек на его параллелистическое понимание их соотношений. Это подтверждается анализом и других показаний того же читателя, сделанных им под влиянием того же текста-реактива. Еще характерно, что к слову «процесс» чита-

тель этот прибавил № 138, показывающий переживание стремления.

Далее продолжать наш библио-психологический анализ читательских показаний об очень отвлеченных и тонких философских переживаниях, возбужденных в данный момент данным текстом, мы не будем. Из вышесказанного уже видно, сколь глубоко может итти объективное экспериментальное выяснение очень тонких переживаний чужого Я, объективно исследуемого по реакциям на текст-реактив. Если в распоряжении исследователя будет иметься множество таких же читательских показаний, то, воспользовавшись специальным библио-психологическим методом и координируя его с разными другими научными методами, исследователь получает несомненную возможность объективно изучать такие тонкости и глубины чужого Я, какие до сих пор не были доступны экстроспективному исследованию.

Чтобы покончить с вопросом о библиологическом психо-анализе номеров, поставленных данным читателем у отдельных слов текста-реактива, покажем на маленьком примере, сколь интересные закономерности этот анализ может открывать. Берем показания одного революционера о его переживаниях небольшого отрывка, взятого из «Курса русской истории» В. Ключевского (ч. III, стр. 418—419). Этот анализ сделан по предельному методу. Читатель ставил свои номера исчерпывающим образом, давая отчет о каждой рубрике классификации. Анализ делался приблизительно в течение десяти дней. Значит, при одном и том же слове были проставляемы номера в разное время, т. е. при разных настроениях этого читателя. Зная вечную изменчивость мнемы, интересно выяснить, что осталось неизменным в переживании одного и того же слова, но в разное время, и что в этом переживании изменилось и как. Вот какие номера проставил данный читатель около слова «царь» (речь идет об Алексее Михайловиче), повторенного на протяжении текста-реактива пять раз:

Первый раз «царь»: 29, 30, 31, 32, 37, 17, 15, 19, 25, 51, 67, 69, 86, 94, 96, 103, 109, 108, 102, 114, 113, 133, 146, 155, 156, 158, 159, 184, 185, 187, 189, 134. Всего тридцать два номера.

Второй раз «царь»: 1, 5, 29, 30, 26, 17, 16, 19, 24, 86, 94, 87, 103, 105, 108, 102, 130, 134, 135, 154, 155, 156, 158, 159, 163, 184, 187, 189. Всего двадцать восемь номеров.

Третий раз «царь»: 16, 4, 18, 13, 17, 20, 19, 25, 26, 29, 30, 31, 32, 37, 53, 54, 56, 57, 67, 69, 71, 79, 82, 86, 94, 87, 96, 103, 109, 108, 102, 104, 101, 122, 124, 125, 130, 133, 135, 136, 154, 155, 156, 158, 157, 171, 169, 173, 184, 180, 185, 187. Всего пятьдесят два номера.

Четвертый раз «царь»: 16, 4, 18, 13, 17, 54, 56, 57, 67, 69, 71, 86, 94, 87, 96, 103, 109, 108, 102, 113, 125, 130, 132, 133, 134, 135, 137, 138, 154, 155, 156, 158, 159, 163, 166, 169, 171, 173, 180, 184, 185, 187, 189. Всего сорок три номера.

Пятый раз «царь»: 16, 13, 14, 18, 17, 15, 19, 24, 25, 26, 37, 53, 54, 56, 57, 67, 69, 71, 82, 83, 79, 86, 94, 87, 96, 103, 109, 108, 102, 101, 113, 119, 125, 130, 132, 133, 135, 150, 154, 155, 156, 158, 159, 166, 171, 189, 169, 173, 184, 180, 185, 187. Всего пятьдесят два номера.

В этом, повидимому случайном и как-будто неопределенном наборе противоречивых показаний можно разобраться психологически. Мы делаем это для примера, беря только пять вышеприведенных показаний, относящихся к одному и тому же слову. Но по тому же методу можно изучить и все показания данного читателя, а также какого угодно числа читателей. Выделим в вышеприведенных пяти показаниях элемент постоянный, повторяющийся, от элемента непостоянного, а затем изучим этот последний по степеням его непостоянства, его все убывающей повторяемости. Следующие категории психических переживаний наблюдаются во всех пяти случаях, представляя постоянный элемент возбуждения, произведенного в данном читателе-революционере ненавистным ему словом «царь». Следующие номера читатель повторил во всех пяти случаях своих переживаний этого слова: 17, 86, 94, 102, 103, 108, 155, 156, 158, 159, 184, 187. Всего двенадцать, тогда как среднее число номеров у слова «царь», интроспективно анализированного, равно у этого читателя — 41,4. Это значит, — элемент постоянный неизмеримо меньший, чем элемент непостоянный. Расшифруем эти номера, пять раз повторенные, по той классификации, по какой читатель давал свои показания. Таким путем мы выясним наиболее характерные переживания данного читателя при действии на него слова «царь». Вот каким читательским переживаниям соответствуют вышеприведенные, повторяющиеся номера: нереальность, т. е. фиктивность самого звания царя (№ 17), бессовестность (№ 86), эгоистичность (№ 94), господство (№ 102), самомнение (№ 103), порицание (№ 108), стремление к пользе, благу, интересу личному (№ 155), к накоплению, приобретению, богатству, собственности (№ 156), к деспотизму, власти, командованию, господству (№ 158), к славе, почестям, рисовке (№ 159). Далее следуют переживания настойчивых, нерешительных, импульсивных действий, описываемых Ключевским в царе Алексее (№ 184), при общественном служении (№ 187), каким гордились цари. Все эти номера очень определенно выражают, какой именно комплекс возбуждается в мнеме данного читателя при каждом восприятии слова «царь». Здесь перед нами характеристика именно целого комплекса мнемы (в фрейдовском смысле). Из этого примера

видно, что специальный библио-психологический метод позволяет выяснять состав комплекса, в данном случае того, который обусловливает отношение данного читателя к царской власти, влияя на сознание и подсознание, где коренятся вышеперечисленные энграммы, экфорированные словом «царь». Этот же пример может служить иллюстрацией того, каким образом при помощи того же метода библиологического психоанализа можно изучать и характеризовать подсознание читателя по его собственным как-будто бы случайным и разрозненным показаниям.

Из примеров сейчас приведенных видно, до какой степени индивидуально действие каждого отдельного слова на одного и того же читателя, и до какой степени сложно это явление. Такую его сложность обыкновенно упускают из виду как сам говорящий, так и слушающий, как читающий, так и пишущий. Только великие писатели-художники интуитивно догадываются об этом, и каждый по своему утилизирует эту сложность, но и то не всегда удачно. Изучение языка великих писателей открывает бесконечно большое число тайн их стиля. Здесь еще раз подтверждается колоссальное значение закона Гумбольдта-Потебни и вообще теория мнемы. Содержание слова есть функция читателя, его мнемы, комплексов этой последней и состояния ее в данный момент и в данных условиях места.

Мы не будем вдаваться здесь в детальное расшифровывание каждого номера, который при слове «царь» был повторен читателем по четыре, по три, по два раза и по одному разу. Это может сделать всякий желающий, по тем данным, какие мы выше привели. Из предыдущего нашего расшифровывания уже можно видеть, что анализ читательских показаний позволяет классифицировать читательские переживания какого-нибудь одного комплекса мнемы (в нашем случае того, который возбуждается, экфорируется словом «царь») по его относительной повторяемости, а значит, и устойчивости, и прочности.

Сравнительное изучение читателей и книг-реактивов.

До сего времени мы говорили о применении библиологического психоанализа в целях изучения отдельного читателя. Теперь мы будем говорить о сравнительном изучении различных и многих читателей по тому же методу. Возьмем какой-нибудь текст, напр., те же «Тучки» Лермонтова, и дадим его нескольким читателям. В этом стихотворении 64 слова. Этого числа слов, в сущности, недостаточно для сравнительной характеристики разных читателей с должной полнотою и устойчивостью. Но для иллюстрации основной идеи и техники библио-психологического метода будет достаточно и этого маленького стихотворения. Ради простоты предложим читателям давать их показания по упрощенной классификации № 3, заключающей шестьдесят рубрик. Классификация эта была нами дана шести разным читателям, заведомо различных психических типов, разного пола и возраста. Присмотримся к их показаниям, во-пер-

вых, относительно каждого отдельного слова текста-реактива (исследование вербальное); во вторых, по отношению ко всему тексту стихотворения целиком (исследования интер-и суправербальное). Берем для примера первые 18 слов «Тучек» и при каждом слове выписываем те номера, которыми обозначили свои переживания различные читатели (они приведены ниже). Бросаются в глаза прежде всего большие различия и малые сходства номеров. У всех шести читателей имеются одни и те же номера при одном и том же слове далеко не всегда, — всего лишь у семи слов из 18, а именно при следующих словах: «тучки» (повторяются №№ 4, 5, 31); «небесные» (повторяется № 31); «лазурною» (№ 27); «жемчужною» (№ 27); «мчитесь» (№ 49); «как» (№ 2); «с» (№ 2). Одно и то же слово редко будит в разных читателях переживание одной и той же категории настолько интенсивно, что все эти читатели непременно осознают его: оно не всегда доходит до их сознания, а потому число номеров и сами номера по большей части различны, — индивидуальность переживаний преобладает над их сходством, индивидуальная мнема над средней мнемой. Но эта последняя все же дает себя знать и сквозь индивидуальность понимания. Например, при слове «тучки» комплекс переживаний №№ 4, 5, 27, 31 встречается у читателей А, Б, Г, Д, Е. При слове «небесные» комплекс из №№ 4, 27, 31 встречается у читателей Б, В, Г. Бросается в глаза сходство номеров у таких слов, как «будто» (№ 2), «как» (№ 2), «же» (№ 2). На этот факт нам еще придется обратить особое внимание. Здесь мы отметим, что такого рода слова суть слова-отношения грамматического типа, наречия и предлоги, вообще говоря, второстепенные служебные элементы фраз, характеризующие соотношения между другими словами. Нетрудно понять, что все это такие слова, сходство понимания которых обусловлено не иначе, как национальной мнемой, т. е. той социальной средой, где люди говорят на одном и том же языке приблизительно с одной и той же грамматикой. Отметим еще очень характерный аккорд переживаний при слове «я». К. Юнг разделил всех людей на два главных типа: интровертивный и экстровертивный. Под первыми он понимает таких, у которых главный интерес сосредоточен не на объектах, а на самом субъекте. У людей второго типа преобладает противоположная тенденция. Изучение читательских показаний раскрывает, что аккорд «я» в огромном большинстве случаев состоит из более значительного числа номеров у читателей интровертивного типа, тогда как читатель экстровертивный характеризует свое «я» двумя и даже одним переживаниями. Встречаются и смешанные типы. Если мы расшифруем таким же образом нижеследующие номера читательских показаний, полученных от шести субъектов, как расшифровали их для слова «царь», мы сможем выяснить то, что ныне совершенно ускользает от внимания объективного исследователя.

Показания шести разных читателей А, Б, В, Г,

Д. Ео 18 словах стихотворения «Тучки» Лермонтова.

1. Тучки

Читатель А. 4. 5. 27. 31
» Б. 4. 5. 7. 10. 1. 27. 24. 31. 36
» В. 4. 5. 7. 31. 48. 49
» Г. 4. 5. 7. 10. 23. 27. 31. 34. 47. 48. 58
» Д. 4. 5. 27. 31
» Е. 4. 5. 7. 27. 31

2. Небесные

Читатель А. 31. 4. 1
» Б. 4. 5. 7. 10. 24. 27. 31
» В. 4. 27. 31
» Г. 9. 19. 21. 23. 29. 31. 32. 34. 54. 1. 4. 10. 27
» Д. 31. 32
» Е. 31. 27. 47. 1

3. Вечные

Читатель А. 1. 31
» Б. 1. 4. 5. 7. 27. 30. 31. 36. 46. 48. 24
» В. 24. 31. 59
» Г. 31. 32. 36
» Д. 31. 32
» Е. 1. 31. 32. 47. 56.

4. Странники

Читатель А. 1. 31. 58
» Б. 4. 5. 7. 24. 27. 30. 31. 36. 46. 48. 51
» В. 5. 19. 32. 55
» Г. 1. 5. 7. 8. 10. 19. 24. 48. 49
» Д. 7. 48. 49
» Е. 1. 7. 8

5. Степью

Читатель А. 4. 5. 17. 27
» Б. 4. 5. 6. 7. 10. 24. 27. 31. 46. 18
» В. 24. 5. 31
» Г. 4. 6. 10. 27. 31. 35. 24
» Д. 4. 27. 31
» Е. 1. 4. 5. 24

6. Лазурною

Читатель А. 4. 10. 27. 31
» Б. 4. 5. 7. 10. 27. 31
» В. 4. 27
» Г. 4. 10. 27
» Д. 4. 27
» Е. 10. 27. 31

7. Цепью

Читатель А. 1. 7. 27. 31
» Б. 4. 5. 7. 8. 1. 27. 24. 31. 48
» В. 5. 15. 18. 24. 30. 59
» Г. 1. 4. 5. 6. 8. 10. 24. 30. 50. 59. 23. 27. 36
» Д. 5. 27. 31
» Е. 1. 7. 27

8. Жемчужною

Читатель А. 4. 5. 27
» Б. 4. 5. 7. 14. 27. 31. 48
» В. 4. 5. 14. 27
» Г. 4. 5. 23. 27. 58
» Д. 23. 27
» Е. 4. 5. 10. 27

9. Мчитесь

Читатель А. 7. 40. 49. 52
» Б. 24. 49. 4. 5. 7
» В. 49. 58
» Г. 34. 47. 49. 58
» Д. 7. 34. 46. 49
» Е. 27. 49. 53

10. Вы

Читатель А. 4. 5. 27. 31
» Б. 4. 5. 7. 27. 31. 36. 24. 8
» В. 1
» Г. 2. 19. 27. 36
» Д. 4. 5. 7
» Е. 4. 5. 7. 27. 30

11. Будто

Читатель А. 2
» Б. 2
» В. 2
» Г. 36
» Д. 2
» Е. 2

12. Как

Читатель А. 2
» Б. 2
» В. 2
» Г. 2
» Д. 2
» Е. 2

13. Я

Читатель А. 24. 37. 30
» Б. 4. 5. 51. 26. 38. 44. 45
» В. 1
» Г. 1. 21. 32. 34. 37. 42
» Д. 24. 34
» Е. 1. 47. 31. 32

14. Же

Читатель А. 2
» Б. 2
» В. 3
» Г. 2
» Д. 2
» Е. 2

15. Изгнанники

Читатель А. 30. 37. 1. 5. 8. 18. 24
» Б. 4. 5. 7. 24. 46. 47. 51. 8
» В. 5. 24. 30. 59
» Г. 1. 18. 24. 30. 35. 19. 36. 45
» Д. 18. 22. 13. 7. 48. 46
» Е. 30. 24. 51. 80. 46. 18. 47

16. С

Читатель А. 2
» Б. 2
» В. 2
» Г. 2. 49
» Д. 2
» Е. 2

17. Милого

Читатель А. 17. 19. 27. 24
» Б. 4. 5. 7. 31. 36. 46. 47. 24. 8
» В. 14. 17. 9
» Г. 1. 17. 19. 21. 23
» Д. 19. 24. 58
» Е. 19. 58

18. Севера

Читатель А. 1. 5. 24
» Б. 4. 5. 7. 31. 36. 46. 47. 24. 14. 8
» В. 14. 4. 1
» Г. 4. 5. 10. 25. 24. 27. 31. 35. 59. 14
» Д. 14. 18. 24. 25. 37
» Е. 19. 1. 24. 14. 27. 8

Все исследуемые субъекты давали свои показания независимо один от другого, в разных помещениях и в разное время. Из этой таблички видны: 1) индивидуальности разных читателей; 2) индивидуальное понимание ими одного и того же слова; 3) сходство пониманий для слов-отношений грамматического типа, обусловленное национальной мнемой (слова №№ 11, 12, 14, 16).

Берем теперь показания тех же шести читателей, относящиеся не к отдельным словам текста, а ко всему стихотворению. Подсчитаем, сколько раз повторили все эти читатели каждый номер классификации. Так как число осознаваемостей в каждой рубрике психических переживаний находится в функциональной зависимости от качественной и количественной стороны каждой отдельной мнемы, то по повторяемости номеров мы можем составить некоторое понятие об общей реакции каждого отдельного читатля на текст-реактив. Сделаем статистический подсчет, сколько раз повторен каждый номер в течение текста-реактива. Так мы узнаем не только общее число осознаваемостей, пережитых каждым отдельным читателем в процессе чтения данного текста, но и число этих осознаваемостей по каждой из 60 рубрик классификации. Сделав такой детальный подсчет, вдумаемся в полученные цифры. Прежде всего нам следует определить число осознаваемостей по 8 главнейшим категориям переживаний, а именно: П, О, Ощ, Э, Ор, И, С, Д. Так мы можем получить статистические, т. е. количественные данные о распределении различных осознаваемостей по этим интроспективным проявлениям психической жизни, а затем определить их процент по отношению к общему числу осознаваемостей. Результаты сделанного нами статистического подсчета для шести исследованных читателей стихотворения «Тучки» по 8 главным категориям психических переживаний таковы:

Читатель	Абсолютное число осознаваемостей								Общее число осознав.
	П	О	Ощ	Э	Ор	И	С	Д	
А	46	36	2	99	10	6	7	27	233
Б	35	145	19	139	2	3	38	36	417
В	46	25	12	55	3	5	6	23	175
Г	43	33	14	166	13	1	17	48	335
Д	7	34	5	92	10	2	19	19	188
Е	39	45	5	107	2	0	23	38	259

Читатель	Библио-психологический коэффициент в %								%	Личный коэффиц.
	П	О	Ощ	Э	Ор	И	С	Д		
А	19,7	15,4	0,9	42,5	4,3	2,6	3,0	11,6	100	3,6
Б	8,4	34,8	4,6	33,3	0,5	0,7	9,1	8,6	100	6,5
В	26,3	14,3	6,8	31,4	1,8	2,8	3,4	13,2	100	2,7
Г	12,9	9,9	4,2	49,7	3,8	0,3	5,1	14,1	100	5,1
Д	3,8	18,1	2,6	48,9	5,3	1,1	10,1	10,1	100	2,8
Е	15,0	17,2	1,8	41,2	0,8	0,0	9,5	14,5	100	4,0

Сравнительный библио-логический психоанализ шести читателей.

Из этой таблички видно, что разные читатели переживают один и тот же текст различно. Число осознаваемостей у каждого читателя по одной и той же категории психических переживаний неодинаково и сильно варирует, напр., по категории понятий от 7 до 46, по категории образов от 25 до 145 и т. д. Сравнивая общее число осознаваемостей с числом слов текста, мы получаем возможность судить о сравнительной сложности переживаний одного и того же текста разными читателями. В виду того, что каждый читатель столь различно переживает его, необходимо изучать сравнительные переживания, вычисляя процентные отношения осознаваемостей по каждой отдельной категории к их общему числу. Поэтому рядом с абсолютными числами осознаваемостей в нашей табличке показаны библио-психологические коэффициенты, т. е. процентные отношения осознаваемостей по каждой категории. Таким образом, вдумываясь в вышеприведенную таблицу, мы получаем возможность изучать разных субъектов сравнительно, приняв данный текст за реактив. Но тех же читателей можно изучать таким же способом и при помощи других текстов-реактивов. С первого взгляда кажется, что в таком случае получатся коэффициенты, не проявляющие никакой закономерности. Ниже мы увидим, что это не так, потому что тип каждого читателя дает себя знать неизбежно, каким бы реактивом на него ни действовали.

В пестроте коэффициентов, показанных в таблице, тоже проявляется закономерность, которая раскрывается тем полнее, чем больше читательских показаний имеется в руках исследователя. Ее нетрудно подметить, если распределить все библио-психологические коэффициенты по убывающим степеням. Чем больше число осознаваемостей по каждой из 8 категорий, тем отчетливее проявляется устойчивость относительной величины каждого коэффициента. И обратно, — если по какой-либо из этих категорий, например, И, Ор, Ощ, число осознаваемостей окажется незначительным, и они будут считаться здесь, напр., еди-

ницами, а не десятками, коэффициенты, опирающиеся на незначительное число данных, не обнаружат устойчивости, а значит, не будут характерными для данного читателя. Расположив библио-психологические коэффициенты в убывающем порядке для каждого читателя, мы уже идем к определению его психического типа, при помощи этих коэффициентов. Это видно из нижеследующей таблицы.

Читатели																
А	Э	42,5	> П	19,7	> О	15,4	> Д	11,6	> Ор	4,3	> С	3,0	> И	2,6	> Ощ	0,9
Б	О	34,8	> Э	33,3	> С	9,1	> Д	8,6	> П	8,6	> Ощ	4,6	> И	0,7	> Ор	0,5
В	Э	31,4	> П	26,3	> О	14,3	> Д	13,2	> Ощ	6,8	> С	3,4	> И	2,8	> Ор	1,8
Г	Э	49,7	> Д	14,1	> П	12,9	> О	9,9	> С	5,1	> Ощ	4,2	> Ор	3,8	> И	0,3
Д	Э	48,9	> О	18,1	> Д	10,1	> С	10,1	> Ор	5,3	> П	3,8	> Ощ	2,6	> И	1,1
Е	Э	41,2	> О	17,2	> П	15,0	> Д	14,5	> С	9,5	> Ощ	1,8	> Ор	0,8	> И	0,0

Эта небольшая таблица раскрывает в виде коэффициентов самую основу определения термина «психический тип» и указывает путь к изучению типов путем сравнения их коэффициентов. Здесь каждый читатель, по отношению к одному и тому же тексту-реактиву, характеризуется: а) величиною каждого из этих коэффициентов; б) распределением коэффициентов по их убывающим степеням. У шести читателей, коэффициенты которых мы здесь привели, коэффициенты эмоций, наиболее сильно возбужденные данным текстом, выдвинулись на первый план, кроме одного читателя Б, человека крайне резко выраженного конкретного типа. Ниже мы увидим, что в такой одинаковости выдвигания вперед коэффициента определенной категории сказывается влияние одного и того же текста-возбудителя. Текст эмоционального типа выдвигает вперед коэффициенты эмоций. Текст философского, отвлеченного типа выдвигает на первый план коэффициент концептов. Коэффициенты позволяют нам изучать этот процесс выдвигания разных психических переживаний и выяснять разного рода закономерности в этом процессе. Коэффициенты, занимающие второе место, характеризуют индивидуальные особенности читателя. Так напр., у одних субъектов стоят на этом месте коэффициенты О, у других П, у третьих Д, а у читателя резко выраженного конкретного типа и не особенно способного к отвлеченному мышлению выдвигается вперед именно О, а Э оттесняется на второе место. Наблюдаются у разных читателей и различия в размещении коэффициентов и на третьем, и на четвертом, и на следующих местах.

Подобно этому можно изучать размещения и выдвигания каких угодно коэффициентов по каждой из восьми главных категорий. В вышеприведенной таблице перед нами характеристики сравнительно еще чересчур общие и грубые. Но те же читательские показания (реакции) позволяют нам итти гораздо дальше. Мы можем распределять коэффициенты и в пределах каждой из восьми главных категорий, тоже в убывающем или восходящем порядке, по рубрикам более частным и при помощи любой клас-

сификации, вплоть до самой подробной. Берем, напр., показания тех же 6 читателей, относящиеся к отделу образов. Тогда вот что оказывается: в классификации № 4 (самой подробной), все образы распределены по таким рубрикам: № 29 образы в красках (цветные, окрашенные); № 30 — образы в формах (оформленные); № 31 — в звуках и шумах (слуховые); № 32 — в виде движений, перемещений, перемен; № 37 — образы чужих страданий; № 41 — разные другие образы, не вошедшие в их предыдущие рубрики. Библио-психологические коэффициенты покажут нам относительную легкость осознаваемости той или иной категории образов под возбуждающим влиянием данного текста, затем и какого угодно другого текста и, наконец, среднюю осознаваемость образов по каждой из вышеперечисленных рубрик образов. Из нижеследующей таблицы видно, как действует на осознаваемость образов текст известного стихотворения «Арина, мать солдатская» (Н. А. Некрасова).

Образы	Абсолютные величины				Библио-психологическ. коэффициент в %			
	Читатель				Читатель			
	А	Б	В	Г	А	Б	В	Г
а) зрительные в красках (К)	16	172	1	30	8,3	30,6	1,5	21,4
б) в формах (Ф)	64	224	44	38	32,6	39,9	66,7	27,2
в) слуховые в звуках (Зв)	32	53	2	8	16,3	9,3	3,0	5,7
г) моторные в движениях (Дв)	21	14	2	14	10,7	2,5	3,0	10,0
д) эмоциональные, страданий (Страд)	63	99	9	47	32,1	17,7	13,7	33,6
е) разные другие (Раз) .	0	0	8	3	0,0	0,0	12,1	2,1
Общее число осознаваемостей образов .	196	562	66	140	100,0	100,0	100,0	100,0

Распределим теперь коэффициенты образов по убывающим степеням.

Читатель															
А.	Ф	32,6	>	Страд	32,1	>	Зв	16,3	>	Дв	10,7	>	К	8,3	> Р 0,0
Б.	Ф	39,9	>	К	30,6	>	Страд	17,7	>	Зв	9,3	>	Дв	2,5	> Р 0,0
В.	Ф	66,7	>	Страд	13,7	>	Раз	17,1	>	Дв	3,0	>	Зв	3,0	> К 1,5
Г.	Страд	33,6	>	Ф	27,2	>	К	21,4	>	Дв	10,0	>	Зв	5,7	> Р 2,1

В этой таблице буквою Ф обозначены образы в формах, буквой К — образы в красках, Зв — в звуках, Дв — движения, образы моторные, Страд — образы страданий.

Из этой таблицы видно, что все четыре читателя более склонны к осознаваемости образов ф о р м, кроме читателя Г, очень чувствительного субъекта, у которого на первом месте стоят образы чужих страданий. У двух читателей эти последние отодвинуты на второе место, а у одного — на третье. Этот читатель действительно отличается сухим отношением к людям. Обращает на себя внимание отодвигание моторных образов у трех читателей на четвертое, у одного на пятое место, а также относительно небольшая склонность к осознаванию образов слуховых (Зв).

Пойдем еще дальше. Возьмем какого-нибудь из этих читателей и присмотримся к осознаваемости образов по тем же самым рубрикам под влиянием р а з н ы х текстов. Это влияние видно из следующей таблицы:

Читатель Б.

Тексты-реактивы	Категории образов, осознаваемых читателем (цифры означают коэффициенты)
«Арина, мать солдатская» . .	Ф 39,9 > К 30,6 > Зв 9,3
«Тучки»	Ф 24,7 > К 22,0 > Зв 1,4
Ключевский	Ф 34,3 > К 32,4 > Зв 7,8
Достоевский	К 16,5 > Ф 16,2 > Зв 1,4
Лопатин	К 38,6 > Ф 27,4 > Зв 0,0
Франк[1]	К 37,7 > Ф 32,8 > Зв 3,4

Из этой таблички видна поразительная закономерность в осознаваемостях образов разных рубрик, характеризующих данного читателя. Тексты более конкретные переживаются им в виде форм и красок, тексты менее конкретные — в виде красок и форм. Коэффициенты переживаний всюду различны. Образы звуковые всюду стоят на последнем месте, а это показывает, что данный читатель весьма не музыкален. У читателя А, коэффициентов которого мы здесь не приводим, наблюдается закономерность другого типа: читает ли он «Арину», или Достоевского, или Ключевского, — образы форм всегда стоят впереди образов движений, а те впереди образов в красках. У читателя Г наблюдается опять-таки своя особая последовательность: на первое место выдвигаются образы страданий, на второе образы форм, а образы движений стоят впереди образов звуковых. Из этих примеров видно, что специальный метод позволяет сравнивать читателей разных типов по их интимным переживаниям с какой угодно детальностью.

Разные субъекты обнаруживают большое разнообразие не

[1] Из его книги «Введение в философию», стр. 61 — 62.

только в главных, но и в более частных признаках, проявляя таким способом свой психический тип.

Совокупность коэффициентов всех категорий позволяет исследователю составлять определенные характеристики наклонностей у каждого исследуемого читателя не менее точные, чем все другие, опирающиеся на теорию статистики. Эта последняя позволяет изучать и соотношения признаков, их функциональную зависимость, — констатировать изменения одного или нескольких признаков при изменении других. При помощи той же теории статистики, изучая относительную устойчивость или неустойчивость различных переживаний, обнаруживающихся в изменении коэффициентов, можно различить два разряда изменений: во-первых, тот, который следует отнести к влиянию текста (зависимость читателя от книги), а во-вторых, зависимость проекции, построяемой читателем от типа этого последнего.

Сопоставим влияние р а з н ы х текстов на одного и того же читателя. Будем говорить здесь, имея в виду главные 8 категорий библио-психологической классификации, так как из того, что сейчас было сказано, видно, что тот же метод может быть применен и к более детальным исследованиям при помощи любой классификации, напр., по 213 рубрикам. Представим себе что один и тот же читатель прочитал несколько разных текстов, и что мы, сделав подсчет его пометкам, получили следующие данные о его переживаниях во время чтения.

Текст-реактив	К о э ф ф и ц и е н т ы
Некрасов	Э 38,6 > П 24, 7 > Д 13,1 > О 9,5 > С 8,7 > > Ор 2,6 > И 2,0 > Ощ 1,1
Достоевский	Э 44,2 > П 35, 0 > Д 8,8 > С 6,4 > Об 5,1 > > Ощ 0,3 > Ор 0,2 > И 0,0
Франк	П 65,5 > Э 20,3 > Д 6,6 > С 6,0 > Об 0,8 = = Ощ 0,8 > И 0,0 = Ор 0,0
Лопатин	П 76, 3 > Э 17,2 > Д 4,5 > С 1,8 > Об 0,2 > > Ощ 0,0 = И 0,0 = Ор 0,0

Здесь бросаются в глаза следующие интересные явления, доказывающие силу и значение специального библио-психологического метода, опирающегося на принципы естествознания и теорию статистики.

Тексты-реактивы здесь очень различны: первые два представляют беллетристику, вторые два — философию. Приэтом первый из текстов — стихотворение, остальные — проза. Различны и размеры (число слов) каждого из этих четырех текстов-реактивов. Кроме того, эти тексты были читаемы в разное время и в разных условиях и при более или менее неодинаковых настроениях данного читателя. Так как число слов текстов-реак-

тивов было достаточно велико (несколько сот), то, по закону больших чисел, читательские показания, обусловленные всеми вышеупомянутыми различиями, нивелировались, а читательский тип определенно проявлялся в общем распределении коэффициентов по их убывающим степеням. Колебания, зависящие от различия места, времени и настроения изучаемого читателя, а также от размера текстов, выявились в виде разницы в величинах цифровых коэффициентов. Оба беллетристических текста выдвинули на первое место категорию эмоций, оба философских— категорию понятий. Категория эмоций была приэтом вытеснена философскою книгой не куда-то назад, как это можно было бы ожидать, судя по отвлеченному и сухому характеру изложения обеих философских книг, а лишь на второе место: данный читатель настолько эмоционален, что даже такие отвлеченные тексты заставили его пережить 23,0% эмоций. Здесь перед нами постоянство, устойчивость типа, хотя и находящегося под возбуждающим влиянием разных текстов-реактивов. Характерно и то, что коэффициент Д во всех четырех текстах сохранил третье место, будь это беллетристика или философия. Здесь перед нами читатель активного типа, — переживания активности не отодвигаются у него на дальний план. Устойчиво и место, занимаемое коэффициентами С: лишь образность некрасовской «Арины» заставила у данного читателя коэффициент образов обогнать, да и то не на много, коэффициент стремлений (всего лишь на один этап). Последние три рубрики (Ор, Ощ, И) не характерны, так как по ним мы имеем слишком малое число читательских показаний. Но и в этих рубриках наблюдается некоторая закономерность, хотя и не столь ярко выраженная. Практика показала нам, что лишь изредка такая закономерность нарушается, но всякое нарушение может быть объяснено посредством библио-психологического анализа других коэффициентов, в особенности же наиболее детальных рубрик. Здесь перед нами опять-таки очень определенный библио-психологический детерминизм.

Из предыдущего видно, что специальный библио-психологический метод позволяет выяснить и характеризовать психический тип читателя, показывая относительные размеры и относительную устойчивость его осознаваемостей по разным категориям психических явлений. И чем больше число этих категорий, тем полнее может быть характеризован таким способом читатель любого психического типа. Если мы возьмем других читателей, их коэффициенты для тех же четырех текстов подтвердят ту же устойчивость психических признаков, а значит, и закономерность, открываемую в любой индивидуальности. Из нижеследующей таблички явствует правильность сейчас сказанного. В эту табличку мы ввели двух читателей в процессе чтения четырех разных текстов. Переживания этих читателей характеризованы коэффициентами. Категории коэффициентов распределены по убывающим степеням.

Читатель А.

Некрасов	Э 37, 3 > П 20,4 > Об 11,1 > Д 9,1 > И 7,2 > > Ор 6,4 > С 5,8 > Ощ 2,7
Достоевский	Э 41,7 > П 23,0 > Д 10,8 > С 9,4 > Об 7,8 > > И 3,2 > Ор 2,3 > Ощ 1,2
Франк	П 83,6 > Э 7,9 > Д 4,4 > Об 2,7 > С 0,8 > > Ощ 0,6 > Ор 0,0 = И 0,0
Лопатин	П 71,8 > Э 11,3 > Д 7,6 > Об 7,3 > С 2,0 > > Ощ 0,0 > Ор 0,0 = И 0,0

Читатель Б.

Некрасов	Об 36,8 > Э 30,0 > П 15,6 > С 7,2 > Д 3,8 > > И 2,8 > Ор 2,3 > Ощ 1,4
Достоевский	Э 36,0 > Об 23,5 > П 16,3 > С 7,2 > Д 6,3 > > Ощ 4,2 > Ор 3,6 > И 3,1
Франк	П 32,0 > Об 29,5 > Э 14,8 > Д 9,4 > С 7,1 > > Ощ 4,7 > Ор 2,4 > И 0,1
Лопатин	П 39,1 > Об 26,2 > Э 19,6 > Д 10,6 > С 4,1 > > Ощ 0,3 > Ор 0,1 > И 0,0

Читатели, здесь представленные, давали показания о своих переживаниях в разное время и при разных условиях. И тем не менее мы наблюдаем здесь закономерность психических переживаний и функциональную зависимость между текстом-реактивом и типами обоих читателей. И в этих двух случаях обе философские книги выдвинули на первое место переживание П отодвинув О и Э, которые при действии текста беллетристического стоят на первом месте: образы выдвинулись на первое место под влиянием яркого текста Некрасова, а эмоции—под влиянием менее яркого текста Достоевского. Бросается в глаза и закономерность распределения остальных шести рубрик. Интересно также тождество распределения коэффициентов у разных читателей под влиянием на них обеих философских книг (Франка и Лопатина). Большое вмешательство иррациональных элементов при чтении книг беллетристических хотя несколько и сбивает тождественность распределения коэффициентов «Арины» и Достоевского, но не настолько, чтобы ее нельзя было заметить. Из этих примеров видно, что специальный метод позволяет выяснять закономерность различных осознаваемостей психических переживаний и их распределение в определенном порядке, в зависимости от типов читателей и типов текста. В этом выявляется закон функциональной зависимости.

Имея под руками достаточное количество читательских показаний, можно выяснить по ним и максимум, и минимум, и оптимум, и пессимум воздействия разного типа книг на читателей разных типов в различных условиях места и времени. Точно

также возможно определять и средние нормы и уровни библио-психологических коэффициентов, характеризующие данного читателя при помощи текстов-реактивов, взятых из книг по разным отраслям знания. Раз будет известен средний уровень, то можно будет определять и размеры удаленности или отклонения от этого среднего уровня как любого коэффициента, так и любой совокупности их, напр. данного коэффициента П от среднего коэффициента П, данного коэффициента Э от среднего коэффициента Э и т. д. Выяснение таких отклонений — это и есть поправка на читателя, о какой мы говорили выше.

Является также возможность определять, во сколько раз отличаются коэффициенты одного читателя от соответствующих коэффициентов другого или коэффициентов средних (среднего уровня). Сравнивая читателей посредством вычитания коэффициентов, мы определим, насколько отличается читатель от читателя. А сравнивая коэффициенты посредством деления, мы выясняем во сколько раз отличаются они друг от друга. Так напр., у читателей А и Б коэффициенты П, характеризующие действие текста из Лопатина, относятся как 71,8 : 39,1 = 1,83. Из этого видно, что на читателя А отвлеченный текст действует почти в два раза сильнее, чем на читателя Б, вызывая гораздо большее число осознаваемостей П. Сравнение тех же двух коэффициентов путем вычитания показывает, насколько превышает число таких осознаваемостей у первого читателя число их у второго (32,7).

Теперь мы можем наметить четыре главных ступени библиологического психоанализа. Эти четыре ступени суть:

1. Анализ той совокупности номеров, которые данный читатель ставит около каждого отдельного слова текста-реактива (см. пример анализа слово «царь»). При этом характеризует читателя буквально каждая им поставленная там пометка, каждая группа, комплекс или, так сказать, гнездовье пометок, а также вся совокупность их. Вдумываясь в те номера, которые поставлены этим читателем, исследователь как бы проникает в работу его мнемы в процессе чтения этого слова текста.

2. Анализ тех же пометок, уже расклассифицированных в целях статистического подсчета их по рубрикам той классификации, какою пользовался данный читатель, делая свои показания в пределах каждой из восьми главных категорий (см. выше пример анализа образов). Все читательские пометки, так рассортованные по рубрикам классификации, характеризуют относительную осознаваемость переживаний, относящихся к каждой рубрике в отдельности. Почему данный читатель ставит такой-то номер большее число раз, чем другие номера? В каких соотношениях находятся пометки, стоящие в такой-то рубрике, с пометками, стоящими в других рубриках? Какую связь невидимых, интимных отношений всех читательских переживаний означает большое количество пометок, напр., у такого-то номера, очень

малое их количество у номера такого-то и полное их отсутствие у таких-то номеров? Чтобы ответить на такой и ему подобные вопросы, необходим библио-психологический анализ функциональной зависимости психических особенностей в пределах каждой из восьми категорий.

3. Анализ главных 8 категорий психических переживаний в их взаимных отношениях. Библио-психологический коэффициент каждой из них характерен не только для нее самой, — он позволяет выяснять количественно, какие именно осознаваемости из 8 категорий преобладают в данном индивиде. Библиологический психоанализ требует, чтобы исследователь вдумался в абсолютную величину коэффициента каждой из этих главных категорий, а затем сравнил бы их один с другим по величине, чтобы выяснить сравнительное преобладание психических переживаний и их осознаваемостей по каждой категории. Здесь перед нами вопрос о функциональной зависимости каждой из основных восьми категорий от остальных семи.

4. Анализ психического типа, опирающийся на предыдущие три анализа,—изучение распределения коэффициентов восьми категорий по их убывающим или возрастающим степеням, распорядок, характерный для каждой индивидуальности и различный у разных индивидуальностей. Здесь перед нами изучение психических типов и их классификация по относительным величинам библио-психологических коэффициентов, иначе сказать по относительной возбудимости психических переживаний, о чем уже шла речь выше.

В настоящее время определение психических типов («характерология», «этология», «индивидуальная психология», «дифференциальная психология») состоит главным образом в том, что каждому психическому типу исследователь дает некоторую общую словесную характеристику, — его словесное описание. На описаниях основана классификация и типов, и характеров, и темпераментов. Библиологический психоанализ стремится обосновать общие характеристики индивидуальностей при помощи коэффициентов, получаемых экспериментально и изучаемых сравнительно. С библио-психологической точки зрения, без изучения читателей по всем четырем этажам, о каких сейчас было сказано, совершенно невозможно понять и формулировать не только характеристики отдельных психических типов, но даже и самое понятие «типа», которое до сих пор наукой еще не установлено бесспорно и прочно. Психическим типом, с точки зрения библио-психологического анализа, следует называть с у м м у осознаваемостей определенных психических переживаний, обусловленную качественною и количественною стороною мнемы и находящуюся в функциональной зависимости от этой последней,— сумму, которая может быть различной по отношению к одному и тому же субъекту,—смотря по тому, каков принцип классификации психических явлений и какая группа их экфорируется наиболее часто и легко. Специальный метод дает возможность

выражать любой психический тип путем коэффициентов, характеризующих сравнительную легкость осознаваемостей под влиянием библио-психологических раздражений-возбуждений.

Изучение интер- и суправербальных переживаний при помощи специального метода.

В предыдущей главе мы говорили о вербальном, интер- и суправербальном исследовании процесса чтения и слушания. Специальный библио-психологический метод позволяет исследовать все эти три этажа и в качественном, и в количественном отношениях, характеризуя каждый тип чтения при помощи коэффициентов. Вербальный тип был уже исследован нами таким способом на странице 233, на примере слов «тело», «явление», «капитал». Интервербальный метод исследования чтения и слушания показан нами на примере анализа «Тучек» Лермонтова и текстов из Достоевского, Лопатина, Франка. Скажем теперь два слова об исследовании суправербального чтения. Мы предложили читателям отмечать переживания, вызванные целой фразой, а не отдельными словами. Текстом-реактивом послужили те же «Тучки» Лермонтова. Была дана та же классификация, какая служила и для изучения интервербального чтения — № 3. Исследуемый отмечал свои суправербальные переживания, которые представляют, так сказать, равнодействующую тех раздражений, возбуждений, которые экфорированы в нем сразу несколькими словами или фразой текста-реактива. Сравним так полученные итоги с показаниями того же самого читателя, сделанными по интервербальному способу. Получились следующие коэффициенты для одного и того же стихотворения, сделанные одним и тем же читателем.

	П	О	Ощ	Э	Ор	И	С	Д
Интервербальный способ:	3,8	18,1	2,6	48,9	5,3	1,1	10,1	10,1
Суправербальный способ:	4,8	13,6	5,9	42,3	1,0	4,8	10,0	17,7

Те же коэффициенты, распределенные в убывающем порядке:

Интервербальный способ Э 48,9 > Об 18,1 > Д 10,1 = С 10,1 > > Ор 5,3 > П 3,8 > Ощ 2,6 > И 1,1

Суправербальный способ Э 42,1 > Д 17,1 > Об 13,6 > С 10,0 > > Ощ 5,9 > П 4,8 = И 4,8 > Ор 1,0

Из сопоставлений коэффициентов интер-и суправербальных видно, что эмоции в том и в другом случае дали наибольший коэффициент. При суправербальном чтении образность передвигается несколько в сторону минимума. П и С сохранили те же места, что и прежде. Элемент Д передвинулся к максимуму. Ощущения дали более высокий коэффициент. Таковы итоги глобальные только по 8 категориям. Если же присмотреться к коэффициентам по каждой из 60 категорий, чего мы здесь делать не будем, то оказывается, что при суправербальном чтении связность переживаний возрастает, детали же их стушевываются, ослабевают. Читатель как бы перескакивает через некоторые

из них, и потому они пропадают. Но с другой стороны, общий итог усиливается: коэффициент Д возрос более чем на 70%. В тексте «Тучек» всего лишь 64 слова. Если взять текст-реактив большей величины, то сходство типа, при исследовании по интер- и суправербальным методам, выступает еще яснее. Это значит, что тип читателя в процессе чтения дает себя знать всегда, хотя интервербальные переживания не всегда совпадают с суправербальными для одного и того же текста и одного и того же читателя.

Если сравнить с этими двумя текстами вербальное чтение тех же «Тучек», расставив их слова, напр., в алфавитном порядке, то получается то же некоторое несовпадение, причем сильно увеличивается процент переживаний отвлеченных—с 3,8% при интервербальном чтении до 12,2% при чтении вербальном. Это получается потому, что многие слова сохраняют свой смысл (идеи — явления интеллектуального типа), но теряют свою образность, которая зависит от интервербальности. Поэтому число образов упало с 18,1% до 6,7%. Тем не менее тип читателя дает себя чувствовать и при вербальном чтении, так как и в этом последнем случае на первом месте стоят Э, на последнем О и И; понятия (П) передвинулись к максимуму, образы — к минимуму, что сейчас и было нами объяснено. Что касается до С и Ор они занимают попрежнему среднее место.

Этим мы и закончим наше рассмотрение специального библио-психологического метода и его приложений к исследованию читателей, чтения и книги в их функциональной зависимости. Мы уже указывали не раз, что этот метод допускает целый ряд упрощений и вместе с тем может быть развиваем в какой угодно степени по направлению к все более и более тонким и сложным исследованиям.

Глава VIII

ОТ ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ В ДАННЫЙ МОМЕНТ К ОБЪЕКТИВНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ КНИГИ, ЕЕ АВТОРА И ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Общий ход библио-психологического исследования книжного дела и литературы.

В предыдущей главе шла речь о библио-психологическом исследовании читателя в данный момент и в данных условиях места и времени. Проследим теперь шаг за шагом общий ход применения специального библио-психологичекого метода к исследованию психических явлений, сопровождающих создавание, циркуляцию и утилизацию печатного, рукописного и устного слова. Мы будем говорить главным образом о слове печатном. Результаты всех таких исследований могут быть выражаемы при помощи библио-психологических коэффициентов, при том единственном условии, чтобы в руках библио-психолога имелось достаточное количество необходимых для этого материалов. Исходным пунктом изысканий мы берем исследование единичного читателя в данный момент. Задача исследования состоит в том, чтобы развернуть применение данного метода и охватить им все стороны книжного дела, и именно: 1. По отношению к читателям — до предела всего читающего человечества всех времен и народов. 2. По отношению к книгам — до пределов всемирной литературы как современной, так и прошлой. 3. По отношению к авторам — до пределов всех таинственных лабораторий литературного творчества, где читатель превращается в писателя, а писатель плодит читателей и, через их посредство, делает безусловно необходимым для человечества как отдельное литературное произведение, так и их совокупность — литературу, а значит, и культуру и цивилизацию. Так как библио-психология есть именно психология книжного дела, а эта последняя характеризуется возбуждением и преобладанием тех или иных психических переживаний, что и выражается библио-психологическими коэффициентами, то эти последние, в конечном счете, могут явиться объективной характеристикой субъективных переживаний, сопровождающих и создание, и циркуляцию, и утилизацию печатного, рукописного и устного слова, всюду внося и в практику, и в теорию, и в историю литературы меру и число, подобно тому как статистика экономическая делает то же самое в области социологии.

Главные этапы изучения читателя.

Итак, прежде всего исследование читателя и чтения.

Первый шаг по пути приложения библио-психологического метода таков: исследования читателя и чтения в данный момент, при чтении данного текста и при данных условиях, внутренних и внешних. Данный читатель в данный момент вовсе не то, что этот же читатель в другие моменты и в длинном ряде их, а потому по одному из моментов и по преобладающему тогда настроению было бы ошибочно судить о читателе вообще, чтобы там ни говорил, ни показывал сам читатель: это азбука психологии и социологии, к сожалению, слишком часто забываемая. Библио-психологическое изучение читательства не есть изучение, обезличивающее живого человека, а как раз напротив. И так как общие выводы обусловлены изучением индивидуальности, они имеют значение лишь постольку, поскольку принимают ее в расчет, а с нею считаются как с частью коллектива. Числовое определение библио-психологических коэффициентов по каждой отдельной категории психических явлений есть не что иное, как библио-психологический анализ данного читателя и его мнемы в данный момент, поскольку эта мнема сказывается в процессе осознавания. За библио-психологическим анализом должен следовать синтез. Таким синтезом является, в результате сравнительного изучения осознаваемостей, выяснение их соотношений, обоюдной зависимости. Так напр., нередко наблюдается, что относительно небольшая величина коэффициента О сопровождается относительно большою величиною коэффициентов П, а большой коэффициент Э — малым коэффициентом Ощ. Синтетическое изучение коэффициентов не есть нахождение их простой суммы; оно сводится к определению, так сказать, химического соединения их в единое, нераздельное, интегральное читательское Я. Этот синтез хотя и можно выражать в виде суммы М = П + + О + Э + Ощ + Ор + И + С + Д, но лишь с оговоркой, только что сделанной. Сумма эта есть не более как очень удобный символ для выражения главнейших психических особенностей данного Я, характеризуемых его сравнительною способностью к осознанию разных психических категорий.

Вторым шагом по пути библио-психологического исследования является приложение того же метода к изучению того же читателя той же книги, но не в один, а в разные и, по возможности, многие моменты его жизни. Чем больше их число, тем точнее исследование с точки зрения теории статистики и закона больших чисел. Выяснив коэффициенты отдельно по каждой психической категории и в целом ряде моментов, мы можем определить среднюю арифметическую величину коэффициента каждой категории уже для некоторого более или менее продолжительного промежутка времени. Чем больше этот последний, чем полнее охватывает он определенный возраст исследуемого, напр. все детство, всю юность, зрелость, старость, и чем большее число моментов исследовано, тем полнее выразят эти

средние коэффициенты средний уровень разных психических особенностей исследуемого субъекта, его психические черты, наиболее легко проявляющиеся, наиболее развитые и устойчивые. Такие средние коэффициенты должны сопровождаться и указаниями максимальных уклонений этого читателя от среднего его уровня в обе стороны и по каждой категории в отдельности, но для одного и того же текста. Не трудно понять, что эти коэффициенты характеризуют данного субъекта уже не в отдельный момент его жизни, а в среднем. Выше был уже описан простейший способ получения средних коэффициентов субъекта.

Третий шаг: определение среднего уровня индивидуального читателя путем нахождения средних арифметических для коэффициента каждой психической категории в отдельности, но при чтении не одного какого-либо текста, а многих и различных книг. Этот шаг вытекает из предыдущего. На одного и того же читателя разные тексты действуют по-разному. В этом, как мы видели, и выражается функциональная зависимость, существующая между мнемой читателя и текстом, на нее действующим. Мы знаем также, что, в зависимости от качества возбудителей, возбуждаются разные комплексы мнемы, иногда один, иногда по нескольку сразу. В зависимости от этого данный субъект производит свои перечеркивания. Третий шаг состоит в выяснении среднего уровня перечеркиваний в разных текстах.

Четвертый шаг: исследуя одного и того же субъекта при помощи разных текстов-реактивов, мы получаем возможность выяснить их различные действия на него, а также определить, какие из текстов действуют максимально, и какие минимально, а какие оптимально, т. е. с наибольшим результатом, будь это переживания прямые или по контрасту. Исследование читателя лучше всего начинать, приняв за реактив наиболее любимую им книгу любимейшего автора (реактив-оптимум), которая поэтому может быть принята в качестве единицы сравнения для оценки всех других книг, читаемых этим читателем. С помощью такого реактива является возможность, при прочих более или менее равных условиях, определить величину коэффициентов при максимуме, минимуме и оптимуме переживаний данного читателя. Характеризовать средний уровень осознаваемостей и уклонения от него в обе стороны — это то же, что количественно и качественно характеризовать самого читателя, его индивидуальность, его податливость к тем или иным библио-психологическим раздражениям-возбуждениям. Мы уже видели, что такой метод изучения чужого Я позволяет выяснять сложнейшие особенности его психических даже самых интимных переживаний—его характер, темперамент, тип, склад ума и мышления, преобладающие эмоции, наклонности к активности или пассивности и т. д. Это и называется библио-логическим психоанализом личности данного читателя. Средние коэффициенты субъекта представляют личное уравнение, о котором мы уже упоминали в предыдущих главах. Сравнение таких

уравнений у разных субъектов, как мы знаем, представляет собой поправку на читателя. Всякий исследователь должен начинать изучение читателей с отыскания своего собственного личного уравнения. Сравнительное изучение разных читателей, благодаря библио-психологическому методу, сводится к сравнению коэффициентов исследователя с коэффициентами исследуемых.

Пятый шаг: определение средних коэффициентов не одного, а многих читателей, в пределах какой-либо группы, напр., профессиональной, классовой, национальной, половой, возрастной и т. д. Выяснение библио-психологических эталонов, т. е. определенной мерки сравнения. Мы называем эталоном совокупность средних арифметических, выведенных для каждой категории психических переживаний из наивозможно большого числа индивидуальных измерений. Такое среднее представляет собою как бы средний уровень, характерный для данной группы. Сравнивая с ним любое индивидуальное наблюдение, мы определяем степень уклонения от такого среднего уровня по каждой психической категории. Такой средний уровень характеризует уже не индивида, а социальный коллектив, т. е. ту социальную группу, из которой он выведен как среднее арифметическое. Здесь перед нами задача — выработать целый ряд различных эталонов, напр. эталон группы профессиональной, социальной, возрастной и т. д. Раз в нашем распоряжении будет целая серия таких эталонов, то мы получим возможность характеризовать любого читателя путем сравнения его личных средних коэффициентов с соответственными коэффициентами целой серии таких эталонов, что дает возможность характеризовать читателя очень разносторонне, путем сравнения его с социальным коллективом, часть которого он составляет, с различными средними социальными уровнями.

Шестой шаг: выяснение средних коэффициентов читателя вообще, т. е. среднего читателя. Для того, чтобы характеризовать среднего читателя вообще и в данный момент истории, мы должны определять средние величины коэффициентов для возможно большого числа читателей, к каким бы психическим и социальным типам они ни принадлежали. Таким образом, мы получим средний уровень всех средних уровней, о каких шла речь. Цифры, выведенные таким способом, будут представлять собою коэффициенты, характеризующие средний уровень читающего человечества. Правда, средний читатель, так характеризованный, представляет собой величину фиктивную, тем не менее коэффициенты, его характеризующие, имеют большое значение и теоретическое и практическое, так как с этим средним уровнем мы можем сравнивать и групповые и индивидуальные коэффициенты. Во всяком случае такой средний уровень представляет собою фикцию не больше той, какою является эталон-метр или эталон-уровень моря. Это в достаточной степени известно из истории определения числовой величины обоих этих

эталонов, играющих столь громадную роль в естествознании и в обыденной жизни. Средние коэффициенты, характеризующие среднего читателя, обозначают большую или меньшую наклонность среднего человека, т. е. коллектива, к осознаванию определенных психических переживаний.

Седьмой шаг: определение коэффициентов среднего читателя не в какой-либо один момент истории, а в ее разные периоды и эпохи. История читательства показывает, что средний тип читателя постоянно изменяется с ходом времени и в зависимости от изменений экономических, политических и других условий. Поэтому необходимо сравнительное изучение средних читателей для разных моментов истории. Библио-психолог, стремясь к научной объективности, считает такое изучение конечной целью библио-психологического исследования читательства.

Восьмой шаг: предыдущее исследование приводит к научно-объективной классификации как психических, так и социальных типов читателей. В настоящее время этот термин «тип», а тем более «тип читателя» представляет собою, как мы уже указывали, понятие очень неопределенное и неточное не только в количественном, но даже и в качественном отношении. Специальный метод библио-психологии дает возможность классифицировать читателей по их психическим и социальным типам, на основании сравнительного изучения их коэффициентов, по преобладанию того или иного коэффициента и групп этих последних. Таким путем является возможность избегнуть словесных и описательных характеристик, в которых много слов, но мало определенности и точности.

Переход от изучения читателя к изучению книги.

Но и восьмым шагом далеко еще не заканчивается применение специального библи-психологического метода. Этот последний позволяет перейти от объективного изучения читателя к такому же изучению книги и ее качеств как реактива и, опираясь на закон Гумбольдта-Потебни, перебрасывает мост, ведущий от субъективной проекции всякой читаемой книги к выяснению объективных качеств ее, существующих независимо от читательских проекций. Здесь перед нами следующий крайне важный тезис библио-психологии, средний читатель есть не что иное, как сама книга. Иначе говоря, коэффициенты среднего читателя суть коэффициенты книги. И правда, что такое средний читатель какой-нибудь отдельной книги или какого-нибудь отдела каталога? Из предыдущего уже видно, что средним читателем мы называем некоторую совокупность библио-психологических коэффициентов полученных как средние арифметические путем экспериментального исследования и статистического подсчета осознаваемостей разных психических категорий, — осознаваемостей, какие наблюдались у очень большого числа самых разнообразных читателей, у социальной совокупности (коллектива) их.

Эти средние коэффициенты представляют собой цифровые выражения возбудимостей, наблюдаемых, в силу закона больших чисел, в читающей массе. Такие цифры не выражают собой читательских индивидуальностей, потому что те, при подсчете и при определении средних арифметических, уже нивелировались. Но что такое средний коэффициент? Не выражая индивидуальностей, он выражает уровень средних переживаний, возбуждаемых книгою в читающей массе. Этот уровень уже не может быть отнесен к свойствам личности: коэффициенты, выражающие его, т. е. среднего читателя, вместе с тем могут быть отнесены и к свойствам книги, — ведь таково возбуждающее действие ее на среднего читателя, на всех читателей данного коллектива. Значит, это действие должно быть отнесено столь же к самой книге, сколько и к среднему читателю. В этом смысле мы и говорим: средний читатель есть сама книга, потому что коэффициенты, выражающие первого, выражают и вторую, т. е. средний уровень производимых ею раздражений-возбуждений в мнеме большинства читателей в данном социальном коллективе, независимо от индивидуальных уклонений в ту или другую сторону от этого уровня. Совокупность коэффициентов, характеризующих среднего читателя, обусловлена качествами самой книги. А если это так, то эту их совокупность мы и должны принять за эталон, характеризующий не иначе самую книгу, как некоторую независимую переменную величину, функциями которой являются все ее читатели. В зависимости от качественной и количественной стороны их мнемы, происходят колебания коэффициентов у каждого отдельного читателя. Эти уклонения мы и называем читательскими индивидуальностями. Так как коэффициенты среднего читателя, выведенные из наблюдений, представляют собой средние арифметические осознаваемостей по каждой психической категории, то и средний читатель выражает собой наиболее устойчивые возбудительные качества книги, которая была взята как реактив на такого среднего читателя. Отсюда, следует, что специальный библио-психологический метод, опираясь на закон Гумбольдта-Потебни, приводит к объективному изучению не только читателей, но и книг, причем эти последние выражаются в коэффициентах среднего читателя. Так получается книга-эталон. Каждому социальному коллективу соответствует таким образом эталон как средней книги, так и среднего читателя. Это совсем не то, что обыкновенно делается теперь, когда любой читатель бессознательно приписывает читаемой им книге разные качества, которые характеризуют вовсе не книгу, а его самого: средний читатель не есть индивидуальный читатель. Коэффициенты среднего читателя, выражающие не только его, но и книгу, выражают ее действие, а не ее содержание. Здесь перед нами опять-таки функциональная зависимость: К (книга) = f (читатель), т. е. книга есть функция читателя. Если Ч превратится в 0 (нуль), то и К перестанет быть книгой, — никто и никогда не увидит в

ней никакого содержания. Для неграмотных книга есть вещь без всякого психического содержания. Если два читателя вкладывают его в книгу более или менее одинаково, то не иначе, как в силу сходства их мнем (закон Тэна): сходства пониманий обусловлены сходствами мнем. Несходства пониманий обусловлены несходствами мнем. Сходство пониманий суть сходства возбуждений. Коэффициенты, выражающие книгу, выражают сходство мнем в виде коэффициентов, характеризующих среднего читателя, т. е. такого, в которого данная социальная среда уже вложила сходные энграммы, т. е. материал для сходных экфорий. А определенное содержание вошло в книгу и в читателя как результат определенной социальной среды: оно — в мнеме многих индивидов данного социального коллектива. Получается следующая цепь: от социальной среды в мнему читателя, многих читателей, а от них — в их коллективную (среднюю) проекцию книги, выражаемую коэффициентами среднего читателя. Вот почему книга — то же, что средний читатель ее.

Мы несколько остановились на этом важном вопросе, чтобы выяснить его раз навсегда и чтобы иметь возможность ссылаться на такое его разрешение, где речь пойдет об изучении собственно книг и о их содержании, что может показаться, на первый взгляд, противоречием всему сказанному в предыдущих главах этого нашего труда. На всех его страницах шла речь о книжном содержании, которое вложено читателем, а не писателем. Переходить от изучения книги к изучению писателя можно лишь после того, как будет доказано, что между средним читателем и книгой действительно можно поставить знак равенства. От такого понимания книги к пониманию психики ее автора еще очень далеко.

Главные этапы изучения книги в ее действии.

Для каждого отдела наук, искусств, литературы, публицистики, словом сказать, каждого отдела каталога и для каждой книги этого отдела существует свой средний читатель. Библио-психологические коэффициенты, выражающие этого последнего, вместо с тем, суть коэффициенты, характеризующие книгу данного отдела, ее среднее действие, обусловленное ее наиболее часто встречающимися, а значит, устойчивыми качествами производимых ею возбуждений. В этом смысле можно говорить о книгах собственно, — об объективном содержании любой книги из любого отдела каталога, и изучать эти книги и выражать их тоже библио-психологическими коэффициентами.

Поэтому девятым шагом библио-психологического изучения является изучение отдельных книг, которое должно итти путем выяснения коэффициентов среднего читателя каждой отдельной книги. Если мы возьмем какую-либо книгу и, пропуская ее через возможно большее число читателей, станем выяснять ее коэффициенты, опираясь на закон больших чисел, и если затем станем выводить среднее арифметическое соответствующих

коэффициентов, величина этих последних будет все более и более приближаться к величине коэффициентов среднего читателя. Так могут быть выясняемы коэффициенты собственно книги, отдельной книги, на основании изучения ее действия на мнему возможно большего числа читателей. То же самое можно проделать и с другой, и с третьей книгой, и с каким угодно числом их, хоть со всей литературой всех стран и всех времен. Так выяснится их средняя возбудительная сила для современной нам мнемы. Коэффициенты и их средние величины, которые мы получим этим способом, оказываются неодинаковыми для каждой книги. Сравнивая и изучая коэффициенты разных книг из разных отделов каталога и разных авторов разных времен и стран, мы получим возможность классифицировать и книги подобно тому, как классифицировали читателей, выражая числовыми коэффициентами каждое литературное произведение. Сопоставляя с ними средние коэффициенты данного читателя, в том числе и критика и историка литературы, мы определим уклоны этих последних в ту или иную сторону от средней нормы, что равносильно поправке на читателя или на критика, — разумеется, без всякого ущерба для их индивидуальностей и для их свободы высказывать любые мнения и не лишая значения всякое их индивидуальное осуждение. Размер уклонов будет характеризовать личность читателя в ее субъективно своеобразном проявлении, тогда как коэффициенты самой книги (среднего читателя ее) будут характеризовать ее качества, как их воспринимает и оценивает социальный коллектив, читающая масса.

Следующим, десятым шагом является изучение отдельных книг путем сравнения их библио-психологических коэффициентов с разными эталонами отдельных книг. Отсюда необходимость в таких эталонах. Но мы их уже имеем в виде различных эталонов среднего читателя разных социальных групп. Подобно тому как мы можем, при помощи того же метода, получить целую серию эталонов в целях характеристики различных средних читателей (эталон социального класса, эталон профессии, нации, возраста, пола и т. д.), так мы можем получить и различные эталоны отдельных книг, характеризуя их путем исследования того возбуждающего действия, какое книга производит на среднего читателя той или иной социальной, антропологической или какой другой группы. Подобно тому как мы сравниваем коэффициенты индивидуального читателя с коэффициентами читательских эталонов, так должны мы сравнивать и коэффициенты данной (любой) книги с коэффициентами эталонов книг вообще и выяснять уклон данного литературного произведения от средней нормы в ту или другую сторону.

Одиннадцатый шаг: изучение некоторой совокупности разных книг, наиболее распространенных в данный момент в той или иной местности, в той или иной социальной группе, независимо от степени действия этих книг, будь оно максимальным или минимальным. Такое изученне позволит исследователю

распределять разные книги по степеням их действенной силы, одновременно выясняя, какая книга как действует на какого читателя.

Двенадцатый шаг состоит в том, чтобы определить книгу-оптимум для среднего читателя разных социальных групп, т. е. книгу, наиболее действующую на этого среднего читателя. Коэффициенты такой книги представят собой список ее наиболее действующих качеств. Это относится как к сюжетам, так и к деталям. Изучение книг, максимально действующих и выраженных коэффициентами, покажет нам, какими качествами должна обладать книга, чтобы производить максимальное действие на массу независимо от ее сюжета, а также и в связи с сюжетом. Подобно тому как мы характеризовали каждого читателя посредством сравнения его коэффициентов с коэффициентами целого ряда эталонов, так можем мы характеризовать и любую книгу из любой отрасли знания, путем сравнения ее коэффициентов с коэффициентами какого угодно числа групповых эталонов книг.

Изучение книжной диаспоры.

Тринадцатый шаг: исследование циркуляции так изученных книг в данной социальной среде и в данный момент истории. Каждая книга имеет свою область распространения или рассеяния, так сказать, — свою диаспору. Мы сказали, что под этим термином, который мы заимствуем из истории еврейского народа, мы понимаем распространение не только географическое, но и по разным этажам социально экономического строя в пределах одной и той же местности. Каждый такой этаж, как известно, притягивает более или менее разные книги разных авторов из разных отраслей знания. Диаспоры различных книг комбинируются в каждой местности и в каждой социальной группе по-разному: они то налегают одна на другую (вполне или отчасти), то исключают одна другую. Некоторые книги в пределах своей диаспоры как бы отскакивают от некоторых читателей, тогда как к другим читателям они словно притягиваются по разным причинам, которые тоже подлежат научному выяснению во всем их разнообразии. Зная основные особенности разных книг и отношение к ним разных читателей, если те и другие выражены библио-психологическими коэффициентами, исследователь получает возможность судить об идейной физиономии читающей массы в пределах любой местности, любой общественной группы и вообще любой диаспоры. С этой точки зрения, изучение того, что читает население и различные социальные группы его в пределах данной диаспоры, получает совсем особый интерес и весьма большое научное значение, о котором нельзя составить понятия по библиотечным отчетам и вообще по ныне практикуемым исследованиям читаемости разных книг. Эти исследования вовсе не выясняют ни книжного влияния ни таких понятий, как «тип книги», «тип читателя», «типы их соотношений». Без понимания основных законов библио-психологии, всякое изучение

читательства и вообще книжного дела неизбежно будет поверхностным. Между тем циркуляция каждой отдельной книги, в пределах ее диаспоры, перемещение этой книги из рук в руки, рекомендация ее как положительная, так и отрицательная, делаемая одним читателем другому в пределах той же диаспоры, все эти явления обнаруживают очень определенные закономерности, научное выяснение которых не может не привести к улучшению, усилению и разумному регулированию книжной циркуляции и ее влияния на читающую массу. Такое изучение выяснит и борьбу за существование каждой книги, каждого автора, каждого направления мысли, в пределах их диаспоры, а также и своего рода естественный отбор, являющийся результатом их борьбы за обладание читателями, играющей среди книг, в области идей и знаний, в сущности, такую же роль, какую она играет и в царстве организмов. Пользуясь книгой, библио-психологически изученной и характеризованной коэффициентами, как реактивом на читающую массу, а не только на отдельного читателя, исследователь получает возможность судить о распространенности различных типов в пределах каждой диаспоры, каждой социальной группы, каждого социального коллектива. Об этом уже шла речь на стр. 136. Таким образом, библио-психологическое изучение разных книг и их диаспор, их взаимного налегания и соотношений, не может не привести к новому методу изучения сравнительной психологии различных социальных групп как отдельно, одна от другой, так и во всевозможных сочетаниях. Специальный библио-психологический метод есть вместе с тем метод сравнительной социальной психологии.

Четырнадцатый шаг: в качестве реактива на читающую массу могут нам служить не только отдельные книги, но и некоторые совокупности их, напр., книги по отдельным отраслям знания, по отдельным направлениям мысли. Нет и не может быть никакой отрасли знания, в которой не существовало бы различных направлений мысли и которые не вели бы там тоже своего рода борьбу за существование и тоже не подвергались бы влиянию не менее естественного психологического и социального подбора и отбора. Им подвержены разные направления, разные партийные, политические и социальные тенденции, разные теоретические и практические разногласия и т. д., изучать которые в их воздействиях и влияниях позволяет тот же специальный метод библио-психологии, дающий возможность, как это понятно из всего вышесказанного, характеризовать коэффициентами и такие сложные литературные явления. Каждое направление мысли — это своего рода реактив на читающую массу, но реактив сложный, и все-таки обладающий, так сказать, избирательным сродством. Не только для человека науки, но и для политика-практика представляет величайший интерес точное определение того повидимому неуловимого влияния, ка-

кое оказывают разные идеи на разные социальные группы в разных диаспорах. Не следует смешивать влияния на читателя какой-нибудь одной книги с влиянием некоторой группы книг: это последнее отнюдь не сводится к простой сумме влияний, а к их взаимодействию, а значит и интерференции. Налегание и взаимодействие диаспор должно быть изучаемо с точки зрения интерферирующих влияний, а изучение этих последних не может не привести к новой системе организации и функционирования библиотек и других просветительных учреждений в пределах определенного комплекса диаспор. Нетрудно понять, что только таким путем можно сорганизовать такую библиотеку, которая оказала бы максимальное влияние на своих читателей и вместе с тем была бы своего рода лабораторией для изучения общественного мнения. Но такая научно-библио-психологически организованная библиотека имеет очень мало общего с теми библиотеками, какие существуют в настоящее время и значение которых хотят определять только по глазомеру и по интуиции, постоянно смешивая то, что желательно, с тем, что есть, и постоянно забывая, что книжный состав и читаемость вовсе еще не значит психическое действие книг, точно и беспристрастно изучаемое.

Пятнадцатый шаг: изучение книг, их диаспор и соотношений этих последних естественно приводит к изучению диаспоры целой литературы, состоящей не только из книг, но и из периодических изданий и всех других произведений печатного, рукописного и устного слова. Такую диаспору нельзя смешивать ни с диаспорой отдельного произведения, ни с диаспорой множества их: в первом случае диаспора ограничена определенным национальным языком, во втором, — она им не ограничена и из национальной сделалась интернациональной. Книги, имеющие интернациональную диаспору, напр. сочинения Карла Маркса, Аристотеля, Дарвина, Беккариа, Л. Толстого, Э. Канта, Дефоэ («Робинзон»), Сервантеса («Дон-Кихот»), заслуживают особенного и специального изучения. Они являются реактивами на читательские типы интернациональные и выясняют то общее, что имеется в людях разных национальностей, и что поэтому соединяет, а не разъединяет их. А это приводит к изучению интернациональной психологии и к взглядам на человечество как на единую семью, на единый трудящийся класс. Библио-психологические коэффициенты позволяют, путем такого изучения, выяснять, какие же психические особенности, от основных до самых тонких, от влиятельных по внешности до влиятельных по существу, служат и могут служить главным цементом для интернационального психического объединения. А научное выяснение этого не может не привести к организации планомерной культивировки именно этих черт, в целях создавания сознательных кадров строителей будущего. Библио-психологическое изучение имеет еще одно значение, которого не следует упускать из виду. Дело в том, что каждый

национальный язык отличается своей особой психологией. Одно и то же слово возбуждает различные психические явления в людях разных национальностей. Знакомство с языком французским не приводит к тому, что русский человек понимает французские слова совершенно так же, как понимает их француз. Это наблюдается даже тогда, когда человек как будто бы изучил иностранный язык во всех его тонкостях, — и словарь и грамматику. Не бывает так потому, что понимание слова обусловлено не только индивидуальной и социальной, но также и наследственной мнемой. Это явление очень хорошо выяснено Эпштейном,[1] и его нельзя не принять в расчет при изучении литературных перекочевок; авторы и произведения, возникающие из недр одной национальности, действуют на другую не совсем так, как на ту, которая их породила. В области литературы происходит своего рода явление «рецепции» (приноровления), как и в области римского права, — явление, играющее громадную роль в международных идейных общениях. Изучать литературную рецепцию — это то же, что изучать все переводные литературы и их влияние, все перекочевки из страны в страну, распространения авторов и их произведений, и идей, и сюжетов, и образов, и направлений. С этой точки зрения представляет большой интерес изучение национальных особенностей в рецепциях идей Карла Маркса и других представителей социалистической мысли. Явления литературной рецепции имеют также свои степени, смотря по тому, насколько возбуждает данное явление мнему наследственную, или мнему социальную, или мнему индивидуальную, — вопрос, также поддающийся библиопсихологическому качественному и количественному изучению.

Шестнадцатый шаг: предыдущие шаги исследования имели в виду изучение книг, их диаспор и соотношений этих последних лишь в какой-нибудь один момент истории. Следующим шагом является исследование тех же явлений в целом ряде моментов. Диаспора всякой книги изменяется с течением времени. Она имеет свое начало и свой конец, свой максимум, минимум и оптимум. Изменяется, как мы видели, средний уровень читателя, а значит и коэффициенты книг и эталоны. Необходимо принять такую их изменчивость как факт, подлежащий исследованию. В связи с этим находится эволюция и читательства, и авторства, и диаспор, начиная с отдельной книги и кончая национальной и интернациональной литературой. Таким образом изучение отдельной книги приводит к изучению истории всемирной литературы. Нетрудно понять, что этот конечный шаг представляет собой как бы резюме всех предыдущих. Поэтому он может быть сделан не иначе, как после всех предшествующих шагов. Только таким путем сможет наука о книге, и о литературе, и вообще о книжном деле, и об их истории превратиться в научную теорию, объясняющую духовную

[1] La pensée et la polyglossie.

жизнь человечества и позволяющую планомерно и закономерно совершенствовать ее.

Такая последовательность изучения психических явлений по существу отличается от общепринятого изучения литературы, ее теории и истории не только тем, что принимает за исходную точку читателя, а не книгу и писателя, но и тем, что, во всем ходе такого изучения, история литературы неотделима от истории ее читателей.

Главные этапы изучения авторов.

Но применение специального библио-психологического метода на этом еще не заканчивается. В предыдущих параграфах этой главы шла речь о его применении к изучению только двух факторов книжного дела, каковы читатель и книга. Такое их изучение логически приводит к изучению третьего фактора, а именно автора и авторства. Как изучать этих последних, не внося в свои исследования субъективных дополнений и не принимая за данного автора никаких проекций, ни своих, ни чужих? Здесь перед нами:

Семнадцатый шаг, или этап библио-психологического изучения литературных явлений. Самая суть изучения автора по специальному библио-психологическому методу понятна уже из вышесказанного, и потому здесь нам не придется долго останавливаться. Берем произведение какого-нибудь автора и изучаем его читателей. Научное исследование этих последних приводит нас к выяснению коэффициентов среднего читателя каждого отдельного произведения этого автора. Таким же путем можно исследовать все произведения любого автора и выразить их коэффициентами. Так как свойства среднего читателя суть не иное что, как свойства литературного произведения, то исследователь таким путем получает возможность перейти к изучению собственно произведений данного автора, объективно выясняя приэтом, при помощи того же метода, и максимумы, и минимумы, и оптимумы библио-психологических коэффициентов, т. е. раздражений-возбуждений, производимых произведениями этого автора. Таким образом, исследователь совмещает изучение индивидуальных особенностей автора с изучением общих и устойчивых признаков, характеризующих ту массу, которая читает произведения данного автора. Изучение всех произведений его логически приводит к тому, что особенности данного автора характеризуются и качественно и количественно тоже коэффициентами. Сравнивая полученные коэффициенты с соответственными коэффициентами разных других авторов, исследователь получает возможность формулировать сходства и различия разных писателей не на глазомер, а очень определенно. Специальный метод библио-психологии дает возможность формулировать и личное уравнение любого автора, и сравнивать его с личными уравнениями читателей, в том числе критиков и комментаторов. Сравнение коэффициентов каждого отдельного произведения данного автора со средними

коэффициентами этого автора дает возможность судить о степени уклона каждого отдельного произведения данного автора в ту или иную сторону от коэффициентов, характеризующих этого автора и его авторство в их целом. Но ведь делать все это — это то же, что с точностью определить место, занимаемое данным автором в ряду других авторов и в истории литературы. Специальный библио-психологический метод позволяет выяснять его и качественно, и количественно, и не только в основных и общих чертах, но и очень детально, принимая во внимание все, даже тонкие особенности автора, интеллектуальные, эмоциональные, волевые, — индивидуальные социальные, национальные и т. д.

Восемнадцатый шаг: дальнейшим этапом является изучение не только автора, но и совокупности авторов, — сравнительное выяснение их обоюдных сходств и различий. Исследуя писательские группы по специальному библио-психологическому методу, мы приэтом не отрываем их изучения от исследования читательства и книжных богатств, так как читатель, книга и писатель, эти основные факторы книжного дела, изолируются один от другого лишь искусственно. То же следует сказать и об обоюдных влияниях разных авторов. Из истории литературы хорошо известно, что изучение какого-нибудь одного автора нельзя отделить от изучения других, — так перепутались их обоюдные влияния, соотношения сходства и различия. Только изучая совокупность авторов, создающих и двигающих литературу своими трудами, можно понять, что значит она как единое целое.

Девятнадцатый шаг: подобно тому как необходимы различные эталоны, — целая серия эталонов, — для сравнительного изучения читателей и книг, так необходима соответственная серия эталонов и для сравнительных оценок разных авторов. Каждый такой эталон представляет собой средние коэффициенты, полученные путем изучения читателей, что дает возможность выяснить и средние величины коэффициентов, характеризующие как отдельных авторов, так и целые группы их. Подобным путем является возможность получить сравнительные характеристики отдельных групп авторов, а это позволяет научно классифицировать разных писателей и их произведения путем выяснения уклонов их в обе стороны от среднего уровня. Особенный интерес представляет изучение распределения разных авторов по различным течениям мысли, социально-экономической, политической, этической, религиозной, эстетической, анализирующей или синтезирующей, то разрушающей, то созидающей и т. д. Благодаря этому авторы распределятся по различным течениям мысли, характеризованные посредством сравнения их коэффициентов. Так может быть выяснено и тоже характеризовано коэффициентами каждое течение мысли, — его распространение и влияние как на самих авторов, так и на их произведения, а также и на читающую толпу в различных диаспорах. Только путем такого исследования может сделаться действительно науч-

ным, т. е. прочным и определенным, изучение литературы и вообще духовной эволюции человечества.

Двадцатый шаг состоит в исследовании авторских диаспор. Каждый автор как и отдельные произведения его имеют свою более или менее особую диаспору, не вполне совпадающую с диаспорами других произведений того же автора, а также с диаспорами других авторов. Каждая авторская диаспора тоже захватывает не только разные географические районы, но и разные этажи социального строя, а в пределах каждого социального этажа — индивидов определенных психических типов. Каждый автор тоже характеризуется своей диаспорой, подобно тому как ею характеризуется и каждая книга. Поэтому для оценки автора необходимо изучение его диаспоры с различных точек зрения, что издавна практикуется при помощи других методов, но, к сожалению, таких, которые не позволяют точно выяснять диаспоры в качественном и в количественном отношениях.

Двадцать первый и последний шаг, приводящий к конечной цели, состоит в том, чтобы изучать не только распространение диаспор в пространстве, но и изменения их во времени,— их расширения и сужения, появления и исчезновения, их взаимные вытеснения и смены. Авторы появляются, развиваются, входят в славу, оказывают влияние на тот или иной слой читающей массы, создают себе определенные диаспоры, затем это их влияние начинает итти на убыль, блекнет и расплывается, и диаспора их произведений суживается, так сказать, заглушается диаспорами других авторов, произведения которых, в свою очередь, возбуждают читательские мнемы в более сильной степени. Авторы известные, в силу этого, превращаются в авторов «вышедших из моды», полузабытых, а затем и забытых, уступая место другим, с которыми происходит то же самое. К этому, в конечном счете, и сводится так наз. «история литературы». Но влияние автора на этом еще не заканчивается. После того как уже прекратилась циркуляция его печатных произведений видимая, продолжается еще очень долгое время циркуляция их невидимая: продолжают циркулировать цитаты из этих авторов, с упоминанием или без упоминания их имен, переделки, пересказы или переложения их произведений, затем отдельные мысли и выражения, эпитеты, образы, факты, замеченное этими авторами для их места и времени, остроты, каламбуры, парадоксы и крылатые слова. Затем все это сходит на-нет, сначала со страниц литературы печатной, затем и рукописной (напр., из частных писем), а затем, наконец, исчезает и из фольклора. Оригинальности от частого повторения, по закону Фехнера и Вебера, превращаются в банальщину; банальщина, в конце-концов, всем надоедает, и ее не только забывают, но даже намеренно стараются забыть как признак дурного тона. Библио-психологическое изучение разговора является продолжением изучения печатного и рукописного слова, постепенно переходящих в устную народную словесность.

Из всего сказанного видно, что при помощи специального библио-психологического метода могут быть изучаемы все явления литературы. Повторяем еще раз, что этим вовсе не исключается утилизация всех других методов, под которые подводит биологический и социологический фундамент метод библио-психологический.

Пятый основной закон библио-психологии: закон Э. Геннекена и его экспериментальное доказательство по специальному библио-психологическому методу.

Из того, что уже было сказано в этой главе, в достаточной степени видно, какие широкие, глубокие, да и светлые перспективы открывает библио-психология для всех работников книжного дела: она ведет нас от момента к ряду моментов, от дифференциала к интегралу, от коллектива к индивиду и обратно. Необходимо теперь выяснить ту функциональную зависимость, какая существует между главными тремя факторами книжного дела, а именно: читателем, книгой и писателем. О функциональной зависимости между типом книги и типом читателя, который строит ее проекцию не иначе, как из элементов своей мнемы, мы уже говорили и имели случай подчеркнуть, что не только авторство, но и чтение представляет собою работу творческую. Было выяснено и то, что такая творческая работа читателя находится в функциональной зависимости с типом работника-творца. Таким образом, была нами выяснена и функциональная зависимость произведений автора от психического и социального типа этого последнего. Теперь мы должны выяснить функциональную зависимость между писателем и его читателем. Эту зависимость впервые формулировал в 1888 г. Эмиль Геннекен следующими словами:

«Всякое литературное произведение оказывает наиболее сильное действие на того читателя, психическая организация которого наиболее аналогична, т. е. представляет наибольшие сходства с психической организацией автора этого произведения».

Выражая тот же закон словами того же автора еще более кратко, мы приходим к такой формуле:

«Литературное произведение действует только на тех, чьим выражением оно служит».

Глубокую правильность этой идеи Э. Геннекен не сумел доказать экспериментально, но словесные противники его не смогли доказать и ее неправильность. Что Геннекен не ошибался, это может быть доказано, во-первых, путем специальных библио-психологических анкет, во-вторых, посредством специального библио-психологического метода. Ниже мы приведем экспериментальные доказательства основной идеи Геннекена. Опираясь на эти доказательства, мы позволяем себе считать ее одним из основных законов библио-психологии, который и должен носить имя этого замечательного ученого. Сначала мы изложим самую идею Э. Геннекена и приведенные им самим доказательства ее.

*

После того, что нами было сказано о мнеме и о социальной среде, снабжающей ее энграммами и комплексами энграмм, мы не можем не видеть, что закон Геннекена держится на том же фундаменте, как и законы В. Гумбольдта и И. Тэна. Формулируя свой закон, Геннекен не придавал ему того общего значения, какое придаем этому закону мы. В своих трудах Геннекен применял его лишь к художественным произведениям, а на другие виды литературы распространял только с оговорками. Напротив, с нашей точки зрения закон Геннекена имеет о б щ е е значение и применим не только к печатному и рукописному, но и к устному слову, так как в основе этого закона лежит принцип биологического и социально-исторического сходства мнем, обусловливающего взаимное понимание разных Я. Насколько нам известно, Геннекен первый ввел в теорию литературы принцип изучения читательства и читателя как крайне важного фактора ее, а авторство и читательство стал изучать совместно в их соотношениях, не только эстетических и психологических, но и социологических. Даже не будучи знаком с трудами В. Гумбольдта и А. Потебни, Геннекен, тем не менее, предчувствовал значение их закона и даже применение закона больших чисел к изучению литературных явлений, что, по его мнению «до сих пор было невозможно». Геннекен же понял, что книга есть возбудитель, а не передатчик психических явлений: «Книга, писал он, есть словесное произведение, предназначаемое для того, чтобы в о з б у д и т ь в читателях или в слушателях особый род э м о ц и й». Геннекен подчеркнул роль эмоций и определенно поставил вопрос: «не ложатся ли эмоции в основу поведения личности?» «Не производят ли они, какова бы ни была их природа, всегда, во всяком случае, каких-либо определенных нравственных последствий?» Правда, Геннекен говорит о книжном возбуждении эмоций лишь эстетических. Но при этом он считает, что эмоция эстетическая есть не иное что, «как недеятельная эмоция обыкновенная, а каждая эмоция обыкновенная способна приобретать характер эстетической, когда является под впечатлением произведения искусства». Геннекен сказал бы иначе, если бы не ограничился исследованием беллетристики и если бы приложил свои соображения к литературе вообще и прежде всего научной.

Задачей своей «эсто-психологии» Геннекен считал анализ х у д о ж е с т в е н н ы х произведений, — эстетический, психологический и социологический, который дает возможность «от произведений как частных проявлений интеллекта перейти к самому интеллекту, их породившему, и к группе интеллектов, к читающей толпе». Но есть между эсто-психологией Геннекена и библио-психологией существенная разница. Геннекен не подходит к своей эсто-психологии и к ее объекту как естествоиспытатель. Он везде остается филологом и социологом. Рекомендуя изучать и писателя, и его почитателей, Геннекен не указывает никакого метода, кроме сравнительно-исторического

и сравнительно-литературного, который позволил бы изучать авторов и читателей объективно. Геннекена интересует лишь качественное изучение, а что касается до количественного, о таком у него нет и речи. Нет речи и о поправке на критика и на исследователя-историка, без чего никакое объективное исследование литературных явлений невозможно. В своей книге Геннекен дает широкую научную программу исследования авторов, начиная с эстетического анализа произведений, переходя затем к анализу психологическому самих писателей, и только через них — к анализу читающей их толпы (социологическому). По терминологии библио-психологической, психический анализ есть не что иное, как анализ читательских переживаний, возбуждаемых произведением того автора, который изучается. Далее, Геннекен интересуется лишь суправербальным анализом, не пускаясь ни в вербальный, ни в интервербальный. Таковы основные различия между эстопсихологией Геннекена и библио-психологией. Переходим теперь к анализу Геннекеновского закона.

«Все те, говорит Геннекен, кто, читая известную книгу, охвачен радостью от того, что нашел в ней, в прекрасном выражении, те самые идеи, какие ему дороги; все те, кто чувствует, что существо его подкуплено и вместе с тем оживлено мрачной или торжествующей гармонией оттенков, изяществом и горячностью композиции; все те, кто, слушая патетическое анданте или капризное скерцо, приходит в неописуемый восторг и чувствует себя во власти композитора, — все эти люди — братья по духу с тем художником (автором), из рук которого получено произведение». Не допуская того, чтобы одна и та же эстетическая особенность могла соответствовать разным оттенкам душевной организации, Геннекен справедливо заключает, что «почитатели произведения обладают душевной организацией, аналогичной организации любимого автора, а потому, если последняя уже изучена, законно будет приписать почитателям произведения те самые способности, те недостатки и крайности и все вообще выдающиеся черты, которые входят в состав организации художника». Поэтому свой закон Геннекен формулирует еще так: «Художественное произведение производит действие только на тех, психическая организация которых является хотя и низшей, но аналогичной организации автора, которая дала произведение и может быть на основании произведения уяснена». Геннекен определенно обращает внимание на те ограничительные термины, которые содержатся в такой формулировке закона: «психическая организация читателя-поклонника, говорит он далее, не может быть совершенно подобной, — она может быть только аналогичной организации автора; очень возможно, что сходство между ними общего характера; возможно, что способности, благодаря которым оно имеет место, играют в существовании читателя только подчиненную роль. Известно наконец, что

у читателя эти способности, каково бы ни было их различие по отношению к остальным его способностям, не могут обладать такою силою, как у автора, потому что только у него одного они проявились активно. Между организацией автора и его почитателей очевидно существует разница, но только такая, какая существует между способностью творческой и воспринимающей. Творческая способность — это способность настолько развитая, что вызывает и желание проявлений и действия. От просто воспринимающей способности она отличается только своей напряженностью». Индуктивные исследования показали Геннекену, что между психическим типом поклонников автора и самим автором существует определенное сходство. «Стоит только собрать свои воспоминания — и всякий из нас легко убедится, что у поклонников, напр., Мериме или Мюссе, Гюго или Золя имеется определенный темперамент и определенное свойство, приблизительным выражением которых являются как раз те сочинения, какими они восхищаются. Некоторые авторы читаются только людьми известного возраста, свойства которого они в себе воплощают. Гейне, Мюссе читаются больше всего молодежью. И в самом деле, сочинения этих авторов носят в себе признаки соответственного возраста. От Горация веет старчеством, и он нравится только старикам. Те авторы, которых любят женщины, редко бывают грубы и неприличны. Существует также резкая аналогия между автором и средним типом того класса, в котором он наиболее популярен. Писатели, излюбленные буржуазией, обладают буржуазными свойствами. Писатели, излюбленные миром художников, обладают той самой прелестью, той тонкостью чувства и тем изяществом, какие свойственны художнику. Различные вкусы или склонности читателя стоят между собой в известном соотношении». Отсюда вывод: «Успех книги и вообще художественного произведения является следствием в известной степени соответствия между свойствами автора, которые выразились в его произведении, и свойствами известной части общества». Если изменяется, в силу еще неизвестных нам биологических причин, состав данного социального коллектива из таких-то психических типов, неизбежно изменяется и читаемость разных авторов. На стр. 136 мы привели статистические данные о составе национальностей из разных процентов психических типов. Нетрудно понять, что если число типов индуктивных увеличится, а дедуктивных уменьшится, это отразится и на циркуляции книг индуктивного и дедуктивного типа. Если число аналитиков так возрастет, что число синтетиков отодвинется на задний план, разумеется, это скажется и на отношении читающей толпы к индуктивным и дедуктивным авторам. Диаспора каждого из них и в пространстве, и во времени зависит от состава читающего коллектива из тех или иных психических типов. «Только самое тщательное и разностороннее изучение может объяснить, почему понадобились целых два столетия, чтобы Паскаль и Сен-Симон приобрели свою

славу: их оценили только в XIX веке. Снова два века понадобились французским классикам, чтобы лишиться прежнего поклонения. Даже в самой Англии Шекспир нашел горячих поклонников лишь двести лет спустя после своей смерти. В XVIII веке его «поправляли», переделывали псевдо-классики, напр., во Франции Вольтер, в России — Озеров. Штирнер вышел из забвения почти 50 лет спустя после появления в свет его книги «Единственный и его собственность» (1845 г.). Авторы забытые считаются многими сотнями тысяч во всех странах». Законом Геннекена определяются и национальные диаспоры: «Мольер и Лафонтен почти не смогли перешагнуть Рейна и Ламанша. Шекспир проник во Францию лишь в эпоху романтизма, которая для Франции была эпохой германизации. Гораздо раньше проник Шекспир в Германию». Русские писатели проникли во Францию лишь в конце XIX и начале XX века, а Ницше в Англию лишь в эпоху войны 1914-18 гг. Эдгар Поэ нашел свое признание не в Соединенных Штатах и в Англии, а во Франции, благодаря Бодлеру, столь же неуравновешенному субъекту, как и он сам. Законом Геннекена же объясняются явления литературной подражательности. Им же объясняется и всплывание писателей из забвения, если психическая организация их оказывается аналогичной психической организации вновь народившегося нового поколения и его состава из определенных психических типов. Произведения забытых писателей выискиваются тогда в архивах, извлекаются оттуда кем-нибудь из тех, психический тип которых соответствует типу автора, извлекаемого из забвения, рекомендуются, популяризируются, пускаются снова в оборот, встречают хороший прием у людей того же психического типа, а в силу подражания и моды и у читателей других типов. Диаспора автора, вновь извлеченного из забвения, начинает таким образом расширяться, разрастаться, и он перестает быть «забытым ничтожеством» и занимает место в истории литературы как признанный д а н н ы м поколением. А за ним начинают уделять ему место и последующие историки литературы, что не мешает иным писателям с именами когда-то очень громкими перейти в число «хотя и известных, но забытых», — точнее говоря, уже не нужных, потерявших свою возбудительную силу, свое влияние на мнему изменившихся поколений. Законом же Геннекена объясняется нередко и распространение и д е й такого-то направления, соответствующих составу приемлющего их поколения из определенных психических типов. То же надо сказать и о влиянии прессы: она может распространять свои «мнения» и свою «правду» не иначе, как опять-таки в силу закона Геннекена. Всякое одобрение, всякое восхищение автором и его произведением, равно как и хула на них и пристрастная критика объясняются тем же. Все это — следствия соответствия или несоответствия психической организации авторов и психической организации читателей, становящихся то почитателями, то противниками, несмотря

на научную (объективную) правильность той или иной идеи, того или иного направления, так как, в конечном счете, правильность идеи сводится к ее соответствиям с качественной и количественной стороной читательской мнемы. Этим же объясняется, что критика характеризует самых критиков, а не тех, кого они критикуют. Этим же объясняется, почему иной ученый профессор совершенно не способен быть популяризатором, а когда он себя мнит таковым, его книжки не читаются теми, для кого они предназначены. Чем больше людей, сходных с автором, тем громче звучат слова этого последнего в ушах таких людей. Стоит появиться какому-нибудь новому автору, — и немедленно появляется около него своего рода библио-психологическое притяжение или отталкивание, обусловленное сходством мнем. Все произведения всякого автора можно расклассифицировать по их успеху в пределах одной и той же диаспоры. Здесь опять-таки нам приходится подчеркнуть, до какой степени необходима правильная, строго научная, библио-психологическая организация библиотечной, книгопродавческой и издательской статистики, ныне находящейся лишь в зародыше. Библио-психологическая статистика должна быть организована так, чтобы своими цифрами помогать нашему пониманию общественного мнения и окружающей культуры. Она должна определенно показать не только то, какие авторы и какие книги больше всего выдаются, и не только то, какие книги больше всего спрашиваются, и даже не то, какие книги наиболее читаются и какой прием они в какой читающей среде находят, но и то, из каких психических типов состоит в данный момент истории какая социальная группа, потому что только знание ее состава из разных психических и социальных типов может нам объяснить, какие типы книг наиболее действуют на коллектив в данный момент истории и какими книгами необходимо на них действовать и до каких пределов, потому что есть предел всякому действию всякой книги (закон предельной полезности всякого печатного, рукописного и устного слова.) В этом же смысле должна быть организована и статистика разных журналов и газет. «Литература, говорит Геннекен, служит выражением народа не только потому, что он ее произвел, а и потому, что она была принята, признана им и доставила ему наслаждение, а потому и повлияла на его поведение».

Библио-психологическая археология.

Из того, что было сказано выше, вытекает возможность такого применения закона Геннекена, в связи с другими законами библио-психологии, которые мы называем «библио-психологической археологией». Ее суть заключается в следующем: соответствие психических переживаний, способностей, интересов, вкусов, наблюдаемое, с одной стороны, у писателя, а с другой — у его читателей и почитателей, можно использовать в целях изучения писателей уже умерших, в целях репродукции их психических особенностей и типа интимных пережи-

ваний. Мы уже не раз говорили о том библио-психологическом явлении, всюду распространенном, что у каждого из нас имеются свои любимые писатели и любимые произведения этих писателей, т. е. такие, которые производят на нас не только более сильное, но и наиболее приятное впечатление, к ним притягивающее.

Теперь мы будем говорить о значении этого явления для изучения самих писателей. Так как писатель есть вместе с тем и читатель, то, изучая любимых авторов самого писателя и изучая их же как реактивы и на нас самих и на наших современников, мы этим способом можем открывать разные психические особенности писателей былых времен или находящихся от нас далеко. Еще Геннекен подчеркнул то значение, какое может иметь для истории литературы изучение тех авторов и книг, которые были любимыми у разных писателей. «То, что нам известно о литературных симпатиях некоторых крупных писателей настоящего столетия, показывает нам, говорит Геннекен, что у этих людей, вкусы и способности которых вполне изучены, существует поразительное сходство между тем, что они любят, и тем, что они из себя представляют». «И в этом случае художественное произведение действует только на тех, чьим выражением оно служит». «Мериме поносит В. Гюго, восхищается Стендалем, а иногда и Байроном. Мюссе не скрывал своего пристрастия к Байрону, Ламартин любил Оссиана. Т. Готье и парнасцы восхищались В. Гюго, в котором однако они предпочитали версификатора и стилиста мыслителю. Бодлер любил Поэ, Флобер восхищался Бальзаком, Гюго, некоторыми научными сочинениями и некоторыми формами красноречия. Гонкуры пристрастились к Бальзаку и к Гейне, Золя тоже был поклонником Бальзака. Огюстен Тьерри восхищался Шатобрианом и Вальтером Скоттом, а Мишлэ — Виргилием, Бернарденом де-Сен-Пьер и Руссо. Тэн читал усердно Стендаля, Гейне, Вольтера и романтиков». Если же о психических особенностях читателей и почитателей можно составлять определенное понятие, выражая их даже коэффициентами преобладающих осознаваемостей; если мы уже изучили библио-психологически и произведения и того автора, который на данную группу читателей максимально действует как писатель наиболее любимый ими в силу функциональной зависимости, отмеченной Геннекеном,— то и обратно, библио-психологически изучив читателей, можно, на основании такого изучения, реставрировать в терминах современной мнемы психический облик писателя, уже умершего. Такое раставрирование сводится к библио-психологическому исследованию тех ныне живущих читателей, которые до сих пор считают умершего уже автора своим любимым писателем. Если он на них действует, то, по закону Геннекена, это происходит потому, что между современными ему почитателями и им самим имеется психологическая аналогия,—соответствие большего или меньшего числа различных психических особенностей. Каких же именно? На этот вопрос

может дать ответ библио-психологическое исследование ныне живущих почитателей уже умершего автора. Правда, живой почитатель, в огромном большинстве случаев, уступает в том или ином отношении своему умершему прототипу; тем не менее, далеко не все особенности изучаемого писателя могут быть определяемы на основании лишь изучения его произведений и лишь путем восхождения от этих последних к автору, как это теперь обыкновенно практикуется. Изучение живых читателей позволит восстановить пропуски такого чисто книжного исследования, а разные характеристики умерших авторов, сделанные только по книжным данным, переведут на язык современного живого человека его мнемы. Правда, современная мнема не есть мнема былых времен, но это можно сказать лишь о мнеме социальной, а не о психических качествах, которые у вида homo sapiens остаются, по существу, неизменными в течение не только столетий, но даже и тысячелетий. Правда, социальная мнема, как мы знаем, нивелирует, точнее говоря, стремится нивелировать мнемы индивидуальные, но это нивелировка не стирает индивидуальности даже тогда, когда с этой целью употребляют все средства, какие дает не только социально-политический механизм, но и наука и искусство, являющиеся орудиями этого механизма. Поэтому определять психические свойства умерших авторов по психическим же свойствам их современных почитателей не только теоретически, но и практически, является возможным и полезным с точки зрения истории литературы. Такое индуктивное исследование, как и всякая индукция, разумеется, предполагает научную (дедуктивную) проверку, путем изучения произведений данного автора, и даже требует ее.

Применяя библио-психологический метод к истории литературы, характеризуя каждого писателя, туда введенного, его коэффициентами, историк литературы сможет превратить ее из мозаики субъективных суждений в объективную науку. Если же историк литературы снабдит свой труд указанием своих собственных библио-психологических коэффициентов, — этим он даст любому читателю возможность делать поправку на самого историка. Использование разных других методов научного изучения литературных явлений облачит и в плоть и в кровь те цифровые коэффициенты, которые объективно характеризуют писателя.

Экспериментальная проверка закона Геннекена.

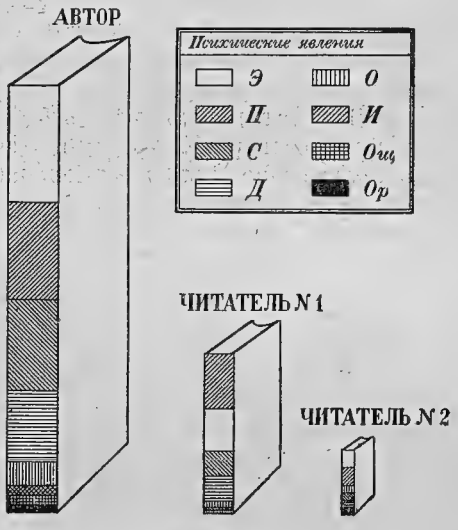
Экспериментальная проверка закона Геннекена была произведена нами следующими способами:

1. Путем библио-психологических анкет в течение 1911 — 17 гг.

2. При помощи специального библио-психологического метода.

1. Проверка анкетная. О ней мы уже говорили на стр. 133 этой книги. В 1911 — 15 гг. составленный нами библио-психологический вопросник был опубликован в целом ряде рус-

ских периодических изданий, наиболее распространенных в тех читающих кругах (трудящейся массе и полу-интеллигенции), которые нас всегда наиболее интересуют («Новый журнал для всех», «Народная газета», «Жизнь для всех», «Русское слово», «Вестник знания» и др.). Вопросник был составлен так, чтобы по ответам читателя на него можно было составить возможно отчетливое представление о социальном и психическом типе того, кто писал ответы. В вопросник был введен и вопрос о любимых авторах, и о любимых книгах, и вообще о книгах, которые особенно понравились и произвели наибольшее впечатление на читателя. Всякая книга, указанная в его ответе, была нами затем изучена библио-психологически. Это дало возможность классифицировать более четырех тысяч разных книг по всем главнейшим отраслям знания тоже на психические и социальные типы. Сопоставляя типы изученных (6-7 тысяч) читателей с типами изученных книг, мы определенно констатировали, что книга сильнее всего действует на читателя, психический тип которого тот же, что и данного читателя, или аналогичен этому последнему. Так, напр., книги конкретные и эмоциональные в роде «Живописной астрономии» Фламмариона, «Основ жизни» Лункевича, «Французской революции» Карлейля действуют сильнее всего на читателей того же психического типа,—во-первых, с конкретным складом ума, а во-вторых, эмоционального. Но эти же самые книги не нравятся и не действуют на читателей с абстрактным складом ума и неэмоциональных. На людей активных и практических не действуют книги пассивно-созерцательного склада. Практики не любят теоретических рассуждений, так как ищут удобоприменимых указаний. Индуктивный склад ума не мирится с дедукциями, опирающимися на какой-нибудь тезис, принятый если не на веру, то во всяком случае в данной книге не доказанный, а лишь считающийся бесспорным и доказанным. И обратно,— книги всех таких типов оказываются действенными, если их читают люди того же типа. Переписка наша с 5 506 читателями в 1911-15 гг. дала возможность и экспериментировать над читателями: на основании читательских ответов на наш вопросник мы составляли для них маленькие списочки книг,



К стр. 268.

а затем запрашивали читателей о впечатлениях, какие произведены были на них указанными им книгами. Такие опыты привели к полному подтверждению закона Э. Геннекена, и закон этот лег в основу переписки с читателями.

2. К тому же выводу привели и *исследования читателей по специальному библио-психологическому методу*. Эти исследования были предприняты главным образом с научно-теоретической целью. Вот одно из исследований, сделанных Секцией библиологической психологии. Было предложено одному автору произвести библио-психологический анализ его собственного произведения. Тот же самый текст, тоже для такого анализа, был предложен, во-первых, читателю *того же* психического типа, как и сам автор, а во-вторых, читателю типа *иного*. Результаты такого сравнительного исследования изображены на рисунке (стр. 267). Показания автора приняты за сто. Два читателя были тщательно выбраны на основании нескольких предварительных опытов над ними. Обоим читателям было предложено делать пометки с помощью той же классификации психических явлений, по какой делал их и автор (№ 4).

Вот результаты, полученные от исследования.

Категории	Автор		Читатели			
			Читатель № 1, того же типа, что и автор		Читатель № 2, другого типа, чем автор	
	Число пометок	Коэффициенты	Число пометок	Коэффициенты	Число пометок	Коэффициенты
П.	1562	22,9	693	27,0	271	27,4
Об	376	5,5	98	3,8	163	16,5
Ощ.	149	2,2	46	1,8	19	1,9
Э	1857	27,3	855	33,3	296	28,4
Ор	119	1,8	21	1,3	14	1,4
И.	153	2,2	33	0,8	2	0,2
С	1430	21,0	410	16,0	129	13,0
Д.	1162	17,1	410	16,0	111	11,2
Итого . . .	6808	100,0	2566	100,0	538	100,0

Из этой таблицы видно, что число осознаваемостей у автора слишком в 2,6 раза больше, чем у читателя его же типа, и в 12,7 раза больше, чем у другого читателя не его типа (см. рис. на стр. 267).

Те же библио-психологические коэффициенты, но расположенные в убывающем порядке:

Автор: Э 27,3 > П 22,9 > С 21,0 > Д 17,1 > Об 5,5 > И 2,2 = = Ощ 2,2 > Ор 1,8.

Читатель № 1 его же типа: Э 33,3 > П 27,0 > С 16,0 = = Д 16,0 > Об 3,8 > Ощ 1,8 > Ор 1,3 > И 0,8.

Читатель № 2 другого типа: Э 28,4 > П 27,4 > Об 16,5 > > С 13,0 > Д 11,2 > Ощ 1,9 > Ор 1,4 > И 0,2.

Из этого сопоставления видно, что последовательность коэффициентов как у автора, так и у читателя его типа одинакова по пяти категориям.

Коэффициенты последних трех не характерны, так как основаны на малом количестве читательских пометок. Бросается в глаза разница в последовательности коэффициентов у читателя № 2. Сходство типов охватывает все рубрики классификации. По недостатку места мы здесь не приводим всех деталей. Скажем лишь о нескольких. Так, напр., в отделе П как автор, так и читатель его типа сделали больше всего пометок в рубрике № 16 (категория внутреннего мира). У того и у другого почти одинаковы коэффициенты по № 1 и № 2 (время и пространство). В отделе образов одинаковы коэффициенты по № 32 (образ движения) и № 37 (образ чужих страданий). В отделе эмоций — у того и другого субъекта наиболее высок процент по рубрике № 74 (эмоции космические), № 85 (эмоции этические вообще), № 93 (эмоции альтруистические), № 95 (эмоции социальные). Всего меньше у того и другого субъекта пометок по рубрикам № 79 (внешнее благочестие), № 82 (суеверие). Подобного же рода совпадения максимумов и минимумов наблюдается по отделам действий, стремлений и др. На 213 рубрик приходится около 50% такого совпадения деталей. Все это говорит о том, что тип автора и тип данного читателя вполне аналогичны.

За исключением первых двух коэффициентов (Э и П), у читателя № 2 не наблюдается совпадений в такой же степени. Этот же самый читатель обращает на себя внимание и малым числом пометок, тем более, что, будучи раньше исследован при помощи других тексто-реактивов, но по той же классификации психических явлений, он делал пометок гораздо больше.

Были экспериментально выяснены при помощи библио-психологического метода и неоднократно проверены и другие основные законы библио-психологии, а именно закон Р. Семона, В. Гумбольдта-Потебни, И. Тэна и др.

Исследования показывают, что проекции всякой книги, построяемые двумя читателями одного и того же психического типа, тем более сходны, чем более сходны сами читатели, т. е. их мнемы. Но они никогда не бывают тождественны, что и соответствует закону В. Гумбольдта-Потебни. Являясь лишь возбудителем психических переживаний, всякая книга, всякое печатное, рукописное и устное слово действуют тем сильнее, чем больше в мнеме читателя или слушателя таких энграмм, которые способны экфорироваться словами и фразами, построяемыми пишущим или говорящим. С этой точки зрения, роль этих последних сводится к следующему: 1) к выбору слов опреде-

ленной возбудительной силы и в том или ином количестве; 2) к расстановке выбранных слов в таком порядке, какой оказывает на мнему читателя или слушателя максимальное и оптимальное действие. Выбранные автором слова действуют в зависимости от сходства социальной, индивидуальной и наследственной мнемы тех, кто этими же словами пользуется, т. е., с одной стороны автор или оратор, с другой — читатель или слушатель. Автор или оратор работают на читателя или слушателя лишь постольку, поскольку они сумели подобрать определенно действующие слова и расставить их в определенно действенном порядке. Ныне огромное большинство авторов делают это стихийно. Библио-психология выясняет законы авторства, наиболее целесообразного. Она рекомендует авторам не брать примера с таких плохо прицеливающихся стрелков, которые хотя и палят, но почти всегда мимо. Если библио-психология даст автору возможность хотя бы лишь уменьшить число промахов, уже одно это отзовется благоприятно на авторстве, а значит, и на влиянии литературы. Не понимая законов библио-психологии и потому не считаясь с ними, авторы тратят зря девять десятых своих сил, труда и времени.

Глава IX.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Подведем некоторые итоги.

Печатное, рукописное и устное слово не могут не подчиняться естественным законам своего производства, циркуляции, распределения и потребления, подобно тому как подчиняются своим, не менее естественным законам разные материальные блага, социальным и историческим опытом человечества и человеческим трудом создаваемые.

И в том, и в другом случае производство функционально связано с потреблением, т. е. с утилизацией, а потребление с производством. Одно безусловно необходимо для другого. Одно осмысливается другим.

Человек как источник, точнее сказать, творец своей собственной речи — и устной, и рукописной, и печатной, с незапамятных времен привык обращать наибольшее внимание на функцию ее производства, т. е. на работу выражения, высказывания своих собственных переживаний, а не на работу восприятий чужих. В наибольшей степени соответствуют мнеме высказывающего его собственные переживания, потому что они — продукт ее, тогда как переживания воспринимающего не могут иметь столь же полного соответствия с чужой мнемой даже тогда, когда они возбуждают чужую мнему максимально.

Отсюда та величайшая ошибка, на которой до сих пор основана теория устного, рукописного и печатного слова: она преимущественно принимает в расчет их содержание, а не их влияние, воздействие «содержания» на чужие мнемы.

А между тем все мы на каждом шагу убеждаемся, что по содержанию еще нельзя судить о влиянии, а по влиянию — о содержании. Точно так же по тому, что вкладывает в свою речь говорящий или пишущий, еще нельзя судить о том, что из нее получает слушающий и читающий. Как вывод отсюда: необходимость изучать и содержание, и влияние речи в их функциональной зависимости. А до тех пор, пока ее влияние не будет изучено научно, мы не в праве придавать и ее содержанию того первостепенного, господствующего значения, какое ему обыкновенно придается.

На страницах этого труда мы старались доказать, подходя к книжному делу как к явлению социальному и изучая то, что книга дает коллективу, а не то, что мечтает дать ему автор

или оратор, тот непреложный факт, что слово, книга имеют содержание лишь постольку, поскольку они влияют на тех, кто их воспринимает. Поскольку нет восприятия, постольку нет и содержания. Эта, в сущности, азбучная истина до сих пор еще неясна многим и многим. Мы утверждаем: до тех пор, пока она не станет безусловно ясной, вплоть до самой своей глубины и во всех деталях и со всеми выводами из нее, книжное дело не будет стоять на твердой почве, и масса сил, труда и времени будет затрачиваться работниками книжного дела непроизводительно. Астрономия встала на научную почву лишь тогда, когда было доказано, что не солнце кружит около земли, а земля около солнца, и что суточные и годовые передвижения солнца вокруг земли не более как наши проекции. Коперник внес в наше понимание поправку на наблюдателя, зрителя. Ньютон углубил ее. Эйнштейн углубил ее еще того более.

Но из этого вовсе не следует, что проекция, даже очень далекая от реальности, не имеет никакого ни теоретического, ни практического интереса. Благодаря астрономии как одной из самых точных наук мореплаватель-практик, при помощи секстана, ориентируется в открытом море. Измеряя кажущееся, он переводит это последнее на язык реальности. Зная реальное положение светила в пространстве, астроном имеет возможность заранее предвидеть кажущееся, т. е. качественную и количественную сторону человеческой проекции светил на небесном своде. Библио-психология как одна из отраслей естествознания тоже ищет способов умозаключать от проекции к реальности, от «содержания» к возбуждению и восприятию и обратно. Мы в нашей книге старались наметить пути и методы, ведущие к такой цели.

Но отрешиться от чересчур уж привычных и общераспространенных взглядов на книгу и вообще на слово как на нечто такое, что имеет вложенное в них содержание, — чрезвычайно трудно. Ведь автор всякой речи как устной, так и письменной, действительно старается вкладывать в нее те или иные элементы своего Я, т. е. своей мнемы. Разумеется, это признает и библио-психология. Но она констатирует еще один факт, не менее непреложный и доказанный; все, что вкладывается в речь ее авторами, никогда целиком не доходит по адресу, — часть исчезает по дороге, другая часть искажается, третья подменивается чем-то другим. В результате плюс А нередко превращается в минус А. Если для нас особенно ценен не самый процесс, а результат речи, разумеется, мы должны придавать главное значение изучению влияния, а не выражения, — изучению потребления, а не производства: это последнее может быть превосходно поставлено, но для данного-то потребителя никуда не годно.

Такова основная идея библио-психологии. Но прежде чем принять ее за доказанную истину, необходимо еще спросить: да

правда ли, что из книги, из чужого слова ничего не переходит в читателя или слушателя? И если кое-что все-таки переходит, то к чему доказывать закон Гумбольдта-Потебни? На страницах нашего труда всегда проводилась и доказывалась та мысль, что влагаемое содержание может то соответствовать, то не соответствовать содержанию получаемому, это смотря по сходству или несходству мнем агента и перципиента (закон И. Тэна и В. Гумбольдта-Потебни). Но в том и в другом случае перед нами — вовсе не явление переноса, а явление сходства возбуждений при сходных условиях. Перенос — явление кажущееся. Возбуждение — явление реальное. Несходства переживаний у разных субъектов, при прочих равных условиях, определяют индивидуальность; сходства переживаний обусловлены не только филогенезисом, но и социальным коллективом и затушевыванием, нивелированием индивидуальности. Несходства обусловлены мнемой индивидуальной, т. е. главным образом личным опытом данного субъекта, первоначальными энграммами, им полученными на его веку. Сходства обусловлены социальной и наследственной мнемой. Индивидуальность относит от тождественности понимания; социальная нивелировка облегчает ее, ведет к ней. Вся история литературы, с древнейших до новейших времен, есть не что иное, как история борьбы такой индивидуализации переживания с такой коллективизацией его. Индивидуальные элементы непередаваемы. Элементы общие как результат социальной нивелировки кажутся передаваемыми, потому что относительно одинаковы у многих или нескольких субъектов. Первые из этих элементов можно назвать индивидуально-мнематическими, вторые — алгебраическими. Первые переживаются разными субъектами по-разному, вторые — более или менее, а иногда и вполне одинаково. И те, и другие элементы неизбежно находятся как в говорящем и пишущем, так и в слушающем, и читающем. Это можно изобразить так:

Субъект X (агент) в текст своих слов (Т) вложил некоторое количество элементов индивидуально-мнематических (М) плюс некоторое количество элементов алгебраических (А). Поэтому:

$$Т = М + А$$

Субъект У (перципиент), воспринимая первый текст (Т), испытывает возбужденные им переживания индивидуально-мнематические $М_1$ и тот же самый элемент А, более или менее сходный с А агента. Поэтому

$$Т = М_1 + А$$

Алебраические элементы, обусловленные сходством социальной мнемы того и другого субъекта, одинаковы; мнематические (М и $М_1$) неизбежно различны. Чем больше элементов М и $М_1$ в речи, тем больше обоюдное непонимание. Чем больше эле-

ментов А — тем полнее обоюдное понимание. Речь, состоящая из о д н и х индивидуально-мнематических элементов, понятна лишь тому, кто ее говорит. Крайний пример этому — болтовня параноиков. Алгебраические формулы и все действия с ними наверное одинаково понимаются всеми математиками разных времен и стран, знакомых с отвлеченным и обезличенным языком алгебры. Правда, мнематический элемент может быть описан также при помощи слов. Но, в таком случае, и это описание неизбежно будет состоять как из индивидуально-мнематических, так и из алгебраических элементов. Описание первых опять-таки будет состоять из М и А и т. д. Всякое словесное пояснение индивидуально-мнематических элементов всегда составляется опять-таки из них же плюс элементы алгебраические. Таким образом получаются следующие ряды:

$$\begin{aligned}
T &= M + A \\
M &= м + a \\
м &= м_1 + a \\
м_1 &= м_2 + a \\
м_2 &= м_3 + a \\
&\vdots \\
м &= м_{n+1} + a \text{ и т. д.}
\end{aligned}$$

Поэтому: $T = m_{n+1} + A + a + a \ldots\ldots$

При этом m_{n+1} — индивидуально-мнематический остаток, еще не сведенный к терминам социальной мнемы.

Из этого примера видно, что книга и вообще чужая речь становятся наиболее точно понятыми при переходе от ее автора к читателю или слушателю, от агента к перципиенту, по мере нарастания суммы алгебраических элементов А. Максимальное сходство пониманий, иначе сказать, — тождество возбуждений, производимых в чужой мнеме переживаниями агента, — достигается при превращении всякого воспринимаемого текста в ряд одних формул. К этому и стремится эволюция прежде всего точных наук и философии: в них вносится все более и более элементов математических. Науки описательные, конкретные превращаются в абстрактные, причем каждая как бы выделяет из себя свою особую, все более и более абстрактную философию с ее «законами», т. е. теми же формулами. Применение измерений и вычислений, график, диаграмм и т. п. также вносит алгебраический элемент в обиход высказывания и восприятия (чтения и слушания). Математические знаки, как и химические формулы, так и музыкальные ноты и бесконечно разнообразные диаграммы — все это разнообразные способы выражения алгебраических элементов речи, которые каждым индивидом облекаются в плоть и кровь при помощи элементов его индивидуальной мнемы, к тем присоединяемых, в силу экфорий и гомофоний в процессе восприятия. К той же категории библио-психологических явлений надо отнести и идеографическое письмо, представляющее собой

тоже собрание символических знаков, опирающихся на их общезначимость, обусловленную социальною мнемою.

Отмечая тенденцию алгебраизации языка и стиля, мы естественно приходим к вопросу о так наз. «математической логике», «пасиграфии», «логистике», «математической идеографии», или «алгебре логики». Как известно, между философиями и логиками уже давно спор о том, касается ли логика только ф о р м ы или же с о д е р ж а н и я нашей мысли, и имеет ли логика ценность только формальную или же реальную? С библио-психологической точки зрения, в основе деления логики на реальную и формальную лежит деление элементов наших переживаний на индивидуально-мнематические и алгебраические. Логика реальная — это то же, что логика индуктивная, опирающаяся на факты (в конечном счете, — комплексы первоначальных энграмм), тогда как логика формальная не без основания сводится некоторыми авторами к логике дедуктивной, устанавливающей только отношения, связи, благодаря которым истинность или ошибочность одних понятий, данных познанием, влечет за собою истинность или ложность других. Нельзя не признать с Д. С. Миллем, что логика дедуктивная уже предполагает индуктивную, т. е. опирающуюся на запасы мнемы. Задача индуктивного мышления сводится к тому, чтобы превращать элементы мнематические, путем классификации, в элементы алгебраические (родовые понятия, все более и более высоких степеней отвлеченности, конечные обобщения фактов, восхождения от объема понятий к их содержанию и т. д.). Задача дедуктивного мышления, напротив, сводится к тому, чтобы превращать элементы алгебраического мышления в мнематические, умозаключая от общего к частному, индивидуальному. Математическая логика стремится довести наше мышление до его высшего и самого полного выражения в виде алгебраического элемента текста. Она изучает именно этот элемент, сводит мышление к «мышлению отношений», а в это последнее стремится внести математическую точность посредством математических же символов. С библио-психологической точки зрения, как мы знаем, восприятие слова, обусловленное качественной и количественной стороной мнемы, бывает различным у разных субъектов и в разные моменты, в силу экфорий индивидуально-мнематических элементов. Поэтому словесные схемы мышления не дают верной гарантии, что это последнее действительно будет точным, и в общем эти схемы не удовлетворяют более утонченным требованиям даже формальной логики. Как известно, это и послужило толчком для возникновения символической или математической логики, начало которой восходит еще к Лейбницу (конец XVII века) или Ламберу (около 1750 г.). Математическая логика представляет собой высший предел алгебраизации текста, совершенно отказываясь от пользования обычными словесными формулами и заменяя словарь слов словарем знаков, значение которых сводится к тому, что с их помощью желают упразднить всякую двусмысленность терминов, так, чтобы каждый из них имел один

единственный смысл, ему свойственный. Создавая свои особые условные знаки для того, чтобы формулировать с их помощью соотношения идей, математическая логика старается сделать так, чтобы каждый знак, без всякой двусмысленности, соответствовал только одному объекту. Поэтому математическая логика совершенно отвлекается от конкретного значения объектов и стремится воспроизводить лишь их логические отношения. Путем более глубокого анализа ей удается укрепить и свести эти отношения к немногим общим типам, также символически изображаемым. Таким образом, благодаря математической логике, мышление находит свое выражение в своего рода логическом исчислении, аналогичном исчислению алгебраическому. Ученые последовали Пеано и Болла, как известно, ушли настолько далеко в таких аналогиях, что даже формулировали математически целый ряд логических теорем, которые заключают в себе сочетания очень немногих, но основных принципов мышления. Таким образом, математическая логика, построенная в форме дедуктивной теории, по образцу арифметики или геометрии, понемногу становится орудием, которое выполняет, сокращает и проверяет рассуждение, и пользование им в разных науках может сделаться более частым (Энриквес).

Психология математической логики представляет один из отделов суправербальной библио-психологии, который раскрывает переживание отношений, в какие вступают осознаваемости разных мнематических элементов. Математическая логика развертывает вместе с тем и блестящие возможности для библио-психологии как науки, для такой реформы авторства и читательства в области отвлеченной литературы, какая значительно сблизит перципиента с агентом, читателя с книгой, а значит, и читателя с автором, и таким образом взаимное непонимание станет превращаться и систематичнее и быстрее во взаимное понимание, и тогда уже не придется говорить об одиночестве всякого человеческого Я, лишенного возможности пользоваться своим собственным словом для полной передачи другим людям не только своих мыслей, но и иных интимных переживаний. Во всяком случае, математическая вероятность тождественности субъективных переживаний при их распространении от одного Я к другому увеличится посредством научно-организованной алгебраизации речи, разумеется, отнюдь не исключая мнематическую индивидуализацию ее. Но и здесь перед нами не более как тождественность переживаний возбужденных, но отнюдь не переданных. А она будет возрастать в зависимости от социализирования среды и разрушения в ней классовых, сословных и всяких других перегородок: чем их меньше, тем больше возможностей для всякой индивидуальной мнемы получать энграммы из одних и тех же источников.

Теперь мы можем формулировать, к чему же собственно сводится роль писателя и оратора, стремящихся возбуждать в других Я такие же переживания, какие они испытывают в

себе самих? При хроническом развитии элементов индивидуально-мнематических и при сходстве элементов алгебраических, роль агентов сводится не иначе, как к организации восприятия отношений. Она может быть выражена в виде такого вопроса: какие элементы мнемы с какими элементами ее могут быть приведены в какие отношения? Выбор элементов зависит от автора и оратора; выбор отношений, в какие они желают их поставить, зависит от них же. Таким образом, работа автора и оратора, в конечном счете, сводится к следующему: мнема отдельных индивидов, а значит, и коллектива, и человечества, состоит из различных и всевозможных комплексов, сцементированных эмоциями. Каждый автор или оратор выбирает, в целях их комбинирования (нового ассоциирования), разные элементы из разных комплексов мнемы, в зависимости от своих личных особенностей, от социальной среды, от филогенезиса биологического и от эволюции исторической. Таким образом, В. Гете привел в связь образы костей черепа и позвонков, частей цветка и листьев с идеей эволюции; Карл Маркс привел в связь идею эволюции капитализма, с одной стороны, с идеей эволюции пролетариата—с другой; Э. Геккель, формулируя свой био-генетический закон, сопоставил факты и идеи из области эмбриологии с фактами и идеями из области филогенезиса. История всех наук и всех их теорий, всех вопросов и областей знания и мышления, в конечном счете, сводится к приведению разных фактов и идей в разного рода связи, отношения и соотношения с какими-нибудь другими фактами и идеями. Умы грубые и элементарные делают это грубо и элементарно и в ограниченном районе, смотря по своему кругозору и уровню знаний. Умы сильные и глубокие конструируют свои сопоставления очень проникновенно и тонко, в зависимости от широты своего горизонта и разносторонности своих знаний, нередко заимствуя их из областей знания и мышления, далеко отстоящих одна от другой. При этом и самые сопоставления отличаются у разных субъектов разными особенностями и бывают различными, в зависимости от качественной и количественной сторон их мнем.

Сейчас сказанным объясняется многое и в том влиянии, какое оказывает на нас чужая речь, устная, рукописная или печатная: она организует соотношения и связи различных элементов возбуждаемой ею мнемы. Всей читательской мнемы целиком никакая книга, никакая устная речь никогда не захватывает, и всех первоначальных энграмм, накопленных с ходом жизни, она не экфорирует, а производя раздражения-возбуждения, делает лишь ту или иную выборку таких-то, а не других элементов, и комбинирует их на свой лад. Только к выбору и к новому комбинированию уже имеющихся элементов и сводится влияние всякого воспринимаемого слова. Результат выборки и комбинирования производит при этом свою собственную энграмму. Та же книга или речь в другом читателе или слушателе обусловливает другую выборку и другие комбинации

элементов. Она захватывает сегодня одни комплексы, завтра другие; у этого субъекта — такие-то, а у того — иные, и в разной степени. Чего нет в мнеме, того не будет и в экфории, обусловленной книгою или устною речью. Что касается до элементов мнемы, действительно содержащихся в ней, то их выбор и комбирование обусловлены, как мы знаем, ни чем иным, как эмоциями и другими иррациональными элементами, представляющими собою тот цемент, который скрепляет элементы рационального типа (идеи, концепты, образы, ощущения и их системы). При таком механизме и таком функционировании мнемы приходится говорить о примате идей и сознания лишь с очень большими ограничениями. Не забудем, что человек есть психофизический организм, а поведение человека представляет собой очень сложную систему естественных и условных рефлексов.

Какой же вывод из сейчас сказанного? Вот какой: не будем преувеличивать значения печатного и устного слова. Оно не только не могущественно, но и не может быть могущественным при настоящих условиях, во-первых, в силу естественных законов, управляющих психо-физическим организмом самого «культурного» из всех зверей, а во-вторых, в силу того, что мы, не зная этих законов, до сих пор слепо верим в силу книжного содержания, а не в силу читательской мнемы. Поэтому мы говорим: все книжное дело необходимо перестроить, координируя все работы не с книжным содержанием, а с мнемой читателя или слушателя, индивида и коллектива. Но для того, чтобы это делать, не следует забывать, что ведь мнему формируют вовсе не те слова, какие мы произносим, пишем или печатаем, а онтогенезис и филогенезис нашей мнемы. Разумеется, очень легко заставить человека называть белое черным и обратно, но совершенно невозможно, в силу законов мнемы, заставить его думать, что белое действительно черно, и обратно. Одно дело слово, и совсем другое дело — реальность. Первоначальные энграммы, поставляемые жизнью, — непреоборимая преграда для распространения и господства лжи. Слово, не соответствующее реальности, в конечном счете не действует. Издание, распространенное хотя бы в миллионах экземпляров с обязательством не только читать, но и заучивать их наизусть, не только не произведет никакого действия, желательного для их автора или издателя, но как раз обратно, — произведет прямо-таки противоположное действие, если они не станут принимать в расчет законов библиопсихологии. А раз это так, — раз это уже имеет место, то этим история произносит смертный приговор тому течению, поддержать которое было целью этих изданий. Если даже и они стали действовать в обратном смысле, это значит мнема социального коллектива, мнема среднего читателя уже не приемлет их, а если будет реагировать, то поведение, представляющее собой совокупность рефлексов и других реакций, будет таким, какое нежелательно распространителям. История царской цензуры и казен-

ной литературы всем известна. Таким образом, не всякий элемент мнемы может быть приведен автором или оратором в определенную связь со всяким другим элементом ее. Чтобы эта связь была не обманной и не мимолетной, а прочной, она должна соответствовать энграммам, поставляемым социальной средой и вообще жизнью. Дело не только в стремлениях и желаниях, а в первоначальных энграммах.

Но и этого еще не достаточно: эта связь должна еще соответствовать и психическому типу перципиента и его индивидуальности. Если она не соответствует его типу, субъект не поймет и не восчувствует того, что ему втолковывается. Если она не соответствует его индивидуальным особенностям, он все воспринятое переиначит, переделает, исказит, хотя иной раз на вопросы, к нему обращенные, и станет энергично говорить: «понимаю», «ясно», «именно так», «согласен» и т. д. Кто ищет и добивается таких поддакиваний, обыкновенно верит им или делает вид, что верит. Но нужно ли доказывать, что верить-то им уж никак нельзя. Не слова речи и книги, воспринимаемые мною, а моя собственная мнема управляет содержанием чужих речей и книг, т. е. их проекциями, которые строятся мною по закону безусловных и условных рефлексов.

Сила устного, рукописного и печатного слова еще никем и никогда не утилизировалась в интересах человечества в такой степени, в какой она может и должна бы быть утилизирована. Все, даже самые напряженные работы, производящиеся ныне в разных областях книжного дела, даже самыми преданными, самоотверженными, самыми опытными работниками, — сущая крупица сравнительно с тем, чего они же, эти работники, смогли бы сделать с меньшей затратой своих сил и времени, если бы поняли самую суть естественно-научной (библио-психологической) постановки своего дела. Позволяем себе утверждать это даже теперь, когда библио-психология находится лишь в первой стадии своего развития. Чего же следует ожидать, когда она войдет в плоть и кровь каждого работника книжного дела и станет применяться на практике во всех его областях всеми теми, кто, не жалея себя, работает самоотверженно для создания светлого, разумного и справедливого социального строя.

Еще в 1909 году мы писали: «Знание книги делает слабых — сильными». Теперь мы смеем утверждать: знакомство с теорией библио-психологии и с основанной на ней практикой не может не сделать сильными всех, кто действительно опирается на первоначальные энграммы, доставляемые каждому из нас всем ходом нашей индивидуальной, общественной и исторической жизни. Такого фундамента не в силах разрушить никто, нигде и никогда, и если он подчас и разрушается, то лишь по вине нас самих, работников, потому что мы еще не понимаем непреоборимой силы реальности, поставляющей всем нам первоначальные энграммы, создающей нашу

мнему, обусловливающей весь механизм нашего реагирования на окружающую среду.

«Материальной силой является и теория, как только она овладела массою» (К. Маркс).

Библио-психология указывает тот естественно-научный метод и тот путь, которые ведут к такой цели.

Лозанна, июнь 1927 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

ОСНОВНАЯ ЭЛЕМЕНТАРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЧИТАТЕЛЯ. (Классификация № 1.)

(Для руководителя).

1. Понятия или концепты, общие представления.
2. Образы или умственные картины.
3. Ощущения или элементы образов.
4. Эмоции, чувства, аффекты, страсти.
5. Низшие органические чувства.
6. Инстинкты.
7. Стремления, хотения, желания.
8. Действия.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

I

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЧИТАТЕЛЯ. (Классификация № 2.)

1. Слова, смысл которых понятен, но которые не возбуждают в душе читателя никаких умственных картин.
2. Слова, которые возбуждают в душе читателя какую-нибудь умственную картину, мысленный образ или в красках, или в формах, или в звуках, или в движениях, или все это вместе.
3. Слова, которые напомнили какое-нибудь отдельное ощущение (напр., отдельный цвет, отдельный звук, отдельный запах или какое-нибудь другое внешнее чувство).
4. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство вообще.
5. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство общественное.
6. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство противообщественное.
7. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство доброе.
8. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство злое.
9. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство грустное.
10. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство веселое.
11. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство честное и нравственное.
12. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство нечестное и безнравственное.
13. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство религиозное.
14. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство противорелигиозное.
15. Слова, которые возбудили или оживили какое-нибудь чувство иное, не подошедшее под №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14.
16. Слова, которые оживляют половой инстинкт (чувство).
17. Слова, которые оживляют инстинкт родительский (любовь к детям и родителям).
18. Слова, которые оживляют инстинкт самосохранения (боязнь за свою жизнь).
19. Слова, которые оживляют инстинкт стадный (по правилу «как все, так и я»).

20. Слова, которые напоминают, оживляют и внушают какое-либо стремление, хотение и желание.
21. Слова, которые обозначают и напоминают какое-либо движение, действие, перемену.
22. Слова, смысл которых оказался не совсем понятен.

II.

СОКРАЩЕННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЧИТАТЕЛЯ. (Классификация № 3.)

Понятия.

1. Понятие собственно (идея, смысл).
2. Слова-отношения (обозначающие всякое отношение чего-нибудь к чему-нибудь, в том числе и сравнение, взаимную зависимость, противоположность и т. п.).
3. Разные другие понятия, не подошедшие под № 1 и № 2.

Образы (умственные изображения) или представления.

4. Образы главным образом в красках (цветные, окрашенные).
5. » » » в формах (оформленные).
6. » » » в звуках и шумах.
7. » » » в виде движений, перемещений, перемен.
8. » чужих страданий.
9. Разные другие образы, не подошедшие под №№ 4, 5, 6, 7, 8.

Ощущения.

10. Зрительные (т. е. отдельных цветов и окрасок и т. п.).
11. Слуховые (отдельных звуков и шумов).
12. Обонятельные (отдельных запахов).
13. Вкусовые.
14. Осязательные (наощупь, при прикосновении, а также тепла и холода).
15. Мышечные (мышечной работы, движенья, напряжения, давления, равновесия, тяжести и т. п.).
16. Разные другие ощущения, не подошедшие под №№ 10, 11, 12, 13, 14, 15.

Чувства страсти, эмоции (волнения души), аффекты.

17. Приятные (притягивающие, причиняющие удовольствие).
18. Неприятные (отталкивающие, причиняющие неудовольствие, страдание).
19. Добрые.
20. Злые.
21. Честные (нравственные).
22. Нечестные (безнравственные).
23. Веселые.
24. Грустные.
25. Страха.
26. Бесстрашия.
27. Чувство красоты.
28. » безобразия.
29. » справедливости и общественности.
30. » несправедливости и противообщественности.
31. » космическое (чувство природы, безграничности и величия).
32. » религиозное (божественности, сверхъестественности, суеверий).
33. » низшие органические чувства (жажды, голода, опьянения, сна).
34. » жизненности и силы.
35. » ослабевания, истощения, умирания, покоя.

36. Разные другие чувства, страсти и эмоции, не подошедшие под №№ 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35.

Инстинкты.

37. Самосохранения.
38. Половой.
39. Семейный (родительский, сыновний и т. д.).
40. Стадный (подражания, моды и т. п.).
41. Разные другие инстинкты, не подошедшие под №№ 37, 38, 39, 40.

Хотения, желания и стремления.

42. К своему собственному благу вообще.
43. К богатству.
44. К славе.
45. К власти.
46. К благу других людей, общества, человечества, семьи.
47. К идеалу.
48. Разные другие стремления, хотения и желания, не подошедшие под №№ 42 43, 44, 45, 46, 47.

Действия, деятельность, активность, борьба.

49. Движение, деятельность, подвижность, энергия вообще.
50. Неподвижность, апатия, покой.
51. Борьба, преодоление препятствий, напор, протест, революционность.
52. Уступчивость, компромисс, соглашательство.
53. Деятельность физическая.
54. » психическая.
55. » на пользу самого себя.
56. » » » других (семьи, общества, человечества).
57. Разные другие действия, не подошедшие под №№ 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56.
58. Слова, которые ободряют, возбуждают, увеличивают силы, пробуждают надежду.
59. Слова, которые угнетают, уменьшают силы и смелость, понижают деятельность.
60. Разные другие слова, не подошедшие под все прежние номера (от № 1 по № 59).

III.

БИБЛИО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ В ПРОЦЕССЕ ЧТЕНИЯ ВСЛЕДСТВИЕ ВОЗБУЖДЕНИЙ, ПРОИЗВОДИМЫХ ВОСПРИЯТИЕМ СЛОВ, ФРАЗ И ВООБЩЕ ЧИТАЕМОГО ИЛИ СЛЫШИМОГО ТЕКСТА. (КЛАССИФИКАЦИЯ № 4.)

Пособие для интроспективного их осознания.

I. Переживания интеллектуальные: идеи или понятия. Понятия самые отвлеченные (абстрактные) и общие, или так назыв. категории.

1. Время. Прошлое, настоящее или будущее. Продолжительность или течение времени («долго», «быстро»). Последовательность или одновременность («давно», «уже»).
2. Пространство. Место. Длина, ширина, высота, толщина, глубина. Поверхность. Простирание. Протяжение. Протяженность. Объем. Вместимость. Вообще размещение или положение в пространстве.
3. Количество, численность вообще. Единичность. Множественность, многочисленность («много», «мало»). Число («одно», «сто»). Порядок («пер-

вый», «сотый»). Повторяемость («дважды», «впятеро»). Часть и целое (единица и ее дроби или части). Целостность. Дробность.

4. Качество вообще (свойство, признак, аттрибут).
5. а) Отрицание, отрицательность, неприемлемость, устранение или отбрасывание из своего сознания. Отсутствие.
6. б) Утверждение, подтверждение, приемлемость.
7. в) Точность.
8. Причина. Причинность или каузальность. Связность всякой причины со всяким следствием (результатом). Побуждающая сила. Побуждение (мотив).
9. Цель. Назначение. Предназначение. Целесообразность, планомерность.
10. Действие. Становление. Движение, перемена, изменение. Смена. Явление, исчезновение, исчезание. Происхождение, развитие, распадение. Вообще процесс или ход.
11. Возможность. Вероятность, случайность (то, что может быть, но может и не быть; то, что вероятно, но не наверняка, напр., случай, случайность)
12. Необходимость. Неизбежность, — то чего не может не быть, напр., при таких-то обстоятельствах или условиях. Необходимость или неизбежность вечная, для всех времен, напр. «закон природы», закономерность всего, что было, есть и будет. Детерминизм (т. е. всеобщая обусловленность) («если есть причины, то необходимы и их последствия»).
13. Действительность. Бытие (реальность). Истинно сущее. То, что есть, что действительно существует или существовало, факт. Существование, состояние.
14. Сущность. Самая суть, самая основа, самая природа.
15. а) Мир внешний, его сущность. Предметы, вещи, тела (существа, явления) внешнего мира, какие познаются пятью внешними чувствами (мир материальный, объективный) и его элементы (составные части). Их сущность: материя (вещество), энергия («силы природы»). Всякий предмет внешнего мира. Вселенная вообще.
16. б) Мир внутренний, его сущность. Психика («душа»), «субъект» (живое существо) тот, кто познает, его субъективный мир. Я (т. е. наше сознание или самосознание). Разные свойства и качества или способности души (напр., ум, чувство, воля).
17. Нереальность. То, что кажется, предполагается, воображается, выдумано, но чего не существует в действительности и что не признается как существующее на самом деле.
18. Самопроизвольность. То, что происходит само собой, но от чего не зависят.
19. Форма. Облик, внешний вид (в противоположность содержанию), такое или иное обнаружение сущности.
20. Обладание. Неотделимость, слитность. Принадлежность чему-нибудь. Иметь — значит обладать. (Напр., предмет имеет такие-то качества, человек имеет тело).
21. Отношение вообще. Какое-нибудь касательство или обоюдное касательство чего-нибудь к чему-нибудь. Связь или связность или несвязность. Соотношение между предметами, явлениями, людьми, мыслями, словами и чем угодно. Отношения бывают очень различные. Например, уже приведенные выше: отношение между причиной и ее последствием (см. выше № 8), отношения действия и его цели (№№ 9 и 10), причины и цели (№№ 8, 10) и т. д. Главнейшие виды отношений между двумя или несколькими данными, таковы:
22. а) Сравнение, сравнимость, сравнительность, их сопоставление (чтобы узнать, чем, что и от чего отличается, напр., «больше», «меньше», «умнее», «скорейший» и т. п.).
23. б) Сходство, одинаковость, тождественность, подобие, аналогичность, аналогия.
24. в) Различие, разница, неодинаковость, несходство.
25. г) Противоположность (полнейшее несходство, контраст), противоречивость, несовместимость.
26. Обусловленность, взаимная или обоюдная зависимость. Взаимодействие
27. Разные другие понятия, не поместившиеся под №№ 1 — 25.

28. Понятия грамматические, возбуждаемые такими словами, с помощью которых связываются разные другие слова читаемого текста, приводятся в разные связи и соотношения друг с другом (напр., предлоги, союзы, некоторые наречия и относительные местоимения в роде «что», «и», «который», «же», «на», «все же»). Каждому из таких слов читатель придает какой-нибудь смысл, т. е. приписывает этому слову какую-нибудь идею, понятие или иное психическое явление, им возбужденное в уме читателя. Впрочем, в иных читателях такого рода слова возбуждают психические явления (переживания) очень различных сортов. Напр., слово «но» иной читатель относит к № 25, союз «и» к № 21. Предлог «в» обозначается разными читателями то № 2, то № 9, то № 12, то № 10 и т. д. и т. д., — смотря по тому, кто как его понимает.

II. Образы или умственные картины («представления»).

29. Образы окрашенные (цветные, в красках).
30. » оформленные, в виде форм, определенного внешнего вида.
31. » звуков, шумов, напевов, мелодий и вообще звуковые и музыкальные.
32. » в виде движений, перемещений, перемен (текучие, подвижные).
33. » яркие, «как живые».
34. » бледные, неясные, неотчетливые, поблекшие.
35. Образы людей, предметов, мест и т. д., лично виденных, слышанных, известных по своему опыту или по рисункам (такой-то человек, такой-то Иван, такое-то перо, такой-то город, такая-то лошадь. Волга, Петр, Иван и т. д.). Образы индивидуальных предметов.
36. Образы людей, предметов, мест и т. д., каких много (человек вообще, город вообще, река вообще, перо вообще) и т. п. Эти образы менее отчетливы, чем под № 35.
37. Образы чужих страданий и всяких других переживаний.
38. Образы своих собственных страданий, оживших под влиянием слова о страданиях чужих.
39. Множество образов сразу и разнообразных.
40. Один или несколько образов (немного) и однообразных (монотонных).
41. Разные другие образы, не перечисленные под №№ 29 — 40.

III. Ощущения внешних органов чувств, составные части (элементы) образов, наиболее ярко и сильно переживаемые и мысленно выделенные из сложного образа.

42. Ощущения зрительные (отдельных цветов и окрасок, их оттенков-переливов).
43. » слуховые (отдельных звуков и шумов).
44. » обонятельные (отдельных запахов).
45. » вкусовые.
46. » осязательные (наощупь, прикосновение, щекотание и т. п.).
47. » холода (дрожь, прохлада, мороз и т. д.).
48. » тепла (жара, нагретость).
49. Ощущения мышечные (ощущения мышечных сокращений и ослаблений, мышечной работы, физического упражнения, физической ловкости, напряжения, усилия и давления, тяжести, движенья, равновесия и т. п.).
50. Разные другие ощущения, не поместившиеся под №№ 42 — 49.

IV. Чувства и страсти, эмоции (волнения души), аффекты и настроения, сопровождающие наше понимание (читаемых и слышимых слов).

A. Чувства интеллектуальные: чутье истины и лжи, чувство заблуждения и безразличия к истине.

51. Чувство истины вообще или чувство правильности своего понимания и рассуждения. Чувство достоверности. Убежденность. Уверенность. Вера в истину. Любовь к истине. Искренность. Беспристрастность. Правдивость.

52. Чувство удивления или изумления, неожиданности (неожиданной встречи). сюрприза, поразительности, новизны, оригинальности (своеобразности). Остолбенение.
53. Чувство преувеличения истины. Буквоедство (педантизм), догматизм (голословное утверждение, без доводов и без их рассмотрения и без вникания в них), нетерпимость, фанатизм (страстное увлечение, ослепление, преданность своему мнению). Цинизм (полное и грубое пренебрежение к условной, «приличной» лжи).
54. Чувство преуменьшенной истины: ненамеренной лжи. Чувство невежества (ее незнание), ее непонимания. Заблуждение. Сбивчивость, путанность, туманность понимания. Нелогичность (непоследовательность мысли). Наивность. Недоумение. Недоразумение.
55. Чувство намеренного, сознательного преуменьшения или скрывания истины. Ложь. Фальшь. Неискренность. Лицемерие. Обман. Притворство. Двуличие. Клевета. Хула.
56. Чувство безразличного отношения к истине и лжи. Безразличие вообще. Оппортунизм (приспособляемость).
57. Чувство сомнения, неуверенности, недоверия. Неверие в истину.

Б. Чувства эстетические, красоты и безобразия.

58. Чувство красоты вообще. Красивость. Изящность. Изящество. Грациозность. Эстетический вкус.
59. Чувство красоты физической (материальной вообще).
60. Чувство красоты форм. Симметрия, соразмерность. Чувство меры. Гармония, согласованность, напр. в архитектуре и т. п.
61. Чувство красоты цветов, окрасок, напр. в природе и в живописи и т. п.
62. Чувство красоты звуков (мотивов, напевов, мелодий, гармонии в музыке, пении и т. п.).
63. Чувство красоты тела, напр. в скульптуре и т. п.
64. Чувство красоты его движений, напр. в танцах и т. п.
65. Чувство красоты духовной. Красота души, ума, чувства, воли, поступков, подвигов и т. п.
66. Чувство преувеличения красоты. Вычурность. Утировка (чрезмерность). Напыщенность. Неестественность. Неумелая, грубая погоня за красотой, за оригинальностью (бросаемостью в глаза). Экстравагантность.
67. Чувство безобразия, неэстетичности. Некрасивость. Уродливость. Неизящность. Дисгармоничность (несогласованность). Грубость.
68. Чувство возвышенного, высокого, величественного, великого. Благоговение. Вдохновение.
69. Чувство пошлого, ничтожного, мелкого, шаблонного, банального, неоригинального.
70. Чувство трагического и драматического, геройского.
71. Чувство комического. Смешное. Юмористическое. Добродушная насмешка.
72. Чувство насмешки и насмешливость злые. Сатиричность. Ирония. Карикатурность. Сарказм.

В. Чувства религиозные и анти-религиозные.

73. Чувство таинственности.
74. Чувство бесконечного, непознаваемого. Космическое чувство (чувство своего единства со Вселенной, с природой).
75. Чувство чего-то сверхъестественного, мистического. Предчувствие.
76. Чувство божественного. Вера в бога и в единение с ним. Вера в промысел, в рок, в судьбу. Любовь к богу. Благоговение к нему.
77. Чувство святости и преклонение перед нею.
78. Чувство религиозного отношения к своему идеалу, делу, знамени и партии. Религиозная преданность им (независимо от вероисповедания).
79. Чувство внешнего благочестия. Привязанность к обрядам, к культу и вообще к церковным формам религии.

80. Безразличное отношение к обрядности, культу и др. религиозно-церковным формам.
81. Отрицательное отношение к культу и вообще церковно-религиозным догматам, вероучениям и т. п.
82. Чувство суеверия вообще.
83. Отсутствие всякой религиозности и церковной веры. Неверие. Атеизм.
84. Кощунство. Святотатство. Глумление над чужими святынями.

Г. Чувства этические (нравственные и безнравственные).

85. Чувство совестливости. Нравственная щепетильность и чистота. Стыд. Совесть. Прямодушие. Безупречность. Добросовестность. Честность. Благородство. Сознание нравственного долга. Самогрызение. Угрызение совести. Самопорицание. Самоосуждение. Раскаяние и покаяние. Сокрушение. Признание. Исповедь перед другими людьми.
86. Чувство бессовестности (безнравственности). Нравственная некорректность (неопрятность). Нечестность. Неблагородство. Беззастенчивость. Нахальство. Бесстыдство. Лукавость. Плутовство. Коварство. Вероломство. Порочность вообще. Нераскаянность.
87. Чувства злые. Раздражительность. Досада. Злоба. Злорадность. Злорадство. Злопамятность. Сердитость. Ненависть. Мстительность.
88. Чувства добрые. Мягкосердечие. Незлобие. Миролюбие. Благодарность. Прощение. Милосердие. Доброта. Бескорыстие. Доброжелательство. Кротость. Любовь к людям вообще и к человечеству. Любвеобильность. Чувствительность. Нежность (не половая).
89. Чувство любви и жалости к разным другим животным.
90. » » к природе вообще.
91. » » к разным вещам и предметам.
92. » » к разным работам (профессии, действию, занятию и т. д.)

Д. Чувства общественные (социальные) и противообщественные (антисоциальные).

93. Чувства альтруистические, влекущие к другим людям. Участие. Обходительность. Душевность и ласковость. Симпатия (сочувствие). Доверие. Привязанность. Близость. Дружба. Преданность. Верность. Жалость. Самоотречение. Самозабвение. Великодушие.
94. Чувства эгоистические (отталкивание от других людей). Эгоизм, себялюбие. (Эгоцентризм), придавание чересчур большого значения своей особе. Эготизм («якание»). Безучастность. Черствость, нечувствительность к чужой душе. Самодовольство. Высокомерие. Зависть. Подозрительность.
95. Чувства общественности. Общительность. Радушие. Гостеприимство. Равенство. Солидарность (сознание общности интересов). Согласие. Товарищество. Взаимопомощь. Справедливость.
96. Чувства противообщественные. Чувство неравенства, несолидарности, несогласия, розни и раздора, ссоры, личной выгоды, пользы и интереса. Несправедливость. Подозрительность. Чувство одиночества. Сознание своей ненужности или излишности.
97. Чувства розни, злобы и ненависти, классовой и сословной, групповой.
98. Чувство розни национальной, расовой. Антисемитизм.
99. Чувства розни вероисповедной, религиозной, церковной; сектантской.
100. Чувства, так назыв., «святой ненависти» вообще. «Благородный гнев». «Благородное негодование и возмущение». «Святая месть». «Справедливое возмездие».
101. Чувства личного достоинства. Сознание своих прав (естественных, общественных, гражданских, национальных и др.). Чувство самоопределения. Чувство свободы и самостоятельности. Вольность. Независимость.
102. Чувства господства и господствования над другими людьми, преобладания, властвования. Чувство своего превосходства над ними. Авторитарность. (Господство по существу.)

103. Чувство самомнения. Высокомерие. Надменность. Тщеславие. Спесь. Спесивость. Чванство. Пренебрежительное отношение к другим людям. (Господство по форме только.)
104. Чувства подчиненности, придавленности, приниженности, угнетенности, стеснения, зависимости (подчинения фактически и против воли).
105. Чувства смирения, застенчивости, конфузливости, смущения, скромности, самоунижения (по своим внутренним причинам).
106. Чувства активного протеста, возмущения, революционности, непризнавания, неприятия, отбрасывания от своей души.
107. Чувства холопства, раболепия, лакейства, хамства, подобострастия и др. рабские чувства.
108. Чувства порицания, упрека, укора, попрека, жалобы, осуждения.
109. Чувства уважения, почтения, благоволения, поклонения, умиления.
110. Чувства неуважения, непочитания, презрения, глумления, дерзости, ругания, бесчестия, опорочивания, омерзительности, отвращения.
111. Чувства претерпенной обиды, оскорбления, обиженности, оскорбленности, обидчивости.

Е. Разные другие чувства.

112. Чувства радостные. Радость. Веселость (с улыбкой и смехом). Ликование. Восхищение. Восторг. Экстаз. Торжественность. Победоносность.
113. Чувства грустные. Несчастие. Грусть. Уныние. Печаль. Скорбь. Кручина. Огорчение. Горе. Чувство поражения. Чувство лишения, разлуки, потери, утраты и вообще удаления и отодвигания.
114. Чувства приятные вообще: удобства, удовольствия, удовлетворенности, очарования, гармонии, счастия, блаженства, наслаждения.
115. Чувства неприятные вообще: неприятность, разочарование, неудовольствие, дисгармония, страдание. Дурное расположение духа, тяжелое настроение.
116. Чувства напряженности, напряжения, беспокойства, тревоги, досады, отчаяния.
117. Чувства облегчения, разряда, успокоения, покоя и спокойствия.
118. Чувства оптимистические. Благополучие. Беззаботность. Оптимизм. Надежда.
119. Чувства пессимистические. Тоска. Скука. Меланхолия. Ипохондрия. Хандра. Разочарование. Разочарованность. Угрюмость. Мрачность.
120. Чувства робости, страха, боязни, опасения, жуткости. Испуг. Ужас. Паника.
121. Чувства храбрости, бесстрашия. Мужество. Смелость. Храбрость. Удаль. Отвага. Дерзание. Риск.
121 а. Разные др. чувства, эмоции, аффекты, не отнесенные к №№ 51—121.

V. Низшие органические чувства.

122. Чувство жажды и голода. Аппетит. Сытость. Лакомство. Обжорство. Пресыщенность. Тошнота.
123. Чувство опьянения и одурманивания (вином и разными наркотическими веществами).
124. Чувство сонливости. Сон. Дремота. Спячка.
125. Чувство воли и физических страданий. Болезнь и недомогание.
126. Чувство упадка сил. Ослабевания. Несвежести, усталости, утомления, истощения, дряблости.
127. Чувство дряхлости, умирания. Гибель. Смерть.
128. Чувство здоровья, физической силы, жизненной энергии. Свежесть, кипение и силы жизни. Чувство силы вообще.
129. Разные другие органические чувства: удушье, сердцебиение и т. д.

VI. Инстинкты.

130. Инстинкт самосохранения вообще.
131. Инстинкт половой, плотский, чувственности. Эротизм вообще. Половое

увлечение. Любовь физическая. Ревность. Половая нежность. Сладострастие. Похоть. Нега и истома. Половое извращение и пресыщение. Флирт. Кокетство и фатовство (в одежде, речах, поведении и т. п.). Так назыв. «женственность». Разные переживания самок и самцов.

132. Инстинкт родительский (материнский и отцовский). Любовь к детям. Любовь детей к родителям.
133. Инстинкт расы и племени. Национализм.
134. Инстинкт стадный. Патриотизм. Модничанье и т. д.
135. Инстинкт воинственный. Зверство, звериность, свирепость, жестокость, кровожадность, умоисступление. Вспыльчивость. Гнев. Ярость. Бешенство. Хищничество.
136. Разные другие инстинкты, не поместившиеся под №№ 129—135.

VII. Хотения, стремления, желания, воля.

137. Потребность. Неудовлетворенность. Озабоченность. Забота. Ожидание. Предвкушение. Вопрос.
138. Хотения, стремления, желания, вожделения, намерения, порывы вообще.
139. Хотения сильные, усиленные, напряженные, революционные. Протест. Азарт.
140. Хотения слабые, ослабленные. Рассеянность. Невнимательность. (Недостаток сосредоточенности.)
141. Отсутствие стремлений, хотений и желаний. Равнодушие. Апатия. Покорность. Безволие. Инертность. Чувство инерции. Беспомощности. Безвыходности. Отчаяние. Медлительность. Упадок духа вообще.
142. Отталкивание, отвращение, омерзение, избегание, уклонение.
143. Хотения, желания, стремления альтруистические и социальные вообще.
144. » » » к благу ближнего вообще.
145. » » » » » семьи.
146. » » » » благу своего общественного класса, сословия, своей социальной группы.
147. Хотения, желания, стремления к благу общества вообще.
148. » » » » » своего народа.
149. » » » интернациональные (международные).
150. » » » к благу человечества.
151. » » » к своему идеалу вообще.
152. Хотения, желания, стремления к своему божеству. Молитва. Молитвенное состояние и настроение.
153. Хотения, желания, стремления к истине. Искание истины. Любознательность. Любопытство. Критика.
154. Хотения, желания, стремления, эгоистические вообще. Карьеризм.
155. Хотения, желания, стремления к пользе, благу, интересу личному.
156. Хотения, желания, стремления к накоплению, наживе, приобретению, богатству, собственности. Жадность. Алчность. Скупость.
157. Хотения, желания, стремления к роскоши и блеску.
158. Хотения, желания, стремления к власти, господству, командованию, деспотизму.
159. Хотения, желания, стремления к славе и почестям, известности, знаменитости. Реклама. Самовыставление. Самопревознесение, рисовка.
160. Чуткость. Догадливость. Интуитивность. Проникновенность вообще.
161. Сила воли. Решимость. Решительность. Напор и усилие воли. Дерзание. Риск. Волевая энергия вообще.
162. Разные другие хотения, стремления и желания, не поместившиеся под №№ 137—159.

VIII. Активность, действие, деятельность.

163. Активность. Деятельность, действие вообще. Неутомимость, подвижность, суетливость, неугомонность.
164. Активность физическая, телесная. Мышечная работа. Физический ручной труд. Гимнастика.

165. Активность психо-физическая: разговор, говорение. Болтливость. Многословие. Выбалтывание. Увещание. Советы. Уговоры. Уговаривание.
166. Активность психическая, умственная (напр., мышление, рассуждение, изучение, воображение, придумывание, художественное и всякое другое творчество, мечтание, созерцание. Работа разных сторон души, запоминание, припоминание, забывание, внимание и т. д.).
167. Деятельность, действия пассивные (косные). Привычки, поступки и действия автоматические, машинальные и рефлективные, непроизвольные, бессознательные, подражательные, внушенные.
168. Деятельность активная, сознательная, намеренная. Планомерная, обдуманная. Намеренность, предусмотренность.
169. Деятельность созидательная, творческая, организующая, собирающая. Созидание, строительство жизни. Создавание разных благ.
170. Деятельность эгоистическая: присвоение, отнимание, самоудовлетворение, самообогащение, самовозвеличение, грабительство, кража и вообще всякие действия в своих интересах.
171. Деятельность альтруистическая (для других): поддержка, давание, щедрость, жертвование, филантропия, всякого рода общественное служение, в интересах общества, народа, государства, разных социальных групп и человечества.
172. А. Деятельность без борьбы: непротивление, отступание, отстранение, уступчивость, мягкость, мягкотелость, податливость.
173. Б. Деятельность посредством борьбы и с борьбой. Борьба вообще. Преодолевание какого-нибудь сопротивления. Конфликт (столкновение). Конкурирование (соревнование). Спорт.
174. а) Деятельность нападательная и побуждающая к нападению и активным действиям. Нападение. Задор. Задирание. Дразнение. Ссора. Перебранка. Напор. Преследование. Драчливость вообще. Агитация. Подстрекательство. Пропаганда. Провокация.
175. б) Деятельность защитная: отпор, самозащита, оборона и т. п.
176. Действия и усилия сдерживающие. Деятельность задержанная и сдержанная. Воздержание. Сдержанность. Умеренность. Терпение. Целомудрие. Бережливость. Недоговоренность. Молчаливость. Осторожность. Выдержка. Такт. Тактичность. Вежливость.
177. Действия невоздержные, неудержимые: невоздержанность, нетактичность, неосторожность, распустешество. Порывистость. Неумеренность. Нетерпение. Невоздержность. Увлекаемость. Вольность. Нахальство. Наглость. Назойливость. Докучность.
178. Действия, угнетающие других: гнет, угнетение, связывание, запрещение, угроза, наказание, деспотизм, самодурство, строгость, требовательность, придирчивость, вмешательство.
179. Действия путем мирных переговоров: переговоры, взаимные убеждения и уступки. Соглашение. Компромисс. Соглашательство. Миролюбивость. Избегание страданий.
180. Действия путем насилий и принуждений: физических, юридических, экономических и др. Самосуд, убийство. Пытка. Изгнание и ссылка.
181. Деятельность откровенная, прямодушная, бесхитростная.
182. Деятельность непрямодушная. Хитрость. Интриганство. Измена. Непрямодушие. Изворотливость. Обман. Подсиживание. Засада. Всякая условная ложь. Сплетня. Клевета. Пересуды.
183. Деятельность устойчивая: стойкость, бодрость, устойчивость. Упрямство. Упорство. Усердие.
184. Деятельность неустойчивая: невыносливость, нетерпеливость, колебание, нерешительность, изменчивость, легкомысленность, импульсивность, растерянность. Смущенность. Оторопелость. Сожаление. Забвение.
185. а) Деятельность в разных кругах: одиночная, личная.
186. б) » в кругу семьи.
187. в) » в обществе, общественной жизни.
188. г) » в государственной, политической, социальной.
189. д) » международной.
190. Разные другие действия, не вошедшие в №№ 161 — 189.

IX. Слова изучаемого текста, которые:

191. Производят особо сильное впечатление, сравнительно с другими его же словами.
192. Оводряют, возвуждают, побуждают, внушают надежду, стремление, прибавляют силы читателю и влекут его вперед.
193. Угнетают, уменьшают силы и смелость, внушают уныние, понижают деятельность, приводят в отчаяние и т. п.

X. Оценка некоторых библио-психологических единиц (слов, идей, фраз и т. д.) данного текста с главнейших точек зрения.[1]

194. Правдиво, жизненно?
195. Неправдиво, выдумка?
196. Разумно и целесообразно?
197. Неразумно и нецелесообразно?
198. Справедливо?
199. Несправедливо?
200. Нравственно?
201. Безнравственно?
202. Красиво?
203. Некрасиво?
204. Интересно?
205. Неинтересно?
206. Полезно читателю?
207. Вредно читателю?
208. Нравится читателю?
209. Не нравится читателю?
210. Хорошо (достойно одобрения)?
211. Нехорошо (недостойно одобрения)?
212. Желательно и должно бы быть?
213. Нежелательно и не должно бы быть?

---

[1] Применимо главным образом при суправербальном анализе.

*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПОДПИСИ К ЧЕРТЕЖАМ, ПОМЕЩЕННЫМ В КНИГЕ.

Рис. 1, стр. 82.

Функциональная зависимость содержания книги от психических особенностей ее читателя.

Составлять свое собственное мнение о читаемой книге, — это то же, что строить свою проекцию ее содержания. Слова и фразы книги, в процессе чтения, возбуждают в читателе различные психические явления. Читатель считает эти явления свойствами книги, — т. е. объективирует их. Разные читатели ($Ч_1$, $Ч_2$, $Ч_3$) построяют свои особые проекции одной и той же книги ($К_1$, $К_2$, $К_3$).

$Ч_1$, $Ч_2$, $Ч_3$ — три читателя книги К — К.

$К_1К_1$, $К_2К_2$, $К_3К_3$, — разные проекции, построяемые разными читателями ($Ч_1$, $Ч_2$, $Ч_3$).

———— действие книги на читателя.

– – – – – – – создавание проекции.

стрелки обозначают направление действия.

Рис. 2, стр. 171.

Основной принцип специального библио-психологического метода.

Каждая пометка, сделанная читателем, представляет собою третью фазу условного (сочетанного) рефлекса, первою фазой которого является раздражение, вызываемое читаемым словом. Читатель констатирует (осознаёт) или не констатирует свои переживания, протекающие в промежутке между первой и третьей фазой, отвечая на вопросы исследователя. Вдоль вертикальной оси (оси ординат) помечена классификация психических явлений (в нашем случае, для большей простоты чертежа, только 8 главнейших разрядов их):

П — понятия или концепты.

О — образы или умственные картины.

Ощ — отдельные, изолированные ощущения, элементы образов.

Э — эмоции, чувства, страсти, аффекты.

И — инстинкты, инстинктивные влечения.

Ор — органические чувства.

С — волевые, сознательные стремления, вообще переживания волевого типа.

Д — действия, переживания действий, движения, преодоления сопротивления и препятствий.

Вдоль горизонтальной оси (оси абсцисс) написан текст-реактив (в данном случае — девиз библиологической психологии: «Да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость»). Каждому отдельному слову этого реактива, без всякого исключения, соответствуют какие-либо переживания читателя, возбужденные этим словом, — одно или несколько («психический аккорд»). На чертеже показано, как читатель рассортировал их по рубрикам психологической классификации, что он и отметил точками, проставленными на уровне соответственных рубрик психических явлений. Направо статистика точек, проставленных читателем, — во-первых, — их абсолютные числа, т. е. итоги по каждой из восьми рубрик, во-вторых, процент к общей сумме читательских показаний (т. е. осознаваемостей или констатирований). Цифры, выражающие процент, называются библио-

псих. коэффициентами. Сопоставляя число слов текста-реактива с числом читательских пометок, получаем «личный показатель», характеризующий данного читателя в момент чтения этого текста.

Рис. 3, стр. 215.

Библио-психологический потенциал.

Три разных читателя (№ 1, № 2, № 3) констатировали свои переживания возбужденные в них одним и тем же текстом-реактивом, который написан в левом столбце чертежа, в виде вертикальной колонки. Текст взят из романа Достоевского «Преступление и наказание». Три столбца цифр на этом чертеже обозначают соответственные числа читательских пометок, т. е. констатированных переживаний, возбужденных каждым словом текста-реактива. Одно и то же слово текста возбуждает в разных читателях разное число переживаний, — например, слово «она» — от 4 до 27. Из этого видно, что слова текста-реактива переживаются в разной степени, с разной сложностью и напряженностью. Кривые характеризуют колебания потенциалов. Бросается в глаза разница переживаний.

Рис. 4, стр. 217.

Библио-психологические потенциалы.

Сравнительное изучение потенциалов пяти разных слов, взятых из одного и того же контекста («Курса Русской Истории» В. Ключевского). Все эти четыре чертежа сделаны на основании пометок одного и того же читателя. Все пометки его классифицированы по трем главнейшим категориям психических явлений: интеллектуальных (I), эмоциональных (II) и волевых (III). Величина отрезков на перпендикулярах пропорциональна числу пометок, сделанных одним и тем же читателем и соответственно относящихся к его переживаниям интеллектуальным, эмоциональным, волевым. По величинам отрезков видно, сколь различны все эти три категории потенциалов у различных слов одного и того же текста и у одного и того же читателя. Например, интеллектуальный потенциал всего выше у слова «захлопнул», эмоциональный и волевой — у слова «неприятелем». Внизу показано несовпадение всех этих трех потенциалов. Чертеж характеризует колебания напряженности читательских переживаний в курсе прочитывания разных слов одного и того же контекста при одних и тех же условиях среды и времени.

Рис. 5, стр. 267.

Читатель № 1 — того же психического типа, как и автор. Читатель № 2 — иного психического типа. Три изображения одного и того же литературного произведения сделаны в размерах, пропорциональных как количеству, так и качеству переживаний, что выяснено экспериментально, при помощи специального библио-психологического метода. Лишь незначительный процент того, что вкладывает автор в свое произведение, возбуждает в его читателях те же самые или аналогичные переживания: 1857 (понятий) у автора, и лишь 693 и 282 у его читателей. Бросаются в глаза разные несовпадения. См. таблицу на стр. 268.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абстрагирование 183.
Абстрактное понятие 142.
Абстрактные науки 274.
Автоматизм 69. См. еще Рефлексы.
Автоматизм речи 68 — 69.
Автоматическое повторение чужих слов 69.
Авторство 269 — 270, 276 — 277. Определение этого термина 32. Объективное изучение авторства 256, 266 — 270.
Автор. Определение этого термина 90. Объективное биб.-пс. исследование автора 256 — 259. Его характеристика биб.-пс. коэффициентами 256. Автор-эталон 257. Авторы забытые 263. Их забывание 258. Их вспоминание 213. Биб.-пс. определение места их в истории 257.
Авторы уже умершие, изучение их психологии 264—265. Еще см. Археология биб.-психологич.
Авторитет, преклонение пред ним, его психология 160, 208. Еще см. Подлаживание.
Аккорд переживаний 154. Еще см. слово Аккорд.
Аколутная фаза возбуждений 73.
Аксиома 159 — 160.
Алгебра логики 277.
Алгебраические элементы речи 201, 273, 163, 276. Еще см. слова-отношения.
Анкеты биб.-псих., в целях изучения как индивидов, так и коллективов 266, 131 — 133.
Антропоморфизм как проекция 80.
Апперцепция 160, 196. В процессе чтения 179. Интервербальная 150.
Археология биб.-псих. 264 — 266.
Ассоциационный метод К. Юнга 212.
Ассоциация 76, 196. Интервербальная 149.
Аффиксы 202.

Бехтерев, В. Его исследования 66 и след., 99.
Библиография, ее субъективность 111. Биб.-псих. точка зрения на библиографию 123.
Библио-психология. Определение ее 19, 41, 43. Содержание этого понятия: Признак родовой 20. Видовой 25. Сущность и задачи 43—47, 87, 139. Отношение к теологии и метафизике 21, 23. Библио-психология — одна из социальных наук 42 — 43, наука синтетическая, индуктивная 122, одна из отраслей естествознания 114. Еще см. гл. II—III, V, VII. Библио-психология как наука о реакциях 33, 20, как наука объективная 110, как психология восприятия 33. Биб.-психология, см. гл. Психология и точное знание 110, 111, 167 и след. Еще гл. VII. К истории ее возникновения 134. Борьба библио-психологии против субъективизма, несознаваемая «объективными» критиками, см. субъективизм. Отличие библио-психологии от эсто-психологии 259 — 261. От библиографии и библиологии 19 — 20. Обилие литературы по библио-псих. вопросам 50. Еще см.: Поправка на исследователя. Субъективизм.
Библио-психология как особый метод исследования интимных явлений, происходящих в психике коллектива (общественное мнение, его флуктуации, эволюция). См. гл. VII — VIII. Еще см. Подсознание, Внушение, Самовнушение.
Библио-психология, ее подразделения 50: общая 48, специальная 47, теоретическая 43 — 47. Прикладная, практическая 47. Индивидуальная 48. Дифференциальная 49. Социальная 48. Генетическая 49. Коллективная 50. Патологическая 48.
Библиотека и ее библио-псих. организация, библиотека как лаборатория общественного мнения 254.

Болтовня 69.
Борьба мотивов 196, 203, 62, 263. И рефлексы 62.
Борьба за существование и отбор в области биб.-псих. явлений 253, 74 (энграмм). Еще см. Комплексы.

Вера с библио-псих. точки зрения 159. Роль веры в статистических исследованиях 125. Еще см. Догматизм. «Единственно истинное».
Вербализм, борьба с ним 45.
Вербальная библио-психология. Определение термина 141 — 143.
Вербальные, интер- и суправербальные исследования, их сравнительные результаты 242 — 243.
Вербальные исследования, пример 228, 242, 212 — 213, 243.
Виды словесных произведений, их психология 165.
Влияние бульварных романов 185.
Влияние книги 250 — 252, 264, 271 — 272, 277, 279, 237, 220. Группы книг 254. Оптимум, максимум, минимум и пессимум влияния 239.
Влияние чтения 170, 175, 185.
Внедрение слов 89.
Внимание 195, 210, 147, 178. Его биб.-псих. исследование в социальных целях 192.
Внушаемость 197, 209. Ее исследование 209.
Внушение 99, 124, 125, 159, 184, 206. Ее роль в чтении 208 — 212, 180. Внушение интервербальное 151.
Возбуждение как психический коррелят раздражения 72, 53.
Воображение 210. Интервербальное 145.
Вопросники библио-псих. анкет 132.
Вторичное индифферентное состояние 73.
Вчувствование 99. Выборочный метод статистических исследований 206 — 207.
Выхватывание отдельных слов из их контекста 148 — 149, 139 — 143. Еще см. гл. V.
Выяснение психического типа читателя при помощи библио-псих. метода 187 и след. 241 — 242. Еще см. гл. VII и VIII.

Генезис условных рефлексов 63.
Геннекен и библио-психология 261. Еще см. закон Геннекена. Эстопсихология.
География библио-псих. 50.
Гипноз 99.
Гносеологические типы читателей 207 — 208.
Гносеология сравнительная 191, 207.
Гомофония 76, 77.
Гормоны и их влияние на биб.-псих. явления 60 — 62.
Грамматика, ее психология 161, 203. Ее психич. эволюция 163. Грамматический анализ текста сравнительно с анализом библио-психол. 182, 203.

Двусмысленность слов и борьба с нею 276. Еще см.: Смысл слова. Значение слова. Содержание слова и книги.
Девиз, его психология 220.
Действие, активность 60, 184.
Детерминизм библио-псих. 238.
Диаграммы 274.
Диаспора, определение этого термина 38, 202, 252. Состав диаспоры из разных психических типов 262. Диаспора авторов 257 — 258, 263. Международная (сверх-национальная) 254. Всемирной литературы 254.
Догматизм 159. Еще см. авторитет.
Доктринеры и доктринерство 47. Еще см. догматизм.
Доминанта 218. Еще см. Потенциал.
Допрос, роль внушения в нем 125.
Драматическое искусство и библиопсихология 28.
Дрессировка и муштра, втирание очков 45 — 47, 64, 70, 96. (Как препятствие к созданию сознательных кадров.)

Еврейский народ, его состав из разных психических типов 136.
Единица библио-псих. подсчета в читательских переживаниях 177. См. Осознавание, Констатирование.
«Единственно истинное» 104, 125, 159. Еще см. Догматизм. Доктринерство.

Железы, их влияние на биб.-псих. явления 60. Железы и рефлекс 60 — 62. Железы половые и их влияние на творчество 60 — 61.
Живопись и библио-псих. 28.
Жизненный ряд 178.

Забывание 157.
Закономерность психических переживаний читателя 239 — 240.
Закон больших чисел 181 — 182, 191, 260, 253, 238, 249, 250, 206, 205.

Законы библио-психологии основные. I. Р. Семона 74 — 76, 70 — 74, 102, 164, 188, 269. II.—Закон Гумбольдта-Потебни 84 — 89, 227, 273, 269, 260, 248 — 249, 92, 103 — 104, 105, 130, 161, 164, 177, 187, 192, 269.— III. Закон И. Тэна 92 — 94, 212, 222, 250, 260, 269, 104 — 109, 188, 222, 259, 269. — IV. Закон консонанса и диссонанса эмоций 119 — 121, 30, 264, 207, 125. — V. Закон Э. Геннекена 259 — 264, 89 — 90.— VI. Закон Бодуэна 209 — 211, 135.

Заполнение мнемы 103 — 109.

Запрещенная литература, ее значение 219. Еще см. Обратное усилие (закон Бодуэна). Казенная литература.

Зараза психическая 99 — 100.

Звук речи как рефлекс 66.

Злые чувства, их психология 160, 96. Еще см. закон консонанса и диссонанса эмоций.

Значение слова. См. Слово, его смысл.

Идеографическое письмо 274. Идеография математическая. Еще см. диаграммы. Кривые библио-псих.

Идея литературного произведения 164. Еще см. суправербальная библио-псих. Объективизация, проекция. Закон Гумбольдта.

Иллюзия 80, 88.

Индивид, индивидуальность 129, 273, 279, 126 — 131, 232, 177. Определение индивидуальности путем сравнения со средним читателем. Исследование ее, см. гл. VII. Средние коэффициенты 246. Пример исследования 235 — 236, 198. Еще см. приложения.

Индивид и коллектив, 116, 30, 36, 43, 45, 47, 48, 70, 98 — 102, 104, 108, 116, 118, 119, 189 — 192, 259, 260, 271 — 272. Библио-псих. исследование их 189 и след. 252, 126, 48 и гл. V и VII.

Индивидуализация и коллективизация 43, 48, 273, 133, 116 — 119, 126.

Индивидуальность в понимании слов, пример ее исследования 228 — 232.

Индивидуальные мнематические элементы языка 273.

Инстинкт 94 — 95, 179, 185 — 186.

Интегральное понимание жизни 105.

Интегральность человеческой личности 101, 54. Взгляд на нее как на человеческую дробь 160.

Интенсивность переживаний 214. См. еще Потенциал.

Интервербальная библио-псих. Определение термина 140, 143 — 155. Интервербальное мышление 143 — 160. Интервербальное чтение 174.

Интервербальное исследование текста-реактива 227 — 236.

Интервербальные переживания. Их исследование по библио-псих. методу 242 — 243. Еще см. Психоанализ.

Интерес, его библио-псих. определение 192.

Интересы читателей, их изучение 192, 131 — 132, 23.

Интерментальная психология (Интерпсихология) 48, 99.

Интерференция интервербальная 151 — 153, 157.

Интерференция литературных направлений 253 — 254.

Интимная сторона субъекта, ее изучение 115. Еще см. Психоанализ.

Интонация голоса 59, 67, 145, 161.

Интроспекция и ее значение 21—23, 24 — 25, 52, 198 — 199, 195, 114—115, 129. Контроль над нею 170.

Интуиция 147, 163.

Инфиксы 202.

Инфлексия 202.

Иррациональные элементы Я 54 — 56, 82, 212, 239. Их примат в процессе чтения 179 — 180, 151 — 152. Еще см. Инстинкт, Эмоция, Интерес. Подсознание.

Исследование библио-психологич. как единое и целостное 127, 247. Его кажущаяся сложность 189 и след., 199, 206 и след. Еще см. Упрощение и главу VIII.

Исследование читателя как естественная база для объективного изучения книг и литературы 248. Еще см. гл. VIII (245 — 270).

Исследование самого исследователя 112, 127. Еще см. Поправка на исследователя.

Исследование тупых субъектов 198—199.

Исследователь, его самоизучение как мерка сравнения 127 — 128, 112. Еще см. мерка сравнения. Поправка на исследователя.

История литературы III. Ее библио-псих. исследование 255. Ее превращение в объективное и точное знание см. гл. VIII.

Источники получения энграмм 92.

Каталог стенной, рекомендательный, позволяющий самому читателю выбирать книги наиболее подходящие к его псих. и соц. типу 133.
Катарзис или разряд 54, 68.
Категории 198, 207 — 208.
Кинэстетические ощущения 185. Еще см. Действия.
Классификация психических переживаний применительно к библио-псих. целям 189 — 205, 281. Четыре ступени ее, применительно к изучению разных субъектов 197—198: I. Основная (№ 1) 280. II. Элементарная (№ 2) 280. III. Сокращенная (№ 3) 282. IV. Детальная (№ 4) 283. Главнейшие восемь категорий псих. переживаний 182 — 187, 193 — 197. Разница этой классификации от общей психологической 195.
Классификация понятий или концептов 282 — 285; образов 282, 285; ощущений 282, 285; эмоций, чувств, страстей 282, 285 — 288; органических чувств 288; инстинктов 283, 288; хотений, стремлений, желаний, воли, 283, 289; действий (деятельности, активностей) 283, 289—291; оценок 291.
Классификация энграмм по их источникам 92 — 94.
Классификация слов 204, 182 — 185, 171 и след., 201 и след. Библио-псих. 201 — 205. Разница библио-псих. классификации от грамматической 182, 203—205. Классификация интервербальная 147.
Классификация книг, объективно изученных 251. По их действиям 252. Действие на данного исследователя 127 — 128.
Классификация читателей по их псих. и соц. типам, 241, 103. Принцип биб.-псих. классификации типов 248. Еще см. Читатель, его типы.
Классификация читателей путем их сравнения с исследователем 128.
Классовая психология: автора 262, 257 (объективная, библио-психологии.); читателя 117 — 118. Ее библио-псих. исследования 212—214, 253. Классовое подсознание 212. Классовой коэффициент читателя 118. Метод исследования классовой психологии 135 — 137.
Книга, определение этого термина 25, 90. Ее выражение биб.-псих. коэффициентами среднего читателя 168. Метод ее объективного исследования 248 — 252. Гл. VIII. Ступени объективного исследования книги 245 — 270, 139 — 141.
Книга, ее теория. Мы знаем книгу не как «вещь в себе», а как объект, обусловливающий энграммы и экфории в читателе. См. «Содержание книги». Еще гл. II и VII.
Книга — оптимум для среднего читателя разных социальных групп 246, 249, 252.
Книга — проекция, построенная читателем. Ее элементы: а) соответствующие реальности (первоначальные энграммы) см. Энграммы. б) несоответствующие реальности (энграммы мнематические) 72—84, гл. III. Метод исследования читательских проекций, см. гл. VII. Еще см. закон Гумбольдта. Энграмма. Экфория.
Книга — реактив на читателя индивидуального и массового 267, 237 — 240, 207, 139, 134, 205—207, 130—131, 20, 24. Реактив оптимум 246. На среднего читателя 246, 249, 252. На интернациональную мнему 254. Группа книг в качестве реактива на читателей 246.
Книга как реальность, объективно познаваемая, см. гл. VIII.
Книга - эталон 249.
Книжное дело, определение этого термина 25, 27 — 28, 29, 46, 108.
Книжное дело как объект библио-психологии 19 — 20, 25 — 41, 115—116. Еще см. гл. VIII.
Книжное дело, его биологическая база 53. Еще см. главу III — IV. Его база психологическая см. гл. I. Еще см. психический коррелят. Закон Гумбольдта, Тэна, Бодуэна, Геннекена, Семона.
Книжное дело как трудовой процесс 26, 28, 30, 31, 35, 39, 43. Как процесс творческий 31.
Коэффициенты библио-псих. 233. Определение этого термина 175.
Количественная и качественная стороны читателя, исследуемые по библио-псих. методу 176.
Коллектив (соц. класс и др. соц. группы) как базис для изучения и понимания индивидуального читателя. См. Соц. фактор. Индивидуализация и коллективизация. Индивид и коллектив. Исследование индивида как необходимое условие для понимания массового читателя. 245. Еще см. Средний читатель.
Коллектив и индивид 30, 36, 43, 45, 47, 48, 70, 98, 99, 100 — 102, 104,

108, 116, 118, 119, 189, 190 — 192, 260, 271 — 272, 273, 278, 259, 250. Еще см. Индивид. Эмоции коллектива и их влияния на читателя. Диаспора. Соц. фактор. Индивидуализация и коллективизация.
Коллектив читательский, его исследование по биб.-псих. методу 247, 168 — 169, 116, 135 — 136, 131, 190. Еще см. Массовой читатель. Средний читатель. Анкета, а также гл. VIII.
Коллективизация и индивидуализация. См. Индивидуализация.
Комбинирующий процесс 145.
Комплексы мнемы, их роль в процессе чтения 73 — 75, 277 — 278, 226, 192, 180, 181. Их антагонизм, борьба и вытеснения 83.
Констатирование своих переживаний 177 — 178. Еще см. Осознаваемости.
Контроль над интроспекцией 22, 170. См. еще Интроспекция, Проверка. Методология библио-психологии, гл. V.
Концепт. См. Понятие.
Корни слов 143.
Космический фактор в книжном деле 59 — 60. Космическое чувство 224. Еще см. гл. II — III.
Кривые библио-псих. Их определение 173 — 174, 175.
Критик, его психология 160. Критик и закон Геннекена 263. Критика характеризует самих критиков, а не тех, кого они критикуют 264. Субъективность критики 111. Еще см. Проекция. Закон Гумбольдта. Закон консонанса эмоций.
Крылатые слова 220.

Лаконизм 154.
Литература казенная 278, 209 (закон обратного усилия). Еще см. Дрессировка.
Литература письменная, ее переход в устную 258. Литература партийная и агитационная в СССР. Почему она мало читается 137.
Литературоведение как объективная наука 137, 255 — 256, 266. Его психология 161. Еще см. гл. VIII.
Личное уравнение автора 256; исследователя 112; читателя 205, 246, 168.
Личность, см. Индивид, индивидуальность.
Личность и мнема 102.
Логика, ее психология 161, 275.
Логика и эмоции 163.
Логистика (математическая логика), ее психология 275 — 277.
Логический анализ текста сравнительно с библио-псих. 182.
Ложь, ее психология 98. Борьба с ложью 278.
Ложь свидетельских показаний 124.
Лозунги, их психология. Еще см. Потенциал.
Любимые авторы 261, 262, 265, 267. Еще см. закон Геннекена.

Максимум, минимум, оптимум и пессимум читательских переживаний 246.
Массовой читатель и его биб.-псих. исследование 190, 122. Его характеристика библио-псих. коэффициентами среднего читателя 168. Методы его исследования, см. Анкеты. Средний читатель. Анкета. Еще см. гл. V, VII и VIII.
Материализм и библио-психология. Ее строго позитивная основа. См. гл. I, 20 — 25, гл. II, 50 — 54, гл. III, VII и VIII.
Международный Институт Библиологической Психологии. Его краткая история 14.
Мерка сравнения 128. Исследователь, объективно изучая самого себя, вырабатывает из себя мерку сравнения 112, 127 — 128.
Метафора 78.
Методология библио-психологическая. Ее основные принципы 112, 137—138. Научные методы, ею утилизируемые 121—126, 111—133, 258—259, 176, 112—119. Еще см. гл. V. Методы исследования индивидуальностей 122.
Метод библио-псих. специальный гл. VII. Пример его применения 167 и след., 181 — 243. Исследование индивидуальностей, гл. VII. Массовые наблюдения (статистические) 122. Анкеты 131 — 133, 266. Гл. VIII. Метод перечеркиваний 176, 197. Метод исследования состава соц. группы из разных процентов психических типов 136.
Методы библио-психологии, их кажущаяся сложность и неприменимость на практике. См. упрощение биб.-псих. методов.
Мимика и пантомимика 24, 27, 59, 93, 185, 220.
Мимолетные идеи и их значения 211.
Мнема, определение этого термина 71, 109. Мнема как биологический

фундамент книжного дела 71—72. Мнема — явление динамическое 108, 101 — 102. Ее состав 92 — 93. Мнема наследственная 94 — 97. Определение термина 93. Мнема социальная 97 — 99, 201 — 202. Определение термина 93. Сравнение с индивидуальной и наследственной мнемой 121. Индивидуальная мнема 100 — 101. Определение термина 93. Отношение социальной и индивидуальной мнемы 96. Мнема слепорожденных 89. Мнема коллектива 101. Национальная 228, 232, 202, 263. Злободневная 98. 107, 263. Роль эмоций в ней. Мнема и момент 106.

Мнема как совокупность энграмм, получаемых не только от внешних, но и от внутренних раздражений - возбуждений. См. гл. III, стр. 76.

Мнематические слова 272 — 274.

Мнематические явления. Определение этого термина 72. Их отодвигаемость или удаление от реальности 78.

Мнение критика как характеристика его самого 264. См. Проекция. Закон Гумбольдта.

Момент, его значение в библио-психологии 245, 225, 176, 207. Момент истории 248. Еще см. Закон Тэна.

Музыка и библио-психология 28, 98.

Мутации 70.

Мышление словами 78. Еще см. словесный тип. Вербализм.

Наблюдение как библио-псих. метод 122, 124.

Называние 79, 278, 160, 97.

Наклонность или склонность. Определение этого термина 193, 236—237.

Направления мысли и их библио-псих. исследования 253, 257. Литературы 165. Как реактив на читающую массу 253.

Наследственность физическая и психическая 96. 121. 255. Еще см. Наследственная мнема.

Национальный (этнический) фактор. Его сравнительное исследование по библио-псих. методу 135—136. Еще см. Национальная мнема.

Неискренность исследуемого читателя 181.

Непонимание обоюдное 39, 40, 41, 46, 69, 84, 86, 87, 88, 103, 120, 188. 194, 276, 274. Еще см. Понимание. Закон консонанса и диссонанса эмоций.

Образы, их переживания 176, 178. Их исследование 182. Их экфория 181. Ее исследование 235 — 236. Их значение в исследовании читателей подростков 198.

Обратное усилие 210. Еще см. закон Бодуэна.

Объекты библио-псих. изучения 26.

Объективирование субъективного 159. Еще см. Проекция.

Объективность понимания как цель библио-психологии 46. Объективность слов 80.

Объективное изучение читателя 168. Книги 168 — 169. Автора 169. Литературы и вообще книжного дела 294 и след. Еще см. гл. VIII.

Объем понятия библио-психологии 28 — 31.

Общее впечатление от прочитанной книги 164.

Одиночество 276. Еще см. Непонимание обоюдное. Понимание. Закон консонанса и диссонанса эмоций.

Ожидание, его роль в процессе чтения 151.

Описки, обмолвки и ослышки 35.

Опрос, роль внушения в нем 125.

Ораторство 277.

Ореол книги 26, 30.

Ориентировка исследователя пред лицом исследуемой толпы 131.

Осознавание и осознаваемость своих переживаний 177 — 178, 139, 211—212. Определение этого термина 195. Еще см. Констатирование. Предельное число осознаваемостей 200.

Отбор и подбор в области библио-псих. явлений 162. Отбор энграмм 74. Книг 249 — 256. Авторов 257 — 259. Еще см. Диаспора. Циркуляция.

Ответ на вопрос как реакция спрашиваемого 24.

Отношение читателя к деятельности, активности, движению. борьбе, деятельности 184 — 186, 178 — 180.

Отношения (категории) и их психология 201, 275, 277. Еще см. Слова отношения. Категории.

Отношения между словами фразы 143 — 155. См. еще Слова - отношения. Флексии. Суффиксы. Психология грамматики. Еще гл. VII.

Оценка переживаний 114, 203 — 204. Как определять степень их субъективности. Уклонения от среднего уровня. См. Поправка на исследователя. Еще гл. VII. Ореол. Ин-

терес. Иррациональные элементы. Закон консонанса. Подсознание. Эмоции и их влияние.
Оценка и борьба мотивов 263.
Ощущения и их экфория 183. Их исследования по библио-псих. методу. Их классификация 282, 285. См. Приложение.

Павлов, И. Акад. Его исследования 62 и след. 60, 68, 70, 95, 15, 21. Еще см. Рефлексы условные и естественные.
Память 195 — 196. Память вида (инстинкт) 94. Интервербальная 48. Еще см. Энграмма. Экфория. Мнема. Первичное и вторичное индифферентные состояния.
Парадоксы книжного дела 43 — 44.
Пасиграфия. Еще см. Логистика. Алгебра логики.
Первичное индифферентное состояние организма 72. См. еще Вторичное индиф. состояние.
Перевод чужой речи на язык собственной психологии (мнемы) 158.
Перевод иностранной речи с языка на язык и несовпадение психологий национальных 202, 254 — 255. Еще см. Национальная мнема.
Перевоплощение 99.
Передача своих переживаний другим 89, 90, 86. Еще см. Непонимание и Понимание обоюдное. Закон консонанса. Разговор. Интерментальная психология.
Переживание слова 22: три его ступени 203 — 204.
Переписка с читателями, индуктивный базис библио-психологии 267, 133.
Переход эмоциональных переживаний в интеллектуальные 159.
Перлюстрация писем и библио-психология 38.
Печатное, рукописное и устное слово и переходные формы между ними 25, 37, 46.
План библио-псих. исследований коллектива и индивида 115, 127. Гл. VIII, VII. Техника. Практика. Приложения №№ 1 — 4.
Поведение 26, 27, 41, 51, 65, 278. Работников книжного дела как объект книжного дела 27. Поведение обусловлено гл. обр. соц, а не наследственной мнемой 97.
Повторение 70, 77, 210.
Подлаживание к исследуемому читателю 88. К авторитетам 160, 208, 159, 165.
Подражательность, подражание 99. Литературное 263.
Подсознание, определение термина 55, 54 и след. Исследование его по библио-псих. методу 179 и след. — 181, 211, 172, 227, 204, 164. В процессе чтения 23 — 24, 149, 208 — 212.
Подсознательные целесообразности 210. См. еще Рефлексы, Автоматизм.
Подсчет психических переживаний не есть подсчет слов текста 177. Еще см. Статистика.
Подход человека к человеку и его значение в книжном деле 24, 30, 41, 43, 48, 105, 113 — 114, 117 — 121, 133. Индивидуализация, массовой подход и след. 190. Еще см. Закон консонанса. Индивидуализация и коллективизация. Индивид и коллектив. Понимание и непонимание.
Показатель личный 205, 182, 187, 205, 171 (на чертеже).
Поле читательского внимания 147.
Полемика, ее психология 120, 159 — 161.
Половой инстинкт 186. Его влияние на чтение 82.
Польский народ, его состав из разных психич. типов 136.
Понимание. Объяснение этого термина 195, 279.
Понимание слова 203. Книга как функция читательских эмоций. См. эмоции, их роль и значение. Зависимость понимания не только от эмоций, но и от др. факторов. См. Мнема гл. III. Гомофония. Комплекс.
Понимание обоюдное 84, 87—88, 87, 101, 120, 187 — 188, 213—214, 274. Степень его зависимости от сходства мнем и консонанса эмоций. Закон Гумбольдта, см. Закон консонанса. Непонимание обоюдное.
Понимание смысла слова 22, 203. Текста 195, 77, 250. Еще см. Смысл слова. Проекция. Комплекс. Тождественность понимания.
Понятие. (Концепт). Их переживание 204. Их исследование по библио-псих. методу 184. Еще см. Абстрагирование. Классификация понятий. См. № 4.
Поправка на исследователя, читателя, наблюдателя, слушателя 112, 121, 272, 251, 246 — 247, 240, 168, 187. На самого себя 129. На критика и на историка литературы 251.

Порог сознания 219. Еще см. Подсознание.
Порядок слов в фразе 144 — 145.
Постоянный и непостоянный элемент в восприятии слова 225 — 226.
Построение проекции или объективирование энграмм. См. Проекция объективирования. Закон Гумбольдта.
Потенциал слова библио-психологич. Определение термина 214, 162, 144, 172. Имя Ленина и Ромэн Роллана как слова высокого потенциала 132. Положительный, отрицательный, нулевой потенциал 218. Его повышение. Подсознательный потенциал 218 — 219. Логич. и грамматич. подлежащих 219. Классификация потенциалов 216—217. Потенциалы социального коллектива 119 — 220. Потенциал фразы и книги 219.
Практика специального библио-псих. метода. Ее кажущаяся сложность 43 — 47, 169 — 171. Практика классификации читательских переживаний по их качеству 201 и след. Еще см. Упрощение.
Предвзятость, ее психология, 159 — 161. Предвзятые идеи в процессе чтения 151, 179. Предвзятые чувства 159. Еще см. Аперцепция.
Предвидения в области библио-психологии 128. Как проверка обобщений 122. См. еще Проверка.
Предисловие к книге, его психология 160. Еще см. Аперцепция. Внушение. Самовнушение. Ореол.
Предел всякого действия книги 264. Еще см. гл. III. Мнема и ее состав из энграмм.
Предельное число осознаваемостей при анализе текста 200.
Предельный метод 225.
Пресса и закон Геннекена 263.
Префиксы 202.
Привычка 63, 69 — 70, 121. Индивидуальная и коллективная 70. В разговоре 19. Социальное происхождение привычек 97. Привычка и называние реальности разными словами 78. Привычка к называнию вещей 79. Еще см. Условный рефлекс. Дрессировка. Автоматизм. Внушение. Самовнушение.
Примат читателя над книгой и ее автором 33, 88, 91, 115.
Приспособление среды и приспособление к среде 36, 51 — 53.
Проверка в библио-психологических исследованиях 188, 147, 134, 191, 199, 159, 266. Проверка закона Геннекена 266. Экспериментация того же закона 268 — 270.
Программы исследования личностей 129, 281 — 291. Еще см. Приложения №№ 1 — 4.
Продолжительность звуков речи и ее влияние на читателей 68.
Производные и основные категории психических явлений в их классификации 196.
Производственный процесс. Производственные отношения как фактор библио-псих. явлений. Производительные силы 26 — 29, 28. Еще см. Трудовой процесс.
Пропаганда, ее теория 36 — 37, 43, 44.
Профессиональная ориентация и книжное дело 191—192, 27, 37, 39, 41, 198, 129.
Процесс чтения, исследование вербальных и суправербальных переживаний читателя в этом процессе и текстов как их возбудителей 138 — 166 (гл. VI).
Процесс чтения. Он всегда бывает вербальным, интер- и суправербальным одновременно. См. гл. VI.
Проекция чужого слова и книги 82 — 86 и след.; 85, 79, 84, 119, 278, 132, 124, 109, 149, 116, 272, 269, 237, 167 (Исследование этой проекции), 222. Проекция суправербальных переживаний 159 — 161. Еще см. Построение. Закон Гумбольдта.
Проекция книги, построяемая ее автором 137, 269 — 290 (Эксперимент, исследование).
Проекция чужого Я, построяемая его исследователем. Опасность такого построения 131. Еще см. Аперцепция. Предвзятость. Закон консонанса эмоций. Перевоплощение.
Психика, определение этого термина 20, 23.
Психический коррелят книжного дела 27, 72, 95, 143, 114, 161 — 163, рефлекса 58. Всякого метода исследования 125 — 126. Еще см. гл. I, гл. VIII.
Психоанализ библиологический 179, 180, 220 — 227, 246, 211, 233 и след. Его четыре главных ступени 240 — 242. Пример биб.-психоанализа 220 — 227.
Психология, ее определение 20 — 21. Поведение работников книжного дела как ее объект 27, 26.
Психология грамматики 162 — 163, 182 — 183. Фонетики 161 — 163.

Логики 182 — 183, 162 — 163. Теории словесности 163, реторики 164, 161, книги, см. Книга. Читателей, см. Читатель и типы его. Автора, см. автор, авторство. Разных языков 255.
Психология типографии. См. Типография.
Психология читательства как исходный пункт библ.-псих. исследования книжного дела 113.

Работник книжного дела. Определение этого термина 30, 279 — 280, 124. Каким он должен бы быть 123.
Рабство духовное 159. Еще см. Авторитет. Доктринерство. Догматизм. «Единственное истинное». Подлаживание.
Разговор 188. Его исследование 189, 258.
Раздражимость, определение этого термина. Раздражимость живого вещества как основа его реакций на среду 53 — 54. Как двойной процесс 72 — 73, 53.
Раздражитель первоначальный или оригинальный 72. Библио-психологический 53—54. Еще см. Энграмма. Слово и реальность.
Разряд см. Катарзис.
Раса (по Тэну) 104. Библио-псих. метод ее исследования 136.
Распределение авторов по направлениям мысли и областям знаний. Его объективное изучение 256 — 264.
Распространение библио-псих. ценностей 36 — 39.
Распространение книг с библио-псих. точки зрения 123, 278, 38 — 39, 253
Распространенность разных психических типов в разных диаспорах 253.
Растормаживание рефлексов 62.
Реакция как основная форма проявления жизни 51. Определение термина 51. Фазы реакции 57 — 58. Классификация 52. Реакции в библио-психологии 130, 171, 232.
Реальность и ее энграфирование в организме 75, 73 — 79. Еще см. Слово и реальность. Энграмма. Раздражитель.
Реторика, ее психология 164, 161.
Рефлекс, определение этого термина 58, 278. Рефлексы естественные как база условных 65, 69 — 70. Рефлексы условные или сочетанные 63 — 65, 67, 68. Рефлекс как творческий акт 70. Рефлекс в процессе чтения 179. Писания 69. В книжном деле 68.
Рецепты, сочиняемые для других, и их субъективность 111.
Рецепция библио-психологии 255, 264.
Речь как словесное поведение и сигнализация 66. Как система условных рефлексов 65. Устная и письменная 69. Происхождение ее из естественных рефлексов 66.
Рисунки и мнема 89.
Ругань, брань, обида, их психология 159, 160, 219. Еще см. Потенциал.
Русский народ. Его состав из разных психических типов 136.

Самовнушение 124, 99 — 100. Суправербальная 151. В процессе чтения 180. Еще см. закон Бодуэна.
Самовооружение 45, 278, 279.
Самоисследование читателя 21 — 24, 181, 187. Еще см. Мерка сравнения. Интроспекция. Контроль над нею.
Самообразование 45, 279. Еще см. Функциональная зависимость. Профессиональная ориентация.
Самоопределение как цель библио-психологии 47, 278 — 279.
Самоутешение работников книжного дела 124.
Сила книги. См. Влияние книги 279.
Симультанный комплекс энграмм 74.
Синтаксис, его психология 162.
Синтез интервербальных переживаний 154, 156. Еще см. Суправербальное восприятие текста.
Синтетическое понимание жизни 106, 42. Еще см. Интегральное понимание.
Синтетичность библио-психологии в отличие от эклектизма 41—43, 245, 241.
Синхроническое возбуждение 72, 73.
Скорость читательских переживаний в процессе чтения 150.
Слава авторов, ее объективное изучение 258 — 259.
Слова, их библио-псих. классификация 201 — 202. Ее отличие от грамматической и логической 182. Слова непонятные читателю 184. Слова сложные 142. Мнематические 194. Слова - отношения (алгебраического типа) 201 — 204. Определение этих терминов 273—274. Слова в контексте 150, 144, 143 — 155. Слова вне его 141 — 143. Еще см. гл. VI.

Словесное мышление или мышление словами 78, 208, 275. Еще см. гл. VI (Мышление словами: вербальное и интервербальное, мышление бессловесное — суправербальное).
Словесный тип 208, 159 — 161.
Слово в качестве реактива, взятое вне контекста 139 — 143.
Слово и реальность 40, 46, 69, 77 — 80, 89, 111, 125, 142, 98, 278, 194, 156, 158, 159, 160.
Слово есть рефлекс 65 — 67. Как он образуется 63. Восприятие слова 22, 33. Слово как комплекс психических переживаний 203. Пример: 212, 213, 221 — 226. Слово—аккорд (См.). Слово как причина рефлекса (раздражитель) 63, 67 — 70. Слово как возбудитель психических переживаний 62, 203. Три ступени этих переживаний слова 203—204. Слово как причина экфории 80 — 81. Слово — реактив на читателя. Пример 212. Еще см. Слово-реактив. Книга-реактив. См. еще Соц. фактор. Слово как энграмма социальная 97.
Слово — аккорд. Определение этого термина 171, 172, 187, 203, 221, 187. Примеры: 212—213, 221—226. Еще см. Комплекс.
Слово, его смысл 146, 203 — 204, 40, 66 — 67, 78, 123, 275 — 276, 177, 146 (Средний) 203. Слово-сигнал 66. Смысл слова как условный рефлекс 65 — 67. Еще см. Значение слова. Содержание слова и книги.
Слово печатное, рукописное и устное 37.
Слово и книга не передатчики, а возбудители психических переживаний 84 — 86.
Слово еще не есть орудие борьбы только за истину и справедливость, но его можно и должно сделать таковым 278.
Словотворчество 101.
Смысл слова. См. Слово, его смысл.
Содержание слова, речи и книги. Вложенное не тождественно с почерпаемым 16, 21, 30, 32, 37, 40, 83, 84, 85, 88, 90 — 91, 270, 272 и след., 278 — 279. Вложенное автором не доходит до читателя, а им творится, в зависимости от читательской мнемы, из ее элементов 226 — 227 (Пример, 203, 146, 123, 271, 250, 249, 279, 278, 271, 250). Еще см Книга, ее проекция. Закон Гумбольдта. Библио-псих. метод объективного исследования книги 249. Индивидуальность в переживаниях воспринятых слов 227.
Содержание книги с библио-псих. точки зрения 249. Библио-псих. коэффициенты, выражающие его 249 — 250.
Содержание книги как реальность 248 — 250. Оно вкладывается читателем в проекцию и имеет элементы реальности (Первоначальные энграммы читательской мнемы). Еще см. Первоначальные энграммы. Слово и реальность.
Создавание библио-психолог. ценностей 33 — 36 (а — ценностей психических 33 — 34; б — материальных 34 — 36).
Создавание библио-психол. ценностей как трудовой процесс. См. Трудовой процесс.
Сознание. Определение этого термина 20 — 21, 55. Исследование его по библио-псих. методу 169 — 180. Еще см. Осознаваемость.
Сознательность, ее исследование по классификации четвертой ступени 198. Сознательность и автоматизм 69 — 70. Еще см. Повторение чужих слов. Вербализм. Словесный тип. Слово и реальность.
Сознательные кадры 45—47, 69—70, 159 — 161.
Состав социального коллектива из разных психических типов 192, 118, 191, 262, 131, 126, 169, 135 — 137 (Метод).
Социальный коллектив, его исследование 189 — 192, 247, 135 — 137, 250. Еще см. Массовой читатель.
Социальный опыт человечества 97, 108.
Социальный фактор книжного дела, его примат 43. Социальный фактор, как основа читательства и писательства 19, 250, 190, 102, 100, 98, 97, 42, 43, 272, 276—277, 107, 250, 278. Влияние социального фактора на факторы биологический и психологический и обратно. См. гл. III (функциональная зависимость наследственной, социальной и индивидуальной мнемы). Влияние соц. фактора на понимание чужих слов 40. Соц. фактор как источник условных рефлексов 65. Влияние соц. фактора на мнему наследственную и индивидуальную 93. Еще см. Социальная мнема. Трудовой процесс. Производственные отношения. Индивидуализация и коллективизация. Индивидуальность.

Социальный характер библио-психологии 42 — 43. См. еще Социальный фактор. Индивид и коллектив. Индивидуализация и коллективизация.
Социальные цели библио-психологии 190. Еще см. гл. I.
Социальные типы читателей 192. Еще см. Классовая психология. Профессиональная ориентация. Читатель.
Социологическое исследование читателя 117 — 119. Социальная среда как источник условных рефлексов 66 — 67. Ее влияние на библио-псих. явления 43, 117. Еще см. Социальный фактор. Трудовой процесс. Производственные отношения. Социальная мнема.
Софистика внутренняя 158 — 61. Еще см. Логика.
Союзы, предлоги и др. части речи. Их психология 204.
Спряжения и склонения, их психология 162. Еще см. Грамматика.
Сравнение автора с его критиками и др. читателями (Объективное, библио-психол.) 256, 266 — 270. Еще см. Критик.
Сравнительная социальная психология на базисе биб.-псих. метода 252 — 253.
Сравнительная психология различных социальных групп 253, 135 и след.
Сравнительное изучение разных читателей путем сопоставления их биб.-псих. коэффициентов 208 — 209. (Пример 227 — 240.)
Сравнительное изучение авторов 256, 257. Читателей разных типов 129, 252, 226, 227, 233, 175, 234 — 242, 240. Сравнение их б.-псих. коэффициентов 240. Сравнительное изучение книг 227, 228 — 233.
Среда (по Тэну) 105. Среда и организм 51 — 52, 53, 59, 24. Ее влияние на мнему 105, 51. Среда обусловливает сходство энграмм 84. Еще см. Энграмма. Рефлекс. Раздражение. Соц. фактор.
Среднее действие книги 250 — 251, 240.
Средний смысл слова 146.
Средний уровень читательства 116.
Средние величины, их определение по библио-псих. методу 176.
Средние коэффициенты, определение этого термина 248. Средние коэффициенты книги 249. Индивидуальности 246.
Средний читатель, его определение 248, 190, 192, 247.
Средний читатель есть средний уровень читательства в данном социальном коллективе в данный момент 168. Средний читатель в разные моменты истории 248. Средний читатель, выраженный библио-псих. коэффициентами, характеризует книгу 248. Коэффициенты среднего читателя равны коэффициентам книги 248.
Стадность, стадный инстинкт 45, 186, 159 — 161. Еще см. Авторитет. Сознательные кадры. Сознательность.
Социология библиологическая 50.
Статистика, ее теория на службе у библио-психологии 126 — 127, 122, 264, 178, 170, 206. Ее психология 161. Статистика читательских переживаний (экфорий) 177. Определение такой статистики 177. Статистика читательских осознаваемостей 178. Реакций 173, 16. Еще см. гл. VII.
Статистический метод 125, 122. Еще см. гл. V и VII.
Стиль, его психология 165. Его бесцветность. Еще см. Теория словесности.
Стремления и др. волевые явления в процессе чтения 179 — 180. Их библио-психол. исследование 184. Еще см. иррациональный элемент.
Субъективность исследования и исследователя 21, 23, 111. Библио-псих. борьба с нею 168 — 170, гл. V, VII, VIII. Субъективность понимания 46. Еще см. Проекция.
Суждения 196, 111. Еще см. Психология логики.
Суперрефлексы 64.
Суправербальная библио-психология. Определение этого термина 140, 155 — 159, 276. Ее отделы 161.
Суправербальные переживания 159 — 161. Их исследования по библио-псих. методу 242 — 243.
Суффиксы 202.
Сходство мнем 84. Нивеллирующее влияние социальной среды. См. Соц. мнема. Соц. фактор.

Творчество, его суть 70. Его роль 119, 70. Творчество психических ценностей 33 — 34. Материальных 34. Как уклонение от шаблона 70. Творчество и рефлекс 60, 70. Авторское 261. Еще см. Авторство. Читательское в процессе чтения 165, 67, 82, 253, 87.

Теория словесности, ее психология 161.
Терминология библио-психологическая. Ее значение 102. Ее термины: мнема, 72 — 75, 109. Первичное индифферентное состояние 72. Тоже, вторичное 73. Энграмма 73 — 75. Экфория 73, 75, 115. Первоначальная, или оригинальная энграмма 74, 76, 78, 79. Мнематическая энграмма 76, 78. Гомофония 76—77. Синхроническая фаза 72—73. Аколутная фаза 73. Комплекс 83.
Термины, их абстрактность 197. Термины старой психологии 195—197.
Техника библио-психол. исследования 199. Пример 220 и след. Еще см. гл. V и VII.
Тип, определение этого термина 174—176, 192 — 193, 241. Психический тип читателя, определение этого термина 234. Типы читателей, книг и авторов могут быть исследуемы по одним и тем же программам 174. Пример 227 — 241.
Тип читателя характеризуется библио-психол. коэффициентами 234. Его влияние на понимание книги и на оценки ее. См. функциональную зависимость.
Типография, ее психология (набора, печатания, корректуры и т. д.) 35.
Типологический метод статистического исследования 206. Еще см. Выборочный метод.
Типы читателей, их изучение 186, 187 и гл. VII и VIII.
Типы читателей разные. См. Читатель.
Титулы 142.
То, что кажется, и то, что есть 67—68, 159, 272. Еще см. Проекция. Слово и реальность. Иллюзия.
Тождественность понимания одного и того же слова разными субъектами 22, 222, 198, 193, 187. Еще см. Сходство мнем. Соц. фактор.
Тон голоса, как источник внушений 159. Еще см. Интонация.
Торможение рефлексов 62.
Траектория библио-псих. ценностей 29, 39.
Тропы, их психология 164 — 165.
Трудовой процесс 26, 28, 30, 31, 35, 39, 43.
Тэйлоризм 45. Интеллектуальный (биб.-псих.) тэйлоризм 45. Еще см. Экономизация времени и сил.

Удаление понимания от реальности 78, 159 — 161. Еще см. Слово и реальность. Мнематические явления.
Узнавание 78, 79. Еще см. Гомофония. Узнавание интервербальное 147. Еще см. Понимание.
Уклон отдельного литературного произведения от средней нормы как характеристика этого произведения 251.
Умозаключение 196.
Упрощение биб.-псих. метода 193, 197 — 198, 199, 206 — 207. Еще см. Приложение №№ 1 — 3.
Усвоение чужого устного слова 39, 40.
Устная речь, ее исследование 189.
Устойчивость осознаваемостей 238, читательских типов 238.
Утилизация библио-псих. ценностей 39 — 41. Как трудовой процесс. См. Трудовой процесс.

Фазы раздражения - возбуждения 72. Синхроническая 72 — 73. Аколутная 73.
Фазы реакции 57 — 58.
Фактор социальный. См. Социальный фактор.
Факторы антропологические (пол, возраст, раса) 94. Еще см. Половой инстинкт. Раса.
Факторы (главнейшие) книжного дела: читатель, книга, писатель, среда 32. Еще см. функциональная зависимость.
Фигуры речи, их психология 165.
Флексии, их психология 162, 202.
Фонетика и психология 161.
Форманты 202.
Формулы библио-психол. 274, 245, 250; читателя 186 (Идея формулы); книг 168, 248, 239, 250; автора этой книги 17, 256.
Формулы читателей, книг и авторов, базируемые на одном и том же принципе 250 — 251.
Формулировка вопросов, ее влияние 209.
Формы речи: печатной, рукописной, устной 25 — 26, 36, 37, 46.
Фраза как единица речи 139, 143 и след. 154. Состав фразы из слов и букв 146.
Фразы длинные и короткие, число слов в фразе 145, 154, 162.
Функциональная зависимость между главными факторами книжного дела 20, 90, 259, 169. Между читателем и книгой 127 — 128, 134, 223, 227 — 240, 239, 249 — 250. Между читателем и автором 259 и след.

Еще см. закон Геннекена. Между отдельными словами фразы 147. Между текстом и реакцией на него 179. В процессе чтения 220.

Характерология, или этология, и ее создавание при помощи библио-псих. метода 241.

Цензор, его психология 160.
Ценность библио-психол. 33, 42. Определение этого термина 32. Циркуляция книг 36 — 39, 169. Библио-психол. исследование ее 252. Циркуляция книг как трудовой процесс. См. гл. I, 36 — 39.

Человечество как единая семья и его библио-псих. исследование 254.
Число слов в фразе 144.
Читаемость и ее исследования 131, 170, 252, 254, 264.
Читатель, его определение 90, 40. Его примат 88, 91, 33. Его изучение 177. Еще см. гл. V, VII, VIII.
Читатель как отправной пункт библио-псих. исследования 33.
Читатель как мерка сравнения других читателей 128, 181.
Читатель, библио-психологически изученный, как реактив на книгу 127 — 128. Еще см. мерка сравнения. Самоизучение.
Читатели. Сравнительное изучение их по библио-психол. методу 174, 248, гл. V, VII, VIII. Библио-психол. классификация читателей и ее принцип 194, 135 — 136. Типы читателей 234, 248, 207, 174. Конкретный 267, 105, 224, 198. Абстрактный 212, 105. Дедуктивный и реактив на него 267, 275. Индуктивный и реактив на него 267, 275. Моторный 185. Активный 238. Кинэстетический 185. Эмоциональный 267. Интра- и экстра-вертивный 228. Интеллигентный 212. Малокультурный 212, 197. Тупые, методы исследования читателей гл. V, VII, VIII. Читатель подросток 197. Словесный тип 208, 159—161. Гносеологические типы 191. Смешанные 228. Читатель массовой. См. Массовой читатель. Индивидуальный сравнительно с массовым 116.
Читательство. Определение термина 32, 115 — 116, 276, 90, 189, 195. Библио-псих. исследование его 245 — 248, гл. V, VII, VIII. Оно требует исследования не всех его энграмм, а лишь исследования осознаваемостей его в процессе чтения 177 и след. гл. VII.
Чтение, его значение 23, 39, 40. Его влияние 44.
Чтение, его процесс 23, 32, 40, 43, 52, 54, 60, 61, 75, 77, 82 — 83, 90, 146, 148, 149, 153 — 154, 157, 165, 175, 205, 206, 151 — 152. Еще см. гл. VI, VII.
Чтение как процесс творческий 88, 156, 145.
Чтение романов, процесс их переживаний 221; стихотворений 182—87; философских книг 222.
Чтение, разные способы его 141. Чтение только глазами 149 — 150.

Эволюция духовной культуры человечества. Его объективное изучение 257 — 258.
Экзамен и его психология 125.
Эклектизм и библио-психология. См. Основная объединяющая идея библио-психологии: Закон Гумбольдта. Индукция не есть эклектизм. См. Библио-психология как наука индуктивная. Основная идея этой книги 16.
Экономизация сил и времени как цель практической библио-психологии 45, 272, 279, 103.
Экономический фактор 20. Еще см. Производственные отношения. Трудовой процесс. Социальный фактор. Профессиональная ориентация.
Эксперимент в библио-психологии (гл. V). Естественный 122. Лабораторный 122. Техника библио-психол. эксперимента 199—201, 203—206. Еще см. Вопросник. Анкета. Приложение №№ 1 — 4. Число слов текста-реактива, достаточное для эксперимента 205.
Экстроспективные (объективные) наблюдения как база библио-психол. исследований 22—24, 225, гл. I—II.
Экфория, определение термина 73, 109, 191, 207, 275, 282. Всякая экфория есть реакция 115. Экфория понятий 184, ощущений 183, образов 171, 178, 181 — 182, иррациональных элементов вообще 183, эмоций 210, 182 — 183, органических чувств 183, инстинктов 185—186, волевых переживаний 184, движений и действий 184—185. Классификация экфорий 280 — 291.
Экфория энграмм из разных комплексов мнемы 201, 277 — 278.

10 000